
UC-NRLF
B 3 818 248



ДЕКАБРЬ. № 12.

Русскія Записки

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 12.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Акц. Общ. „СЛОВО", ул. Жуковскаго, № 21—23, соб. д.
1916.

Въ 1916 г. (январь-ноябрь) въ журналѣ

„РУССКІЯ ЗАПИСКИ"

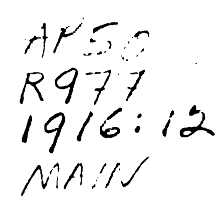
I. ВЕЛИСЬ СЛѢДУЮЩІЕ ОТДѢЛЫ:

Внутренняя лѣтопись—**А. Б. Петрищевымъ**, *Иностранная лѣтопись*—**Н. С. Русановымъ**, *На очередныя темы*—**А. В. Пѣшехоновымъ**, *Наброски современности*—**В. А. Мякотинымъ**, *Случайныя замѣтки*—**Вл. Г. Короленко**, *Письма изъ Англіи*—**Діонео**, *Библіографія*—многими сотрудниками.

II. БЫЛИ НАПЕЧАТАНЫ, КРОМѢ ТОГО, СЛѢДУЮЩІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:

Батракъ. Соціализмъ и война.
Богдановичъ, Т. Срединная Европа.
Бровцына, Е. В. Амазонка (романъ).
Воскресенскій. Степные силуэты.
Гумилевскій, Л. Калѣки.
Гуревичъ, Г. А. Великая научная революція (принципъ относительности).
Дамская, С. Весною.
Дерманъ, А. О Максимѣ Горькомъ.—И. С. Шмелевъ.—Косы.
Діонео. Вильямъ Шекспиръ. — Мигаэль Сервантесъ.
Евгеньевъ, В. Г. З. Елисеевъ.
Елпатьевскій. О томъ, что будетъ.
Емельянченко, И. Конецъ карьеры Бубнѣева.
Ивановская, П. Идиллія.
Иванчинъ-Писаревъ, А. И. Изъ воспоминаній о П. Н. Дурново.
Карасковичъ-Ющенко, С. Изъ запасныхъ.
Карѣевъ, Н. Коммунистическая петиція Жана Ру и секціи Гровилье.—Былъ ли гуманизмъ въ Англіи XIV в.?—Американская книга о русской соціологіи.—Общій „религіозный фондъ" и индивидуализація религіи.
Кауфманъ, А. Дороговизна жизни и учащаяся молодежь.—Памяти В. И. Семевскаго.
Киселевъ, Н. Капли въ морѣ.
Кондурушкинъ, С. За звѣрями.
Короленко, В. Старыя традиціи и новый органъ.
Кулишеръ, I. Подоходный налогъ на Западѣ и у насъ.
Крюковъ, Ѳ. Первые выборы.—Въ углу.—Группа Б.
Лазаревъ, Е. Съ того свѣта.
Лозина-Лозинскій, А. Меланхолія.
Локкъ, Уильямъ Дж. У вратъ Самаріи (романъ).
Майскій, В. Германія и Ближній Востокъ.—Средняя Европа.—Война и германскіе финансы. Германскій соціалъ-имперіализмъ.
Матвѣевъ, С. Въ сугробахъ.—Дядя Яковъ и Яша.—Дороже всего.
Миронъ, Б. Исповѣдь.
Михайловичъ, В. Граждане второго разряда.
Мякотинъ, В. Очерки соціальной исторіи Малороссіи.—Испорченная книга.—Новая книга по національному вопросу.—Памяти А. И. Иванчинъ-Писарева.—Памяти В. И. Семевскаго.
Олигеръ Николай. Собачья жизнь.
Огановскій, Н. Аграрныя перспективы въ связи съ войной.
Письменная, В. Азія.
Пономаревъ, К. Странички изъ жизни печати.
Подъячевъ, С. На спокоѣ.
Прибылева, А. П. Отрывки изъ воспоминаній.
Пѣшехоновъ, А. Адвокатъ землеустройства. Съ больной головы на здоровую.—Бумажный кризисъ и журналы.
Русановъ, Н. С. Памяти М. М. Ковалевскаго.—Памяти В. И. Семевскаго.
Рѣдько, А. Е. Откровенія о жизни и театрѣ.
Семевскій, В. И. Слѣдствіе и судъ по дѣлу петрашевцевъ.
Сталинскій, Е. Литература и война.—Буржуазія и трудовая демократія Франціи во время войны.—Война и французскій соціализмъ.
Тасинъ, Н. Походъ на эмигрантовъ.
Треневъ, К. Заблудились.
Уэльсъ, Г. Жена сэра Айзэкса Хармана (романъ).
Фидлеръ, Т. Молодое.
Чекинъ, А. Субъективная оцѣнка въ политической экономіи.
Черновъ, В. На теоретическомъ перепутьи. Марксизмъ и славянство.
Шрейдеръ, Гр. Мобилизація промышленности и классовая борьба.
Юшкевичъ, П. О міровоззрѣніи Г. В. Лейбница.
Стихотворенія **П. Радимова, З. Тулубъ, Г. Вяткина, Е. Федоровой, Леонида Б., Д. Якубовича.**

Условія подписки см. на IV стран. обложки.



СОДЕРЖАНІЕ.

ВЪ РОДНОМЪ КРАЮ

Аннѣ Васильевнѣ Романовой.

I.

Горничная уже три раза подходила съ письмомъ къ двери кабинета и не рѣшалась войти.

Не допускалось никакихъ перерывовъ въ занятіяхъ и не позволялось никому входить въ кабинетъ въ неурочное время. Дѣвушка, пригнувшись, посмотрѣла въ замочную скважину; профессоръ сидѣлъ у письменнаго стола все въ той же позѣ, что и четыре часа назадъ.

Виденъ былъ строгій, сухой, какъ у англичанина, профиль, шнурокъ пенснэ, качающійся при движеніи, и строгій воротничокъ, неумолимо подпиравшій шею даже въ свободной домашней тужуркѣ. Профессоръ былъ неизмѣнно точенъ и строгъ, когда дѣло касалось его распредѣленія времени. Свободнаго времени у него было только: обѣдъ и часъ прогулки послѣ обѣда. И только въ это время можно было обращаться къ нему.

Часы въ столовой пробили шесть—время обѣда, и дѣвушка вошла.

— Баринъ, вамъ письмо,—сказала она, подавая профессору конвертъ.

Профессоръ снялъ пенснэ съ уставшихъ глазъ и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на тонкій дешевый конвертъ. На одномъ углу его даже былъ слѣдъ сальнаго пальца.

— Подавайте обѣдъ, — сказалъ профессоръ и, надѣвъ опять пенснэ, все съ тѣмъ же недоумѣніемъ прочелъ адресъ.

Написанъ онъ былъ съ наивной провинціальной торжественностью: „Господину Профессору Императорскаго Университета Андрею Христофоровичу Вышнеградскому".

Андрей Христофоровичъ развернулъ письмо; оно было отъ брата Авенира, котораго онъ не видѣлъ уже лѣтъ пятнадцать.

Ссылаясь на то, что теперь, въ военное время, на заграничные курорты все равно проѣхать нельзя, онъ просилъ Андрея Христофоровича пріѣхать погостить хоть одно лѣто у нихъ.

„Давно тебѣ пора, Андрей, заглянуть въ родныя мѣста, а то грѣхъ будетъ,—родину свою забылъ совсѣмъ. Брось, братъ, эти Европы",—писалъ Авениръ, по своему обыкновенію относясь почему-то отрицательно къ Европамъ. „Заѣзжай сначала къ Николаю,—онъ ближе къ Москвѣ,—а тамъ извѣстите меня, я за тобой прискачу".

Андрей Христофоровичъ не выбралъ еще, куда ѣхать на лѣто отдохнуть и подкрѣпить нервы для зимней работы, и мысль поѣхать въ деревню къ братьямъ, на родину, умилила его. Вдругъ живо вспомнилось дѣтство, ихъ деревенскій домикъ на поповскомъ выгонѣ передъ церковью, стайки стрижей, летающихъ около колокольни, тихій деревенскій вечеръ, низкая оградка палисадника, за которой росъ сиреневый кустъ... И подумалъ, какъ онъ далекъ теперь отъ той жизни, какъ мало похожа на нее его теперешняя жизнь.

Но онъ не чувствовалъ ничего, кромѣ благодарности къ судьбѣ, за эту свою жизнь въ столицѣ, которая дала ему то, что онъ больше всего цѣнилъ: дисциплину ума и воли, энергію и способность къ упорной методической работѣ. Здѣсь онъ привыкъ жить такъ, чтобы ни одна минута его жизни не проходила даромъ. Онъ любилъ столицу, видѣлъ въ ней символъ культуры и движенія. Благодаря ей, онъ былъ здоровъ; не смотря на пятьдесятъ лѣтъ, у него не было сѣдыхъ волосъ, спина еще не начала горбиться и всѣ зубы, аккуратно запломбированные, были здоровы и крѣпки

Андрей Христофоровичъ пошелъ въ столовую, съѣлъ сваренныхъ протертыхъ овощей и кусокъ прожареннаго мяса; въ этомъ заключался весь его обѣдъ. Такъ какъ вся жизнь его была заполнена непрерывной работой, а для работы требовалось здоровье, то все у него было на учетѣ— моціонъ, питаніе, отдыхъ. И организмъ работалъ безъ пропусковъ, какъ хорошо вычищенная машина.

При мысли о деревнѣ останавливало только соображеніе о томъ, что онъ нарушитъ весь свой режимъ. Онъ надѣлъ пальто, черную шляпу съ широкими полями, взялъ свою палку съ серебрянымъ набалдашникомъ и вышелъ на улицу, чтобы на свободѣ рѣшить, куда ѣхать на лѣто: въ Финляндію, куда его звали знакомые, или къ братьямъ въ деревню.

Онъ прошелъ на Тверской бульваръ, дошелъ до Никитскихъ воротъ, оттуда повернулъ къ университету.

Уличная жизнь на первый взглядъ была все та же: тѣ же стоящіе на углахъ извозчики, ѣдущіе непрерывно экипажи, оглушительно звенящіе трамваи, разносчики въ фартукахъ, съ лотками на головѣ. Но во всемъ чувствовалась какая-то новая спѣшка, новое напряженіе. И Андрею Христофоровичу пріятно было видѣть эту удвоенную энергію жизни, которую онъ цѣнилъ больше всего.

Казалось, что теперь нигдѣ не было уже прежней русской медлительности и разгильдяйства. А огромные, невиданные дотолѣ автомобили, проѣзжавшіе вереницей по улицѣ, вселяли какое-то чувство гордости и надежды. Казалось, что теперь все ожило, проснулось, поднялось и что съ этого момента начнется новая жизнь.

Андрею Христофоровичу уже совсѣмъ опредѣленно захотѣлось въ деревню. У него было такое чувство, какъ будто ему нужно было скорѣе привезти туда какую-то радостную вѣсть.

Зайдя на телеграфъ, онъ послалъ брату Николаю телеграмму и на другой день выѣхалъ въ деревню.

II.

Напряженную жизнь Москвы смѣнили просторъ и тишина полей.

Андрей Христофоровичъ смотрѣлъ въ окно вагона и слѣдилъ, какъ вздувались и опадали бѣгущіе мимо распаханные холмы, проносились чинимые мосты съ разбросанными подъ откосъ шпалами. Не было даже обычнаго мельканія предметовъ: среди безконечнаго простора они не мелькали, а медленно отплывали налѣво.

Время точно остановилось, затерялось и заснуло въ этихъ ровныхъ поляхъ. Поѣзда стояли на каждомъ полустанкѣ безконечно долго,—зачѣмъ, почему,—никто не зналъ. И когда говорили, что поѣздъ пойдетъ черезъ часъ, онъ неожиданно трогался черезъ пять минутъ. А когда спѣшившій куда-то кондукторъ на бѣгу говорилъ, что сейчасъ трогаемся, поѣздъ простаивалъ безконечно долгое время. Паровозъ точно потухалъ и засыпалъ.

— Что такъ долго стоимъ?—спросилъ одинъ разъ Андрей Христофоровичъ,—ждемъ что ли кого?

— Нѣтъ, никого не ждемъ,—сказалъ важный оберъ-кондукторъ и прибавилъ, глядя въ окно:—намъ ждать некого.

На пересадкахъ сидѣли цѣлыми часами и никто не зналъ,

когда придетъ поѣздъ. Одинъ разъ пришелъ какой-то человѣкъ, написалъ мѣломъ на черной доскѣ: поѣздъ № 8 опаздываетъ на 1 часъ 30 минутъ, и ушелъ. Всѣ подходили и читали. Но прошло цѣлыхъ пять часовъ, а поѣзда никакого не было. Когда кто-нибудь поднимался и шелъ съ чемоданами къ двери, тогда вдругъ вскакивали и всѣ, наперебой бросались къ двери, давили другъ друга, лѣзли по головамъ.

— Идетъ, идетъ!..

— Да куда вы съ узломъ-то на человѣка прете!

— Поѣздъ идетъ.

— Ничего не идетъ, одинъ поднялся, всѣ и шарахнулись.

Послѣ ложной тревоги, постоявъ на платформѣ часъ-другой, всѣ нерѣшительно расходились, потомъ спѣшили въ залъ, чтобы захватить мѣста, и опять погибали въ дверяхъ, обвиняя во всемъ заднихъ, которые напираютъ безъ толку.

А когда Андрей Христофоровичъ пріѣхалъ на станцію, оказалось, что лошадей не выслали.

— Что же я теперь буду дѣлать?—сказалъ Андрей Христофоровичъ носильщику. Ему стало досадно и обидно: онъ не видѣлъ братьевъ лѣтъ 15 и такъ хотѣлось доѣхать поскорѣе, безъ всякихъ помѣхъ.

Но Николай остался вѣренъ себѣ: или опоздалъ съ лошадьми, или перепуталъ числа.

— Да вы не безпокойтесь,—сказалъ носильщикъ, юркій мужичокъ съ бляхой на фартукѣ,—на постояломъ дворѣ у насъ какихъ вамъ угодно лошадей предоставятъ. У насъ на этотъ счетъ... Одно слово!..

— Ну, ведите на постоялый, только не пачкайте такъ вещи, пожалуйста, всѣ чехлы у васъ въ грязи.

— Будьте спокойны...—Мужичокъ махнулъ рукой по чехламъ, перекинулъ чемоданы на спину и исчезъ въ темнотѣ за дверями вокзала. Только слышался его голосъ гдѣ-то впереди:

— По стѣночкѣ, по стѣночкѣ, господинъ, пробирайтесь, а то тутъ сбоку лужа, а направо колодезь.

Андрей Христофоровичъ какъ сталъ, такъ, съ перваго же шага и покатился куда-то.

— Не угадали,—сказалъ мужичокъ.—Правда, что маленько грязновато, да у насъ скоро сохнетъ. Живемъ мы тутъ хорошо, тутъ прямо тебѣ площадь широкая, налѣво—церковь, направо—попы.

— Да гдѣ вы? Куда здѣсь идти?

— На меня потрафляйте, на меня, а то тутъ сейчасъ ямы извезочныя пойдутъ. На прошлой недѣлѣ землемѣръ одинъ чубурахнулся кверху тормашками,—насилу вытащили.

Андрей Христофоровичъ шелъ, ожидая каждую минуту, что съ нимъ будетъ то же, что съ инженеромъ.

А мужичокъ все говорилъ и говорилъ безъ конца:

— Площадь у насъ хорошая. И номера хорошіе, Селезневскіе. И народъ хорошій, помнящій.

И все у него было хорошее—и жизнь, и народъ.

Андрею Христофоровичу, у котораго разболѣлась голова и звенѣло въ ушахъ, казалось, что они идутъ по безконечному вспаханному полю и надъ ухомъ у него, не переставая, звонитъ какой-то колоколъ.

Временами передъ глазами вдругъ вырисовывался и пугалъ неожиданнымъ появленіемъ темный силуэтъ дерева. Или кусты онъ принималъ за дальнія деревья и неожиданно натыкался на нихъ, едва успѣвъ выставить впередъ руки.

— Надо, видно, стучать,—сказалъ мужичокъ, остановившись у какой-то стѣны; онъ свалилъ чемоданы прямо на землю и сталъ стучать кирпичомъ въ калитку.

— Тише! вы ихъ такъ перепугаете,—сказалъ Андрей Христофоровичъ.

— Не безпокойтесь. Инымъ манеромъ ихъ и не разбудишь. Народъ крѣпкій. Что вы тамъ, ай очумѣли всѣ!—сказалъ онъ уже другимъ тономъ кому-то въ калитку.—Лошади есть? Господину до Кузьминокъ нужно.

— Есть.

— То-то,—есть! Переснете всегда такъ, что руки всѣ обколотишь!

— Пожалуйте наверхъ,—сказалъ Андрею Христофоровичу появившійся въ калиткѣ силуэтъ, не обращая никакого вниманія на слова маленькаго мужичка.

Андрей Христофоровичъ хотѣлъ было взойти наверхъ по узенькой необычайно крутой лѣстницѣ, но остановился отъ удушливаго нагрѣтаго жилого запаха, пахнувшаго изъ отворенной наверху двери, въ которую кто-то свѣтилъ поднятой лампой.

— Нѣтъ, я лучше подожду здѣсь, не безпокойтесь.

— Ну, мы сейчасъ,—и шустраго маленькаго мужичка смѣнилъ высокій, молчаливый и медлительный.

— Вы мнѣ приготовьте мѣсто въ экипажѣ, я сяду, а вы закладывайте и поѣзжайте.

— Это можно.

— А дорога хорошая?

— Дорога одно слово—лубъ.

— Что?

— Лубъ... лубокъ то есть. Гладкая очень. Наши мѣста хорошія.

Андрей Христофоровичъ, найдя рукой желѣзную под-

ножку, сѣлъ въ огромный рыдванъ, стоявшій въ сараѣ подъ навѣсомъ. Отъ него пахло пыльнымъ войлокомъ и какой-то кислотой. Андрей Христофоровичъ вытянулъ на постеленномъ сѣнѣ ноги, и, привалившись головой, сталъ дремать. Изрѣдка лицо его обвѣвалъ прохладный ночной вѣтерокъ, заходившій сверху въ щель прикрытыхъ воротъ. Вкусно пахло дегтемъ, постеленнымъ сѣномъ и лошадьми.

Сквозь пріятную дремоту онъ слышалъ, какъ возился мужикъ съ привязкой багажа, продергивалъ какую-то веревку сзади экипажа.

Потомъ, сказавши: „Ахъ, ты, мать честная“,—что-то чинилъ. Иногда убѣгалъ за чѣмъ-то въ избу и тогда наступала тишина, отъ которой ноги пріятно гудѣли, точно при остановкѣ во время ѣзды на саняхъ въ мятель. Только изрѣдка фыркали и переступали по соломѣ ногами лошади, жевавшія подъ навѣсомъ овесъ.

Черезъ полъ-часа Андрей Христофоровичъ въ испугѣ проснулся съ ощущеніемъ, что онъ виситъ надъ пропастью, и схватился руками за края рыдвана.

— Куда ты! Держи лошадей, сумасшедшій! — крикнулъ онъ въ испугѣ.

— Будьте спокойны, не бросимъ, — отвѣтилъ откуда-то сзади спокойный голосъ,—сейчасъ другой подопру.

Оказалось, что они не висѣли надъ пропастью, а стояли еще на дворѣ и возница только собирался мазать колеса, приподнявъ одинъ бокъ экипажа.

Потомъ рыдванъ рвануло впередъ, копыта лошадей застучали по бревенчатому помосту, и они выѣхали на мягкую землю площади. Лошади взяли круто направо и шибкой рысью покатили вдоль частокола. Собиралась гроза. Впереди вспыхнула, пробѣжавъ змѣей по горизонту, молнія и освѣтила невидную до того тучу съ зловѣщимъ сѣдымъ валомъ впереди. Лошади захрапѣли и побѣжали быстрѣе на встрѣчу тучѣ. Кучеръ стащилъ съ головы шапку и лѣниво перекрестился.

„Все тотъ-же единственный способъ защиты отъ всѣхъ стихій“,—подумалъ Андрей Христофоровичъ, посмотрѣвъ на мужика.

Сонъ у него прошелъ при видѣ медленно подвигающейся тучи,—какъ въ дѣтствѣ хотѣлось смотрѣть на нее, не отрываясь. Какой свѣжій воздухъ, какой просторъ, только бы не эти постоялые дворы, — подумалъ Андрей Христофоровичъ, вдыхая пахнущій дождемъ воздухъ. На поднятый верхъ рыдвана, какъ на натянутую кожу барабана, упала первая капля крупнаго дождя, потомъ на кожаный фартукъ — дру-

гая. Ослѣпивъ глаза, близко сверкнула молнія и надъ головой прокатился глухой, все усиливающійся сердитый гулъ.

Начался дождь—прямой, крупный и теплый. И вся окрестность наполнилась равномѣрнымъ шумомъ падающаго дождя. Возница молча полѣзъ подъ сидѣнье, досталъ оттуда какую-то рваную дрянь, накрылся ею, какъ священникъ ризой, и продолжалъ сидѣть молча, нахохлившись.

Черезъ полъ-часа колеса шли уже съ непрерывнымъ журчаніемъ по глубокимъ колеямъ. Возница остановился и медленно оглянулся назадъ съ козелъ, какъ бы измѣряя разстояніе, потомъ посмотрѣлъ по сторонамъ.

— Что вы?

— Кто ее знаетъ! Еще ссунешься.

— Куда ссунешься? Развѣ есть овраги?

— Нѣтъ, какъ будто нѣту.

— Ну, а что-же?

— Мало ли что!

— Да осторожнѣе, куда вы воротите! Это ужасно! А говорилъ, дорога хорошая.

— Вотъ какъ дождь, такъ и маемся. А то ничего, дорога—лубъ, одно слово. Ну, а ужь какъ дождь, тутъ подбирай огузья...

— Какія тамъ еще огузья, замолчите, пожалуйста.

III.

Авениръ писалъ, что отъ станціи до деревни Николая верстъ 30 и Андрей Христофоровичъ разсчитывалъ пріѣхать часа черезъ три. Но проѣхали 4—5 часовъ, останавливались на постояломъ дворѣ отъ невозможной дороги и только къ утру одолѣли эти 30 верстъ и въѣхали въ деревню.

Экипажъ подъѣхалъ къ низенькому домику съ двумя бѣлыми трубами и широкимъ досчатымъ крыльцомъ, на которомъ, взгромоздившись, стоялъ бѣлый пѣтухъ на одной ногѣ. Невдалекѣ, въ открытыхъ воротахъ плетневаго сарая, присѣвъ на землю у тарантаса, возился рабочій съ привязкой валька, помогая себѣ зубами. И не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на пріѣзжаго.

А съ задняго крыльца, подобравъ за углы полукафтанья и раскатываясь калошами по грязи, спѣшилъ какой-то старенькій батюшка.. Онъ прежде всего махнулъ рабочему, чтобы тотъ бросилъ собираться.

— Не надо, онъ ужь пріѣхалъ! Отведи лошадей къ пруду.

И только тогда обратился къ Андрею Христофоровичу и засмѣялся.

— Ну, слава Богу. Пріѣхалъ. А мы ужь мучились, какъ

ты будешь безъ лошадей. Числомъ ошибся... Ну, здравствуй. Что ты на меня такъ смотришь? Пойдемъ скорѣе. — И онъ улыбнулся медлительно и ласково.—А ты-то какой молодецъ.

Это и былъ Николай, младшій братъ Андрея Христофоровича.

— Ну, ты что-то постарѣлъ,—сказалъ Андрей Христофоровичъ.

— Постарѣлъ? Что-жъ сдѣлаешь-то, къ тому дѣло идетъ. Ниже, ниже голову!—испуганно крикнулъ онъ,—а то стукнешься.

— Что же это тебѣ такихъ дверей понадѣлали?

— Что-жъ сдѣлаешь то? Калоши тамъ снимешь. Ну, вотъ и пришли. Вотъ какъ мы живемъ тутъ. Да что ты на меня все смотришь?

Андрей Христофоровичъ и правда, раздѣваясь, смотрѣлъ на брата. Полусѣдые, нечесанные волосы, широкое доброе лицо было блѣдно, одутловато. Недостатокъ двухъ зубовъ спереди невольно приковывалъ къ себѣ вниманіе. А на боку было широкое, въ тарелку, масляное пятно. Должно быть, опрокинулъ на себя лампадку. Сначала, навѣрное, ахалъ, прикрывалъ бокъ отъ постороннихъ, а потомъ привыкъ и забылъ.

— Вотъ, братецъ, затменіе-то нашло,—сказалъ онъ, кротко моргая и потирая свои пухлыя, вялыя руки.

— Какое затменіе?—спросилъ Андрей Христофоровичъ, оглядывая съ порога комнату, куда они вошли.

— Да вотъ, съ числомъ-то.—И онъ опять улыбнулся. — Отъ роду ничего подобнаго со мной не было!

— А гдѣ-же Варя и дѣвочки?

— Онѣ одѣваются. Врасплохъ захватилъ.

— Да что за вздоръ, къ чему...

— Нѣтъ, какъ-же: дома одно, а гость пріѣхалъ—надо... Ну, вотъ и онѣ. Въ дверяхъ стояла полная, такая-же, какъ и онъ, рыхлая женщина со слѣдами быстро прошедшей русской румяной красоты. Теперь лицо ея все расплылось и сама она вся обвисла, какъ старый капотъ. У нея тоже недоставало переднихъ зубовъ. Съ нею были двѣ дѣвочки въ бѣлыхъ гимназическихъ фартучкахъ.

— Здравствуйте, Варя,—сказалъ Андрей Христофоровичъ и подумалъ: „Какъ это можно такъ разъѣсться". Но у нея были такіе хорошіе невинные дѣтскіе глаза и она такъ трогательно, наивно взглянула на гостя, что Андрею Христофоровичу стало стыдно своей мысли.

— Вотъ вы какой,—сказала она медленно и улыбнулась

такъ наивно, что Андрей Христофоровичъ тоже улыбнулся:— Я думала, что вы старый.

И, не зная, о чемъ больше говорить, она сказала:

— Пойдемте обѣдать.

Къ обѣду пришла старушка съ слезящимися глазами и красными, какъ отъ мороза, руками: тетя Липа—тетка Николая и Андрея Христофоровича. Она заслонила рукой глаза отъ свѣта, чтобы лучше видѣть лицо пріѣзжаго, и долго разсматривала его.

— О, батюшка, да какой-же ты большой-то сталъ,—сказала она и засмѣялась. И она засмѣялась такъ-же, какъ Николай, какъ Варя, такъ по-дѣтски радостно, что, глядя на нее, Андрей Христофоровичъ опять невольно улыбнулся.

— Какъ живете, Липа?—спросилъ онъ старушку, подавъ ей свою руку, которую она, не выпуская, трясла.

— Хорошо, батюшка, благодарю Бога. Племяниковъ Богъ послалъ мнѣ хорошихъ. То у одного поживу, то у другого. Да еще пенсія мнѣ за мужа идетъ 50 цѣлковенькихъ въ годъ. Слава тебѣ, Господи. — И она перекрестилась. — Ну, обѣдать, обѣдать ему скорѣе.

Обѣдъ состоялъ изъ окрошки съ квасомъ и щей, такихъ горячихъ и жирныхъ, что отъ нихъ не шелъ паръ и стояли они, какъ расплавленная лава. Жаркое все потонуло въ маслѣ.

— Что-же это вы дѣлаете? — сказалъ Андрей Христофоровичъ.

— А что?—испуганно спросилъ Николай.

— Да жиру-то сколько. Вѣдь это вѣрный катаръ!

Николай успокоился.

— Волковъ бояться—въ лѣсъ не ходить,—сказалъ онъ.— Нельзя, нельзя, милый,—ты гость, а для гостя надо получше. пожирнѣе,—добавилъ онъ, ласково улыбаясь и дотрогиваясь до спины брата:—А кваску что же?

— Нѣтъ, благодарю, я квасу совѣмъ не пью.

— Вотъ это напрасно, квасъ на пользу,—сказалъ Николай.

А Липа добавила ласково:

— Если съ солью, то отъ головы хорошо, ежели съ водкой, то отъ живота. Вотъ Варечку этимъ и отходили зимой.

— А что у нея было?

— Животъ и животъ!—сказалъ Николай, сморщившись и махнувъ рукой.

— У меня подъ ложечку подкатывается,—сказала Варя.— Какъ проснешься утромъ, такъ и сосетъ и томитъ, даже тошно. А слюни вожжей, вожжей.

— Что? Какъ—переспросилъ Андрей Христофоровичъ.

— Вожжей,—сказалъ Николай.

— Умирала, совсѣмъ умирала,—сказала Липа, горестно глядя на Варю.

— Такъ вѣдь это у Вари и есть самый злѣйшій катаръ. Ей нельзя ничего жирнаго, ни кислаго,—умереть можно.

— Нѣтъ, Богъ милостивъ, квасомъ съ водкой отходили,—сказала Липа.

— Тебѣ нужно бы въ Москву съ Варей съѣздить, —сказалъ Андрей Христофоровичъ.

— Что вы, что вы, Богъ съ вами!—сказала Варя, засмѣявшись.

— Еще вырѣзать что нибудь начнутъ,—сказала Липа.

— Что-жъ ѣздить-то,—прибавилъ Николай,—мы всѣ отъ живота маемся.

— Ну, а здѣсь обращались къ доктору?

— Какъ-же, обращались, теперь она Боржомъ пьетъ, вода такая. Да что-то ни шута толку.

— А развѣ докторъ не говорилъ, что Варѣ можно ѣсть и чего нельзя.

— Говорилъ, говорилъ,—сказала Варя, — улыбнувшись, да это съ тоски помрешь,—каждый день помнить.

— Что-же ты не кушаешь ничего? — сказалъ испуганно Николай.

— Нѣтъ, для меня довольно, — я съѣмъ еще сухарь и молока выпью.

— А гусятины?—испуганно сказала Варя.

— Свинина свѣженькая,—сказала Липа, — жирненькая, одно сало. Обидишь, батюшка.

— Правда, свинья хорошая,—сказалъ Николай и прибавилъ:—а утятины?

— Нѣтъ, я и вамъ серьезно совѣтую не ѣсть того, что вы ѣдите. А я строго придерживаюсь своего режима: утромъ молоко, въ обѣдъ протертыя, сваренныя овощи, бѣлое мясо и какое-нибудь сладкое.

— Протертыя овощи?—переспросилъ Николай.

— Да, сваренныя и протертыя.

Варя перестала жевать и испуганно смотрѣла на мужа.

— Это ты напрасно, братъ, мудришь,— сказалъ, помолчавъ Николай.—Ты такъ себѣ и здоровье убьешь.

— Какъ здоровье убью? Вѣдь ты же самъ удивляешься, какимъ я молодымъ кажусь.

— Да это что тамъ — молодымъ... и молодые, братъ, на тотъ свѣтъ отправляются.—И потомъ, сейчасъ-же улыбнувшись, спросилъ:— Ну, какъ-же ты, скажи на милость, терпишь-то все время?

— Что терплю?

— Да вотъ, если тебѣ вдругъ захочется, напримѣръ, свинины пожирнѣе, или луку съ квасомъ.

— Не захочется, потому что это вредно мнѣ.

Николай улыбнулся, ничего не сказалъ и только покачалъ головой. Ѣли всѣ ужасно много и больше всѣхъ Липа, такъ что даже дѣвочки останавливали ее:

— Бабушка, довольно вамъ, перестаньте ради Христа.

Послѣ холоднаго кваса, который наливали по цѣлой тарелкѣ, по двѣ,—ѣли жирныя огневыя щи, потомъ утку, сладкій пирогъ со сливками. Потомъ всѣхъ томила жажда, и они опять принимались за квасъ. А Варя, наклонивъ горшечекъ съ маринадомъ, нацѣживала въ ложку маринаднаго уксуса и пила.

— Что вы дѣлаете, Варя! — сказалъ Андрей Христофоровичъ.

Варя испугалась и уронила ложку на скатерть. Всѣ засмѣялись.

— Къ нечаянности...—сказала Липа.

— Да она ужь привыкла къ маринаду,—сказалъ Николай.—Это жажду хорошо унимаетъ. Ты, братъ, попробуй,—немножко ничего.

Онъ подставилъ свою ложку, выпилъ, весь сморщившись отъ кислоты, посмотрѣлъ на брата однимъ глазомъ, и, улыбнувшись, крякнулъ. Всѣ смотрѣли то на него, то на гостя, и улыбались.

Варя ѣла все и всего по цѣлой тарелкѣ. Послѣ этого пила уксусъ изъ маринада, а послѣ уксуса Боржомъ. И опять всѣ разсказывали, какъ прошлыми Петровками она умерла было отъ живота.

IV.

Послѣ обѣда Николай повелъ брата отдохнуть въ приготовленную для него комнату.

— Вотъ окошечко тебѣ завѣсили. Варя и кваску поставила на случай все-таки, если захочется.

— У васъ какъ день здѣсь распредѣляется?—спросилъ Андрей Христофоровичъ.

Николай не понялъ.

— Какъ распредѣляется? Что распредѣляется?..

— Ну, когда вы встаете, пьете чай и т. д.

— Ага! Да никакъ не распредѣляется. Какъ придется. У насъ, дорогой, въ этомъ отношеніи полная свобода. Живемъ не плохо и стѣснять себя незачѣмъ. И ты, пожалуйста, не стѣсняйся. Нынче я вотъ всталъ въ три часа: собаки разбудили, пошелъ на дворъ, посмотрѣлъ, а потомъ захо-

тѣлъ чаю, я сказалъ Варѣ велѣть самоваръ поставить, а въ 9 часовъ заснули оба опять.

— Ну, я сначала погуляю, а потомъ полежу съ полчаса. А ты?

— Мнѣ надо съѣздить тутъ версты за три къ больному, отдыхай, милый, — сказалъ Николай, мягко улыбнувшись, и ушелъ, осторожно ступая на носки, какъ будто Андрей Христофоровичъ уже спалъ. А потомъ ходилъ по всему дому, натыкался на стулья и искалъ шляпу. Только и слышалось:

— Гдѣ же она! Вотъ чудеса! Провалилась окаянная.

Варя долго погромыхивала посудой въ маленькой комнаткѣ, потомъ приготовляла чай въ столовой.

Липа послѣ обѣда ушла на пчельню, гдѣ она на 30-градусной жарѣ караулила и снимала рои.

Когда Николай вернулся, Андрей Христофоровичъ уже не спалъ и былъ чѣмъ-то разстроенъ.

— Что ты?—спросилъ съ тревогой Николай.

— Не знаю, какъ тебѣ сказать... Я поймалъ клопа...— сказалъ Андрей Христофоровичъ.

Николай освобожденно вздохнулъ.

— Ухъ, а я было испугался. Что же, кусался? Ахъ, собака. Насъ что-то не трогаютъ.

— Никогда,—подтвердила подошедшая Варя.

— Какъ не трогаютъ, значитъ, они есть?

— Да нѣтъ, какъ будто, не видно,—сказалъ Николай и посмотрѣлъ на стѣны.

— Это они на новаго человѣка,—сказала Варя. — Пойдемте чай пить.

Послѣ чаю сидѣли всѣ на крыльцѣ и смотрѣли, какъ гасли вечернія облака на закатѣ и зажигались первыя блѣдныя звѣзды, и говорили.

— Какой воздухъ хорошій,—сказалъ Андрей Христофоровичъ.

— Воздухъ? Да, воздухъ у насъ хорошій. У насъ, милый, все хорошее.

— Что же такъ сидѣть, можетъ быть, яблочка моченаго принести,—сказала Варя, которая никогда не могла сидѣть съ гостями безъ ѣды. Андрей Христофоровичъ отказался отъ моченыхъ яблокъ.

— Ты для деревни надѣлъ бы что-нибудь попроще, а то смстрѣть на тебя жалко,—сказалъ Николай, посмотрѣвъ на воротнички и манжеты брата.—У насъ, милый, тутъ никто не увидитъ.

— Да зачѣмъ, я всегда такъ хожу.

— Всегда? Господи!—воскликнула Варя.—Вотъ мука-то.

— Да,—сказалъ Николай,—каждый день одѣваться,—это съ тоски помрешь. Это ты, должно быть, за границей захватилъ.

— Право, мнѣ не приходило въ голову, гдѣ я захватилъ.. Это такъ естественно.

— Нѣтъ, это не иначе, какъ оттуда. И сколько, милый, ты исколесилъ на своемъ вѣку.

— Да, я много путешествовалъ. Въ прошломъ году былъ въ Италіи.

— Въ Италіи?—сказала Варя, удивившись.

— Во Франціи, Англіи...

— Въ Англіи!—сказала Варя,—Господи!

— И какъ тебѣ не надоѣло?—сказалъ Николай.

— Онъ вотъ не любитъ,—подтвердила Варя.—Мы какъ къ отцу на именины поѣдемъ на три дня, такъ онъ по дому скучаетъ, ужасъ!

— Какъ же это можетъ быть скучно? Посмотрѣть, какъ живутъ другіе люди, какъ тамъ устроена жизнь...

— Ну, чего намъ на другихъ смотрѣть...

— Какъ—чего? Развѣ не интересно узнать что-нибудь новое?

— Узнавай, не узнавай, все равно всего не узнаешь,—какъ говаривала Варина бабушка,—сказалъ Николай.

— Дѣло вовсе не въ томъ, чтобы все узнать. А въ томъ чтобы пріобщиться къ иной, болѣе высокой, одухотворенной жизни. Я, напримѣръ, говорилъ по телефону за двѣ тысячи верстъ и испытывалъ почти религіозное чувство передъ могуществомъ ума человѣческаго.

— Пошла прочь, шляется тутъ,—шопотомъ сказала Варя кому-то. Андрей Христофоровичъ оглянулся.

— Это сосѣдская гусыня повадилась къ намъ,—сказала Варя. И опять стала слушать, но все время смотрѣла то на волосы Андрея Христофоровича, то на его костюмъ.

— Ну, какое же религіозное чувство тутъ можетъ быть?—сказалъ Николай, положивъ ногу на ногу,—ты напрасно это смѣшиваешь и такъ ужь этимъ восторгаешься. Все это только механика,—души въ ней нѣтъ, души! А что, милый, важнѣе-то—душа или матерія?—И самъ же отвѣтилъ: — Душа! Вотъ то-то и оно-то. Русская природа, дорогой, всегда душой была сильна. Намъ этой механики было не нужно. Въ ней нѣтъ, такъ сказать, высоты, идеала, а разъ этого нѣтъ,—намъ задаромъ не нужно,—сказалъ онъ и, запахнувъ полу, отвернулся, но сейчасъ же повернулся къ брату.

— Ты вотъ преклоняешься передъ машинкой, тебя восхитило то, что за двѣ тысячи верстъ поговорить могъ. А это, голубчикъ, все внѣшнее.

— Да что такое—внѣшнее?

— То, въ чемъ души нѣтъ.

— Я, по крайней мѣрѣ думаю, что душа тамъ, гдѣ есть мысль, которая неустанно работаетъ надъ усовершенствованіемъ жизни,—сказалъ Андрей Христофоровичъ.

— Такъ то духъ!—сказалъ Николай.—Это духъ,—повторилъ онъ съ улыбкой.—Ты не про то говоришь. Но и духъ у насъ опять-таки больше. Возьми войну: всѣ вѣдь говорятъ, что у нихъ тамъ вездѣ машины и машины. А у насъ живая сила. А гдѣ мысль-то—въ машинѣ или въ живой силѣ?—И самъ же отвѣтилъ:—Въ живой силѣ! Значитъ, у насъ. Чего же ты, голубчикъ, не понимаешь тутъ?—сказалъ онъ ласково, дотрагиваясь до колѣна брата.

— Нѣтъ, пойду хоть орѣшка принесу, а то скучно такъ,—сказала Варя. Она ушла, братья замолчали. Ночь была тихая, теплая, съ бродившимъ за рѣкой туманомъ, Андрею Христофоровичу не хотѣлось идти въ комнаты, гдѣ, онъ помнилъ, были клопы, которые пронюхали почему-то въ немъ новаго человѣка.

Прямо передъ домомъ было огромное пространство, сливавшееся съ ржаными полями и уходившее въ безграничную даль. Но все его досадно загораживали выросшіе цѣлой семьей какіе-то погребки, свинятники, курятники, расположившіеся передъ окнами въ самыхъ неожиданныхъ комбинаціяхъ.

— Что, на наше хозяйство смотришь?—сказалъ Николай.— Удобно: все на виду. Это Варина мысль.

Андрей Христофоровичъ и самъ такъ думалъ.

— Ну, что ты тутъ подѣлываешь, когда нѣтъ службы?—спросилъ онъ.

— Мало ли что,—сказалъ Николай.

— Значитъ, дѣла много. А я думалъ, что тебѣ все-таки скучновато здѣсь.

— Нѣтъ, — сказалъ Николай:—не скучно.—И прибавилъ:

— Чего-жь дома скучать,—дома не скучно.

— Ну, а все-таки, что подѣлываешь?

— Да какъ сказать... Мало ли что. Весной, еще съ февраля, сѣмена выписываемъ и въ ящикахъ сѣемъ.

— Какія сѣмена?

— Огурцы да капусту.

— Потомъ?

— Потомъ... ну, тамъ сѣнокосъ.

— Подожди, какъ сѣнокосъ? Сѣнокосъ въ іюнѣ, а отъ февраля до іюня что?

— Ну, мало ли что... сразу такъ трудно сообразить... всякія текущія дѣла... Да! а попечительство-то! Какъ же!

Попечительство, комитетъ, бѣженцы, — вдругъ вспомнилъ Николай:—совсѣмъ изъ головы выскочило. У насъ, голубчикъ, дѣла,—сколько хочешь... У насъ... Теперь, такъ сказать, на всѣхъ парахъ. Какъ же, время такое... Да. И вѣдь дѣло-то такое, что... вдохновеніе нужно.

— Сколько же ты тратишь на него времени?

— На кого?

— Фу ты, да на это дѣло.

— Ну, какъ сколько? Развѣ я считаю? Трачу и только. Да что тебя такъ интересуетъ это?

— Просто хотѣлось уяснить, чѣмъ у тебя здѣсь заполненъ день,—сказалъ Андрей Христофоровичъ.

— Ну, чего тамъ уяснять.

— За литературой пересталъ слѣдить?

— Нѣтъ, слѣжу...—нерѣшительно сказалъ Николай.

— Много читаешь? Мнѣ вотъ совсѣмъ не остается времени для чтенія. Каждый клочокъ дня занятъ, занятъ. Столица все-таки дѣлаетъ то, что все время чувствуешь себя натянутой струной. Пріучаетъ работать, заставляетъ проходить европейскую школу. Вотъ теперь и вся Русь должна натянуться, какъ струна отъ напряженія. Нужно прежде всего намъ научиться работать. Научиться не тратить даромъ ни одной минуты, чтобы наверстать упущенное время. А времени этого—цѣлые вѣка.

— А что-жь, не наверстаемъ, что ли?—сказалъ Николай:—придетъ вдохновеніе и наверстаемъ.

— Нате орѣшка,—сказала Варя.

— Нѣтъ, спасибо. Мнѣ не совсѣмъ нравится это слово,—сказалъ Андрей Христофоровичъ:—зачѣмъ ждать вдохновенія непремѣнно?

— А безъ этого, голубчикъ, и дѣлать не стоитъ,—сказалъ Николай, махнувъ рукой.

— Такъ его и ждать?

— Такъ и ждать!

— А если оно не придетъ? Да и откуда оно возьмется?

— Изъ патріотизма. Хоть въ самый послѣдній моментъ, а придетъ.

— Въ недостаткѣ патріотизма насъ никто упрекнуть не можетъ...—сказалъ Андрей Христофоровичъ.

— Да,—сказалъ Николай,—ужь въ этомъ, милый, мы...

— Но нужно больше сознательности,— продолжалъ Андрей Христофоровичъ, ударяя ребромъ одной ладони по другой,—больше культурности. Культура—это все.

— А душу-то, милый, забываешь опять, — сказалъ ласково Николай.

— Сейчасъ на кухню солдатка Лизавета приходила,—

сказала Варя, — говоритъ, мужа ея ранили. И когда это кончится, Господи! А потомъ говоритъ, будто крѣпость какую-то взяли и всю дочиста взорвали и съ ней сто тысячъ человѣкъ.

— Кто у кого взялъ?

— Не спросила. Пойдемте ужинать.

— Вотъ поговорили, а теперь хорошо и закусить,—сказалъ Николай, ласково потрепавъ брата по плечу и провожая его первымъ въ дверь.

V.

Андрей Христофоровичъ испытывалъ странное чувство, живя у брата.

Здѣсь жили безъ всякаго напряженія воли. Жизнь никуда не направляли, ничего изъ нея не дѣлали, она просто шла сама. Жили безъ всякихъ усилій, безъ борьбы за удобства, за красоту жизни, за ея длительность.

Если приходили болѣзни, они не искали причины ихъ и не удаляли этихъ причинъ, а подчинялись, какъ необходимости, уклоняться отъ которой даже не совсѣмъ и хорошо.

Зубы у нихъ портились и выпадали въ сорокъ лѣтъ. Они ихъ не лечили. Были почему-то убѣждены, что въ этомъ есть что-то нехорошее, легкомысленное.

„Ей уже четвертый десятокъ, матушкѣ, пошелъ,—говорила часто про кого-нибудь Липа, — а она все зубки свои чиститъ".

— Охо-хо-хо,—вздыхалъ кто-нибудь:—а вѣдь ужь мать четверыхъ дѣтей.

Если у нихъ заболѣвали зубы, они обвязывали всю голову шерстяными платками, лѣзли на стѣну, стонали по ночамъ и прикладывали по совѣту Липы къ локтю хрѣнъ. А сама Липа ходила слѣдомъ и успокаивала:

— Пройдетъ, Богъ дастъ. Ему бы только выболѣть свое. Какъ выболитъ, такъ и конецъ. Хорошо бы индюшный жиръ къ пяткѣ прикладывать.

— Противъ природы не пойдешь, — говорилъ, идя слѣдомъ, Николай.

— Какъ не пойдешь?—сказалъ одинъ разъ Андрей Христофоровичъ, возражая на подобное замѣчаніе, — что ты вздоръ говоришь? Вотъ мнѣ пятьдесятъ лѣтъ, а у меня всѣ зубы цѣлы и здоровы оттого, что я слѣжу за ними.

У Николая на лицѣ появилась добродушно-лукавая улыбка.

— А въ сто лѣтъ у тебя тоже зубы будутъ цѣлы? Ага! То-то, братъ; два вѣка не проживешь. Отъ смерти, батюшка, не отрекайся,—сказалъ онъ серьезно-ласково и повторилъ

таинственно:—Не отрекайся...—И въ лицѣ его, когда онъ говорилъ о смерти, появилась тихая сосредоточенность, казалось, что отъ его лица исходитъ свѣтъ.

— Смерть, это такое дѣло, милый...

Николай, не смотря на свои сорокъ четыре года, былъ совсѣмъ старикъ, съ животомъ, съ мягкими безъ мускуловъ руками, безъ зубовъ.

И, когда Андрей Христофоровичъ по утрамъ обтирался холодной водой или дѣлалъ гимнастику, Николай говорилъ:

— Неужели такъ каждый день?

— Каждый день,—говорилъ Андрей Христофоровичъ:— А что?

— Господи!—удивилась Липа.

— И зачѣмъ вы себя такъ мучаете?—говорила Варя,— смотрѣть на васъ жалко.

— Правда, напрасно, братъ, ты все это выдумываешь Ты бы хоть пропускалъ иногда по одному дню,—говорилъ Николай, который почему-то никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, что братъ регулярно каждый день дѣлаетъ обтиранье и гимнастику. Ему такъ же, какъ и Варѣ, казалось это мученьемъ. И въ то же время онъ нисколько не роп-талъ и не ужасался, когда его будили ночью и везли на телѣгѣ по мерзлой землѣ напутствовать умирающаго, или приходилось съ опасностью для жизни переѣзжать весной рѣку по вздувшемуся льду. Если того требовала служба, была необходимость, онъ могъ спать въ сутки два часа и оставаться бодрымъ. Но если въ праздникъ послѣ обѣда онъ добирался до постели, то спалъ до вечера или до другого дня. И когда его будили Липа, Варя и дѣвочки, онъ поднимался съ красными запухшими глазами, ничего не понималъ и только мычалъ, пока его не отпаивали квасомъ.

Для Николая и для всѣхъ ихъ было мученіемъ, испытаніемъ—дѣлать что-нибудь къ сроку или въ опредѣленное время.

День у нихъ проходилъ безъ всякаго опредѣленнаго порядка: одинъ вставалъ въ шесть часовъ, другой въ девять. Дѣти, которыхъ родителямъ было *жалко* будить, спали часто до двѣнадцати часовъ.

Обѣдали то въ два часа дня, то въ одиннадцать утра. А то кто-нибудь подойдетъ передъ самымъ обѣдомъ къ буфету, увидитъ тамъ жареную курицу и, не удержавшись, приберетъ ее всю, а тамъ отказывается отъ обѣда и говоритъ, что у него аппетита нѣтъ.

А къ вечернему чаю, глядишь, тащитъ себѣ тарелку холодныхъ щей.

Потомъ кто-нибудь послѣ вечерняго чаю прикурнетъ на диванѣ, и смотришь,—промахнулъ до самаго ужина.

— Что это Варя спитъ?—спросилъ Андрей Христофоровичъ.

— Отдохнуть легла да и заспалась, —скажетъ Николай

А когда всѣ уже легли, она бродитъ ночью по дому, натыкаясь на стулья, и бормочетъ, что наставили всего на дорогѣ. Утромъ же по обыкновенію жалуется на безсонницу и удивляется, откуда она къ ней привязалась.

— Сушеной мяты подъ подушку хорошо класть, когда сна нѣтъ,—скажетъ Липа.

Памяти ни у кого не было. Всѣ все забывали, числа путали, помнили хорошо только посты, именины и праздники.

Если нужно было что-нибудь купить въ городѣ, то писали все на записку съ вечера и весь платокъ завязывался узелками, но Николай каждый разъ ухитрялся платокъ оставить дома, а записку потерять.

Одинъ разъ онъ собрался на почту. Андрей Христофоровичъ попросилъ его отправить срочное заказное письмо

— Пожалуйста, не забудь, — сказалъ Андрей Христофоровичъ.

— Ну вотъ, что ты, — слава Богу, голова на плечахъ, а не котелъ.—А черезъ три дня полѣзъ къ себѣ въ карманъ и выудилъ оттуда какой-то засаленный конвертъ.

— Что такое?—бормоталъ онъ въ недоумѣніи.—Да еще какъ будто на твой почеркъ похоже, Андрей.—И тутъ же его осѣнило. Онъ хлопнулъ себя изо всей силы по лбу.

— — Братецъ ты мой, да вѣдь это твое! Что же это? Отъ роду со мной такой исторіи не было.

Конвертъ былъ уже настолько грязенъ и измусленъ, что пришлось писать другое письмо и еще радоваться, что онъ не отправилъ письма въ такомъ видѣ.

Передъ домомъ было неудобное мѣсто, кочкарникъ—и никому въ голову не приходило раскопать кочки.

— Что же ты?—спрашивалъ Андрей Христофоровичъ.

— А что?

— Да кочки-то, раскопалъ бы ихъ.

— Тутъ неудобное мѣсто,—говорилъ Николай.—Да у насъ и безъ того много. Вотъ посмотри-ка сюда. Ступай, зажмурившись—ни одной кочки нѣтъ.

— А здѣсь есть. Вѣдь это некрасиво.

— А зачѣмъ тебѣ туда смотрѣть, мало тебѣ другого мѣста?

— Не ищи красоты, батюшка, а ищи доброты,—говорила ласково Липа.—Такъ-то!

— Намъ этого не нужно,—говорилъ Николай:—у насъ и

безъ того... А что до красоты, то опять тебя внѣшнее прельщаетъ.

— Ну, вотъ съ тобой спорить нужно. Не внѣшнее, а внутреннее. Чувство красоты—глубоко внутреннее.

— Что ты, Богъ съ тобой, это тебѣ иностранцы наговорили. Какое же это внутреннее?.. Тебя свое не прельщаетъ, вотъ ты къ иностранцамъ и ѣздишь, поддѣльное ихнее глотаешь.

— Господи, какъ будто у насъ своего мало!—сказала Варя.

— Во всѣхъ этихъ прикрасахъ, милый, толку мало. Природа, ужь если она природа—красивѣе ея не сдѣлаешь... А натуральнѣе русской природы нѣту, хоть ты весь свѣтъ обыщи.

— Да вѣдь ты не видѣлъ.

— И видѣть не желаю,—сказалъ Николай.

Николай помолчалъ и прибавилъ:

— Все отъ своихъ коренныхъ завѣтовъ подальше уйти хотимъ, а это-то и плохо.—И онъ кротко и печально покачалъ головой.

— Да въ чемъ они, эти завѣты? Отдай, пожалуйста, себѣ хоть разъ ясный отчетъ,—сказалъ Андрей Христофоровичъ.

— Какъ въ чемъ?—Да мало ли въ чемъ...—сказалъ Николай.

И никто ни разу не попросилъ Андрея Христофоровича разсказать о чужихъ краяхъ, о его путешествіяхъ. Только одинъ разъ племянница спросила его, правда ли—въ Италіи на крышахъ живутъ.

— А тебѣ зачѣмъ это понадобилось? —сказала Липа,— себѣ на крышу хочешь залѣзть, безстыдница.

— Слушай, что бабушка говоритъ,—сказала Варя и добавила:—И куда нелегкая носитъ, скоро на стѣны полѣзутъ!

— Ну, а какъ живетъ Авениръ? —спросилъ одинъ разъ Андрей Христофоровичъ, соскучившись у Николая.

— Авениръ живетъ хорошо. Онъ, братъ, все такой же пантеистъ. Живетъ себѣ на своихъ ста десятинахъ, ловитъ съ своими молодцами рыбу сѣтями.

— А сколько у него дѣтей?

— Восемь сыновъ.

— Какъ много. Ему, должно быть, трудно съ ними.

— Нѣтъ, отчего же трудно.. — на дѣтей роптать нехорошо, это даръ... И все онъ такой же горячій, проворный. Вотъ ужь именно—вольный сынъ степей. И по прежнему спорщикъ, умная голова.

— У него слишкомъ много было самоувѣренности всегда,— сказалъ Андрей Христофоровичъ.—Я помню, какъ онъ разбивалъ Канта, не читавъ ни одной его страницы.

— Да, умъ у него шустрый, это правда,—сказалъ Николай, покачавъ опущенной надъ колѣнями головой и вдругъ поднялъ ее.—Вотъ, братъ, настоящій человѣкъ,—сказалъ онъ, глядя на брата.

— То-есть, какъ настоящій?... — спросилъ Андрей Христофоровичъ, почувствовавъ какой-то уколъ, точно въ этомъ была косвенная мысль о томъ, что самъ Андрей Христофоровичъ не настоящій...—Какъ настоящій?—повторилъ онъ.

— Да такъ,—сказалъ Николай.—Вотъ ты говорилъ, что цѣнишь тѣхъ людей, у которыхъ мысль тамъ постоянно работаетъ. Вотъ тебѣ Авениръ. Ужъ у него, милый, мысль ни минуты безъ работы не останется.

— Можетъ быть,—сказалъ Андрей Христофоровичъ,—но вопросъ—надъ чѣмъ и какъ.

— Мало ли, надъ чѣмъ?—сказалъ Николай,—надъ чѣмъ хочешь!

— А мѣстечко у него хорошее?

— Ничего, но все-таки не то, что у насъ. И потомъ, братъ,—продолжалъ Николай,—это человѣкъ—весь безъ обмана.

— Какъ безъ обмана?

— Ну, какъ тебѣ сказать... Ничего у него внѣшняго. Онъ, милый, какъ природа, никакихъ у него ухищреній, онъ любитъ, чтобы все, какъ есть. Вотъ ужъ именно отъ рожденія пантеистъ. И не какой-нибудь языческій, а твердый христіанинъ и сынъ своей земли. Онъ пріѣдетъ, какъ получитъ мое письмо, я ему послалъ, когда твое заказное на почту возилъ. Онъ какъ только узнаетъ, что ты уже здѣсь, такъ и прискачетъ.

VI.

И правда: одинъ разъ, когда всѣ сидѣли въ саду за чаемъ, со стороны деревни послышался отчаянный лай собакъ и дребезжанье колесъ. Видно было, какъ на дворъ влетѣла взмыленная лошадь, запряженная въ телѣжку безъ рессоръ. Сидѣвшій въ ней человѣкъ въ мягкомъ картузѣ и короткой сборчатой поддевкѣ на крючкахъ какъ-то особенно проворно соскочилъ на землю, продернулъ и привязалъ возжи за кольцо подъ навѣсомъ. А самъ, отряхнувъ полы, посмотрѣлъ на свои сапоги, потомъ вопросительно на окна дома.

— Да вѣдь это Авениръ!—сказалъ радостно Николай. И

какъ показалось Андрею Христофоровичу, болѣе радостно, чѣмъ при его пріѣздѣ.—Я говорилъ, что прискачетъ... Ну, и молодецъ, вотъ молодецъ!

Обнялись.

— Европеецъ, европеецъ!—сказалъ Авениръ, поцѣловавъ брата; онъ отступилъ на шагъ со снятымъ картузомъ и оглядывалъ Андрея Христофоровича.

— Ну, братъ, ты того, совсѣмъ, какъ сказать...

— Что?—почти съ тревогой спросилъ Андрей Христофородичъ. Но Авениръ ничего не отвѣтилъ. Онъ сейчасъ же забылъ объ этомъ и сталъ разсказывать, какъ онъ ѣхалъ, что съ нимъ случилось. Какъ будто онъ только вчера видѣлъ брата. И только уже послѣ онъ обратился къ Андрею Христофоровичу и сказалъ:

— А помнишь гимназію? Какъ, бывало, спорили-то? Часъ, два ночи, а мы все, бывало, споримъ. Помню, „на душѣ" всѣхъ побивалъ. Насчетъ чего другого, туда-сюда, а ужь какъ о душѣ зайдетъ споръ, какъ пойду всѣхъ чистить,—бывало, самъ не знаю, какъ остановиться. Канта разбивалъ,—сказалъ Авениръ, ударивъ кулакомъ по колѣну, и обвелъ загорѣвшимися глазами братьевъ.

Онъ сидѣлъ, широко разставивъ колѣни и опершись на нихъ руками съ согнутыми врозь локтями.

Небольшого роста, постоянно воспламеняюшійся, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, въ которомъ кипитъ неугасаемая энергія. Онъ даже не могъ долго сидѣть на мѣстѣ и постоянно вскакивалъ, шагалъ, повертывался, такъ что вѣеромъ раздувались его полы. У него была еще привычка часто одной рукой сзади приглаживать волосы, которые завивались у него на концахъ.

Варя съ его пріѣздомъ повеселѣла и даже оживилась. Она часто съ ласковой улыбкой смотрѣла на него.

Цѣлый вечеръ говорили, потомъ спорили о душѣ и о живой силѣ. Десять разъ Авениръ говорилъ Андрею Христофоровичу:

— Ну-ка, разскажи, братъ, какъ вы тамъ, европейцы, живете,—но съ перваго же слова перебивалъ брата и пускался разсказывать про себя.

Было уже 10 часовъ вечера, потомъ 11 и 12, а они все еще говорили, вѣрнѣе, говорилъ одинъ Авениръ. Говорили о политикѣ, о войнѣ, о воздухоплаваніи, Авениръ нигдѣ не отставалъ и никогда не сдавался, не слушалъ возраженій, ходилъ по головамъ.

Онъ имѣлъ такой видъ, какъ будто Андрей Христофоровичъ сидѣлъ здѣсь, въ глуши, ничего не знаетъ, а онъ,

Авениръ, только-что пріѣхалъ съ мѣста, гдѣ онъ все видѣлъ и изучилъ.

— Наша, братъ, артиллерія самая лучшая въ мірѣ. Въ три раза лучше нѣмецкой, — говорилъ онъ, если разговоръ заходилъ о войнѣ.

— А ты откуда знаешъ?—спросилъ Андрей Христофоровичъ, которому хоть разъ хотѣлось найти основанія ихъ сужденій.

— Какъ, откуда? Мало ли откуда? Это даже турки признаютъ. А ты, значитъ, не патріотъ?

— Кто же тебѣ это сказалъ?

— По вопросу, братъ, видно, и вообще по холодности, въ тебѣ нѣтъ подъема. Это нехорошо, братъ, нехорошо.

— Да постой, голова съ мозгомъ!..

— Чего же мнѣ стоять? нѣтъ, братъ, у тебя холодное разсудочное отношеніе. Это не то. Что ужь тамъ...

— Подожди же!—сказалъ въ отчаяніи Андрей Христофоровичъ.

— Его вотъ механика смутила,—сказалъ Николай, обращаясь къ Авениру и глядя на Андрея Христофоровича, какъ фельдшеръ на больного.

— Плюй, голубчикъ на механику. Намъ она не нужна! Намъ огонь нуженъ. Вотъ!—сказалъ Авениръ, крѣпко сжавъ кулакъ, какъ будто у него тамъ былъ огонь.

— Вотъ и я то же говорю,—сказалъ Николай, посмотрѣвъ на кулакъ.

— Мы слишкомъ много говоримъ,—сказалъ Андрей Христофоровичъ,—слишкомъ много!..

— Гдѣ же много,—сказалъ Авениръ,—ты бы послушалъ, какъ мы...

— Очень много—повторилъ Андрей Христофоровичъ.— Въ то время, какъ наши враги упорно и опредѣленно дѣлаютъ дѣло, мы только говоримъ и подозрѣваемъ всѣхъ. кто не очень восторгается этими разговорами.

— Нѣтъ, братъ, у тебя холодность. А про разговоры ты напрасно: не говорить нельзя. Въ словѣ—мысль,—въ мысли— дѣло! И теперь мы ужь совсѣмъ не тѣ, что были раньше; ты это особенно замѣть,—сказалъ Авениръ, поднимая палецъ. И повторилъ:

— Особенно.

— А какіе же?—спросилъ Андрей Христофоровичъ.

— Ну, вотъ, ты даже спрашиваешь, какіе. Въ тебѣ— скептицизмъ!

И отвѣтилъ:

Совсѣмъ, братъ, другіе.

— Вотъ и я то же говорю ему,—сказалъ Николай, запахивая свою масляную полу.

— Совсѣмъ другіе, — повторилъ, вдругъ повернувшись, опять Авениръ.—Было время, да прошло.

— Можетъ, ужинать пойдете. — сказала Варя, которая уже томилась оттого, что долго не ѣли.

— Охъ, и спорили мы въ гимназіи! Вотъ было веселое время,—сказалъ Авениръ, когда пошли ужинать.

VII.

— Ну, что же, поѣдемъ теперь къ намъ, — сказалъ на третій день Авениръ.

— Хорошо, а какъ ѣхать?

— Со мной, на моихъ лошадяхъ и поѣдемъ, чѣмъ тебѣ кружить полтораста верстъ по желѣзной дорогѣ. Я, братъ, всегда на лошадяхъ ѣзжу, люблю простоту, а не механику.

— А сколько до тебя на лошадяхъ?—спросилъ Андрей Христофоровичъ.

— Восемьдесять верстъ.

— Да, на лошадяхъ лучше,—сказалъ Николай.—А то тамъ каждый разъ изволь поспѣвать во время.

— На минуту опоздалъ и весь день пропалъ къ чорту,—сказалъ Авениръ.

— И звонки эти дурацкіе,—сказалъ Николай.

Пошли посмотрѣть экипажъ. Это была телѣжка безъ рессоръ, тарантасъ, какъ ее называлъ Авениръ.. Сидѣнье у этого тарантаса было такое низкое, что колѣни у сидящихъ на немъ подходили къ самому подбородку. Весь тарантасъ былъ забрызганъ засохшей грязью.

— Какъ же на такой штукѣ 80 верстъ ѣхать?—сказалъ Андрей Христофоровичъ.

— А что? — спросилъ Авениръ и живо вскочилъ въ тарантасъ.

— Какъ, *что*? Сидѣнье очень низко.

— Ну, ужь это такъ дѣлается, кузнецъ при мнѣ дѣлалъ другимъ.

— Какъ *такъ дѣлается*, если это не удобно?

— Нѣтъ, это правда, Андрей,—сказалъ Николай, — въ тарантасахъ сидѣнье высокое не дѣлается. У кого ни посмотри.

— Ну, братъ,—сказалъ Авениръ (онъ даже опечалился)—тебя, братъ, Европа, я вижу, окончательно испортила.

— Чѣмъ испортила?

— Объ удобствахъ бреннаго тѣла заботишься очень.

— Нѣтъ, я все-таки поѣду по желѣзной дорогѣ, да и грязь, я вижу, порядочная.

— На колеса смотришь? Это еще съ Николина дня.

Тогда грязь была. Въ городъ ѣздилъ. А теперь, за двѣ недѣли высохло—лучше не надо.

— У насъ, милый, мѣста хорошія,—сказалъ Николай.

— Знаю, а дождь пойдетъ, такъ и не вылѣзешь.

— Ну, дождь не всегда идетъ. А ужъ ты хочешь противъ стихіи идти..

Кончили на томъ, что Авениръ подвязалъ потуже животъ, перецѣловался со всѣми, похлопалъ себя по карманамъ и покатилъ одинъ. Андрей Христофоровичъ поѣхалъ по желѣзной дорогѣ на другой день. Когда онъ пріѣхалъ на станцію, Авениръ самъ выѣхалъ за нимъ въ томъ же тарантасѣ.

— У насъ, братъ, отдохнешь. У насъ воздухъ здоровый, не то, что у Николая. У тебя, должно быть, отъ этой учебы да отъ книгъ голова-то порядкомъ засорилась... ну, да, — толкуй тамъ, какъ будто я не знаю. Это ты тамъ закисъ, вотъ и не замѣчаешь. Прочищай тутъ себѣ на здоровье. Я тебѣ душевно радъ и скоро отъ себя не выпущу. И брось ты, пожалуйста, все это. „Живи просто, — проживешь лѣтъ со сто",—какъ говаривалъ Катинъ дѣдушка. Живи откровенно. Все, братъ, это чушь.

— Какъ *живи откровенно*? что—*чушь*? — спросилъ озадаченный Андрей Христофоровичъ.

— Все!—сказалъ Авениръ.—Вотъ моя хижина,—прибавилъ онъ съ широкимъ жестомъ, когда подъѣхали къ небольшому домику въ сирени, передъ которымъ висѣли на частоколѣ сѣти.

— Входи... Пригнись, пригнись! — поспѣшно крикнулъ онъ,—а то лобъ расшибешь.

— Какъ это вы-то себѣ тутъ всѣ лбы не поразобьете,— сказалъ Андрей Христофоровичъ.

— Я и то частенько себѣ шишки сажаю. А вотъ мои сыновья,—сказалъ Авениръ, держа руку въ бокъ и тыкая то въ одного, то въ другого:—вотъ Николай, вотъ Павелъ, вотъ Петръ... ну, послѣ познакомишься, сразу все равно не запомнишь. — Катя! — крикнулъ онъ повернувшись къ притворенной двери.

Сыновей, и правда, трудно было запомнить всѣхъ. Ихъ было восемь. Всѣ удивительно здоровые малые. Четверо старшихъ были выше отца на цѣлую голову. Но, въ противоположность ему, нѣсколько сумрачные, глядѣвшіе исподлобья. Всѣ широкіе въ плечахъ, съ толстыми носами и губами, они такъ прочно были сшиты и кулаки у нихъ были такъ велики, что около нихъ было даже страшно. Они учились въ губернскомъ городѣ и лѣтомъ отдыхали у отца.

Вышла Катя, крѣпкая, въ мѣру полная и красивая еще женщина съ родинкой на щекѣ, очевидно, смѣшливая. Она,

забывшись, вышла въ грязномъ фартукѣ и, вдругъ, увидѣвъ его на себѣ, вскрикнула:

— Ахъ, матушки!—засмѣялась и убѣжала.

— Врасплохъ захватилъ, — сказалъ Авениръ, такъ же какъ Николай. Всѣ комнаты, съ низенькими потолками, оклеенными бумагой, были завѣшаны сѣтями—рыболовными, перепелиными, западнями для мелкихъ птицъ, насаженными на дужки изъ ивовыхъ прутьевъ, вентерями для рыбы. А надъ постелями—ружья, крылья убитыхъ птицъ — всѣ развѣшаны цѣлыми группами. И вездѣ валялись на окнахъ картонные пыжи, машинки для закручиванія патроновъ.

Нравы были нѣсколько грубоваты. Въ особенности у Петра, который травилъ деревенскихъ собакъ и изъ озорства ѣлъ сырую рыбу.

Больше всѣхъ Андрею Христофоровичу понравилась Катя. Она была всегда ясная, привѣтливая и только необычайно смѣшливая, что впрочемъ удивительно шло къ ней. Смѣхъ настигалъ ее, какъ стихія, и она уже ничѣмъ не могла сдержать его, убѣгала въ спальню, хохотала тамъ до слезъ, до коликъ въ боку.

VIII.

На первый взглядъ жизнь здѣсь поражала своею неутомимой энергіей. Съ самаго ранняго утра, едва только солнце встало надъ молочно-туманными лугами и освѣтило золотой крестъ деревенской колокольни, въ сѣняхъ уже захлопали двери и то тамъ, то здѣсь раздавался голосъ Авенира

— Захватилъ весло? Бери удочки... да не нужно эту чортову кривую!—Или: —Что же ты крыло-то не зачинилъ, тюря!.. Собирай, собирай, Господи, благослови! Къ обѣду пріѣдемъ.

И наступила тишина, какъ будто уѣхала толпа разбойниковъ или людоѣдовъ. А Катя готовила обѣдъ и тихо ходила то въ кухню, то въ столовую.

Часовъ въ 12 пріѣхали съ рыбной ловли и Авениръ послалъ младшаго сына за Андреемъ Христофоровичемъ. Онъ долженъ былъ непремѣнно идти посмотрѣть уловъ.

Связанныя вмѣстѣ двѣ лодки были причалены къ берегу и привязаны одной цѣпью за столбъ съ кольцомъ. На одной изъ нихъ сидѣлъ Авениръ въ широкой соломенной шляпѣ въ рубашкѣ съ разстегнутымъ воротомъ. Рукава у него были засучены выше локтя, и онъ, опустивъ въ садокъ обѣ красныя руки, водилъ ими по дну.

— Иди сюда, Андрей. Смотри, вотъ уловъ!

— Да я вижу отсюда.

— Нѣтъ, ты сюда пойди. Вотъ гусь! Хорошъ?

И онъ на обѣихъ ладоняхъ разложилъ огромнаго карпа, который, лежа, загибалъ то хвостъ, то голову.

А сыновья—огромные, загорѣлые, тоже съ засученными рукавами и вздувающимися мускулами подъ мокрой прилипшей рубашкой, мрачно мыли въ рѣкѣ сѣти и развѣшивали ихъ на шесткахъ вдоль берега.

Потомъ отбирали рыбу на обѣдъ. Авениръ, отгоняя мухъ и отирая сухимъ мѣстомъ руки потъ со лба, только покрикивалъ:

— Клади большого! Клади его, шельмеца. Такъ! Стой! Это на жаркое. Доставай теперь налима... Смотри, Андрей,— князь міра грядетъ.

Андрей Христофоровичъ смотрѣлъ. Изъ садка показывалась огромная коричневато-зеленая голова и скользкое туловище чудовища.

И князя міра опускали головой внизъ въ мѣшокъ.

— Это на уху. Да всыпь еще ершей, что ли... Неси матери.

Потомъ долго купались. При чемъ сыновья плавали молча или лежали подъ солнцемъ на водѣ, раскорячившись, какъ лягушки.

А полуденное солнце благодатно жгло. Нѣжась и чуть колыхаясь глянцевой листвой, стояла на зеленомъ берегу дубовая роща. Звонкіе голоса носились надъ рѣкой, отдаваясь гдѣ-то у другого обрывистаго известковаго берега, на который было больно смотрѣть отъ солнца. И въ воздухѣ, надъ дальними лѣсами стояла синеватая муть—признакъ долгой хорошей погоды.

Купались пятнадцать минутъ, двадцать—и все не думали еще выходить.

— Довольно, пойдемте, — говорилъ Андрей Христофоровичъ,—вредно такъ долго сидѣть въ водѣ.

— Ну, чего тамъ вредно. Мы, братъ, часа по два другой разъ сидимъ,—кричалъ Авениръ.—Это только на пользу.

И онъ все окунался на одномъ мѣстѣ съ головой, какъ утка, и каждую минуту кричалъ:

— Боже, какъ хорошо! Господи, вотъ чудо-то! Ну, еще разъ. Ого-го-го!

И весь онъ былъ, какъ лѣшій — мохнатый, въ шерсти. Тѣло у него было коричневое, а шея и кисти рукъ совсѣмъ черныя.

— Лѣзь, Андрей, наплюй на докторовъ, все это, братъ, ерунда.

Наконецъ Авениръ вышелъ изъ воды, одѣлся, сидя на берегу, и они пошли по узенькой тропинкѣ въ гору, къ селу,

мимо огородовъ, гдѣ на полуденномъ знойномъ солнцѣ желтѣли за частоколами подсолнечники и жужжали пчелы. А сыновья все еще купались.

— Я, братъ, дѣтей не хочу стѣснять и самъ этого терпѣть не могу,—говорилъ дорогой Авениръ. Онъ обернулся, посмотрѣлъ на рѣку и крикнулъ:

— Не отставай, не отставай, Петръ. Чище работай. Рѣже ногами. Ого-го-го! Эхъ, рано вылѣзъ. Ну, дѣлать нечего, — сказалъ онъ. — Огурецъ зацвѣтаетъ. Ну, и лѣто. Благодать Божія. А земля-то: нигдѣ такой земли нѣтъ. Что ни посади, все выраститъ. Захочешь дынь—дыни будутъ расти, винограду—и виноградъ попретъ.

— Ты, стало быть, занимаешься этимъ?

— А какъ же,—сказалъ Авениръ.

— Что же у тебя нынче есть?

— Огурцы да капуста, нынче только, а еслибы захотѣть... Стоитъ только рукой шевельнуть.

Дома былъ готовъ обѣдъ. Ѣли здѣсь еще дольше и больше чѣмъ у Николая. Сыновья молча, а отецъ говорилъ, не переставая:

— Въ три часа выѣхали нынче. Заря была — чудо! Поѣдемъ, Андрей, какъ-нибудь съ нами. Катя и то ѣздитъ она молодецъ.

Свѣжая, крѣпкая Катя улыбалась.

— Я люблю это,—сказала она,—еслибы только меня зубы не мучили.

— А васъ развѣ мучаютъ? — спросилъ Андрей Христофоровичъ.

— Зубы и зубы!—сказалъ Авениръ, махнувъ рукой. — Мы всѣ отъ зубовъ на стѣну лѣземъ. Ѣшь, пожалуйста, капусту, Андрей, ѣшь, это, братъ, удивительно полезная вещь. У меня, братъ, такая система, чтобы все было по-настоящему т. е. по-простому. Вотъ Николай тоже въ нѣметчину ударился,—воды какія-то пьетъ. Видѣлъ?

Только подъ конецъ обѣда замѣтили, что Петра за столомъ нѣтъ, да и тетка Варвара исчезла куда-то.

— А гдѣ же Петръ?—спросилъ Авениръ.

— Онъ закупался, его бабушка разсоломъ поитъ,—сказалъ Павелъ, наливая себѣ вторую тарелку квасу.

— Рѣдкій человѣкъ тетка Варвара,—сказалъ Авениръ.— Безъ нея бы плохо было.

— А что онъ чувствуетъ?—спросилъ Андрей Христофоровичъ про Петра.

— Да его мутитъ,—сказалъ Павелъ,—какъ до дома дошелъ, такъ и начало мутить.

— Ну, иди теперь, отдыхай себѣ, у насъ тутъ никто не

помѣшаетъ. У насъ въ этомъ отношеніи... Ну вотъ, у тебя тутъ прохладно — благодать! Я тоже прилягу.—Онъ ушелъ на ципочкахъ.

Андрей Христофоровичъ постоялъ, вынулъ часы, положилъ на столъ, потомъ поискалъ чего-нибудь почитать, но ничего не нашелъ и прилегъ на постель.

Черезъ четверть часа дверь осторожно пріотворилась и просунулась голова Авенира.

— Андрей, ты не спишь?

— Нѣтъ еще.

— Мнѣ что-то не спится. Вертѣлся, вертѣлся... давай поговоримъ.

— Да вѣдь ты въ три часа всталъ, лучше отдохнулъ бы,—сказалъ Андрей Христофоровичъ съ досадой.

— Ну, чего тамъ, передъ ужиномъ отдохну, если захочется.

— Я вотъ сейчасъ искалъ у тебя какой-нибудь книги и ничего не нашелъ; это нехорошо, что молодежь у тебя не привыкаетъ къ мышленію.

— Ну, мозги-то засорить еще успѣютъ. Пусть лучше поживутъ пока. За то, братъ, духъ живъ!

— Да! чтобы не забыть,—сказалъ Андрей Христофоровичъ,—нельзя ли послать въ городъ, мнѣ нужно лекарство заказать.

— Сколько угодно, Павелъ живо скатаетъ. И ты, пожалуйста, не стѣсняйся, какъ что нужно,—говори. Я очень радъ.

Передъ вечеромъ Авениръ повелъ брата на курганъ показывать красивый видъ.

— Пойдемъ, пойдемъ. Вотъ вы тамъ все по Швейцаріямъ ѣздите, а своего родного не замѣчаете. А оно лучше всѣхъ.

— Что же, въ городъ поѣхали?—спросилъ Андрей Христофоровичъ.

— Ахъ, братецъ ты мой, изъ ума вонъ! Гдѣ Павелъ?—спросилъ Авениръ, оглянувшись на сыновей, которые молча слѣдовали за ними,—въ городъ надо съѣздить.

— Онъ отъ живота катается,—сказалъ Николай.

По дорогѣ на курганъ Авениръ вспомнилъ почему-то что онъ былъ большой любитель театра.

— Я, братъ, всѣмъ интересуюсь. Ты, небось, думаешь, что мы тутъ живемъ въ глуши и ни бельмеса не смыслимъ. Ну, кто кого теперь въ Маломъ играетъ? Я ужь что-то всѣхъ перезабылъ.

— Садовская—бытовыхъ комическихъ старухъ,—сказалъ Андрей Христофоровичъ.

— Бытовыхъ комическихъ старухъ, — повторилъ Авениръ,—такъ, знаю.

— Ермолова—драматическая.

— Драматическая? Такъ.

— Ну, Рыбаковъ играетъ стариковъ, конечно.

— Стариковъ? Да, скажи, пожалуйста, Чацкаго кто играетъ?

— Чацкаго недавно игралъ Яковлевъ.

— Ну, довольно, а то перезабуду. Вотъ и курганъ. Закатъ отсюда какъ видѣнъ. Вотъ картина! А то ваши художники что-то, говорятъ, завираться стали. Становись сюда, отсюда виднѣе,—говоритъ Авениръ, втаскивая брата за рукавъ къ себѣ, такъ что тотъ отъ неожиданности едва не упалъ.

— Оглянись кругомъ, какова высота. Что, братъ?.. На рѣку-то глянь, на рѣку! Ручейкомъ отсюда кажется. Вотъ отсюда бы читать стихи. Всѣ эти актеры ваши дряны! Нужно что-нибудь могущественное. Вотъ стать бы сюда, а слушатели тамъ, гдѣ рѣка.

И добавилъ:

— Лучше нашихъ мѣстъ нѣтъ. Одинъ просторъ чего стоитъ. Конца-краю не видать.

— Ну, милый, однимъ просторомъ не проживешь. Нужна работа, а не разсужденія.

— Да надъ чѣмъ работать-то?

— Какъ надъ чѣмъ? — сказалъ ошеломленный Андрей Христофоровичъ:—теперь и ты спрашиваешь, надъ чѣмъ работать. И, знаешь, я въ такомъ случаѣ скажу, надъ чѣмъ вамъ нужно работать: надъ тѣмъ, чтобы создать въ себѣ потребности культурнаго человѣка и прежде всего потребность знанія и дѣятельности. Это—первая ступень.

— Ну, отъ добра добра не ищутъ,—какъ говаривалъ Катинъ дѣдушка,—сказалъ Авениръ.

— Какое же, милый, тутъ добро. У васъ какая-то странная жизнь, нѣтъ никакой опредѣленной дѣятельности, никакихъ задачъ и, соотвѣтственно съ этимъ, — никакой дисциплины жизни, никакой опредѣленности и устроенности. Я привыкъ къ западу и мнѣ странно сейчасъ видѣть вашу жизнь. Ужасная первобытность и... и извини меня, некультурность жизни. Но въ то же время нѣтъ никакой потребности въ знаніи, даже любопытства нѣтъ. Я полъ-Европы объѣхалъ и никто даже не заикнулся разспросить меня, что и какъ тамъ. А все отчего?—Отъ самоувѣренной косности. Ты не обижайся на меня, но мнѣ захотѣлось наконецъ высказаться.

— Ну, за что обижаться, Богъ съ тобой,—горячо сказалъ Авениръ.

— Ты живешь тутъ и ничего другого не видишь, и не видѣлъ, какъ живутъ другіе люди, а мнѣ, мнѣ дико смотрѣть на вашу жизнь. Всѣ эти двѣ недѣли, какія я у васъ живу, мы, не переставая, говоримъ, а, между тѣмъ, я не могу добиться пустяка,—послать въ городъ за лекарствомъ.

— Завтра пошлемъ, Андрей, ей-Богу пошлемъ. Это вотъ у Павла некстати животъ заболѣлъ.

— Да не въ томъ дѣло, что ты *завтра* пошлешь,—сказалъ Андрей Христофоровичъ.—Я говорю сейчасъ о принципахъ. Но самое главное—у васъ нѣтъ ни малѣйшаго стремленія къ улучшенію жизни, къ отысканію какихъ-нибудь другихъ формъ, усовершенствованій ея. И все это отъ страшной самоувѣренности и отъ полнаго отсутствія интереса къ иной, чѣмъ ваша, жизни. Вы не вѣрите ни знаніямъ, ничему. Я вотъ пріѣхалъ сюда, слава Богу,—человѣкъ образованный, много видѣлъ на своемъ вѣку, много знаю. А вы не вѣрите мнѣ, не довѣряете моимъ знаніямъ, на мои потребности смотрите, какъ на чудачества. И все время только отстаиваете свое. У васъ даже не зародилось ни на одну минуту сомнѣнія въ себѣ, въ правильности своей жизни, своихъ знаній и мнѣній. И все-то у васъ лучше, чѣмъ у другихъ.

— Сядь, сядь сюда на камешекъ,—сказалъ Авениръ.

— Спасибо, я не хочу. Вѣдь все-таки я имѣлъ бы, кажется, право на нѣкоторый авторитетъ, наконецъ,—просто на довѣріе. А ты постоянно говоришь со мной такъ, какъ будто я пріѣхалъ изъ какого-нибудь Бѣлева. Нельзя такъ махать рукой на чужое и хвалить только свое. Нужно хоть немного самокритики. Страшно опасно—хвалить только свое, тѣмъ болѣе, что хвалить-то пока, право, нечего.

— Вѣрно! Это, братъ, вѣрно,—сказалъ Авениръ, вздохнувъ.

— Ну, вотъ, хорошо, что ты хоть самъ сознаешь. У насъ не цѣнятся ни знанія, ни культурная работа. У насъ принято вѣрить только въ одну живую силу, да въ лихость натуры. На нихъ возлагаются всѣ надежды и только на нихъ. А все остальное презирается и изгоняется. И оттого у насъ всегда было и будетъ только торжество грубой, некультурной силы. Ты знаешь, я, профессоръ старѣйшаго въ Россіи университета, пріѣхалъ сюда, къ вамъ—и у меня такое чувство, какъ будто у меня нѣтъ права на существованіе. Ты ни разу, положительно ни разу ни въ чемъ со мной не согласился, даже не слушаешь, что я говорю. А подрядчика, мужика, ты вчера слушалъ со вниманіемъ.

— Жуликъ, мерзавецъ,—сказалъ Авениръ.—Онъ 40 ты-

сячъ на постройкѣ тутъ на одной награбилъ. Его давно пора въ арестантскія роты.

— Ну вотъ, а у тебя къ нему доля какого-то уваженія есть.

— Ну, что ты, какое уваженіе,—сказалъ Авениръ. Потомъ, помолчавъ и покачавъ головой, прибавилъ:

— А все-таки умная голова. Это ужь не учеба какая-нибудь, а сама природа. Безъ ухищреній этихъ. Нѣтъ, ты напрасно, Андрей, думаешь, что я тебя не слушаю, не цѣню, я, братъ...

— Гдѣ же ты слушаешь? Я вотъ вамъ все твержу о гигіенѣ, о питаніи, а вы ни разу не обратили даже вниманія, а между тѣмъ только и дѣлаете, что *катаетесь* отъ живота да лѣзете отъ зубовъ на стѣны.

— Это вѣрно, животы всѣхъ мучаютъ,—сказалъ Авениръ.— Животы и зубы. За это, братъ, спасибо тебѣ. Я люблю откровенность, потому что самъ—человѣкъ откровенный.

Онъ всталъ и крѣпко пожалъ брату руку.

— Ты знаешь, когда оглянешься кругомъ, то каждый уголокъ кричитъ объ одномъ: о свѣтѣ, о дисциплинѣ, о культурѣ.

Авениръ кивнулъ-было головой, но при послѣднемъ словѣ поморщился.

— Что это *она* далась тебѣ, право...

— Кто *она*?

— Да вотъ культура эта. Не очень-то намъ нужно это... искусственное...

— А что же намъ нужно?

— Душа,—вотъ, что.

IX.

Уже давно прошелъ тотъ срокъ, который Андрей Христофоровичъ назначилъ себѣ для того, чтобы погостить у братьевъ. Каждый день онъ просилъ отвезти его на станцію и каждый день отъѣздъ почему-нибудь откладывался.

То лошадей не было, то экипажъ, какъ сломали, такъ и не собрались починить. То Авениръ забывалъ малому сказать, чтобы онъ пригналъ изъ табуна лошадей. И только восклицалъ:

— Ахъ, братецъ ты мой! Какъ же это я забылъ!

Не смотря на живость характера, онъ такъ же все забывалъ, какъ и Николай.

И все у нихъ было такъ же, какъ у Николая. Такъ же, какъ и тамъ,—говорили не своими словами, а пословицами и поговорками. Были тѣ же примѣты, тѣ же средства отъ

всѣхъ болѣзней. Тамъ ими пользовала всѣхъ Липа, а здѣсь тетка Варвара.

— Да что вы, часто бываете другъ у друга, что ли?— спросилъ Андрей Христофоровичъ, думая найти въ этомъ причину такого единства.

— Пять лѣтъ другъ друга не видѣли! Когда Катинаго дѣдушку хоронили,—съ тѣхъ самыхъ поръ,—сказалъ Авениръ,—а что?

— Такъ, пришло въ голову... И, пожалуйста, завтра дай мнѣ лошадей.

— Все-таки завтра?

— Что значитъ „все-таки", когда я ужь недѣлю объ этомъ прошу.

— Не выйдетъ завтра,—сказалъ Авениръ.

— Отчего? — спросилъ испуганно Андрей Христофоро вичъ.

— Тарантасъ сломанъ. Я говорилъ Николаю отослать его въ кузницу, а онъ сказалъ Павлу, тотъ и забылъ. Пойдемъ-ка обѣдать.

Ихъ нельзя было назвать лѣнивыми. Всѣ они, начиная съ отца, кончая сыновьями, могли спать два часа въ сутки, тащить лодки по двадцати верстъ на бичевѣ. Или безъ отдыха возили сѣно въ сарай. И было странно, откуда у этихъ людей столько силы.

А то вдругъ по цѣлымъ днямъ сидѣли или лежали на рѣчкѣ, жарясь подъ солнцемъ и ровно ничего не дѣлая. Или спали такъ, что нельзя было добудиться никого ни къ чаю, ни къ обѣду. Тутъ можно было около нихъ кричать, таскать ихъ за ноги, въ особенности Петра.

Домъ похожъ былъ на какую-то походную палатку, гдѣ не жили, только переживали зиму: столько всего было набросано,—сапоги, одежда,—и все это на полу.

Лѣтомъ спали всѣ на дворѣ, въ сараѣ подъ навѣсомъ до самыхъ морозовъ и такъ крѣпко, что не чувствовали ни укусовъ комаровъ, ни ползающихъ по лицу двухвостокъ. Въ первые дни убѣдили было и Андрея Христофоровича идти съ ними спать. Но его такъ заѣли комары и наползли всюду двухвостки, что онъ, бросивши подушку и одѣяло, ушелъ въ одномъ бѣльѣ въ домъ.

А на утро всѣ удивлялись, что его могли искусать комары.

— Насъ никогда не трогаютъ,—сказалъ Авениръ.

Не смотря на то, что они могли вставать почти въ три часа и до обѣда ѣздить безъ отдыха за рыбой, да еще и потомъ цѣлый день что-нибудь мастерить,—очередныя хозяй-

ственныя дѣла стояли безъ всякаго движенія часто по цѣлымъ недѣлямъ, не смотря на просьбы Кати.

Водосточныя трубы засорились еще съ весны и послѣ каждаго дождя вода лилась прямо въ сѣни.

— А чортъ тебя занесъ куда! Подставь ужь сюда кадку, что-ли, — говорилъ Авениръ. — Непремѣнно вычистить надо трубы.

И никакъ не могли собраться вычистить. Тутъ вдругъ на всѣхъ нападала такая лѣнь, что, казалось, руки у всѣхъ деревенѣли и опускались.

— Николай, взлѣзь, пожалуйста, почисть,—говоритъ отецъ старшему сыну.

— Павелъ, взлѣзь, пожалуйста, а то я на рѣку иду,—говорилъ Николай брату.

— Пусть Петръ лѣзетъ, я на покосѣ былъ, — говорилъ Павелъ.

— Ну, что же вы, отпустите меня или нѣтъ? — сказалъ одинъ разъ Андрей Христофоровичъ.

— Да что тебѣ, не все равно, что нынче, что завтра?— сказалъ Авениръ.

И еще разъ убѣждался Андрей Христофоровичъ, что эти люди абсолютно не могли жить въ какихъ-нибудь опредѣленныхъ, строго ограниченныхъ срокахъ. Все опредѣленное, заключенное въ какія-нибудь рамки, не укладывалось въ ихъ натурѣ, не было даже имъ понятно. Если Андрей Христофоровичъ говорилъ, что ему нужно къ 15 числу явиться, Авениръ возражалъ на это:

— Не все-ли равно тебѣ къ 16-му. Эка важность—одинъ день.

Если онъ говорилъ, что ему чего-нибудь нельзя ѣсть, Катя всегда говорила неизмѣнно:

— А вы немножечко.

За три дня до отъѣзда у Андрея Христофоровича открылись вдругъ сильныя схватки въ желудкѣ, потомъ колющія боли.

„Что такое? Жирнаго, кажется, я ничего не ѣлъ", — думалъ Андрей Христофоровичъ. И съ тревогой ждалъ новыхъ ужасныхъ схватокъ. Ночь прошла тревожно, мучительно. Не было прислуги, которую можно было бы позвать и сказать поставить согрѣть воды для желудка. Всѣ спали, какъ мертвые. И Андрей Христофоровичъ самъ искалъ воды и спиртовку. Боли были такія, что хотѣлось кричать о помощи.

Но, когда онъ утромъ сказалъ Авениру про пережитую ночь, испугъ и боли, на того это не произвело никакого впе

чатлѣнія. Андрей Христофоровичъ ждалъ тревожныхъ раз спросовъ. Вмѣсто этого, Авениръ сказалъ:

— Ерунда, братъ, животъ. Водки съ квасомъ полъ-наполъ хватилъ стаканъ, вотъ тебѣ и дѣло съ концомъ.

— Я не могу понять, отчего, — сказалъ Андрей Христофоровичъ.

— Ну, что тамъ понимать! Да ни отчего. Природа, голубчикъ, требуетъ. Вотъ мы, на что ужь простую жизнь ведемъ, а тоже иной разъ такъ закрутитъ, что свѣта не взвидишь.

А потомъ оказалось, что это не природа, а Катя всѣ двѣ недѣли вмѣсто молока давала ему сливки, не смотря на предупрежденіе Андрея Христофоровича относительно сливокъ.

— Ну, зачѣмъ же вы это дѣлали?—сказалъ Андрей Христофоровичъ, едва скрывая досаду. — Вѣдь сливки мнѣ вредны.

— Да я думала, что немножко—ничего,—сказала Катя.

— Ты, Андрей, пожалуйста, не думай, что это отъ сливокъ. Это братъ, чушь, твои фантазіи. Мы часто сливки пьемъ и у насъ никогда ничего не бываетъ. Да отъ нихъ и быть ничего не можетъ.

И Андрей Христофоровичъ почувствовалъ, какъ не убѣдительны для нихъ его страхи. И какъ для нихъ мало убѣдительна необходимость его режима, благодаря которому, онъ только и поддерживалъ свои силы при той напряженной, полной труда жизни, какую онъ велъ. Здѣсь не было этого труда, не было и необходимости заботиться объ исправности организма.

Если этому Петру или смѣшливой Катѣ сказать, что у нихъ язва желудка, то они даже не повернутся и такъ же будутъ пить квасъ. И если умрутъ, то умрутъ безъ ужаса передъ смертью, безъ жалобъ. А, можетъ быть, съ легкимъ удивленіемъ, отчего это могло случиться.

Авениръ же навѣрное сказалъ бы:

— Двумъ смертямъ не бывать—одной не миновать.

Здѣсь даже какъ будто не были рѣзки границы между жизнью и смертью. И смерти здѣсь не боялись, точно считали ее однимъ изъ эпизодовъ жизни. И по поводу чьей-нибудь смерти всегда говорили какую-нибудь пословицу, разрѣшавшую этотъ вопросъ просто и безболѣзненно.

Здѣсь было и страшно за себя отъ сознанія безпомощности, но въ то же время даже у размѣреннаго и уравновѣшеннаго Андрея Христофоровича, изъ какихъ-то невѣдомыхъ глубинъ его души выплывало такое настроеніе, что хотѣлось сказать себѣ:

— Э, жизнь—копейка, будь, что будетъ!

Противъ воли вливалась какая-то бодрость и смѣлость, какъ будто чувствовалъ себя не въ одиночку, а въ веселой, смѣлой компаніи.

Накануне отъѣзда, когда всѣ сидѣли за ужиномъ и ѣли квасъ и таранку, кто-то стукнулъ въ окно. Авениръ вышелъ въ сѣни и черезъ минуту вернулся съ запечатаннымъ конвертомъ.

— Отъ Николая,—сказалъ онъ.

Распечатали письмо. Тамъ было короткое извѣщеніе:

„Липа умерла. Отчего—не извѣстно. Пришла съ пасѣки, съѣла двѣ тарелки окрошки изъ кваса съ ледника, а къ вечеру и померла".

Всѣ удивились. Катя перекрестилась и долго утирала глаза. И всѣ вспоминали, какая была хорошая старушка—Липа.

— Теперь безъ нея плохо будетъ Николаю,—сказалъ Авениръ,—заболѣетъ кто или что другое... лучше ея никто не зналъ, какъ помочь.

— И отчего умерла,—сказала Катя,—хоть бы болѣзнь какая... а то и этого не было.

— Ну, да смерть—окладное дѣло,—сказалъ Авениръ,—а жаль: сколько однихъ заговоровъ знала. Ты не смѣйся, Андрей, я самъ, пока не испыталъ, тоже не вѣрилъ.

А потомъ заговорили о другомъ и черезъ полчаса уже забыли про Липу.

— Ну, вотъ, хорошо, братъ, что побывалъ у насъ,—говорилъ Авениръ брату, когда рыдванъ, обитый внутри полосатымъ ситцемъ, стоялъ у крыльца.

— Ты пиши, кто въ театрахъ будетъ играть въ слѣдующемъ сезонѣ. Я, братъ, всѣмъ интересуюсь,—говорилъ Авениръ, когда выходили въ сѣни.—Про Малый театръ пиши... Такъ какъ, бишь: Ермолова—драматическая, Садовская—трагическая.

— Комическая.

— Да, комическая. Помню, помню, ты сказалъ: комическая.

— А Рыбаковъ Чацкаго.

— Да какого—Чацкаго! Рыбаковъ—старикъ!

— Тьфу, старикъ, ну, конечно, старикъ. Я это запишу. Пиши о событіяхъ... что—нѣмцы? До насъ не дойдутъ. Кланяйся, братъ, Москвѣ, скажи ей, что за нею стоитъ сила. Вотъ она.—И онъ съ размаху ударилъ по плечу Петра, который даже не пошатнулся.—Скажи, молъ, если нѣмцы придутъ къ Москвѣ, то у насъ вотъ есть живая сила, безъ всякой механики, но... ужь она себя покажетъ. А? Пѣтухъ?

Петръ повернулъ свою огромную, на толстой шеѣ голову и вдругъ, не удержавшись, усмѣхнулся такъ, что Андрею Христофоровичу стало страшно. Такая усмѣшка появлялась у него, когда Павелъ разсказывалъ про него, какъ онъ съ однимъ своимъ Бѣлымъ травилъ десятокъ деревенскихъ собакъ.

— Ну, съ Богомъ!

Андрей Христофоровичъ простился съ Авениромъ, который заключилъ его въ свои объятія и троекратно поцѣловалъ. Потомъ пожалъ руку Катѣ, огромныя кисти племянниковъ и сѣлъ въ рыдванъ.

Лошади тронули. Его сейчасъ же толкнуло въ затылокъ, потомъ подбросило вверхъ и пошло встряхивать и перебрасывать съ боку на бокъ.

— Заваливайся и спи! — крикнулъ ему Авениръ, стоя безъ шапки по срединѣ дороги.—Дай Богъ!

Андрей Христофоровичъ, точно въ лодкѣ въ бурю, держась обѣими руками за края экипажа, думалъ о томъ, пройдетъ-ли ему даромъ эта дорога и это время, проведенное здѣсь.

Пантелеймонъ Романовъ.

Послѣ Шлиссельбурга.

I.

Въ Архангельскѣ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ выхода изъ Шлиссельбурга меня отправили въ Архангельскую губернію, которая по случаю Японской войны должна была замѣнить Сибирь.

Мы пріѣхали въ Архангельскъ 17 октября и, когда солнце всходило и я вспомнила, что этотъ день—воскресенье, то невольно подумала, не счастливое ли это предзнаменованіе и не начнется ли съ этого дня мое воскресеніе?

Съ вокзала мы сѣли на пароходъ „Москва“ и переправились черезъ Сѣверную Двину, широкую и прекрасную. Недалеко отъ берега бросался въ глаза соборъ съ синими куполами, усѣянными золотыми звѣздами, а городъ, въ который мы въѣзжали, былъ украшенъ флагами по случаю событія въ Боркахъ 17 октября 1888 года, но, при желаніи, я могла вообразить, что населеніе чествуетъ мой пріѣздъ.

Когда мы подъѣхали къ канцеляріи губернатора, двери были заперты и сторожа, протирая глаза, тащили флаги на площадь передъ домомъ губернатора.

Губернаторъ, правитель канцеляріи и ихъ подчиненные еще не вставали, и мы вошли въ пустынные покои, гдѣ было много чернилъ, бумаги и разстроенные хрипящіе часы. Послѣ 11-ти явился правитель канцеляріи и стало выясняться положеніе дѣлъ. Полковникъ Дубровинъ, сопровождавшій меня съ двумя жандармами, подалъ ему запечатанный пакетъ, и по мѣрѣ того, какъ чиновникъ читалъ бумагу департамента полиціи, его лицо, прежде предупредительно-любезное, вытягивалось и становилось все серьезнѣе.

„Я долженъ тотчасъ же препроводить васъ въ тюремный замокъ“,—началъ онъ, обращаясь ко мнѣ.—„Затѣмъ, согласно распоряженію департамента полиціи, вы будете отправлены въ *отда-*

леннѣйшія мѣста Архангельской губерніи. Тамъ вы не должны имѣть *ни одного товарища* изъ политическихъ ссыльныхъ. Два полицейскихъ стражника будутъ сопровождать васъ и останутся на мѣстѣ назначенія для постояннаго наблюденія за вами". Я стояла, ошеломленная. Я разсчитывала по пріѣздѣ въ Архангельскъ остаться на свободѣ съ сестрой и быть отправленной въ какой-нибудь уѣздный городъ или село, по близости. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга мой братъ Петръ былъ принятъ въ департаментѣ полиціи съ большой любезностью. Кто-то изъ высшихъ чиновъ, принимавшихъ его, сказалъ: „Довольно она натерпѣлась: теперь—все будетъ по другому. Будьте покойны: ей будетъ хорошо". Окрыленныя надеждой, мы двинулись въ путь. И, вотъ, каково оказалось это „*другое*". Меня заключали въ острогъ и разлучали съ сестрой, которая сопровождала меня и надѣялась поселиться со мной въ гостинницѣ, а теперь тщетно предлагала поставить стражу тамъ, гдѣ мы остановимся, и взять на себя расходы по содержанію этой охраны. Вмѣсто ближайшаго мѣста поселенія, предо мной вставала перспектива отправиться за 2.400 верстъ отъ губернскаго города и жить въ безлюдномъ краѣ, безъ одного друга и безъ кого-либо изъ родныхъ, потому что, имѣя собственныя семьи, они не только не могли оставаться со мной, но даже и проводить въ такую даль. Отдаленнѣйшія мѣста губерніи —это сплошныя тундры, по которымъ проѣздъ возможенъ только зимой, когда болота замерзаютъ, и туда-то департаментъ полиціи отправлялъ меня. Можно себѣ представить, что это была бы за жизнь въ сообществѣ двухъ полицейскихъ, какъ это было съ Н. Г. Чернышевскимъ, и послѣ него въ первый разъ примѣнялось ко мнѣ, только что вышедшей изъ Шлиссельбурга!

Моя сестра Ольга, живая и энергичная, какъ львица, защищала меня, оспаривая одинъ за другимъ всѣ пункты инструкціи, данной относительно меня. Напрасно правитель канцеляріи увѣрялъ ее, что не въ его власти измѣнить что-либо въ предписаніяхъ изъ Петербурга. Я молчала, сдерживая волненіе. Потерявъ, наконецъ, терпѣнье отъ этихъ споровъ съ безсильнымъ чиновникомъ, я проговорила: „Безполезно говорить: поѣдемте".

Я обняла сестру, любящее сердце которой было неустанно въ заботѣ обо мнѣ; явившійся полицмейстеръ отвезъ меня на извозчикѣ въ тюрьму.

Опять тюрьма, опять стѣны, смотритель, надзирательница, обыскъ и камера, изолированная не только отъ политическихъ, но и отъ уголовныхъ. И тишина... опять тишина!

Каждый день сестра, бросившая на неопредѣленное время мужа и сына въ Ярославлѣ, навѣщала меня по вечерамъ и мы бесѣдовали часа полтора-два, всегда въ присутствіи смотрителя, хотя губернаторъ Бюнтингъ и обѣщалъ сестрѣ свиданія безъ постороннихъ ушей.

Уходя въ Шлиссельбургъ, я оставляла сестру Ольгу дѣвушкой, едва достигшей 21 года и только что кончившей Бестужевскіе курсы. Въ то время она смотрѣла на меня, какъ на свою учительницу, быть можетъ, даже, какъ на идеалъ. Моя участь только обострила ея чувство преданности мнѣ; съ годами эта преданность не ослабѣвала и, когда я была освобождена,—въ ея душѣ было ликованіе, котораго во мнѣ не было и слѣда. Каждое утро, по ея словамъ, первой ея мыслью было: *„она*—свободна! *она*—свободна!“ и это въ то время, когда чувство свободы еще ни разу не пробѣжало въ моей душѣ.

Теперь, съ чисто материнской нѣжностью, она, какъ птичка, вилась около меня, окружая попеченіемъ и заботливостью. Я очень нуждалась въ этомъ: оторванная отъ шлиссельбургскихъ товарищей, я теряла скрѣпу, которую дала тюрьма, и еще не пріобрѣла новой—внѣ ея. Не говоря о посѣщеніяхъ ея, которыя помогали мнѣ сохранять бодрость духа и перетерпѣть внутренній ужасъ передъ одиночествомъ, которымъ угрожалъ мнѣ департаментъ полиціи,—одиночествомъ, болѣе страшнымъ, чѣмъ былъ бы теперь для меня Шлиссельбургъ,—она, со всѣмъ пыломъ горячей любви, боролась за меня съ губернаторомъ, съ департаментомъ и готова была бороться со всѣмъ свѣтомъ, лишь бы добиться отмѣны свирѣпыхъ распоряженій, обрушившихся на меня.

Своей настойчивостью она совершенно терроризировала Бюнтинга, который доброжелательно находилъ полезнымъ для меня остаться лишній мѣсяцъ въ тюремномъ заключеніи. Она довела его до того, что онъ сталъ скрываться отъ нея и она ужъ не могла добиться пріема у него.

Въ Петербургъ посыпались телеграммы отъ нея: къ брату Петру, брату Николаю, въ департаментъ полиціи. Сестра указывала на слабость моего здоровья, разстроенные нервы, на невозможность послѣ 22 лѣтъ заключенія перенести суровость отдаленнѣйшей ссылки въ сѣверныя тундры, и настаивала на томъ, чтобы, хоть временно, я была поселена въ болѣе близкой мѣстности. Внутренно она надѣялась, что временное превратится въ постоянное и что во всякомъ случаѣ первое, самое трудное, время я не останусь одинокой и мою жизнь облегчитъ пребываніе со мной кого-нибудь изъ родныхъ.

Чутье любящаго сердца подсказывало ей, какое смятеніе и горечь волновали меня. Первое свиданіе въ Архангельской тюрьмѣ не могло не показать ей, какъ я была поражена новымъ оборотомъ судьбы. Присутствіе посторонняго лица, смотрителя, не позволяло облегчить душу: „языкъ прилипаетъ къ гортани“—писала я объ этомъ свиданіи брату Петру—„и я не нахожу, что̀ говорить“. „И вообще (продолжала я въ томъ же письмѣ отъ 18 октября) съ момента вступленія въ эту тюрьму я почувствовала, что всѣ вы, мои родные, которые такъ привѣтили и обласкали меня,—отхо-

дите куда-то вдаль, словно отплываете на кораблѣ, оставляя меня на берегу... На минуту наши пути скрестились и переплелись, а потомъ опять моя тропинка вышла изъ общаго узла и убѣжала въ сторону... И мнѣ казалось, что какъ прежде, между нами встаетъ каменная холодная твердыня".

Въ самомъ дѣлѣ, я думала, что рѣшеніе департамента полиціи останется неизмѣннымъ, и въ такомъ случаѣ я могла считать себя обреченной на гибель: я чувствовала, что физическихъ силъ моихъ не хватитъ, чтобъ преодолѣть условія предполагаемой ссылки. Мое освобожденіе изъ крѣпости казалось мнѣ ложью, лицемѣріемъ, вѣроломнымъ средствомъ уничтожить меня только инымъ способомъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ надо было притворяться въ письмахъ къ братьямъ, въ разговорахъ съ сестрой и увѣрять, что, подчиняясь неизбѣжному, я выдержу его и теперь, какъ выдержала въ прошломъ.

Я была въ этомъ настроеніи, когда въ одинъ непріятный для меня день меня вызвали въ канцелярію. Тамъ я застала губернатора и еще трехъ мужчинъ. Общество незнакомыхъ людей не только въ первое время, но и во всѣ первые годы, потрясало и выводило меня изъ равновѣсія, а тутъ я недоумѣвала, зачѣмъ привели меня: я не догадалась, что это была врачебная коммиссія для удостовѣренія состоянія моего здоровья. Смущенная и волнующаяся, я сѣла на стулъ и, когда одинъ изъ врачей задалъ о моихъ нервахъ какіе-то вопросы, я прерывающимся голосомъ дала неопредѣленный отвѣтъ. „Я сдѣлаю опытъ на рефлексъ",—сказалъ онъ и, сложивъ ладонями свои руки, слегка стукнулъ ими по моему колѣну. Неподготовленная къ этому пріему, о которомъ я раньше никогда не слыхала, я громко вскрикнула, вскочила и расплакалась.

Итакъ опытъ далъ наглядное доказательство, что нервы у меня разстроены, напряжены; но мнѣ было очень стыдно и досадно, что, ради избавленія отъ далекой ссылки, сестра привела ко мнѣ этихъ врачей. Она и сама не ожидала такой сцены и сокрушалась, что экспертиза сильно разстроила меня.

Въ результатѣ однако департаментъ прислалъ телеграмму, предоставившую губернатору поселить меня, впредь до поправленія здоровья, въ какомъ-нибудь селеніи Архангельскаго уѣзда, но при прежнемъ условіи изоляціи отъ другихъ ссыльныхъ и нахожденія при мнѣ двухъ урядниковъ.

Губернаторъ предоставилъ сестрѣ самой выбрать мое мѣстожительство и, по совѣту мѣстныхъ людей, она указала большой посадъ въ 70 верстахъ отъ Архангельска—Нёноксу, въ которой можно было найти и квартиру, и предметы питанія. На Нёноксѣ губернаторъ и остановился, но объявилъ, что до зимняго пути я все же останусь въ тюрьмѣ.

Въ исполненіе приказанія департамента, чтобъ я не имѣла товарищей-политиковъ, акушерка, жившая въ административной ссылкѣ въ Нёноксѣ, была переведена въ Архангельскъ. Для нея это было улучшеніе, но, желая быть со мной, она отказывалась выѣхать. Однако, когда полиція пригрозила употребить силу, ей пришлось подчиниться.

Любопытно, что департаментъ предписывалъ полную изоляцію, акушерку изъ Нёноксы выслали, но мѣстныя власти не вспомнили, что этотъ посадъ находится на этапномъ пути и по нему еженедѣльно идутъ партіи политиковъ (и уголовныхъ), ссылаемыхъ на сѣверъ и возвращаемыхъ оттуда. Это дало мнѣ потомъ возможность познакомиться со множествомъ лицъ, отъ которыхъ меня хотѣли уединить. Когда грозившая опасность была отклонена и упорная энергія Ольги увѣнчалась успѣхомъ, я, хотя и съ великимъ трудомъ, все же уговорила ее на время оставить меня въ одиночествѣ и до зимняго пути съѣздить въ Ярославль повидаться съ мужемъ и сыномъ. Горячо любя меня, она никакъ не соглашалась на это, но мысль о ея четырехлѣтнемъ мальчикѣ не давала мнѣ покоя и я безсовѣстно лгала ей, увѣряя, что легко перенесу двухнедѣльную разлуку. На дѣлѣ же новое одиночество и нестерпимая тюремная тишина оставили большіе слѣды на моихъ нервахъ.

Смотритель тюрьмы казался порядочнымъ человѣкомъ, иногда онъ заходилъ ко мнѣ побесѣдовать о тюрьмѣ и ея обитателяхъ. Онъ разсказывалъ о жалкомъ положеніи уголовныхъ, о своихъ заботахъ и добромъ отношеніи къ нимъ, о стремленіи просвѣтить, развлечь обученіемъ грамотѣ, устройствомъ чтеній со свѣтовыми картинами и т. д. Съ сокрушеніемъ жаловался онъ на плохое состояніе тюремной библіотеки, бѣдной книгами, и съ горечью упрекалъ молодыхъ интеллигентовъ, проходившихъ черезъ тюрьму, въ полномъ равнодушіи къ участи уголовныхъ, для которыхъ во все время они рѣшительно ничего не сдѣлали.

Я не имѣла причинъ не довѣрять искренности этого человѣка. Къ тому же въ этотъ первый періодъ моей новой, второй жизни душа моя была размягчена и, кажется, никогда въ жизни у меня не было болѣе горячаго желанія быть нужной и полезной для окружающихъ. Я съ радостью ухватилась за мысль улучшить тюремную библіотеку и дать хорошее чтеніе для обездоленнаго населенія тюрьмы. Тотчасъ принявшись за составленіе списка книгъ, подходящихъ къ среднему уровню уголовной публики, я выписала изъ Петербурга цѣлый ящикъ хорошей популярной литературы. Къ сожалѣнію, я не увѣрена, попали ли всѣ эти книги въ тюремную библіотеку, потому что впослѣдствіи я съ огорченіемъ узнала отъ одного уголовнаго, отбывшаго свой срокъ и жившаго въ Нёноксѣ, что всѣ рѣчи смотрителя были притворствомъ; мнѣ характеризовали его, какъ человѣка жесткаго, немилосердно притѣсняв-

шаго обитателей тюрьмы, и говорилъ это крестьянинъ, въ честности и правдивости котораго я имѣла возможность убѣдиться. А предо мной смотритель, жестокій въ обращеніи съ уголовными, всячески разсыпался, съ интересомъ и сочувствіемъ разспрашивалъ о Шлиссельбургѣ и разъ, почти съ негодованіемъ, воскликнулъ: „Да неужели же никто никогда не дѣлалъ попытки освободить васъ оттуда?!“ Онъ подразумѣвалъ, конечно, попытку революціонную. Иногда приходила ко мнѣ и надзирательница. Отъ нея я въ первый разъ услыхала терминъ: *„политики“*, который замѣнилъ названіе *„радикалы“*, какимъ въ мое время обозначали *революціонеровъ*. Разговаривая съ ней о политическихъ ссыльныхъ, проходившихъ чрезъ Архангельскую тюрьму, которая могла вмѣстить до 2 тысячъ человѣкъ, я измѣрила количественное различіе между числомъ лицъ, втянутыхъ въ революціонное движеніе въ теперешнее время и въ прежній періодъ. Такъ, однажды, послѣ студенческихъ волненій въ Петербургѣ, въ Архангельскую тюрьму, по ея словамъ, было прислано одновременно тысяча студентовъ. Прежде въ такихъ случаяхъ высылались десятки.

Ежедневно надзирательница сопровождала меня на прогулку. Тюремный дворъ ради меня превращался на полчаса въ безлюдный пустырь. Не говоря о политикахъ, даже уголовнымъ было въ это время запрещено проходить по двору. Однако случалось изрѣдка—одинокая фигура въ сѣромъ халатѣ появлялась откуда-нибудь изъ-за угла и каждый разъ сердце у меня начинало биться сильнѣе, я ускоряла шаги и съ разочарованіемъ отвертывалась, убѣждаясь, что это не Фроленко, не Новорусскій или Антоновъ. Только разъ, административно-ссылаемый дантистъ, бывшій въ аптекѣ, гдѣ онъ, быть можетъ, дергалъ кому-нибудь зубы, внезапно вышелъ въ сопровожденіи надзирателя и столкнулся со мной лицомъ къ лицу. Вѣроятно, онъ зналъ, *кто*—единственная узница въ тюрьмѣ, потому что тотчасъ назвалъ меня по имени и сталъ спрашивать о Карповичѣ, котораго гдѣ-то, повидимому, встрѣчалъ. Не смотря на сопротивленіе надзирателя, съ одной стороны, надзирательницы—съ другой, намъ удалось перекинуться нѣсколькими фразами. Давая адресъ въ Мезень, куда его отправляли, онъ просилъ написать ему все, что я могу сообщить о Карповичѣ. При первой возможности я сдѣлала это, а потомъ была очень удивлена, что мое письмо цѣликомъ помѣщено въ „Искрѣ“, безъ спроса о томъ, желаю я этого или нѣтъ.

Отъ того же дантиста при встрѣчѣ я узнала, что въ тюрьмѣ находится сопроцессникъ Гершуни—Качура. Въ свое время онъ вмѣстѣ съ Гершуни, Мельниковымъ и Сикорскимъ былъ отвезенъ въ Шлиссельбургъ и содержался въ старой исторической тюрьмѣ, вдали отъ насъ, старыхъ шлиссельбуржцевъ, находившихся въ тюрьмѣ, открытой въ 1884 г. На судѣ по отношенію Гершуни Качура велъ себя довольно двусмысленно, въ шлиссельбургской

тюрьмѣ, не въ примѣръ прочимъ, онъ пользовался нѣкоторыми льготами, работая въ мастерской, чего не дозволяли другимъ, и, наконецъ, до истеченія срока былъ увезенъ изъ крѣпости для отсылки въ Мезень. По словамъ разсказчика и смотрителя, онъ былъ ненормаленъ.

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ моего выхода изъ Шлиссельбурга, 29 октября, послѣ обычнаго обхода камеръ смотрителемъ, когда все затихло и никто уже не могъ нарушить моего покоя, я, сидя въ своей одиночкѣ, вынула изъ столика, бывшаго въ камерѣ, № „Революціонной Россіи", издававшейся за границей партіей соціалистовъ-революціонеровъ.

Со смѣшаннымъ чувствомъ удивленія и невольнаго удовлетворенія я пробѣгала страницы этого подпольнаго органа, чудомъ залетѣвшаго въ мою камеру и послѣ 22 лѣтъ отлученности пріобщавшаго меня къ идеямъ, за которыя боролась и погибла „Народная Воля". Я читала о народовольцахъ; стояли имена Ашенбреннера, мое и другихъ товарищей. Поминали казненныхъ, поминали погибшихъ въ Алексѣевскомъ Равелинѣ и поминали насъ, оставшихся въ живыхъ. Поминали горячимъ словомъ, съ горячимъ чувствомъ и громко признавали насъ предтечами и своими родоначальниками.

Погребенные въ Шлиссельбургѣ, мы, въ нашей живой могилѣ, думали, что мы забыты и не оставили слѣда въ послѣдующемъ поколѣніи. Никогда не помышляли мы ни объ исторической роли, ни о памяти въ потомствѣ.

Когда одинъ изъ младшихъ товарищей, Манучаровъ, желая воздать хвалу намъ, говорилъ въ одномъ стихотвореніи о славѣ, я въ стихотворной формѣ остановила полетъ его мечтаній, указывая, что не мысль о славѣ должна поддерживать и одушевлять насъ:

„Въ исполненномъ долгѣ отраду искать
Въ своемъ заточеньи мы будемъ!"—говорила я.

И вотъ, черезъ четверть столѣтія идея, которая не умираетъ, подняла новую, несравненно болѣе высокую волну революціоннаго движенія, 25 лѣтъ тому назадъ не достигшаго своихъ цѣлей, и на вершину гребня вынесла имена прежнихъ борцовъ за свободу.

Насъ помнятъ, насъ знаютъ, насъ признаютъ. А мы, уходя съ политической арены, со стѣсненнымъ сердцемъ оглядывались назадъ и скорбѣли, что мы оставлены и одиноки, и нѣтъ рукъ, которыя подхватили бы выпавшее изъ нашихъ рукъ знамя.

II.

Нёнокса.

18-го ноября, ровно черезъ мѣсяцъ по пріѣздѣ въ Архангельскъ, меня отвезли въ посадъ Нёноксу. Это было обставлено большой помпой. Предварительно становой приставъ проѣхалъ самъ, чтобъ удостовѣриться, что путь вполнѣ установился: Сѣверная Двина—встала и прибрежный ледъ Бѣлаго моря, по которому на нѣсколько верстъ шелъ путь,—достаточно крѣпокъ.

Утромъ, часовъ въ 9, у воротъ тюрьмы уже находилась моя сестра Ольга и нѣсколько ссыльныхъ, непремѣнно хотѣвшихъ проводить меня. Пришли бы и всѣ — ихъ было болѣе сотни въ городѣ,—но мы отклонили демонстрацію, которой боялась полиція, какъ раньше, при моемъ пріѣздѣ, отклонили проектъ молодежи устроить манифестацію около тюрьмы. Я не могла допустить возможности избіенія этой молодежи казаками, когда я оставалась бы въ бездѣйствіи за рѣшеткой тюрьмы. Три экипажа уже ждали меня: въ одной изъ кибитокъ помѣстилась я съ сестрой; въ другой — исправникъ съ урядникомъ, а въ саняхъ сидѣли два стражника — моя будущая охрана въ Нёноксѣ. Кортежъ вышелъ внушительный, и во всѣхъ селахъ по дорогѣ, какъ и на станціи, гдѣ мѣняли лошадей, производилъ сенсацію: жители думали, что ѣдетъ начальникъ губерніи или еще болѣе высокая особа.

Изъ Архангельской тюрьмы я не разъ писала княжнѣ Марьѣ Михайловнѣ Дондуковой-Корсаковой, которая проникла въ Шлиссельбургъ незадолго до моего выхода, а потомъ посѣтила меня въ Петропавловской крѣпости передъ отъѣздомъ въ Архангельскъ. Адресъ, на которомъ стояло: „Ея Сіятельству“, создавалъ мнѣ особенный престижъ, распространившійся далеко за предѣлы тюрьмы, и наряду съ торжественностью проѣзда послужилъ поводомъ къ смѣшнымъ толкамъ и цѣлымъ легендамъ о моей особѣ. По всей округѣ прошелъ слухъ, что въ Нёноксу привезена придворная дама, попавшая временно въ опалу; разростаясь, легенда пошла дальше и меня надѣлили титуломъ княгини. Женщины, приходившія продавать яйца и куропатокъ, таинственнымъ шопотомъ просили сестру „показать имъ княгинюшку“. Я стала наконецъ,—великой княгиней Елизаветой Ѳеодоровной, пріѣхавшей изъ Москвы узнать о положеніи народа. Устно и письменно, именуя меня княгиней и сіятельствомъ, ко мнѣ обращались впослѣдствіи съ просьбами о помощи, ссылаясь на „холодъ и голодъ“, и съ разными ходатайствами объ облегченіи участи.

Отвыкшая отъ путешествія на лошадяхъ, послѣ 70-ти верстъ я чувствовала себя совершенно разбитой. Сестра поспѣшила уложить меня на диванчикѣ почтовой станціи, гдѣ мы нашли первый

пріютъ. Но, едва мы стали устраиваться, вошелъ стражникъ и заложивъ руки за спину, сталъ грѣться у печки. „Что вамъ тутъ надо?“ спросила Ольга.—„Приказано быть при васъ“,—отвѣчалъ стражникъ.

Сестра вскипѣла и тотчасъ отправилась на въѣзжую, гдѣ остановился исправникъ.

Послѣ споровъ и перекоровъ—стражникъ былъ введенъ въ исполненіи своихъ обязанностей въ должныя границы.

Надо сказать, что вопросъ о стражникахъ поднимался еще въ Архангельскѣ: исправникъ объявилъ сестрѣ, что въ Нёноксѣ стражники будутъ по очереди дежурить въ *моей квартирѣ и енъ, и ночь.*

Этого сестра ужъ никакъ не могла допустить: пусть стражники днюютъ и ночуютъ у дверей дома, гдѣ я буду жить, но *въ квартиру* къ себѣ мы ихъ не пустимъ.

Она таки отвоевала это, хотя исправникъ и взывалъ къ нашему чувству гуманности, указывая на 35—40 градусные морозы Архангельской губерніи, отъ которыхъ при наружномъ наблюденіи могли пострадать стражники.

На другой день, укутанныя, какъ слѣдуетъ, мы отправились съ сестрой искать квартиру, и было странно въ первый разъ идти безъ жандарма впереди и сзади. Впрочемъ, въ почтительномъ отдаленіи, шелъ и теперь одинъ изъ моихъ соглядатаевъ. Посадъ имѣлъ 2 тыс. жителей, и когда наканунѣ наша кибитка въѣхала въ улицы, я съ любопытствомъ смотрѣла на дома, большіе, двухъэтажные, со множествомъ оконъ, что особенно обращало вниманіе, въ виду холоднаго климата губерніи. „Да это лучше нашего уѣзднаго города Тетюшъ, какъ я его помню тридцать лѣтъ назадъ“, сказала я сестрѣ, и мы надѣялись безъ труда найти подходящее помѣщеніе для насъ.

Увы! квартиру подыскать было не легко.

Казеннаго лѣса въ Архангельскомъ уѣздѣ много и онъ отпускается крестьянамъ за самую незначительную плату. Благодаря этому, многіе жители посада имѣютъ не одинъ, а два дома. Но, хорошіе снаружи, они внутри находятся въ разрушеніи: создается впечатлѣніе, что хозяева когда-то жили богаче, лучше, а теперь переживаютъ кризисъ. Стѣны оклеены обоями, но они оборваны, висятъ клочьями и колышатся отъ вѣтра, залетающаго въ разбитыя стекла рамъ; полы, нѣкогда выкрашенные, — облѣзли и загажены. Сами хозяева, оставивъ просторныя хоромы, ютятся гдѣ-нибудь въ пристройкахъ или въ грязныхъ избахъ.

Походивъ напрасно по улицамъ, мы набрели наконецъ на покосившійся двухъэтажный домишко, въ которомъ за 15 р. въ мѣсяцъ намъ предлагали взять верхній этажъ изъ 3-хъ комнатъ и кухни. Желая поскорѣй устроиться, мы сняли эту развалину въ

которой потомъ ежедневно угарали и лежали недвижимы съ головной болью съ утра до вечера.

Вслѣдъ за нами, въ тотъ же день, въ этотъ домъ переѣхали и стражники, занявшіе нижній этажъ его. Надзоръ за мной былъ такимъ образомъ вполнѣ обезпеченъ и, на зависть посадскимъ мѣщанамъ, они зажили прекрасно. „И за что они 25 рублей въ мѣсяцъ жалованья получаютъ"? удивлялись жители. „Живутъ, какъ коты: ѣдятъ, пьютъ и на печи валяются".

Если квартира была отвратительна: холодная, угарная, съ сильно покосившимися полами, то недостатка въ предметахъ питанія мы не испытывали. Край богатъ птицей, рыбой, звѣремъ. Два охотника изъ мѣстныхъ жителей въ зиму убили 11 лосей, прекрасныхъ животныхъ, величиной съ быка. Шкуру съ большими развѣсистыми рогами они продавали въ Архангельскѣ за 5 рублей, а мясо по 3—5 коп. за фунтъ сбывали въ самой Нёноксѣ. Въ изобиліи были рябчики, куропатки, тетерки, которыхъ ловятъ въ сѣтки, разставленныя на большомъ пространствѣ. Рыба изъ ближайшихъ озеръ и весной изъ моря продавалась задешево. Недоставало хорошаго молока: за скудостью въ этой мѣстности луговъ коровъ кормятъ „исландскимъ мохомъ". Богатый слизистыми веществами—онъ придаетъ молоку тягучесть и непріятный вкусъ. Такъ какъ молока мало, жители бьютъ телятъ уже двухнедѣльными, лишь бы не тратить на нихъ дорогой продуктъ. Главною пищей населенія служитъ рыба, въ особенности любимая треска. Мало просоленая, она представляетъ полуразложившуюся массу, издающую зловоніе, но жители находятъ ее вкусной. Въ этихъ широтахъ рожь уже не сѣютъ и мука привозится изъ Архангельска. Обыкновенно ее смѣшиваютъ съ ячменемъ, который въ поляхъ замѣняетъ здѣсь рожь; но и онъ часто не вызрѣваетъ. Ни капусты, ни какихъ-либо другихъ овощей, не говоря уже объ огурцахъ, воспитать здѣсь нельзя. Но картофель сажаютъ. Лѣтомъ, говорятъ, рѣдко бываютъ три ясныхъ дня подъ рядъ. Кромѣ земледѣлія, жители, общій обликъ которыхъ походитъ на мѣщанъ, занимаются охотой, рыболовствомъ, извозомъ, лѣснымъ промысломъ и солевареніемъ. Послѣднее ведется чуть ли не съ Новгородскихъ временъ и организовано на артельный ладъ: соляными колодцами владѣютъ на паяхъ, которые передаются по наслѣдству и могутъ продаваться. У однихъ посадскихъ одинъ пай, у другихъ—2—3—5. Варка соли происходитъ въ зданіи, принадлежащемъ всѣмъ пайщикамъ. Сообща они нанимаютъ и солевара, который, кромѣ жалованья, получаетъ пищу отъ того лица, соль котораго въ данный моментъ варится. Въ среднемъ, одна варка даетъ 100—110 пудовъ соли, которая поступаетъ въ общій складъ въ Архангельскѣ, куда сплавляется сначала по рѣкѣ Нёноксѣ, а потомъ моремъ. Въ Архангельскѣ общій прикащикъ, получающій 300 р. въ годъ, продаетъ всю поступившую къ нему соль, а вы-

ручка распредѣляется потомъ между отдѣльными пайщиками, сообразно количеству пудовъ, приходящихся на каждый пай. Меня интересовало какъ артельное начало, положенное въ основу промысла, такъ и самый процессъ солеваренія. Я осмотрѣла все производство. Оказалось, оно ведется самымъ примитивнымъ образомъ: топлива истребляется множество. Благодаря казеннымъ лѣсамъ, оно дешево и его тратятъ, не жалѣючи, причемъ, чья соль варится, тотъ долженъ доставить и необходимыя для этого дрова. Горькія соли разсола, какъ менѣе растворимыя, осаждаются при процессѣ первыми; но онѣ вовсе не утилизируются, а попросту выбрасываются вонъ; поваренная соль изъ чрена бросается прямо на землю и потому не отличается чистотой, что уменьшаетъ ея цѣнность. На лошадяхъ ее перевозятъ къ рѣчной пристани и тамъ корзинами перегружаютъ на баржи.

Мнѣ, такъ долго остававшейся внѣ жизни, естественно хотѣлось поскорѣе войти въ окружающую жизнь, какъ ни бѣдна была она содержаніемъ; хотѣлось какъ-нибудь прицѣпиться къ ней и съ своей стороны внести въ нее какое-нибудь улучшеніе. Узнавъ, что корзинки для погрузки соли не дѣлаются на мѣстѣ, а привозятся изъ Архангельска, стоятъ довольно дорого и быстро изнашиваются, я подумала, что здѣсь можетъ привиться корзиночный промыселъ, если завести мастерскую, въ которой желающіе могли бы учиться плести нужныя корзины. Отъ И. И. Горбунова-Посадова я выписала литературу по кустарнымъ промысламъ и приступила къ собиранію свѣдѣній, гдѣ можно взять необходимый матеріалъ и нанять мастера Посадскіе указывали мнѣ на лѣсничаго Пруденскаго, жившаго въ Нёноксѣ, какъ на человѣка, который можетъ оказать мнѣ услугу въ этомъ дѣлѣ. Дѣйствительно, когда я обратилась къ нему, онъ сдѣлалъ все, зависѣвшее отъ него. Я находила, что мнѣ, какъ ссыльной, лучше не брать офиціально на себя иниціативу въ устройствѣ мастерской, и предложила лѣсничему открыть ее, какъ бы по его собственному почину. Деньги же для найма помѣщенія, мастера и на покупку необходимаго матеріала должна была доставить я. Лѣсничій охотно пошелъ на это и въ самое короткое время нанялъ избу, отыскалъ и пригласилъ корзинщика и пріобрѣлъ матеріалъ—сухую сосну для дранокъ, изъ которыхъ должны были дѣлаться корзины. Все устроилось легко и скоро—мастерская въ Нёноксѣ была открыта. Оставалось привлечь учениковъ изъ мѣстнаго населенія и я занялась агитаціей и пропагандой. Я ходила по улицамъ съ Александрой Ивановной Морозъ, жившей со мной съ января и вмѣстѣ со мной финансировавшей корзиночную мастерскую, и не пропускала ни одной дѣвушки, ни одного подростка безъ того, чтобъ не изложить краснорѣчиво необходимость и выгодность для данной мѣстности корзиночнаго промысла. Я убѣждала всячески идти въ мастерскую и учиться плести корзины,

какъ для тасканія соли на баржи, такъ и для домашняго обихода вообще. Но трудно преодолѣть деревенскую инертность: мои усилія пропадали даромъ. Четыре или пять мальчиковъ, дѣйствительно, стали посѣщать мастерскую и сдѣлали по двѣ-три небольшихъ корзиночки, и я сама сплела, подъ руководствомъ мастера, одну. Что касается взрослыхъ, никто не заинтересовался этимъ производствомъ и, такъ какъ охотниковъ учиться не находилось, то мѣсяца черезъ два я сочла за лучшее закрыть мастерскую остававшуюся безъ учениковъ.

Съ тѣмъ же лѣсничимъ я обсуждала вопросъ о другомъ промыслѣ, который могъ пойти въ этой мѣстности. Какъ онъ, такъ и мѣстный священникъ говорили, что въ Нёноксѣ есть мѣсторожденіе глины, годной для гончарнаго дѣла. Все поморье пріобрѣтало глиняную посуду у крестьянъ, которые закупали ее за 70 верстъ, въ Архангельскѣ, и потомъ объѣзжали съ ней села. Священникъ говорилъ, что вопросъ о гончарномъ производствѣ уже не разъ поднимался въ Нёноксѣ и образцы глины возились въ Архангельскъ, гдѣ были признаны годными къ дѣлу. Я предполагала устроить заводъ на артельныхъ началахъ, силами самихъ жителей. Но единственнымъ человѣкомъ, который сильно заинтересовался моимъ проектомъ, былъ священникъ, обремененный 9 или 10 дѣтьми, которыхъ надо было кормить и воспитать. Падкій на деньгу, чадолюбивый отецъ—будь онъ допущенъ въ руководители, безъ сомнѣнья забралъ бы все дѣло въ свои руки, а подыскать подходящихъ людей въ артель я не могла. Мое знакомство съ посадскими не могло быть широкимъ. Урядники усердно позаботились объ этомъ. Распространяя обо мнѣ всевозможныя небылицы, они запугивали населеніе тюрьмой и даже разстрѣломъ тѣхъ, кто вздумалъ бы посѣщать меня. Никто изъ жителей, кромѣ поставщиковъ продуктовъ, не заходилъ ко мнѣ и мнѣ при этихъ условіяхъ неловко было часто ходить къ кому-либо.

Народъ въ Нёноксѣ былъ довольно развитой, бывалый. Школа существовала уже болѣе 70 лѣтъ и была выстроена „гражданиномъ“ Нёноксы, какъ объ этомъ говорила надгробная плита, положенная благодарными односельчанами на могилѣ жертвователя. Грамотныхъ было много; заходя въ избы, я находила у отдѣльныхъ мѣщанъ небольшія библіотечки изъ русскихъ классиковъ и толстыхъ томовъ переплетенной „Нивы“. „Иной разъ до 2-хъ часовъ сидишь ночью, читаешь“, — говорилъ мнѣ одинъ хозяинъ. Въ посадѣ была чайная и при ней библіотека-читальня Общества трезвости. Но книгъ было мало и подборъ ихъ очень плохъ. Я очень хотѣла помочь дѣлу, да не знала, подъ какимъ или подъ чьимъ флагомъ придти этому на помощь. Дѣло въ томъ, что, въ противоположность другимъ мѣстностямъ Архангельской губерніи, къ ссыльнымъ здѣсь не привыкли: по счету я была вто-

рой ссыльной въ этомъ посадѣ,—а акушерка, жившая до меня, пробыла здѣсь лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Меня и моихъ услугъ боялись. Учитель школы, завѣдывавшій и библіотекой, конечно, могъ бы помочь, но о немъ шла такая молва, что я не сочла возможнымъ знакомиться съ нимъ.

Между тѣмъ изъ немногихъ встрѣчъ можно было убѣдиться, что при ближайшемъ знакомствѣ нашлись бы здѣсь и симпатичные, и способные люди. Такъ, одинъ посадскій, на лѣто уходившій обыкновенно на Мурманъ на рыбный промыселъ, просилъ у меня книгъ, которыя хотѣлъ взять съ собой съ тѣмъ, чтобъ давать ихъ и другимъ; другой самостоятельно додумался и составилъ проектъ утилизировать теплые пары, которые улетучивались при солевареніи безъ всякой пользы. По этому проекту система трубокъ должна была собирать эти пары и проводить къ мѣсту нагрѣва того же рассола, изъ котораго пары поднялись. А это значительно сокращало бы расходованіе топлива. Свой проектъ съ рисунками онъ показывалъ мнѣ и хотѣлъ представить его въ министерство государственныхъ имуществъ. Но мнѣ, благодаря урядникамъ, близко сойтись ни съ кѣмъ не удалось, какъ не удавалось и прослѣдить, какое впечатлѣніе производили на жителей событія многознаменательнаго времени—зимы 1904 и весны 1905 года,—которое я провела въ Нёноксѣ.

Если урядники зорко слѣдили за мѣстными жителями и всячески отпугивали ихъ отъ меня, то тѣмъ бдительнѣе они были по отношенію къ людямъ пріѣзжимъ. Изъ Архангельска нѣтъ—нѣтъ да кто-нибудь навѣдывался ко мнѣ. Это были находившіеся въ административной ссылкѣ: присяжные повѣренные Балавенскій и Переверзевъ; приватъ-доцентъ Петербургскаго университета химикъ Гольштейнъ; ярославскій помѣщикъ Кладищевъ и нѣкоторые другіе. Послѣ каждаго пріѣзда, ко мнѣ являлся урядникъ и спрашивалъ, кто былъ у меня. Мы не находили нужнымъ скрывать и я называла своихъ гостей. Однажды, наскучивъ этими приставаньями, я отвѣтила: былъ правитель канцеляріи губернатора (Маркиновъ) и его знакомые. Это произвело ошеломляющее впечатлѣніе, но на другой день полиція раскрыла мистификацію и была въ большой претензіи за эту продѣлку. Эти посѣщенія изъ Архангельска вызывали со стороны губернатора постоянныя угрозы выслать меня изъ Нёноксы въ мѣста, болѣе отдаленныя, *„если я не перестану принимать посѣтителей изъ Архангельска"*. Я отписывалась, что не могу же запретить людямъ пріѣзжать ко мнѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ могла я не принимать людей, которые первые привѣтствовали мое освобожденіе изъ Шлиссельбурга? Не говоря о томъ, что они хотѣли устроить въ честь меня манифестацію передъ Архангельской тюрьмой, они прислали мнѣ въ

Нёнокоу два адреса съ сотней подписей. Какъ тотъ, такъ и другой, почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, привѣтствовали меня, какъ члена „Народной Воли“, и въ горячихъ выраженіяхъ высказывали пожеланія и надежды на близость водворенія въ Россіи свободы. Трогательно было то обстоятельство, что первою подписью подъ однимъ изъ этихъ адресовъ была подпись крестьянина села Вязьмина Петровскаго уѣзда Саратовской губерніи, гдѣ въ 78—79 г. я служила въ земствѣ. Я лечила отца этого крестьянина, а онъ былъ еще мальчикомъ; быть можетъ, ходилъ въ ту неофиціальную, закрытую полиціей, школу, въ которой жившая со мной сестра моя, Евгенія, обучала вязьминскихъ ребятъ грамотѣ. Въ то далекое время это село жило исключительно земледѣліемъ, не зная никакихъ отхожихъ промысловъ. Но крестьяне сидѣли на даровомъ надѣлѣ, были бѣдны, и съ тѣхъ поръ нужда потянула молодежь въ города, на фабрики и заводы. Молодой парень, подписавшій адресъ, работая въ городѣ, примкнулъ къ революціонному движенію, участвовалъ въ стачкѣ, былъ высланъ въ административномъ порядкѣ, и теперь обращался ко мнѣ, какъ революціонеръ къ революціонеру—старшему товарищу своему.

Въ отвѣтъ на привѣтствіе ссыльныхъ я написала то письмо, которое Якубовичъ назвалъ стихотвореніемъ въ прозѣ и помѣстилъ въ сборникѣ моихъ стихотвореній, напечатанномъ въ 1906 году.

Вотъ его текстъ:

„Дорогіе товарищи! Я получила ваши привѣтствія и сердечно благодарю за нихъ. Сказать вамъ, что я тронута ими—было бы сказать слишкомъ мало: они пробуждаютъ цѣлую волну смѣшанныхъ чувствъ, въ которой звучитъ и радость, и печаль. Радостно видѣть вашу бодрость и смѣлость, видѣть ваше одушевленіе и многочисленность... Радостно слиться съ вашими надеждами на лучшее будущее... Но грустно оглянуться на пережитое и на оставленныхъ друзей... Еслибы хоть маленькая струйка вашего сочувствія, хоть маленькій притокъ вольнаго воздуха и свѣжихъ людей проникалъ къ намъ,—намъ жилось бы легче! Но мы были оторваны всецѣло и безнадежно отъ всего дорогого и милаго, и это было, пожалуй, тяжелѣй всего...

„Часто воображеніе рисовало мнѣ картину Верещагина, въ натурѣ никогда, впрочемъ, не видѣнную мною: на вершинѣ утесовъ Шипки, въ снѣговую бурю, стоитъ недвижно солдатъ на караулѣ, забытый своимъ отрядомъ... Онъ сторожитъ покинутую позицію и ждетъ прихода смѣны... Но смѣна медлитъ... смѣна не приходитъ... и не придетъ никогда! А снѣжный буранъ крутится, вьется и понемногу засыпаетъ забытаго... по колѣна... по грудь... и съ головой... И только штыкъ виднѣется изъ-подъ сугроба, свидѣтельствуя, что долгъ исполненъ до конца.

„Такъ жили и мы, годъ за годомъ, и тюремная жизнь, какъ снѣгомъ, покрывала наши надежды, ожиданія и даже воспомина-

нія, которыя тускнѣли и стирались... Мы ждали смѣны, ждали новыхъ товарищей, новыхъ молодыхъ силъ... Но все было тщетно: мы старѣлись, изживали свою жизнь,—а смѣны все не было и не было!

„И мнилось, что все затихло, все замерло... и на свободѣ та же пустыня, что и въ тюрьмѣ...

„Но—нѣтъ! Мы были отторгнуты отъ жизни, но жизнь не прекратилась и шла другими многочисленными руслами... И то, что нѣкогда было сравнительно небольшимъ теченіемъ, превращается нынѣ въ бурный и неудержимый потокъ. Только стѣны были слишкомъ непроницаемы и глухи, и мы лежали, какъ мертвый камень лежитъ на руслѣ, временно покинутомъ или обойденномъ большой рѣкой"....

Настроеніе.

Каково было мое настроеніе въ Нёноксѣ? Съ внѣшней стороны все было благополучно. Послѣ того, какъ первый пріютъ, хоть и плохой, былъ найденъ и мое несложное хозяйство наладилось, благодаря дѣвушкѣ, Грушѣ Рыбиной, которая раньше служила у Балавенскихъ и оказалась очень преданной мнѣ,—сестра Ольга уѣхала и ее замѣнила сначала сестра Лидія, пріѣхавшая изъ Петербурга, а потомъ Евгенія. Лиденька писала брату, что я бодра и весела. Иногда мы много говорили—такъ многое надо было разсказать другъ другу!—по временамъ не мало было и смѣху по поводу разныхъ хозяйственныхъ и житейскихъ мелочей и неудачъ. Но внутренно я чувствовала себя нехорошо. Я потеряла равновѣсіе, въ которомъ находилась въ крѣпости. „Я живу теперь не только на физическомъ, но и на моральномъ косогорѣ",—писала я племянницѣ, намекая на совершенно косой полъ моей первой квартиры. „*Это* пройдетъ",—отвѣчала она. Но *это* не проходило. Еще въ Петропавловской крѣпости я со страхомъ замѣтила, что память у меня совершенно исчезла. Еще тамъ, сколько ни старалась, я не могла вспомнить, какъ называется столица Швеціи и въ какой странѣ находится Копенгагенъ. Все знаніе, пріобрѣтенное и годами накопленное въ Шлиссельбургѣ, вылетѣло изъ моей головы. Мнѣ было стыдно, больно; я хотѣла бы скрыться, спрятаться ото всѣхъ. Какъ! Двадцать лѣтъ провести въ крѣпости и не обогатить ума?! Даже забыть то, что знала прежде,—въ то время, какъ на свободѣ люди продолжали идти впередъ. Неужели же я даромъ занималась всѣмъ, чѣмъ только возможно было въ нашихъ условіяхъ: химіей, физикой, астрономіей, геологіей, ботаникой и зоологіей, не говоря уже о томъ, что хватала на лету все, что

только попадало въ руки по вопросамъ общественнымъ. И теперь, когда изъ затворничества я вышла на бѣлый свѣтъ, я оказываюсь лишенной самыхъ элементарныхъ познаній — все исчезло, вплоть до географіи Европы. Мысль о томъ, что это явленіе временное и происходитъ отъ слишкомъ крутой перемѣны въ жизни, не приходила мнѣ въ голову, хотя я раньше изъ книгъ знала поразительные случаи исчезновенія памяти отъ переутомленія или нравственныхъ потрясеній. Вѣроятно, всѣ эти примѣры и случаи тоже улетучились изъ моей головы со всѣмъ прочимъ. Ослабленія зрѣнія и осязанія, которое удивляло меня въ Петропавловской крѣпости, теперь не было. Тамъ, взявъ въ руки иголку, наперстокъ или другой мелкій предметъ, я непроизвольно подносила ихъ близко къ глазамъ, какъ будто было нужно удостовѣриться, что такое въ моей рукѣ. Въ матеріи я не могла различить, гдѣ изнанка, гдѣ лицо, и, надѣвая въ первый разъ *свое* платье, надѣла его наизнанку. Фасонъ платья, которое мнѣ принесли, привелъ меня въ тупикъ—я долго не могла сообразить, какъ его надѣть. Теперь это прошло и не приводило въ замѣшательство; но угнетенное состояніе отъ сознанія, что я позабыла все, что знала, было тѣмъ сильнѣе, что я не рѣшалась подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своимъ горемъ: мнѣ было стыдно признаться въ такомъ несчастьѣ и страшно, какъ бы это не открылось какъ-нибудь само собой. Этотъ страхъ былъ только частный случай общаго стихійнаго страха людей и жизни, который мучилъ меня и весь годъ передъ выходомъ изъ крѣпости. Особенно ужасала меня возможность встрѣтиться съ кѣмъ - нибудь, кого я знала молодымъ, бодрымъ и жизнерадостнымъ. Тяжесть первой встрѣчи съ родными всегда стояла въ моемъ умѣ. Хотѣлось, чтобъ прежніе товарищи помнили меня такой, какой я была въ дни борьбы рука объ руку съ ними, и самой хотѣлось сохранить свѣтлыя воспоминанія о нихъ въ былые дни: не хотѣлось ставить кресты и класть надгробныя плиты на прошломъ. Поэтому я рѣшительно отклоняла подобныя встрѣчи. Мой товарищъ Спандони мечталъ пріѣхать ко мнѣ, но такъ и умеръ, не повидавшись, хотя, какъ мнѣ писали послѣ его смерти близкіе его,—это лишало его одной изъ большихъ радостей въ жизни. А мнѣ казалось, что кромѣ страданья ничего не можетъ дать свиданье послѣ 20 лѣтъ разлуки. И не одинъ разъ мнѣ пришлось послать отказъ на подобную же просьбу: мнѣ было такъ тяжело жить, что прибавить тяжести еще, хотя бы на золотникъ, я не могла и не хотѣла. И невозможно было кому-нибудь сказать объ этомъ.

Итакъ, хотя меня не оставляли одну и сестры по очереди жили со мной,—духовно я вела свою особую одинокую жизнь. Незадолго до Рождества Евгенія уѣхала, а наканунѣ Новаго года пріѣхала Александра Ивановна Морозъ. Часовъ въ 11 вечера къ крыльцу подъѣхала повозка; фигура, закутанная въ мѣха, вошла въ переднюю и звонкій голосъ спросилъ: „Узнаешь?“ Голосъ былъ знако

мнѣ, хотя въ послѣдній разъ я слышала его въ 1878 г. Лица среди мѣховъ и платковъ нельзя было разглядѣть. Но, когда зимнее одѣянье было сброшено, предо мной была милая Сашечка, которую я знала, какъ Корнилову. Хотя она и измѣнилась, но измѣнилась гармонически, и я безъ чувства отчужденія съ радостью обняла ее, признавъ тотчасъ же безъ смущенія и замѣшательства за свою, родную и милую, съ которой разсталась такъ давно. Но, послѣ первыхъ изліяній, скоро тяжесть навалилась на мою душу и присутствіе стараго друга вблизи обременяло, вмѣсто того, чтобы веселить меня. Она чувствовала это и послѣ говорила мнѣ, что не знала, какъ ей быть: уѣзжать или оставаться?

Въ это время я жила уже на другой квартирѣ: первую довольно было перенести и одинъ мѣсяцъ. Едва поселившись послѣ пріѣзда, я уже искала что-нибудь болѣе подходящее и, однажды, гуляя по деревнѣ, набрела на маленькій домикъ, отстроенный лишь вчернѣ. Ни оконныхъ рамъ, ни печей, ни дверей, ни даже крыльца не было, такъ что я вошла въ него по колеблющейся доскѣ, положенной съ улицы. Хозяинъ и его старшій сынъ были ямщиками и, вмѣстѣ съ тѣмъ, плотниками. Узнавъ, что я наняла бы домикъ, еслибъ онъ былъ готовъ, они обѣщали втеченіе мѣсяца вполнѣ оборудовать все необходимое и даже выкрасить полъ и оклеить стѣны обоями.

Дѣйствительно, ровно черезъ мѣсяцъ, къ 20 декабря, все было готово и за 10 рублей въ зимніе мѣсяцы, 6 рублей—въ лѣтніе, я могла занять его и отпраздновать еще при сестрѣ новоселье. Курьезъ вышелъ съ обоями; хозяинъ предоставилъ мнѣ самой выбрать ихъ въ томъ универсальномъ магазинѣ, который игралъ роль парижскаго Bon marché въ Нёноксѣ. Послѣ хмурыхъ стѣнъ тюрьмы я хотѣла имѣть передъ глазами что-нибудь веселенькое и для большой комнаты, будущей столовой, остановилась на обояхъ бѣлаго цвѣта съ букетами изъ розъ. Разглядывая обои въ лавкѣ, я смотрѣла на отдѣльный букетъ и думала, что будетъ красиво. Каковъ былъ мой ужасъ, а потомъ смѣхъ, когда стѣны комнаты зарябили въ моихъ глазахъ десятками крупныхъ ярко-красныхъ розъ съ не менѣе ярко-зелеными листьями! Эту пестроту и краски едва могло выносить самое неприхотливое зрѣніе. Изящество моего вкуса, перевоспитаннаго тюрьмой, сказалось во всей силѣ.

Никогда еще въ Нёноксѣ ни раньше, ни послѣ, я не была въ такомъ отвратительномъ настроеніи, въ какомъ меня застала Александра Ивановна. Недѣлю передъ ея пріѣздомъ я провела въ одиночествѣ и, кажется, въ этомъ-то и заключалась причина того, что моя тоска невѣроятно обострилась. Сестра Евгенія уѣхала, Александра Ивановна еще не пріѣхала, и я въ первый разъ въ ссылкѣ осталась одна-одинёшенька. И вотъ, заброшенная въ суровый ледяной край, я впервые должна была опять, но уже внѣ тюрьмы, вполнѣ прочувствовать жизнь безъ единаго товарища. Въ первый мѣсяцъ присутствіе сестеръ постоянно держало меня въ припод-

нятомъ состоянiи, подбадривало и развлекало. Было съ кѣмъ говорить, когда была къ тому охота, а нѣтъ — я уходила въ свою комнату и занималась, не давая себѣ времени для размышленiй. Я переводила съ французскаго сочиненiе Фабра, его замѣчательныя статьи по энтомологiи; выписала журналъ „Cosmopolis“ и перевела съ нѣмецкаго воспоминанiя Фонтана о революцiи 48 года въ Берлинѣ, — вещи, которыя нигдѣ потомъ не были напечатаны; рисовала и раскрашивала карты континентовъ въ различныя геологическiя эпохи; немного гуляла. Морозы стояли трескучiе—духъ занимало, когда, бывало, выйдешь на улицу, и съ удивленiемъ видишь, что мѣстныя женщины проходятъ, накинувъ на себя только шаль. У нихъ, оказывается, вовсе и шубъ нѣтъ; одни мужчины ходятъ въ полушубкахъ и тулупахъ.

Кромѣ присутствiя кого - нибудь изъ сестеръ, первый мѣсяцъ пребыванiя въ Нёноксѣ очень скрашивали мимолетные посѣтители. По случаю рожденiя наслѣдника многiе административно-ссыльные были амнистированы и возвращались изъ Александровска, Кеми, Колы и другихъ сѣверныхъ захолустiй губернiи. Вся ссылка знала, что я живу въ Нёноксѣ, и никто не проходилъ и не проѣзжалъ, не побывавъ у меня. Тутъ были: крестьяне и техники, рабочiе и учителя, студенты и статистики со всѣхъ концовъ Россiи. Молодые, бодрые, готовые тотчасъ же снова броситься въ дѣятельность,—они производили самое прiятное впечатлѣнiе. Ссылка не охладила ихъ стремленiй къ свободѣ; для иныхъ она была школой, которая закалила характеръ, а люди мало культурные развились и умственно окрѣпли въ ней. Особенно понравился мнѣ своей наивностью и простодушiемъ одинъ крестьянинъ изъ Калужской губернiи. „Сторона наша темная, — разсказывалъ онъ. — Я и грамотѣ-то не былъ обученъ; только въ ссылкѣ свѣтъ увидѣлъ. Да жаль, скоро воротили: еще бы годикъ либо два побыть — совсѣмъ бы просвѣтился“. Этотъ крестьянинъ жилъ на одной квартирѣ съ пятью другими ссыльными. Они обучили его грамотѣ, занимались съ нимъ ариөметикой, географiей, развили разговорами и чтенiемъ вслухъ. Все у нихъ было общее и такая совмѣстная жизнь не могла не повлiять на психологiю человѣка, никогда раньше не бывавшаго въ постоянномъ общенiи съ интеллигентами.

Другимъ ссыльнымъ, понравившимся мнѣ, былъ серьезный, задумчивый волостной старшина Чебоксарскаго или Царевококшайскаго уѣзда, красивый брюнетъ лѣтъ 35. Онъ попалъ въ ссылку за какую-то исторiю съ мѣстными властями, исторiю, въ которой онъ защищалъ интересы крестьянъ своей волости. Хороши были и московскiе рабочiе, люди развитые, вдумчивые, не отличавшiеся по своему развитiю отъ студентовъ. Многiе изъ этихъ посѣтителей были слишкомъ легко одѣты; статистикъ изъ Тамбова возвращался въ пальто и калошахъ, хотя на дворѣ было — 35°. Я очень безпокоилась, что онъ замерзнетъ, не доѣхавъ до желѣзной дороги въ

Архангельскѣ. Нѣкоторымъ я предлагала деньги, но невозможно было уговорить даже самыхъ нуждающихся принять отъ меня золотую монету. А между тѣмъ какъ разъ въ это время вышелъ циркуляръ, лишавшій ссыльныхъ права дарового проѣзда на лошадяхъ. Приходилось нѣсколькимъ человѣкамъ складываться, чтобъ нанять подводу, и они ѣхали въ розвальняхъ на одной лошади въ снѣжную вьюгу и въ лютый морозъ, совершая дальній путь до Архангельска. А иные—шли пѣшкомъ.

За мѣсяцъ я перевидала нѣсколько десятковъ этой молодежи. Они приходили; сестра поила ихъ чаемъ и угощала тѣмъ, что случалось подъ рукой; они разсказывали, за что попали въ ссылку, о своей жизни въ ней, и, побесѣдовавъ часа полтора, спѣшили продолжать путь; мы тепло разставались, чтобъ ужь никогда не встрѣтиться—такъ далеко они должны были разсыпаться по лицу земли русской.

Такимъ образомъ этотъ первый мѣсяцъ, отъ 18 ноября до 20 декабря, я имѣла не одну минуту удовольствія отъ встрѣчъ съ новыми молодыми товарищами, приносившими мнѣ привѣтъ и ласку. Ихъ молодость и бодрость радовали и заражали вѣрой въ будущее нашей родины.

Теперь было не то. Потокъ ссыльныхъ прекратился, сестры уѣхали, и я осталась одна въ шести верстахъ отъ Бѣлаго моря. Однихъ неистовыхъ вѣтровъ съ моря было достаточно, чтобы разстроить нервы. Они свирѣпствовали, главнымъ образомъ, по ночамъ и порой совершенно не давали спать. Если въ первой квартирѣ вѣтеръ шелестилъ въ обояхъ, которые отстали отъ стѣнъ, то маленькій домикъ со множествомъ оконъ онъ пронизывалъ насквозь; онъ колыхалъ занавѣски, подвѣшенныя вмѣсто дверей, и казалось, готовъ былъ сорвать домикъ съ земли и умчать въ море Къ одной изъ наружныхъ стѣнъ былъ прикрѣпленъ высокій шестъ, на которомъ весной хотѣли поставить скворешницу; этотъ шестъ, при каждомъ порывѣ бури, скрипѣлъ, какъ мачта на суднѣ. И мнѣ мерещились волны, оборванные паруса, море, готовое поглотить меня.

Холодъ въ моемъ домикѣ при вѣтрѣ былъ нестерпимый. Случались дни, когда, одѣвшись поутру и не будучи въ состояніи переносить стужу, я укладывалась на кровать, покрывалась шубой и Груша, моя прислуга, приносила самоваръ, который долженъ былъ весь день кипѣть, чтобъ, стоя на табуретѣ подлѣ кровати играть роль грѣлки. Было такъ холодно, что я не могла держать въ рукѣ книгу, да я и не могла что-либо воспринять изъ нея: казалось, самая мысль цѣпенѣла и застывала отъ леденящей стужи окружающаго воздуха, и я лежала по цѣлымъ днямъ неподвижная окоченѣлая, съ однимъ сознаніемъ безцѣльности и нелѣпости подобнаго существованія. Къ тому же я хворала: у меня была ангина которой я заболѣвала каждые 10—14 дней, такъ, съ непривычки

мнѣ было трудно переносить холодный климатъ этихъ широтъ.

Мнѣ не къ кому было пойти: ни одного товарища, ни одного—равнаго мнѣ! Нечѣмъ было развлечься, кромѣ разговора съ маленькимъ нищимъ, котораго мать посылала для прокормленія собирать милостыню. Каждое утро этотъ пятилѣтній крошка стучался въ мою дверь и я угощала его чаемъ съ булкой. Съ достоинствомъ говорилъ онъ, что „кормитъ свою мать“, и однажды поразилъ меня отвѣтомъ на вопросъ: зачѣмъ ему мать? Задавая этотъ вопросъ, я соблазняла мальчика, уговаривая остаться у меня навсегда. „Развѣ тебѣ нравится ходить по міру и собирать куски Христа ради?“—спрашивала я. Нѣтъ—ему не нравится. „Ну, вотъ, будешь жить у меня, такъ не придется просить милостыню: у тебя все будетъ. Я сошью тебѣ красную рубашку и куплю сапожки“.—А какъ же мама?—спрашивалъ ребенокъ. „Мама будетъ работать и работа прокормитъ ее. Ты подумай только: вмѣсто того, чтобъ съ сумой ходить, ты будешь жить въ теплѣ, я буду учить тебя, потомъ отдамъ въ школу. Оставайся-ка!“ — А какъ же мама? — повторялъ Ваня. „Ну, что же мама! *Зачѣмъ* тебѣ мама?!“—сказала я.

Ребенокъ молчалъ, потомъ поднялъ голову и съ улыбкой привелъ неотразимый аргументъ:

— *Зачѣмъ*?! А мы вечеромъ обнимемся, да и спимъ! — сказалъ онъ.

Этотъ милый отвѣтъ билъ прямо въ центръ. *У него было кого обнять*; и *у его матери былъ онъ, котораго она могла обнять*; была привязанность, любовь, ласка. У меня ничего этого не было. Мнѣ не съ кѣмъ было даже поговорить и все, что было мрачнаго и горькаго въ моей судьбѣ, вставало въ памяти и заслоняло весь горизонтъ. Казалось, будущаго у меня нѣтъ и быть не можетъ. Если-бы мое одиночество продолжилось неопредѣленное время, еслибъ Александра Ивановна не пріѣхала раздѣлить мою жизнь въ этихъ условіяхъ и я была бы предоставлена самой себѣ въ этой безбрежной снѣговой пустынѣ, въ этомъ холодномъ безлюдьѣ,—развѣ смогла бы я побѣдить себя, побѣдить непреодолимое стремленіе погрузиться въ Нирвану?

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Нёноксу, въ одинъ несчастливый для меня день и часъ, въ сумерки, передъ тѣмъ, какъ зажигаютъ огни, сестра Ольга открыла мнѣ то, что до тѣхъ поръ скрывала. Она сказала: „Вѣрочка! Твой товарищъ Яновичъ въ Якутскѣ застрѣлился: онъ не могъ жить!“ Какъ подкошенная, я грохнулась во весь ростъ на полъ, съ рыданьемъ. Склонясь надо мной, сестра, чтобъ исчерпать сразу весь ужасъ извѣстій, сказала: „И Мартыновъ, твой товарищъ по Шлиссельбургу, тоже застрѣлился въ Якутскѣ“. И потомъ въ третій разъ сестра сказала: „И третій товарищъ твой, Поливановъ, тоже застрѣлился—за границей“.

А я лежала на полу и все рыдала, и все повторяла одно и то же слово: *„Зачѣмъ?!“*

Теперь, когда я была одна, я опять испила всю горечь и отчаяніе по поводу этихъ самоубійствъ послѣ Шлиссельбурга, самоубійствъ *„на свободѣ“* тѣхъ, кто изжилъ въ заточеніи всѣ свои силы. Въ эти 7—10 дней, когда я была такъ нестерпимо одинока, я осознала причину этихъ самоубійствъ, я поняла всѣмъ существомъ своимъ то *„зачѣмъ“*, о которомъ спрашивала, рыдая на полу.

А я? Развѣ я не изжила всѣхъ своихъ силъ?!

Вѣра Фигнеръ.

„Воронецъ“. Елецкаго уѣзда.
VII. 1916.

УВЯДАНІЕ.

Умираетъ зелень въ золотѣ горячемъ,
Въ серебристыхъ нитяхъ легкихъ паутинъ.
Теплый вѣтеръ бродитъ по пустыннымъ дачамъ,
Льется по коралламъ рдѣющихъ рябинъ.

Пахнутъ чѣмъ-то грустнымъ осенью букеты.
Тихъ и нѣженъ шелестъ мертваго листа...
На парчѣ каштановъ горячи отсвѣты,
Сѣть прозрачной тѣни призрачно-чиста.

И въ душѣ усталой—золотая осень:
Трепетны, хрустальны думы о быломъ,
Какъ въ листвѣ янтарной кружевная просинь,
Тающая нѣжнымъ, серебристымъ сномъ.

Зинаида Тулуб.

Новый договоръ.

Разсказъ Рене Базэна.

Пер. съ французскаго А. Э. Манизеръ.

Вотъ что разсказалъ мнѣ пріятель.

— Ты знаешь, у меня есть довольно значительное имѣніе въ Финистерре, томъ Финистерре, въ самомъ названіи котораго воскресаетъ цѣлая легенда. Если вѣрить книжкамъ, здѣсь нашли послѣднее убѣжище всѣ старинныя идеи, старинные нравы, традиціи, обычаи, недвижимо и робко притаившіеся за живыми изгородями изъ дикаго терновника. Въ терновникѣ есть просѣки; чрезъ заросли прошли дороги. Тамъ у меня старый замокъ, куда я ежегодно уѣзжаю недѣли на три, обыкновенно въ самомъ концѣ года; собираю арендную плату, соглашаюсь или отказываю сдѣлать у фермеровъ ремонтъ, когда приходится, — сговариваюсь на счетъ условій новаго договора.

И вотъ нѣсколько дней тому назадъ, 31-го декабря, я отправился на ферму Мервэнъ поговорить со старымъ Жаномъ-Мари Деніо на счетъ возобновленія договора. Я поѣхалъ самъ, вмѣсто того, чтобы призвать его къ себѣ, потому что было очень холодно, а у старика — припадки ревматизма. Кромѣ того, такъ ужь повелось. Мой отецъ неизмѣнно подписывалъ подъ кровлею Мервэна условіе, закрѣпляющее права за этими крестьянами, вѣрными той же семьѣ и той же землѣ въ теченіе двухъ сотъ пятидесяти лѣтъ. Не разъ онъ совѣтовалъ предоставлять этому Деніо возможно большій арендный срокъ, быть уступчивымъ и заключать договоръ не иначе какъ въ просторной комнатѣ фермы, подъ прокопченными балками, попивая сладкій сидръ, чтобы всѣмъ было извѣстно, что мы хотимъ почтить стараго бретонца и считаемъ его какъ-бы хозяиномъ.

Я выѣхалъ около двухъ часовъ дня. Но можно было

поклясться, что уже вечеръ, до того тускло и какъ-то однотонно были освѣщены предметы.

Мой конь рысцой трусилъ по дорогѣ, на которой не видно шоссейнаго сторожа, нѣтъ по сторонамъ канавы, никакой отмежеванной границы, — по дорогѣ старой, какъ сами ланды, и часто сливающейся съ ними. Забившись подъ верхъ своего кабріолета, съ поднятымъ на колѣни фартукомъ, опустивъ возжи, я глядѣлъ на обычный нашъ зимній медленно сѣющій мелкій дождикъ. Я любовался сѣрыми переливами капелекъ, повисшихъ на изгородяхъ; незначительностью и молчаливостью ручьевъ, не смотря на обиліе дождей; интимностью повитого дымкой горизонта, медлительной прелестью тянущихся съ близкаго моря тумановъ: всѣмъ этимъ искусствомъ плакать, — достояніемъ Бретани. Я думалъ о томъ, какъ въ продолженіе слишкомъ двухъ вѣковъ помыслы и любовь пяти поколѣній, мужчинъ и женщинъ, подобно дождю, медленно, мягко и глубоко проникали въ землю Мервэнъ. Я представлялъ себѣ Жана-Мари Деніо—теперешняго старѣйшину рода, знавшаго моего отца и дѣда, похожаго на изображенія, какія иногда встрѣчаешь въ альбомахъ: продолговатое бритое лицо, изборожденное годами и печалями точно плугомъ, бѣлые волосы, падающіе на воротъ короткой куртки; вышитый жилетъ; ноги наѣздника и сабо изъ порыжѣвшаго бука.

Вскорѣ на гранитномъ бугрѣ, едва прикрытомъ слоемъ чернозема, гдѣ за низкой каменной оградой зрѣетъ рожь гдѣ у вязовъ растутъ вѣтви только съ восточной стороны, потому что дерево все время теребятъ западные вѣтры, въ скудной мѣстности, граничащей съ океаномъ, я увидалъ ферму Мервэнъ—обширное строеніе, крытое соломой, образующее квадратъ изъ жилого корпуса, хлѣвовъ и амбаровъ. Я въѣхалъ во дворъ. Колеса моего экипажа по ступицу ушли въ навозъ. Раздался возгласъ: „Это хозяинъ!“ Подростокъ, у котораго былъ дѣвичья улыбка, взглядъ дикаго ястреба и носъ съ горбинкой, бросился черезъ лужи грязи изъ конюшни и схватилъ возжи. У него уже была твердость руки и самоувѣренность сынковъ богатыхъ фермеровъ — завтрашнихъ рекрутовъ, со школьныхъ дней — наѣздниковъ, любителей горячихъ лошадей.

— Не бойтесь,—сказалъ онъ.—Лошади—онѣ меня знаютъ. Овса задамъ, почищу, подъ навѣсъ поставлю.

Онъ указалъ рукой на сводчатую дверь со сводомъ изъ шпистаго камня, въ глубинѣ двора ведущую въ жилье.

— Дѣдушка уже съ полудня поджидаетъ васъ,—прибавилъ онъ.

Уже доносились рѣзкія приказанія старика, шумъ стуль-

евъ и скамеекъ, спѣшно разставляемыхъ по церемоніалу, шаги работницъ и невѣстокъ, которыя разбѣгались и прятались въ сосѣднихъ комнатахъ. „Когда мои дѣды являлись сюда, навѣрное, встрѣча бывала совершенно такая же“,—думалось мнѣ.

И я вошелъ въ горницу, гдѣ меня ждалъ Жанъ-Мари Деніо. Онъ стоялъ на утоптанной землѣ очага, озаренный пламенемъ пылающаго терновника, которое поднималось на высоту его роста, между шкапами, красными, какъ жаровня, и кроватями, придѣланными къ стѣнѣ одна надъ другой, похожими на сундуки или что-то среднее между колыбелью и гробомъ. Старикъ двинулся мнѣ на встрѣчу, протягивая обѣ руки:

— Здравствуйте, господинъ Норберъ!

Ахъ, милый, ты жившій въ другихъ странахъ, среди другихъ обычаевъ, ты не поймешь той боли, которую испыталъ я при этомъ обращеніи: „Господинъ Норберъ“. Вѣками они говорили у насъ: „Хозяинъ“, а меня самого прежде, чѣмъ я вступилъ съ ними въ дѣловыя сношенія, они называли: „Нашъ молодой хозяинъ“. И вотъ старый порывалъ съ обычаями и называлъ меня: „Господинъ“. У меня явилось чувство, что это символъ и что теперь между нами легло обломками все прошлое. Ни я, ни мои дѣти, мы не будемъ уже знать любовнаго почтенія фермеровъ Мервэна, ни той благодарности за оказанное имъ добро, которая когда-то заставила ихъ подыскать это ласковое обращеніе: „Нашъ хозяинъ“, и сопровождающую его улыбку, какъ бы добавлявшую: „Нашъ другъ“. Улыбка, впрочемъ, уцѣлѣла. Жанъ-Мари Деніо освѣдомился о моихъ родственникахъ до четвертаго колѣна; онъ внимательно выслушивалъ отвѣты, сопровождая ихъ замѣчаніями: „Слава Богу, что онъ здоровъ“. Онъ пригласилъ меня сѣсть противъ него за длиннымъ столомъ, на которомъ стояли чашки и баклага съ сидромъ.

Мы завели разговоръ, ты, конечно, это понимаешь, не о возобновленіи аренднаго договора, а о всевозможныхъ и предварительныхъ смежныхъ вопросахъ: о низкихъ цѣнахъ на рожь, о маломъ спросѣ на дрова, о непогодѣ, градобитіяхъ, о ночныхъ и дневныхъ бродягахъ, дѣлающихъ мѣстность опасной, и я вновь ощутилъ эту атмосферу довѣрія, глядя на старое лицо съ отблескомъ духа спокойнаго, владѣющаго собою. Я старательно обходилъ всякіе поводы къ недоразумѣніямъ, словно оба мы, онъ и я,—представители двухъ общественныхъ классовъ, нуждающихся другъ въ другѣ и устанавливающихъ условія мира. Онъ попросилъ меня сдѣлать скидку, я согласился; перестроить

амбаръ, я согласился; устранить изъ договора условіе, по которому я получалъ нѣсколько мѣръ яблокъ изъ его сбера, и я уступилъ. Когда мы пили и глаза наши встрѣчались, я не находилъ въ его взглядѣ никакой вражды. На мгновенье онъ забывалъ обо мнѣ. Пузырьки, золотыми звѣздочками покрывавшіе дно чашки, искрились въ его глазахъ, потомъ меркли, и снова я видѣлъ сѣро-голубые пепельные глаза Жана-Мари.

— Теперь, — сказалъ я, — намъ остается уговориться на счетъ срока новаго договора. На сколько лѣтъ мы заключимъ его? На тридцать лѣтъ, какъ прошлый разъ? Я сдѣлаю, какъ ты хочешь.

Старикъ вдругъ сталъ серьезенъ и отвѣтилъ:

— Я объ этомъ думалъ, господинъ Норберъ; я не хочу больше, чѣмъ на шесть лѣтъ.

— Ты шутишь, Жанъ-Мари: прибавка въ шесть лѣтъ къ двумъ стамъ пятидесяти, которыя твой родъ провелъ здѣсь? Какой видъ будетъ имѣть нашъ новый договоръ? Ты что же, рѣшился оставить Мервэнъ и искать другую ферму?

— Нѣтъ.

Я допытывался еще нѣкоторое время, но не добился другого отвѣта, кромѣ настойчиваго:

— Шесть лѣтъ, господинъ Норберъ, не больше.—Но, когда онъ понялъ, что я начинаю терять терпѣніе и что я откажусь отъ возобновленія договора, если онъ не объяснится, онъ поднялъ голову по направленію къ чернымъ балкамъ, врубленнымъ, какъ пальцы сцѣпленныхъ рукъ, никогда не слыхавшимъ словъ, подобныхъ тѣмъ, которыя онъ сказалъ мнѣ:

— Не въ обиду будь вамъ сказано, господинъ Норберъ, и пусть мы съ вами останемся друзьями, какъ были всегда съ вами, съ вашимъ отцомъ и съ отцомъ вашего отца. Но вы же знаете, черезъ пять лѣтъ фермы вернутся къ фермерамъ; земля перейдетъ къ новымъ хозяевамъ.

И, видя, что я отшатнулся, онъ увѣренно, спокойно, точно человѣкъ, приводящій общепринятую поговорку, прибавилъ:

— Ужъ не прогнѣватесь, господинъ Норберъ, вѣдь революція-то будетъ по всѣмъ фермамъ, хуторамъ, полямъ, по всѣмъ ландамъ сразу. И это будетъ правильно, потому что за двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, что Деніо платятъ аренду, они ужъ переплатили вамъ, господинъ Норберъ, много больше того, что стоитъ ваша земля. Вотъ оттого я не согласенъ на договоръ дольше шести лѣтъ.

Онъ поднялся, потому что я всталъ. Я сказалъ ему, въ сдержанныхъ выраженіяхъ, что онъ не отдаетъ себѣ отчета,

сакъ невѣроятенъ, безцѣленъ и несправедливъ этотъ грабежъ, и въ отвѣтъ почувствовалъ его враждебность. Этотъ большой бретонецъ, бретонецъ старой легенды, безмолвно отрекся отъ меня, и я чувствовалъ, какъ связывавшія насъ воспоминанія умираютъ. Я понялъ, между нами, что, будучи старше меня на сорокъ лѣтъ, онъ смотритъ на меня, какъ на отсталаго, какъ на человѣка, уже отметеннаго отъ новаго вѣка.

Я ѣхалъ изъ Мервэна. Дождь пересталъ, но надъ полями еще висѣли тяжелыя тучи. Со стороны океана кровавая полоса, длинная и узкая, вѣстница уходящаго солнца, обѣщала на завтра сильный вѣтеръ.

Переписка миссъ Мэри О'Лэнджи.

Разсказъ Шарля Мориса.

Переводъ съ французскаго В. К.

Длинная, тощая, угловатая, костлявая; черные и рѣдкіе зубы, впалыя щеки, выдавшіяся скулы; масса темныхъ съ просѣдью „тирбушоновъ" на лбу и на вискахъ, горящіе, надо сознаться, далеко не вульгарные, глаза, глубоко сидящіе во впадинахъ, и общее выраженіе, болѣе тоскливое, чѣмъ грустное: такова миссъ О'Лэнджи, — типъ старой миссъ, когда судьба не наградила ее красотой.

Молодость — бѣготня по урокамъ. Бѣдность и грезы о несбыточной любви. Затѣмъ, въ пятьдесятъ лѣтъ, — страшная насмѣшка судьбы въ видѣ двадцати тысячъ фунтовъ стерлинговъ годового дохода.

Ничто не измѣнилось въ жизни миссъ Мэри; лишь одинъ день она провела въ томъ, что высоко пожимала плечами, сидя у камина въ своей маленькой комнаткѣ.

Эта комнатка съ столовой и кухней, гдѣ спитъ служанка, составляетъ всю квартиру, которую вотъ ужь десять лѣтъ занимаетъ старая дѣва въ одной изъ тихихъ улицъ стараго Парижа. Комнатка, истинно голландской чистоты, оклеена желтыми обоями съ синими цвѣточками. Тамъ и сямъ по стѣнѣ сувениры; у изголовья, на почетномъ мѣстѣ портретъ морского офицера въ парадной формѣ; надъ туалетомъ, подъ стекляннымъ колпакомъ, увядшій букетикъ тропическихъ цвѣтовъ—дѣвичье воспоминаніе о вниманіи того, чье изображеніе до сихъ поръ царитъ здѣсь. И, казалось, будто этотъ букетикъ, увядшій задолго до конца молодости ея, наполнялъ еще эти скучныя стѣны и обстановку ароматомъ поэзіи, трогательной въ своемъ комизмѣ: поэзіи культа погибшихъ надеждъ.

Миссъ О'Лэнджи окинула эти вещи привычнымъ взглядомъ. Она привыкла къ своей обстановкѣ; она привыкла къ порядку своего дня: визиты, уроки, церковь, кружокъ старыхъ знакомыхъ... И она энергично ворошила уголь въ каминѣ и еще выше подымала плечи. Къ чему ей теперь эти деньги? Десять, восемь, даже пять лѣтъ назадъ,—да, быть можетъ; но *онъ* женился вотъ ужь пять лѣтъ и у нея нѣтъ надеждъ... Зачѣмъ эта иронія судьбы? Даже эта бѣдность, единственное препятствіе ея счастью, стала ей понемногу мучительно дорога. И она оживляла въ воспоминаніяхъ перипетіи своего банальнаго романа.

Они еще переписывались: она знала всю его жизнь. Онъ женился не на очень богатой, имѣлъ двухъ дѣвочекъ.

— Хорошо, я обезпечу ихъ приданымъ,—бормотала старая дѣва.

Это рѣшеніе оживило ее. Ея темпераментъ требовалъ дѣятельности; она не выносила спокойствія и вялости. И съ этой душой, способной на подвиги, она провела самую безцвѣтную, скучную, ненужную жизнь, жизнь, заполненную мелочными заботами, о которыя стирается энергія, какъ мраморъ о зубы напильника.

Мужская походка, сухія, холодныя черты, угловатые жесты, характерный подбородокъ и четырехугольный лобъ, увядшая кожа и глаза, блестящіе, какъ капли кофе,—все вплоть до ея суроваго пуританскаго костюма точно протестовало противъ ненужной траты ея нравственныхъ силъ. Протестъ безъ проявленія, правда.

Призраки юности взволновали ее на мгновеніе—и исчезли; удовлетворенная рѣшеніемъ обезпечить дѣтей своего бывшаго жениха, она встала и вновь спокойно окинула взглядомъ комнату, гдѣ поблекли ея мечтанія.

Было семь часовъ вечера.

Кэтъ, служанка,—ее звали Жюстина, но миссъ Мэри называла ее Кэтъ, чтобъ чаще вспоминать свою родину,— Кэтъ позвала ее къ столу.

Обѣдъ приходилъ къ концу, когда позвонили. Посыльный принесъ большой пакетъ, запечатанный пятью красными печатями: это была значительная часть бумагъ, составлявшихъ наслѣдство... Миссъ Мэри подняла въ послѣдній разъ плечи, вошла въ свою комнату и бросила пакетъ въ шкафъ, который заперла. Затѣмъ, задумавшись, она сдѣлала нѣсколько шаговъ по комнатѣ.

Она прихрамывала; всю прошедшую зиму она страдала ревматизмомъ. Потомъ, немного уставъ, она сдѣлала ночной туалетъ и усѣлась на кровать предъ столикомъ, гдѣ положила перо, бумагу чернила...

Она привыкла писать передъ сномъ письма. Засыпала она очень поздно—не раньше трехъ... И она начала длинное письмо, гдѣ объявляла бывшему своему жениху о своихъ планахъ.

Письмо было написано въ высокомъ стилѣ, въ нѣсколько библейскомъ тонѣ и пестрѣло цитатами изъ Ветхаго Завѣта и Евангелія. Привыкнувъ проповѣдывать своему другу презрѣніе къ земнымъ благамъ, она и здѣсь начинала съ общихъ разсужденій на эту тему, отъ которой чрезъ эффектное „Но вотъ вдругъ" перешла къ великой новости.

Здѣсь она вошла въ паѳосъ: миссъ Мэри говорила о себѣ въ третьемъ лицѣ, чтобъ оттѣнить полное отсутствіе личнаго интереса, и называла моряка „дитя мое". Онъ былъ моложе ея на три года, но прежде она не любила вспоминать объ этомъ. Еще за пять лѣтъ до женитьбы, онъ называлъ ее въ письмахъ „моя дорогая дѣвочка", а она, всегда болѣе лиричная, въ предвосхищеніи желаннаго будущаго, отвѣчала ему: „мой юный супругъ". Не забудемъ: ему тогда было сорокъ два, ей сорокъ пять лѣтъ.

Въ концѣ—гораздо болѣе спокойно и просто—она сообщала, что обезпечиваетъ приданое въ сто тысячъ фунтовъ каждой изъ своихъ „племянницъ",—такъ она называла дѣвочекъ, считая себя, по трогательной фикціи, сестрой своего жениха съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился, Она подписала и перечла.

Она не была вполнѣ довольна: она боялась, что нежданное счастье станетъ для семьи моряка источникомъ суетности. И она прибавила еще post-scriptum,—письмо имѣло уже десять страницъ,—проповѣдь бережливости, порядка и покорности Провидѣнію. Безсознательно глядя впередъ и кусая бородку гусинаго пера, она подыскивала подходящія слова и выраженія,—когда между оконныхъ занавѣсокъ она увидала два блестящихъ глаза.

Она не сдѣлала ни одного жеста, не отняла пера отъ своихъ губъ, чтобъ закричать. Приподнявъ фитиль въ лампѣ, она спокойно окончила свой post-scriptum; не подымая глазъ, она написала еще цѣлую страницу—длинное, горячее увѣщаніе, законченное большимъ восклицательнымъ знакомъ. Затѣмъ она вложила письмо въ конвертъ, запечатала его и написала адресъ—немного длинный и сложный. Вотъ онъ:

„Не поворачивайтесь, не дѣлайте ни одного лишняго движенія—иначе мы погибли. Въ моей комнатѣ спрятался человѣкъ. Идите сейчасъ за полиціей".

И она позвонила. Минута другая—никого. Она нервно

позвонила еще разъ,—движеніе, въ которомъ раскаялась. Вошла Кэтъ.

— Кэтъ,—сказала миссъ Мэри совершенно спокойно,—хотя ужь поздно, будьте добры опустить это письмо въ ящикъ; я хотѣла бы, чтобы оно сейчасъ пошло. Подойдите-же.

И, ставъ спиной къ окну, такъ что *онъ* не могъ видѣть ни ея лица, ни лица служанки, она медленнымъ жестомъ, властно и безстрастно глядя впередъ, поднесла письмо, слѣдя, какъ та читаетъ надпись.

Затѣмъ, не опуская глазъ, она добавила обычнымъ тономъ:

— Главное, поскорѣе,—не гуляйте, какъ всегда. И зайдите ко мнѣ, когда вернетесь.

Повинуясь этой силѣ спокойствія, служанка не шевельнулась, взяла письмо и, просто сказавъ: „Да", вышла изъ комнаты.

Миссъ Мэри начала новое письмо.

Остаться ночью, слабой женщинѣ, истощенной болѣзнью, беззащитной, наединѣ съ несомнѣннымъ убійцей, лишить себя помощи служанки,—какое безразсудство. Но съ ясновидѣніемъ, которымъ въ рѣшительные моменты одарены души, своей удивительной чистотой огражденныя отъ міра, она почувствовала, что она защищена громадной силой воли и полной свободой отъ страха.

Она вела однако большую игру. Отсутствіе Кэтъ могло послужить лишнимъ шансомъ для убійцы.

Миссъ Мэри жадно прислушивалась къ приготовленіямъ Кэтъ въ кухнѣ, ясно предчувствуя, что въ тотъ моментъ, когда Кэтъ спустится съ лѣстницы и выходная дверь захлопнется за ней, гардина подымется и онъ впрыгнетъ въ комнату съ ножомъ или другимъ „тихимъ" оружіемъ въ рукѣ.

Она нервно рылась въ бумагахъ, съ поразительной остротой слуха чувствуя въ одно время двойной шумъ шаговъ Кэтъ на лѣстницѣ и дыханіе *другого* въ комнатѣ. Она сознавала, что неблагоразумно смотрѣть на него.

— Однако онъ неподвиженъ. Не ошиблась-ли я?—И она бросила украдкой взглядъ по направленію окна, „какъ будто" на часы.

— Половина двѣнадцатаго,—сказала она громко.

Глаза были здѣсь, еще болѣе блестящіе, чѣмъ раньше, круглые,—точно кошачьи. Миссъ Мэри вздрогнула отъ внутренняго сотрясенія; ей показалось, что ея взглядъ былъ замѣченъ, что на него отвѣтили взглядомъ. Точно двойная искра отъ одного тока.

— Но если онъ *видѣлъ*, то онъ знаетъ, что я знаю... и тогда—конецъ.

Она снова схватила перо и царапала что-то по бумагѣ. Ею овладѣло нетерпѣніе; присутствіе этого человѣка было физически невыносимо для нея. Даже ея британская скромность была задѣта: вѣдь онъ видѣлъ, какъ она переодѣвалась! И эта отсрочка, это глупое ожиданіе! Взглянуть еще разъ; не двинулся-ли онъ? Что-то похожее на воинскую отвагу тянуло ее вызвать опасность, и она насильно наклонила свою голову, физически мѣшая себѣ взглянуть на розовое окно.

Внизу захлопнули дверь. Это было точно сигналомъ для миссъ О'Лэнджи. Она почувствовала, что занавѣска пошевелилась и голова человѣка медленно *вошла* въ комнату. Старая дѣва порывисто повернулась на своемъ сидѣніи и, впившись руками въ постель, вытянула шею, внѣдряя свой страшно горящій взглядъ въ глаза мужчины.

Цѣлыхъ три минуты они неподвижно смотрѣли другъ на друга. У него была вульгарная голова многократнаго рецидивиста — уродливый, блѣдный, косой, съ большими веснушками и рыжими волосами.

Взглядъ старухи остановилъ его. Онъ первый отвелъ глаза, смущенный, кося въ сторону и опуская голову. Онъ сдѣлалъ даже маленькое движеніе назадъ,—точно снова хотѣлъ скрыться за гардиной. Но глаза старухи преслѣдовали его; эти двѣ горящія точки вынуждали его снова взглянуть на нее.

Тогда онъ откинулъ гардину, скрывавшую его тѣло, и, сдѣлавъ шагъ впередъ, показался во весь ростъ: страшный обыватель парижскаго предмѣстія, маленькій, широкій, коренастый. Его одежда сразу напоминала убійцу большого города и грабителя большихъ дорогъ. Онъ шевелилъ рукой въ карманѣ панталонъ, гдѣ, очевидно, лежалъ складной ножъ. Вдругъ онъ выпрямился, точно принявъ рѣшеніе, и вытащилъ свой ножъ, открыто, съ нѣкоторой наглостью,— несомнѣнно, разсчитывая избавиться отъ смущенія страхомъ старухи, который въ ней пробудитъ, конечно, эта недвусмысленная мимика.

Ничего подобнаго: глаза миссъ О'Лэнджи вдругъ зажглись блескомъ, какого до сихъ поръ не имѣли. Блескомъ безумія. Все было въ этомъ взглядѣ: смѣлость до бравады, презрѣніе до отвращенія, иронія до невыносимаго сарказма. Несчастный былъ еще разъ сбитъ съ позиціи въ этомъ неравномъ поединкѣ. Онъ все-таки сдѣлалъ еще шагъ въ комнату, спрятавъ за спину ножъ.

Тогда между ними начался этотъ замѣчательный діалогъ:

— Тебѣ чего?

— Денегъ.

Миссъ Мэри говорила твердымъ, почти громкимъ, голосомъ. Онъ отвѣчалъ тихо.

— Дуракъ! Ты думаешь, что я дамъ?

— Самъ возьму.

— Такой трусъ? Видишь, ты уже дрожишь. Что ты спряталъ за спину? Ножъ? Ты пришелъ меня убить, но ты меня не тронешь; ты знаешь, что не тронешь меня. О, еслибы я спала,—другое дѣло. Но я смотрю тебѣ въ глаза; попробуй, ну,—кричала миссъ Мэри, поддерживаясь на своей кровати.

И, въ самомъ дѣлѣ, изъ этихъ двухъ существъ страшнѣе была она; она была ужасна съ этими костлявыми обнаженными руками, съ растрепанными клочьями сѣдыхъ волосъ, съ глазами—изъ горящей смолы.

Онъ остался неподвиженъ, смущенно шевеля свободной рукой; онъ, очевидно, боялся.

Миссъ О'Лэнджи чувствовала себя внѣ опасности. Она ощущала только невыносимое отвращеніе къ этому гнусному негодяю. Она хотѣла бы выбросить его въ окно—и въ то же время она не хотѣла, чтобъ онъ ушелъ отъ полиціи. Затѣмъ ее охватило любопытство; ей хотѣлось знать размѣры своей духовной силы въ борьбѣ съ этой грудой мяса и крови. Не сводя съ него глазъ, она облокотилась. Онъ продолжалъ смотрѣть исподлобья. Его первобытная физіономія выражала недовольство неудачи. Онъ пробормоталъ:

— Дайте мнѣ денегъ; я васъ не трону.

Старая дѣва презрительно улыбнулась.

— Сядь здѣсь,—сказала она, указывая ему на кресло возлѣ кровати.

Онъ поднялъ голову.

Чтобъ подойти къ креслу, надо было приблизиться къ кровати, отъ которой до сихъ поръ его отталкивали эти парализовавшіе его глаза. И теперь, безъ всякаго участія клочка воли, которымъ онъ еще владѣлъ, онъ почувствовалъ, что сдѣлаетъ эти три шага и сядетъ непремѣнно. Все въ немъ возмущалось противъ этой необходимости; что-то говорило ему, что, разъ сѣвъ, онъ отдается во власть этой странной старухи; его унижала эта покорная роль.

Онъ сдѣлалъ три шага и опустился въ кресло.

Явленіе, извѣстное въ психофизіологіи: когда, въ моментъ совершенія акта, требующаго большой затраты физической и душевной энергіи, слѣдовательно—и большого напряженія нервовъ, человѣкъ стоящій садится, дѣлая *движеніе*, *по-*

стороннее его намѣренію,— въ немъ происходитъ общее ослабленіе: онъ неспособенъ дѣйствовать.

Какимъ-то вдохновеніемъ миссъ Мэри это поняла.

Теперь, когда онъ могъ достать ее рукой, когда ихъ лица были на одномъ уровнѣ, она, глядя на его физіономію, полную выраженія упадка и безсилія, вдругъ почувствовала къ нему острую жалость. Взглядъ старой дѣвы смягчился.

— Это ваше первое... дѣло?—спросила она въ упоръ.

Онъ задвигался, не отвѣчая; онъ перекладывалъ ножъ изъ руки въ руку, чтобъ какъ-нибудь спрятать его; наконецъ, онъ всунулъ его въ рукавъ, и отрицательно покачалъ головой.

— Вы уже сидѣли въ тюрьмѣ?

Утвердительный кивокъ головой.

Наказаніе его не исправило. Духъ проповѣдницы просыпался въ ней.

— Другъ мой...

Убійца поднялъ голову; его глаза выражали крайнее изумленіе. *Другъ мой?* Кто сказалъ это ему? Онъ оглянулся вокругъ себя, потомъ его взглядъ снова неподвижно остановился на старухѣ.

— Какъ вамъ не стыдно?..—сказала она: — скажите, какъ васъ зовутъ?

Недовѣрчивая и хитрая улыбка искривила лицо бродяги онъ не отвѣтилъ.

— Боже мой!.. Не хотите сказать? Не надо. Но послушайте,—не могли бы вы отказаться отъ... ну... Понимаете, не могли бы вы жить иначе?

Онъ снова опустилъ голову. Опять ушли его глаза, и она видѣла только низкій лобъ и на немъ справа большой бѣловатый рубецъ.

— Ну, посмотрите сюда, послушайте.

Голова опустилась еще ниже.

— Слушайте,— сказала миссъ О'Лэнджи, теряя терпѣніе:—идутъ.

Онъ вскинулъ вопросительный взглядъ и насторожилъ уши.

— Да, это полиція,—сказала она.

Онъ приподнялся, потомъ сѣлъ опять. Его губы беззвучно двигались; его глаза раскрылись въ безумномъ ужасѣ, и, ища отвѣта у глазъ старухи, его взглядъ умолялъ и грозилъ сразу.

— Да,— повторяла она.

Онъ вскочилъ съ кресла. Это движеніе приблизило его къ миссъ О'Лэнджи. Она вздрогнула,—не отъ страха,—отъ ожиданія. Онъ увидѣлъ этотъ моментъ и, почувствовавъ себя

свободнымъ, сдѣлалъ полушагъ къ постели, наклонивъ торсъ, опустивъ голову и сжимая ручку ножа.

Онъ сразу закрылъ глаза и поднялъ правую руку, но вдругъ его кто-то сильно схватилъ за плечо. Не думая, онъ раскрылъ глаза: лицо старой миссъ почти касалось его лица, зрачки широко раскрылись, страшно сверкая.—Въ этотъ моментъ сверхъестественной мощи она была необыкновенно красива. Одинъ моментъ онъ остался неподвиженъ въ той-же позѣ; затѣмъ его рука упала. Миссъ О'Лэнджи медленно приняла свою руку, между тѣмъ, какъ онъ медленно отступалъ подъ огнемъ этого невыносимаго взгляда. И въ этой страшной тишинѣ лишь бродяга тяжело и прерывисто дышалъ, потомъ сразу выскочилъ и исчезъ.

* * *

Когда полиція вошла, она нашла миссъ Мэри въ нервномъ припадкѣ. Громадная затрата энергіи сломила ее. Она бредила. Полиція шарила подъ кроватью, трусила гардины, перевернула, словомъ, весь домъ и ушла, весьма недовольная тѣмъ, что ее, какъ говорилъ г. коммиссаръ, потревожили напрасно.

— Вы ошиблись адресомъ, моя милая,—сказалъ онъ Кэтъ, разсыпавшейся въ извиненіяхъ:—вамъ не полиція нужна, а докторъ.

Правда, швейцаръ говорилъ, что онъ выпустилъ только что какого-то человѣка, но что изъ этого слѣдуетъ? И еслибы все случившееся стало извѣстно, то, скажите, что могутъ эти люди понять въ этой чудесной побѣдѣ чистаго духа надъ чистой матеріей?

Марксизмъ и славянство.

(Къ вопросу о внѣшней политикѣ соціализма).

(Окончаніе).

V.

Когда, въ началѣ революціи 48 г., Марксъ переживалъ апогей своего революціоннаго идеализма, онъ былъ, казалось, сама справедливость въ вопросахъ, вызывавшихъ споръ между славянами и нѣмцами. Вспоминая его статьи о пражскомъ возстаніи чеховъ, Мерингъ утверждаетъ даже, что „Новая Рейская Газета" „требовала Богемія для чеховъ, какъ Польши для поляковъ, Венгріи для мадьяръ, Италіи — для итальянцевъ". Утвержденіе это, однако, слишкомъ смѣло. Самъ Марксъ, начавъ за здравіе, кончаетъ за упокой чешскаго движенія. Онъ приговариваетъ его къ смерти; приговариваетъ съ сожалѣніемъ, но приговариваетъ...

„Возстаніе можетъ кончиться какъ угодно; но теперь единственно возможнымъ разрѣшеніемъ вопроса остается истребительная война нѣмцевъ противъ чеховъ...

„Кого при этомъ болѣе всего приходится пожалѣть, такъ это самихъ храбрыхъ чеховъ. Побѣдятъ они или будутъ побиты, но гибель ихъ неизбѣжна. Четырехвѣковымъ угнетеніемъ со стороны нѣмцевъ, которое заканчивается теперь уличной битвой въ стѣнахъ Праги, они отброшены въ объятія русскихъ. И въ великой войнѣ между Востокомъ и Западомъ Европы, войнѣ, которая разразится вскорѣ, быть можетъ, черезъ нѣсколько недѣль, несчастная судьба ставитъ чеховъ на сторону Россіи, на сторону деспотизма противъ революціи. Революція побѣдитъ, и чехи будутъ первыми, которые будутъ ею подавлены" [1]).

Предсказаніе не исполнилось. Чехи не бросились въ объятія

---

[1]) Nachlass, III, s. 108, 109—110.

Россія, всемірной войны не произошло, революція не побѣдила. Все кончилось гораздо проще.

Вмѣсто великой революціонной войны Запада съ Востокомъ началась малая національно-революціонная война Венгріи противъ Австріи и ея спасительницы Россіи,—война, въ которой венгры, „провозглашая свое освобожденіе, продолжали угнетать зависимыя отъ нихъ народности“ славянскаго юга. И южные славяне встали противъ мадьяръ и помогли австрійской династіи справиться съ этимъ новымъ врагомъ.

Какой выводъ слѣдуетъ изъ этого? Да только тотъ, что національный моментъ есть огромная и обоюдоострая сила. Тамъ, гдѣ національность угнетена, рождается своеобразный „оборонительный національзмъ“, и отъ него не отчураться никакими формулами. Онъ живучъ и обладаетъ упорствомъ и неистребимостью элементарной стихіи. Безполезно его отвергать; но и безоговорочно принять его невозможно. Ибо гдѣ кончается оборонительный національзмъ и начинается наступательный, аггрессивный? Мадьяры бились за свою свободу и, еще не успѣвши ея обезпечить, уже наступали на чужую свободу. Чехи готовы были равнодушно предать свободу Вѣны, въ надеждѣ выторговать себѣ этимъ путемъ свободу у династіи. Венгры за свою свободу готовы были заплатить цѣною содѣйствія въ уничтоженіи свободы итальянцевъ. Югославяне изъ мести венграмъ топили и венгерскую, и собственную свободу.

Революція въ Австріи могла бы быть спасена, еслибы демократія того времени понимала всю сложность и запутанность національнаго вопроса, всю зависимость дѣла общей свободы отъ его разрѣшенія, отъ примиренія интересовъ всѣхъ національностей Австріи на основѣ общей, единой, разработанной національной программы. Переустройство всей Австро-Венгріи на федеративныхъ началахъ; полный отказъ исторически-господствовавшихъ національностей отъ всякихъ привилегій; гарантія правъ національныхъ меньшинствъ въ областяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ—таковы были единственно-возможныя условія преодолѣнія хаоса національныхъ распрей, въ которомъ, какъ въ мутной водѣ, удачно ловила рыбу контръ-революція.

Тогдашній соціализмъ долженъ былъ указать демократіи этотъ единственный выходъ. Но онъ этого не сдѣлалъ.

Соціализмъ Маркса и Энгельса, послѣ нѣсколькихъ колебаній, просто и кратко всталъ на сторону нѣмцевъ и мадьяръ противъ славянъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, въ которыхъ можно отмѣтить преходящія неясныя тяготѣнія Маркса въ сторону новаго пути, и прочныя, опредѣленныя тяготѣнія Энгельса къ старой, избитой колеѣ.

Точка зрѣнія Энгельса очень проста. Славяне не имѣютъ будущности, не имѣютъ и прошлаго. Отъ полнаго варварства и жал-

каго прозябанія подъ турецкимъ игомъ ихъ спасли нѣмцы и мадьяры. Нѣмцы и мадьяры принесли имъ современную культуру, городскую жизнь, индустрію, торговлю, образованіе, гражданственность. Германизація и мадьяризація подняла ихъ изъ состоянія варварства на нѣкоторую высшую ступень цивилизаціи. Не жаловаться на германизацію и мадьяризацію должны они, а быть благодарными. Не мечтать о фантастическомъ національномъ возрожденіи, а продолжать германизироваться и мадьяризироваться. Всякое иное поведеніе будетъ попыткой поворотить назадъ или задержать колесо исторіи. Будетъ только справедливо, если за такую попытку они поплатятся.

Это относится и къ чехамъ, вмѣстѣ съ моравами и словаками. „Никогда они не имѣли собственной исторіи. Со временъ Карла Великаго Богемія прикрѣплена къ Германіи. Лишь на моментъ высвобождается чешская нація, образуетъ великоморавское королевство, чтобы тотчасъ же снова подпасть подъ чужое владычество и втеченіе пятисотъ лѣтъ перебрасываться, какъ мячъ, между Германіей, Венгріей и Польшей. Наконецъ, Богемія и Моравія окончательно переходятъ къ Германіи, а словацкія области остаются при Венгріи. И эта никогда исторически не существовавшая нація заявляетъ претензіи на самостоятельность?

„То же и по отношенію къ собственно такъ называемымъ югославянамъ. Гдѣ исторія иллирійскихъ словенцевъ, далматинцевъ, кроатовъ, шоказовъ? Съ XI вѣка потеряли они послѣднюю тѣнь политической самостоятельности, состоя частью подъ нѣмецкимъ, частью подъ венеціанскимъ, частью подъ мадьярскимъ господствомъ. И изъ этихъ разодранныхъ лохмотьевъ хотятъ скроить сильную, независимую, жизнеспособную національность?“ [1]).

Это не только утопія, но реакціонная утопія. „Всѣ подобные остатки національности, безжалостно растоптанной — какъ выражается Гегель—ходомъ исторіи, всѣ эти осколки народностей постоянно являются и остаются вплоть до своего окончательнаго истребленія или денаціонализаціи фанатическими носителями контръ-революціи, подобно тому, какъ и вообще все ихъ существованіе уже является протестомъ противъ великаго историческаго переворота“ [2]).

И это говорится про народности, среди которыхъ, начиная съ 20-хъ годовъ, шло crescendo національное возрожденіе! Ни о чемъ подобномъ Энгельсъ ничего не хочетъ знать. Для него какъ будто ничего не измѣнилось со временъ незапамятной старины. Кто хочетъ видѣть будущее чеховъ и югославянъ,—утверждаетъ Энгельсъ— тотъ долженъ только взглянуть на давно и окончательно германизированныя области бывшихъ эльбскихъ, „полабскихъ“ и т. п.

---

[1]) Nachlass, III, 252

[2]) Ibid, 241.

славянъ. „Тамъ дѣло уже покончено и покончено безвозвратно,“— торжествуетъ онъ и подсмѣивается надъ панславистами, которымъ пришлось бы „возродить потерянные сорбскій, вендскій и оботритскій языки и навязать ихъ современнымъ лейпцигцамъ, берлинцамъ и штетинцамъ“. А главное, — „что это завоеваніе было въ интересахъ цивилизаціи — этого доселѣ еще никто не рѣшался оспаривать“.

Увлекаясь все болѣе и болѣе апологіей германизаціи, Энгельсъ окончательно ступаетъ на наклонную плоскость и начинаетъ разсуждать, какъ самый плоскій и самодовольный представитель господствующей національности, требующей отъ подчиненныхъ народовъ не только покорности своей участи, но еще и благодарности націи—„господину“.

Развѣ это не плоская апологетика, когда Энгельсъ надѣваетъ розовыя очки и прекраснодушно повѣствуетъ: „германизація славянскихъ областей въ гораздо большей степени совершалась мирными средствами, путемъ колонизаціи, путемъ вліянія болѣе развитой націи на менѣе развитую. Нѣмецкая индустрія, нѣмецкая торговля, нѣмецкое образованіе,—вотъ, благодаря чему, нѣмецкій языкъ самъ собой внѣдрялся въ страну. Что же касается „угнетенія“, то славяне подвергались ему со стороны нѣмцевъ ничуть не болѣе, чѣмъ масса самихъ нѣмцевъ“.

И все это говорится про положеніе дѣлъ въ Австріи, гдѣ вся предреволюціонная эпоха „іосифизма“ была эпохой сплошного ассимиляторства, гдѣ, по свидѣтельству позднѣйшаго историка-марксиста, „мѣропріятія императора Іосифа II и развивавшаяся параллельно имъ практика, послѣдовательно осуществляясь втеченіе 50 лѣтъ, должны были не-нѣмецкіе языки Австріи низвести на степень простыхъ народныхъ нарѣчій, совершенно исключенныхъ изъ сферы общественной жизни, искусства и науки“ (М. Бахъ). Въ Австріи, въ тогдашней Австріи, по праву получившей ничѣмъ неизгладимое прозвище „тюрьмы народовъ“!

Развѣ это не плоская апологетика, когда Энгельсъ начинаетъ иронизировать: „Но величайшее „преступленіе“ нѣмцевъ и мадьяръ, очевидно, заключается въ томъ, что они помѣшали этимъ двѣнадцати милліонамъ славянъ — отуречиться! Да что случилось бы съ этими раздробленными мелкими народцами, игравшими столь жалкую роль въ исторіи, что случилось бы съ ними, ...еслибы такъ называемые „угнетатели“ не рѣшили участь битвъ, данныхъ въ защиту этихъ слабыхъ племенъ! И, наконецъ, какое преступленіе въ томъ, что нѣмцы и мадьяры, въ эпоху, когда вообще въ Европѣ большія монархіи были исторической необходимостью,— согнали эти мелкіе, безсильные, заскорузлые народцы въ одно великое государство и дали имъ такимъ образомъ возможность принять участіе въ историческомъ развитіи, которому они оста-

лись бы совершенно чужды, если бы ихъ предоставить ихъ собственной участи?"

Какъ не вспомнить по этому поводу сарказмовъ Маркса, направленныхъ противъ „объективистовъ" исторической школы, оправдывавшихъ любую гнусность ссылкой на предыдущія гнусности, санкціонировавшихъ каждый историческій кнутъ, какъ закономѣрно-необходимый, исторически-естественный: тѣхъ объективистовъ, про которыхъ онъ со своею сильной и грубоватой ироніей говоритъ, что исторія имъ показываетъ, какъ израильскій Богъ слугѣ своему Моисею, только „свое aposteriori"!

Да, не мало національностей въ свое время было перемолото тяжкими жерновами исторіи. „Перемелется — все мука будетъ" Не смотря на болѣзненныя стороны этого процесса, кое-какъ изъ элементовъ прежнихъ народностей получились новые историческіе сплавы. Народилась, наконецъ, въ процессѣ многотрудныхъ историческихъ родовъ, современная демократія, и съ нею—національное самосознаніе и національныя культуры. Никому не придетъ въ голову, конечно, изъ абстрактнаго уваженія къ принципу національности требовать воскрешенія того, что умерло—этихъ нелѣпостей Энгельсъ могъ бы и не подозрѣвать своимъ противникамъ изъ лагеря славянской демократіи; но изъ этого не вытекаетъ, что нужно безъ всякихъ дальнѣйшихъ сомнѣній красить въ цвѣтъ „прогрессивности" все, что исторически было неизбѣжно. Исторія, какъ и природа, идетъ къ своимъ результатамъ отнюдь не кратчайшими путями; ея творческіе акты связаны съ грандіознымъ расточеніемъ силъ, и пути ея усѣяны терніями, а не розами. „Чтобъ одного возвеличить, судьба тысячи слабыхъ уноситъ". Съ этимъ нужно считаться, жизнь надо принять въ томъ видѣ, какъ она есть. Но значитъ ли это, что мы должны проникнуться передъ путями исторіи какимъ-то рабьимъ энтузіазмомъ, кадить передъ всякимъ „возвеличеннымъ" и втыкать осиновый колъ въ тысячи могилъ „унесенныхъ судьбою" слабыхъ? А главное, значитъ ли это, что мы имѣемъ право мѣрить настоящее аршиномъ незапамятнаго прошлаго и мириться съ тяжкимъ гнетомъ жерновъ исторіи въ современности, дѣятельной частью которой мы являемся, на основаніи того, что нельзя не мириться съ давно прошедшимъ, въ которомъ все равно ни одной іоты не передѣлаешь, какъ бы страстно этого ни желалъ?

Оптимистическій фатализмъ Энгельса для него легокъ. Онъ принадлежалъ не къ одной изъ тѣхъ національностей, которыя играли роль *наковальни*, а къ одной изъ тѣхъ, которыя играли роль ударявшаго по этой наковальнѣ *молота*. И потому представители угнетенныхъ національностей могли только съ законнымъ негодованіемъ отвѣтить на его успокоительную историческую философію, преклоняющуюся передъ конечными итогами общаго „естественнаго хода вещей": „Конечно, подобныя вещи не могли

быть осуществлены безъ того, чтобы кое-гдѣ насильственно смять иной хрупкій національный цвѣтокъ. Но безъ насилія и безъ желѣзной способности дѣйствовать, не взирая ни на что, въ исторіи не совершалось ничего новаго; и еслибы Александръ Македонскій, Цезарь и Наполеонъ обладали тѣмъ мягкосердечіемъ, къ которому взываетъ панславизмъ въ пользу своихъ обреченныхъ на гибель кліентовъ, что бы вышло изъ исторіи?"

О, ужасъ! Что бы вышло изъ исторіи, еслибы великіе завоеватели (почему бы не дополнить этотъ списокъ Атиллой и Тамерланомъ?) были менѣе жестоковыйны? Очевидно, ничего добраго. Ибо, повидимому, полководческая жестоковыйность неожиданнымъ образомъ возводится „экономическимъ матеріализмомъ" въ одинъ изъ важнѣйшихъ прогрессивныхъ факторовъ историческаго процесса. Настолько важныхъ, что Энгельсъ даже забываетъ, насколько большинство завоевателей стараго времени были терпимѣе современныхъ государственныхъ дѣлъ мастеровъ и политическихъ централизаторовъ по отношенію къ внутреннему народному быту и духовной культурѣ покоренныхъ народовъ. Атиллы, Тамерланы, Батыи завоевывали и грабили. Но имъ рѣдко приходило въ голову сосредоточить всѣ силы на томъ, чтобы ограбить покоренныхъ духовно, обобрать ихъ историческій умственный капиталъ, навязать имъ во что бы то ни стало языкъ, вѣру, обычаи побѣдителей. Они брали дань, и только. Цивилизованные Тамерланы германизаторскаго и т. п. искусства въ этомъ отношеніи будутъ „много позадовитѣе"!

VI.

Національныя распри, сказали мы, были тѣмъ хаосомъ, въ которомъ захлебнулись и потонули демократическія потуги 1848 г. Урокъ этихъ событій долженъ былъ пойти на пользу демократіи. Извлечь его изъ калейдоскопа исторіи долженъ былъ соціализмъ.

Въ лицѣ Энгельса соціализмъ, однако, не разсѣивалъ марева взаимныхъ недоразумѣній между національностями, а усугублялъ ихъ. Вмѣсто того, чтобы понять, кто и какъ въ лагерѣ самой демократіи ложною національной политикой толкалъ политически неразвитое славянство въ объятія габсбургской реакціи, онъ сталъ на точку зрѣнія *вмѣненія* и *кары*. Славянство онъ посадилъ на скамью подсудимыхъ, нѣмцевъ и мадьяръ превратилъ въ гражданскихъ истцовъ. Болѣе того: отнесясь къ событіямъ и коллективнымъ героямъ событій съ самою страстной тенденціозностью и лицепріятіемъ, онъ не помогалъ нѣмецкой и мадьярской демократіи понять свои политическія ошибки, но иногда даже *мѣшалъ* имъ въ этомъ. Лучшей иллюстраціей этого можетъ служить хотя бы такое мѣсто изъ Энгельса: „Что касается мадьяръ, то именно здѣсь приходится замѣтить, что какъ разъ со времени революціи они вели

себя слишкомъ податливо и уступчиво по отношенію къ спѣсивымъ кроатамъ. Извѣстно, что Кошутъ далъ имъ все возможное, не допуская лишь, чтобы ихъ депутаты могли говорить въ рейхстагѣ по кроатски. И эта уступчивость по отношенію къ націи, контръ-революціонной по самой своей природѣ, *есть единственное, въ чемъ можно упрекнуть мадьяра*" [1]).

Здѣсь можно найти что угодно—только не способность къ самому элементарному безпристрастію въ оцѣнкѣ національныхъ недоразумѣній и споровъ. Опровергать Энгельса не приходится—ни одинъ изъ позднѣйшихъ марксистовъ, какъ бы безпощаденъ онъ ни былъ въ оцѣнкѣ поведенія славянъ, не рѣшился бы повторить этихъ словъ. Но Энгельсъ шелъ еще дальше. Онъ жаждалъ *кары*, жаждалъ *мести*.

Въ тотъ моментъ, когда венгры и славяне окончательно истекали кровью въ междоусобной схваткѣ, а габсбургская династія какъ „третій радующійся", готовилась прибрать къ рукамъ и тѣхъ, и другихъ,—Энгельсъ не только всей душой былъ за стоящихъ на краю гибели венгровъ (кто изъ демократовъ не былъ бы за нихъ?) но и ждалъ для нихъ реванша—и какого реванша! „При первомъ же побѣдоносномъ возстаніи французскаго пролетаріата, возстаніи отъ котораго Луи Наполеонъ пытается отчураться всѣми силами репрессій,—у австрійскихъ нѣмцевъ и мадьяръ руки будутъ свободны и *отвѣтятъ славянскимъ варварамъ кровавою местью*. Всеобщая война, которая тогда разразится, раздробитъ этотъ славянскій „зондербундъ" и уничтожитъ эти мелкія тупоголовыя національности вплоть до ихъ имени включительно. Да, ближайшая всемірная война сотретъ съ лица земли не только реакціонные классы и династіи, но и цѣлые реакціонные народы,—и это также будетъ прогрессомъ" [2])!

И это—не случайно вырвавшіяся, въ порывѣ страсти, случайныя фразы, заходящія гораздо дальше того, что думалъ ихъ авторъ. Нѣтъ, въ послѣдующихъ статьяхъ Энгельсъ не разъ возвращается къ этимъ лозунгамъ ненависти и мести. Отмѣчая поворотъ чеховъ послѣ подавленія пражскаго возстанія въ сторону сближенія съ династіей противъ нѣмецкой и мадьярской національной демократіи, онъ говоритъ: „И за эту трусливую, низкую измѣну революціи мы когда - нибудь отплатимъ славянамъ кровавою местью"! [3]) И въ другомъ мѣстѣ, характеризуя „ненависть къ русскимъ", какъ „первѣйшую нѣмецкую революціонную добродѣтель", онъ восклицаетъ: „Со времени революціи къ этой ненависти присоединилась ненависть противъ чеховъ и кроатовъ, и мы, сообща съ поляками и мадьярами, утвердимъ революцію противъ

[1]) Nachlass, III, s. 256.
[2]) Ibid., s. 245.
[3]) Ibid., s. 260.

этихъ славянскихъ народовъ самыми рѣшительными мѣрами терроризированія... Мы знаемъ теперь, гдѣ сосредоточены враги революціи: въ Россіи и въ славянскихъ земляхъ Австріи. И никакія фразы, никакія туманныя ссылки на демократическое будущее этихъ странъ не удержатъ насъ отъ того, чтобы обращаться съ нашими врагами, какъ съ врагами!" И въ отвѣтъ на Бакунинскія рѣчи о томъ, что славяне хотятъ жить и развиваться, хотятъ взаимно поддерживать другъ друга и всѣми своими силами вступаться за нарушеніе правъ каждаго изъ славянскихъ народовъ,—Энгельсъ восклицаетъ: „Тогда мы знаемъ, что намъ сдѣлать! Тогда борьба, беззалостная борьба на жизнь и смерть съ измѣнническимъ, предательскимъ по отношенію къ революціи славянствомъ; тогда—истребительная война и безудержный терроръ — не въ интересахъ Германіи, а въ интересахъ революціи"! [1])

Террористическія традиціи якобинства здѣсь явно поставлены на службу расовой враждѣ. Энгельсъ, конечно, былъ искренній интернаціоналистъ по своимъ убѣжденіямъ. Но чисто головного, теоретическаго интернаціонализма далеко еще недостаточно, чтобы воплощать интернаціонализмъ на практикѣ. Не всякій, взывающій,—Господи, Господи!—внидетъ въ царствіе небесное, но лишь творящій волю Отца, иже на небесахъ. За кулисами человѣческаго сознанія пережитки націоналистической узости и исключительности живутъ гораздо дольше, чѣмъ въ области формулировокъ „чистаго разума". Мало того, эти пережитки *психологіи* тѣмъ незамѣтнѣе и сильнѣе давятъ на человѣческую логику, чѣмъ болѣе убѣжденъ человѣкъ въ своемъ полномъ идейномъ отъ нихъ освобожденіи. „Не въ интересахъ Германіи, а въ интересахъ революціи"—отнюдь не было въ устахъ Энгельса пустой фразой. Разумъ человѣческій, слишкомъ часто стоящій на запяткахъ у чувства, у страсти, склоненъ къ самоослѣпленію, „glaubt, zu schieben—und wird geschoben"... И развѣ сейчасъ, во время самой ужасной международной бойни, разбросанные между разными лагерями соціалисты, взирая съ сердечной болью, съ гнѣвомъ и отвращеніемъ на „подвиги" единомышленниковъ „по другую сторону огня" начиная другъ друга презирать и ненавидѣть, не считаютъ себя совершенно искренне самыми настоящими, чистокровными и преданными интернаціоналистами? Развѣ голое теоретическое исповѣданіе интернаціонализма отъ чего-либо гарантируетъ? Развѣ оно несовмѣстимо съ самымъ крайнимъ націоналистическимъ грѣхопаденіемъ?

Такое грѣхопаденіе постигло и революціонный марксизмъ конца сороковыхъ годовъ, причемъ первою и наиболѣе полною его жертвою сталъ Энгельсъ, давившій систематически и на Маркса,—на Маркса, оказавшагося нѣсколько менѣе податливымъ, но все же

[1]) Ibid., 264.

податливымъ. Въ міросозерцаніи обоихъ мыслителей оказались бреши, сквозь которыя въ него легко проникли переживанія національныхъ „притяженій и отталкиваній", создававшихся и укоренявшихся въ человѣчествѣ вѣками, и потому неистребляемыя въ нѣсколько дней или даже нѣсколько лѣтъ индивидуальнаго идейнаго развитія.

Въ какихъ пунктахъ міросозерцанія Маркса и Энгельса нужно усматривать эти бреши? Вотъ вопросъ необычайной теоретической важности для всѣхъ, кто хочетъ свести счеты со своею интеллектуальной совѣстью, кто хочетъ разобраться въ идейномъ наслѣдствѣ современнаго интернаціонала, кто хочетъ рѣшить — чему именно изъ этого наслѣдства суждено перейти, въ качествѣ *жизненнаго элемента*, въ строительство будущаго, и чему именно суждено поступить, въ качествѣ *пережитка*, въ область *археологіи* соціалистической мысли.

Одну искомую брешь мы уже „локализировали". Это—*якобинская традиція*, облегчавшая марксизму 48 г. „пріятіе войны", толкавшая къ утилизированію національнаго патріотизма въ интересахъ революціи, къ созданію и укрѣпленію своеобразнаго „революціоннаго шовинизма".

Другую дали возможность „локализировать" сами первоучители марксизма. Она заключалась въ переоцѣнкѣ революціонной зрѣлости пролетаріата и творчески-преобразующей роли капитализма,—переоцѣнкѣ, благодаря которой, борцы 1848 г. приняли національно демократическій „этапъ" или „привалъ" буржуазнаго строя за конечный пунктъ его странствія, за историческую смѣну его новымъ строемъ, соціалистическимъ.

Третью брешь пытались уже давно „теоретически локализировать" видные послѣдователи современнаго марксизма, въ особенности Францъ Мерингъ. Она заключается въ общей *недооцѣнкѣ у Маркса роли національнаго начала въ исторіи.*

Вопросъ объ историческомъ „правѣ на существованіе" національныхъ стремленій южныхъ и западныхъ славянъ,—вопросъ, позднѣйшей исторіей разрѣшенный, вопреки Марксу и Энгельсу, въ положительномъ, а не въ отрицательномъ смыслѣ,—для соціалистической теоріи, какъ правильно формулируетъ Мерингъ, есть лишь частный случай болѣе общаго вопроса; „теряютъ ли, и если да, то когда и поскольку теряютъ свое право національныя эмансипаціонныя стремленія лицомъ къ лицу съ высшими интересами культуры".

Въ рѣшеніи этого вопроса Марксъ и Энгельсъ исходили изъ здоровой, по мнѣнію Меринга, реакціи противъ вульгарно-демократическаго фразерства о братствѣ народовъ, однако, съ другой стороны, онъ не можетъ не сознаться, что у нихъ реакція эта „приняла обостренную и потому нѣсколько одностороннюю форму".

„Самый вопросъ при какихъ условіяхъ само по себѣ законное

стремленіе малой національности къ самоутвержденію должно себя умѣрять, чтобы не вступить въ столкновеніе съ революціонными условіями развитія великихъ культурныхъ народовъ, поддается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшенію всегда съ немалыми трудностями, такъ какъ при этомъ рѣчь идетъ о взвѣшиваніи многихъ сталкивающихся и болѣе или менѣе сложныхъ моментовъ. Наряду съ опасностью, что освободительная борьба какой-нибудь периферической національности можетъ повредить важнѣйшимъ интересамъ историческаго развитія въ великихъ культурныхъ центрахъ, есть вѣдь и противоположная опасность,— что великія націи могутъ съ суверевнымъ равнодушіемъ глядѣть поверхъ жизненныхъ интересовъ мелкихъ націй даже тамъ, гдѣ нѣтъ налицо никакого серьезнаго столкновенія интересовъ, или лишь столь незначительное ихъ расхожденіе, что великія націи могли бы цѣною того или другого меньшаго удобства дать удовлетвореніе и правамъ мелкихъ національностей. И вотъ, что касается „Новой Рейнской газеты", то она въ общемъ всегда была съ великими культурными народами, чьи интересы она оберегала заботливѣе, „чѣмъ интересы мелкихъ народностей". И затѣмъ Мерингъ заканчиваетъ въ тонѣ все того же „съ одной стороны нельзя не признать, съ другой—нельзя не сознаться". Съ одной стороны „въ революціонные годы такая концепція находитъ свое полное оправданіе"; съ другой—нельзя отрицать, что отъ „субъективно оправданной страстности" въ расцѣнкѣ сталкивающихся силъ „терпитъ извѣстное ограниченіе объективная правильность историческаго сужденія" — какъ случилось у Маркса и Энгельса съ сужденіемъ объ исторической будущности южнаго и западнаго славянства.

Какъ ни осторожно выражается Мерингъ о своихъ учителяхъ, но объективная сущность его замѣчанія недвусмысленна. „Интернаціонализмъ", который всегда держитъ сторону крупныхъ національностей противъ мелкихъ—а это почти всегда означаетъ *господствующихъ* національностей противъ *подчиненныхъ*—есть интернаціонализмъ односторонній, однобокій—я даже позволю себѣ выразиться, *интернаціонализмъ на ущербѣ*. Ибо что же это за интернаціонализмъ, который въ борьбѣ двухъ націонализмовъ — *агрессивнаго* націонализма крупныхъ національностей, драпирующагося въ тогу „цивилизаторской миссіи" и подъ нею скрывающагс свои ассимиляторски-великодержавныя поползновенія,—и *оборонительнаго* націонализма мелкихъ народностей, служащихъ объектами такого поползновенія—не умѣетъ хранить должнаго объективнаго безпристрастія, но заранѣе предрасположенъ быть съ сильнымъ противъ слабаго?

VII.

Коллекція цитатъ изъ Маркса и Энгельса относительно австрійскихъ славянъ могла бы быть дополнена такою же коллекціей цитатъ о славянахъ турецкихъ. Но думается, что это будетъ излишне. Никакой новой аргументаціи отзывы эти не содержатъ, лишь усугубляя общую картину. „Тѣмъ, что Марксъ и Энгельсъ, спустя нѣсколько лѣтъ, во время Крымской кампаніи, дали столь же неблагопріятную оцѣнку турецкихъ славянъ, какъ орудій русскаго деспотизма, какъ во время революціонныхъ годовъ оцѣнку австрійскихъ югославянъ, какъ орудій Габсбургской контръ-революціи,—вопросъ этотъ получилъ еще болѣе глубокое значеніе"—справедливо замѣчаетъ Мерингъ. Въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ, послѣ русско-турецкой войны, произошло въ рядахъ германской соціалъ-демократіи рѣзкое разногласіе по вопросу о томъ, чью сторону взять въ ближне-восточномъ вопросѣ: сторону ли балканскихъ славянъ, или сторону турокъ. Рекордъ туркофильства въ то время былъ побитъ Вильгельмомъ Либкнехтомъ. Во время гуманитарной кампаніи, поднятой въ Англіи Гладстономъ, возмущеннымъ турецкими звѣрствами надъ болгарами съ одной стороны, надъ армянами съ другой, Либкнехтъ дошелъ до того, что съ фанатическимъ упорствомъ отрицалъ наличность этихъ звѣрствъ, увѣряя, что они начисто изобрѣтены въ качествѣ предлога для вмѣшательства во внутреннія дѣла Турціи; поскольку же, въ видѣ исключенія, они дѣйствительно имѣли мѣсто,—постольку они подстроены и *провоцированы* ради той же цѣли фальшивыми „заступниками" и „покровителями" славянства. Всякое дѣятельное проявленіе сочувствія „угнетеннымъ" онъ считалъ величайшей, и по послѣдствіямъ своимъ преступной, политической глупостью: это для него значило бы играть на руку „русскому кнуту", и сборнику своихъ статей по этому вопросу онъ далъ краснорѣчивое названіе: „Должна ли Европа оказачиться? слово предостереженія нѣмецкому народу". [1]) Ради спасенія отъ этой угрожающей перспективы Либкнехтъ проповѣдывалъ для Германіи *интервентизмъ*, вооруженное вмѣшательство противъ Россіи въ пользу Турціи. Изъ лагеря симпатизировавшихъ славянству, среди которыхъ были Каутскій, Бернштейнъ и Роза Люксембургъ, въ отвѣтъ вышелъ талантливый анонимный памфлетъ (авторомъ его былъ молодой авторъ Г. Леви) подъ не менѣе краснорѣчивымъ за-

[1]) Zur orientalischen Frage oder: Soll Europa kosakich werden?" Ein Mahnwort an das deutsche Volk". Нынѣ эта брошюра издана въ украинскомъ переводѣ группою украинцевъ „австро-турецкой оріентаціи", подъ заглавіемъ „Чи мае Европа скозачiти?"

главіемъ: „Должна-ли соціалистическая рабочая партія отуречиться? Слово предостереженія нѣмецкой соціалъ-демократіи". [1])

Марксъ и Энгельсъ въ этомъ спорѣ были на сторонѣ Либкнехта и Бебеля. Марксъ еще во время Крымской войны писалъ Энгельсу, что извѣстный англійскій туркофилъ Уркхартъ послѣ одной изъ его статей удивилъ его „комплиментомъ, что статья вышла такова, какъ будто ее писалъ турокъ". Въ устахъ этого маньяка туркофильства комплиментъ пріобрѣталъ весьма двусмысленный характеръ. На дѣлѣ, конечно, Марксъ не противъ Россіи выступалъ потому, что былъ за турокъ, а наоборотъ: былъ за турокъ лишь потому, что этого требовалъ антагонизмъ къ Россіи. Въ турокъ онъ не вѣрилъ. Но онъ въ равной мѣрѣ не вѣрилъ и въ историческую жизнеспособность покоренныхъ ими балканскихъ славянъ. И тѣ, и другіе—какъ писалъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ Энгельсу — „müssen kaputt gehen". Но въ томъ и дѣло, что практическимъ лозунгомъ его иностранной политики въ пятидесятыхъ годахъ былъ — употребляя его собственное выраженіе изъ той же переписки,—„антипанславизмъ". Онъ хотѣлъ даже разорвать всякую связь съ „Нью-Іоркской Трибуной"—газетой, дававшей ему единственный заработокъ въ эпоху крайне стѣсненнаго, даже прямо бѣдственнаго, матеріальнаго положенія,—если она не приметъ этого лозунга. Однимъ изъ формулированныхъ имъ „исходныхъ пунктовъ" разсужденія по восточному вопросу былъ слѣдующій: „Неизбѣжность разложенія мусульманской имперіи. Тѣмъ или другимъ способомъ она попадетъ въ руки европейской цивилизаціи". Надо лишь, чтобы ликвидація Турціи не произошла въ духѣ панславизма, съ преобладающимъ вліяніемъ Россіи. Современная дипломатія можетъ неопредѣленно долгое время затягивать этотъ процессъ и затушевывать зарождающіеся на его почвѣ конфликты. Конецъ этому положитъ все та же, ожидаемая Марксомъ и Энгельсомъ, общеевропейская катастрофа, въ которой повѣтріе внутреннихъ переворотовъ будетъ сопровождаться европейской войной. „Въ случаѣ всеобщей встряски Турція побудитъ Англію встать на революціонную сторону, ибо здѣсь неизбѣженъ конфликтъ Англіи съ Россіей" [2]). Вотъ въ чемъ, слѣдовательно, положительная историческая миссія неизлечимаго „больного человѣка". Не онъ самъ важенъ и нуженъ, а нужно яблоко раздора между Англіей и Россіей. Съ этой точки зрѣнія понятенъ частичный союзъ Маркса съ такими политическими маньяками, какъ „уркартиты". „Антипанславизмъ" и „руссоманія", про которую писалъ Лассаль, временами создавали у Маркса какой-то, вообще

---

[1]) „Zur orientalischen Frage, oder: Soll die sozialistische Arbeiterpartie türkisch werden? Ein Mahnwort an die deutsche Sozialdemokratie".

[2]) См. „Der Briefwechsel zwischen F. Engels u. K. Marx 1844—1883", Stutgart, 1913, B. I, 395; B. II, ss. 22,70 etc.

ему несвойственный, *мономдеизмъ* въ вопросахъ внѣшней политики. Лучшей иллюстраціей этого „мономдеизма“ является отношеніе Маркса къ Пальмерстону. Этотъ человѣкъ, который, подготовляя крымскую кампанію, говорилъ, что хочетъ Россію „soufileter pour toute la vie“, этотъ человѣкъ, котораго вульгарная русская пѣсенка увѣковѣчила въ строкахъ—„вотъ, въ воинственномъ азартѣ, воевода Пальмерстонъ поражаетъ Русь на картѣ указательнымъ перстомъ“—этотъ самый человѣкъ вызвалъ въ Марксѣ упорное, живучее, ничѣмъ не истребимое подозрѣніе, что онъ—тайный, купленный агентъ Россіи! Его морская демонстрація противъ Россіи передъ крымской кампаніей вызвала въ Марксѣ тревогу, что это — коварно-предательскій способъ отрѣзать Азіатскую Турцію отъ Европейской! Самая война въ Крыму съ англійской стороны ему снова и снова казалось притворной и намѣренно-затягиваемой-а „преждевременный“ миръ едва-ли не болѣе сильнымъ ударомъ по Турціи, чѣмъ по Россіи! Всѣ усердныя попытки Лассаля убѣдить его въ абсурдности такихъ предположеній остаются безъ результата; онъ роется въ архивныхъ матеріалахъ, въ Британскомъ Музеѣ и другихъ книгохранилищахъ, упорно разыскивая въ сѣдой старинѣ „прецеденты“ подобныхъ подкуповъ дипломатіи и макіавелическаго саботированія подкупленными войнъ противъ своихъ „патроновъ“. Нечего и говорить, что ни Мерингъ, комментаторъ писемъ Лассаля, ни Бебель и Бернштейнъ, комментаторы переписки Маркса и Энгельса, ни Гайндманъ, комментаторъ новаго изданія Марксовскаго памфлера противъ Пальмерстона, не считаютъ болѣе возможнымъ поддерживать такое незащитимое предположеніе. Марксъ въ данномъ случаѣ былъ жертвой своего сосредоточеннаго „антипанславизма“,—столь требовательнаго, что для него никакіе удары по внѣшней силѣ и международному положенію Россіи не могли быть достаточными, — всѣ оказывались слишкомъ слабыми, блѣдными, ничтожными...

Понятно однако, что по мѣрѣ роста внутри самой Россіи общественнаго и народнаго движенія, подкапывавшагося и подъ ея роль, какъ внѣшняго, международнаго оплота реакціи, — долженъ былъ смягчаться и антиславянскій фанатизмъ первоучителей „научнаго соціализма“. Ихъ отношеніе къ славянскому вопросу становится гораздо болѣе спокойнымъ. Однакоже общая оріентація остается прежней. Съ этой точки зрѣнія необыкновенно характерно одно изъ позднѣйшихъ писемъ Энгельса къ Эдуарду Бернштейну.

„Неудивительно, что письмо мое васъ не переубѣдило; вы уже прониклись симпатіями къ „угнетеннымъ“ славянамъ. Всѣ мы первоначально, проходя черезъ стадію либерализма и демократизма, принесли съ собою эти симпатіи ко всѣмъ „угнетеннымъ“ національностямъ; и я знаю, какого труда—и въ смыслѣ времени, и въ смыслѣ изученія—стоило мнѣ отъ нихъ, наконецъ, отрѣшиться,—

за то ужъ основательно... Наше дѣло—быть сотрудниками въ освободительной борьбѣ *западно-европейскаго* (курсивъ нашъ) пролетаріата и этой цѣли подчинять всѣ остальныя. И какъ бы ни были для насъ интересны балканскіе славяне и т. п. народности, но, какъ скоро ихъ тяга къ освобожденію вступаетъ въ коллизію съ интересами пролетаріата,—Богъ съ ними. Эльзасцы вѣдь тоже угнетены... Однако, если наканунѣ явно наступающей революціи они захотятъ вызвать войну между Франціей и Германіей, разжечь снова вражду между двумя этими народами и такимъ образомъ отсрочить наступленіе революціи, то я говорю: стопъ! Вы можете вооружиться по крайней мѣрѣ настолько же терпѣніемъ, насколько имъ вооружился европейскій пролетаріатъ. Освободится онъ — и вы будете свободны; а до тѣхъ поръ мы не можемъ потерпѣть, чтобы вы давали „отбой" борющемуся пролетаріату. Такъ же точно и со славянами: побѣда пролетаріата освобождаетъ ихъ дѣйствительно и необходимо, а не временно и фиктивно, какъ царизмъ. И вотъ почему они — они, которые досѣлѣ еще ничего отъ себя не вложили въ прогрессъ Европы, а всегда были колодками для него,— должны проявить по меньшей мѣрѣ столько же терпѣнія, какъ наши пролетаріи... Они были и остаются прислужниками царизма, а въ политикѣ нѣтъ мѣста поэтическимъ симпатіямъ. И если изъ возстанія этихъ ребятъ грозитъ вспыхнуть міровой военный пожаръ, который можетъ испортить всю нашу революціонную ситуацію,—то и сами они, и ихъ право на свою скотскую долю въ добычѣ (Ihr Recht auf Viehraub) должны быть безъ всякаго милосердія принесены въ жертву интересамъ европейскаго пролетаріата. Изъ-за пары какихъ-нибудь герцеговинцевъ затѣять міровой пожаръ, который будетъ стоить въ тысячу разъ больше человѣческихъ жертвъ, чѣмъ сколько живетъ людей во всей Герцеговинѣ,—нѣтъ, не въ этомъ, на мой взглядъ, можетъ состоять политика пролетаріата!"

Резоны Энгельса, несомнѣнно, весьма серьезны, и отъ нихъ нельзя отмахнуться дешевой полемикой. Въ нихъ есть свое зерно истины. Но чтобы это зерно дало плодъ, нужны опредѣленныя условія. Каковы же они?

Прежде всего надо замѣтить, что самъ пролетаріатъ вовсе не покоряется рѣшительно всему въ ожиданіи мистическаго „часа" конечнаго полнаго освобожденія. Силу „терпѣть и ждать" ему даетъ нѣчто весьма ощутительное: возможность и *до* полнаго освобожденія все время *частично улучшать* свое положеніе. И когда Энгельсъ требуетъ по примѣру пролетаріата извѣстной сдержанности и терпѣнія и отъ угнетенныхъ національностей, то должно быть налицо и „великое подразумѣваемое" такого „терпѣнія": *возможность хотя бы постепеннаго частичнаго облегченія участи покоренныхъ въ предѣлахъ государства-покорителя.*

Но какъ только это признано,—такъ сейчасъ же значительная доля нравоученій Энгельса „угнетеннымъ народностямъ" теряетъ

raison d'etre. Да развѣ угнетенныя народности въ своей массѣ до такой ужь степени требовательны и нетерпѣливы? Я не говорю конечно, о единицахъ или о малочисленныхъ кучкахъ фанатиковъ и маньяковъ національной идеи (оборонительный или „здоровый" національизмъ можетъ такъ же порождать *своихъ* маньяковъ, моноидеистовъ съ шорами на глазахъ, какъ и національизмъ агрессивный или „нездоровый")—они могутъ быть какъ угодно нервны и какъ угодно политически-истеричны. Но *масса* угнетеннаго народа —какъ и *масса* угнетеннаго класса—если чѣмъ обычно и грѣшитъ, то лишь поистинѣ невѣроятнымъ долготерпѣніемъ. И потому читать ей еще въ этомъ духѣ дешевую мораль не значитъ ли грубо и безтактно стучаться въ открытую настежь дверь? Развѣ недавно, на нашихъ глазахъ, въ разгаръ младотурецкой революціи, не прекратились волненія въ Македоніи, не разоружились четники, не братались македонцы (а въ Арменіи армяне) съ турками? Развѣ перспектива административныхъ реформъ въ Эльзасѣ и дарованія ему самоуправленія не создала тамъ немедленно сильнаго теченія въ пользу *примирительной позиціи* этой провинціи между Франціей и Германіей? Развѣ событія 1905 г. въ Россіи не явились лучшимъ аргументомъ противъ немедленныхъ государственно-сепаратистскихъ теченій въ русской Польшѣ? Угнетенныя народности и провинціи—особенно тамъ, гдѣ онѣ могутъ быть яблокомъ раздора между двумя государствами,—уже по одному тому вынуждаются къ политической сдержанности, что этимъ провинціямъ прежде всего и больше всего приходится быть той ареной, по которой будетъ шествовать „конь блѣдъ" ужасной, опустошительной войны. Нѣтъ, не съ легкимъ сердцемъ, и лишь при отсутствіи другихъ перспективъ страданія „угнетенныхъ народностей" двигаютъ ихъ массы на открытое возстаніе! И тотъ, кто этого не понимаетъ, тотъ, кто начинаетъ сердито брюзжать на нетерпѣливость „угнетенныхъ",—тотъ лишній разъ иллюстрируетъ своимъ примѣромъ справедливость пословицы—„сытый голоднаго не разумѣетъ". Не разумѣетъ, что бываютъ положенія, при которыхъ масса населенія властно проникается психологіей „героизма отчаянія", психологіей, которая говоритъ: „хочь гірше, та інше!".

Но тѣмъ самымъ вопросъ переносится въ совершенно иную плоскость. О, да, и рѣчи не можетъ быть о томъ, чтобы „политика пролетаріата" состояла въ донкихотскомъ переворачиваніи вверхъ ногами всего міра и разжиганіи бойни, обходящейся въ милліоны жизней, ради небольшой этнографической кучки. Средства надо соображать съ цѣлью, цѣну объекта домогательства съ „издержками производства". Но вѣдь вовсе не отъ пролетаріата зависитъ, „быть или не быть" возстанію македонцевъ, или армянъ, или ирландцевъ, или арабовъ, или индусовъ. Съ такими возстаніями пролетаріату приходится считаться совершенно такъ же, какъ со стихійными явленіями по собственнымъ законамъ дѣйствующей природы. Но

они спутываютъ карты политической игры, они осложняютъ достиженіе пролетаріатомъ своихъ цѣлей. Да, осложняютъ! Но брюзжаньемъ здѣсь не поможешь. Отъ сложности жизни не отмахнешься. Нечувствительностью къ страданіямъ угнетенной народности не поможешь чистотѣ и кристальной ясности постановки задачъ пролетарскаго дѣла. Напротивъ, этимъ можно лишь столкнуть лбами законные интересы пролетаріата съ не менѣе законными интересами угнетеннаго народа. И тогда окажется, что только на бумагѣ, только въ теоріи дѣло освобожденія труда есть въ то же время дѣло „всего человѣчества“, что только на бумагѣ рабочій классъ есть авангардъ всѣхъ страдающихъ и угнетенныхъ. Пролетаріатъ, да еще суженный Энгельсомъ до размѣровъ ограниченно локальныхъ—„*западноевропейскій* пролетаріатъ“—думающій о себѣ, а всѣхъ остальныхъ отсылающій ждать „второго пришествія“ конечной соціальной революціи—въ этомъ случаѣ былъ бы лишь новымъ, только болѣе обширнымъ, привилегированнымъ классомъ человѣчества, вся политическая мудрость котораго исчерпывается утробнымъ возгласомъ: „мнѣ первому, а вамъ—потомъ“.

При такой постановкѣ соціализмъ сталъ бы однобокимъ, исключительно-пролетарскимъ соціализмомъ. При такой постановкѣ соціализмъ просто старался бы перепрыгнуть черезъ національный вопросъ—слишкомъ часто при этихъ сальтомортале ломая ноги и рискуя свернуть себѣ шею. При такой постановкѣ соціализмъ не имѣлъ бы своей „національной программы“, какъ программы дѣйствій *нынѣшняго дня*.

Бѣдою Маркса и Энгельса было то, что ихъ міросозерцаніе и въ самомъ дѣлѣ складывалось крайне неблагопріятно для выработки такой программы. Вотъ почему впослѣдствіи потребовалось и возникло въ Австріи цѣлое идейное теченіе, получившее имя „національнаго ревизіонизма“, съ Отто Бауэромъ, Гильфердингомъ и др. во главѣ,—теченіе, пошедшее на встрѣчу зародившимся впервые среди *югославянскихъ* соціалистовъ идеямъ о *федеративномъ* переустройствѣ Австріи, дополненномъ институтами такъ называемой „персональной“ или культурной автономіи.

Марксъ и Энгельсъ по всѣмъ своимъ тенденціямъ были *централизаторами*. Къ *федеративному* принципу у нихъ была явно выраженная идіосинкразія. Въ этомъ смыслѣ они просто не могли встать выше исключительныхъ, своеобразныхъ условій своего мѣста и времени. Германія, съ ея „тридцатью шестью отечествами“, менѣе всего располагала революціонеровъ къ федерализму, но порождала въ нихъ, естественно, страстную и напряженную *унитарную* тенденцію. Практически возможный въ Германіи федерализмъ, идя по линіи наименьшаго сопротивленія, принималъ уродливую, извращенную форму—санкціи нелѣпаго *партикуляризма*, или, по крайней мѣрѣ, *примиренчества* съ нимъ, попытки сдѣлать изъ него исходную точку нормальнаго развитія. Въ програм-

махъ тогдашнихъ демократовъ—указываетъ Мерингъ — „Новая Рейнская Газета“ подчеркивала, „какъ общій у нихъ основной недостатокъ, требованіе сдѣлать изъ Германіи федеративную республику“ [1]). Въ противоположность имъ, они говорили, что „въ Германіи борьба централизаціи съ федеративными началами есть борьба между современной культурой и феодализмомъ“ [2]). Въ другихъ мѣстахъ, какъ Австрія, они боялись, что федерація будетъ торжествомъ „локальной ограниченности“, и въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ торжествомъ „омужиченія“. Въ своей перепискѣ съ Энгельсомъ Марксъ побуждаетъ его: „Пиши также противъ федеративной республики, къ чему самый лучшій поводъ даетъ Швейцарія“ [3]). Борьба противъ *извѣстной формы* федерализма незамѣтно переходитъ въ борьбу противъ самаго принципа федераціи. И, наконецъ, дѣло завершается свойственнымъ марксизму „пріятіемъ капитализма“, готовностью „пойти на выучку“ ко всему, что онъ съ собою несетъ; а капиталистическій индустріализмъ, несомнѣнно, связанъ съ централизаторскими поползновеніями.

Вотъ почему не приходится изумляться, когда Энгельсъ, „доказавъ“ историческую необходимость созданія въ Европѣ, на порогѣ новаго времени, великихъ монархій, подчинявшихъ себѣ мелкія національности, говоритъ:

„Теперь же, вслѣдствіе могучаго прогресса индустріи, торговли, путей сообщенія, политическая централизація сдѣлалась еще болѣе насущной необходимостью, чѣмъ тогда, въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтіяхъ. Что еще осталось централизовать—централизуется. И вотъ теперь являются панслависты и требуютъ, чтобы мы дали свободу, чтобы мы „выпустили на волю“ этихъ полугерманизированныхъ славянъ, чтобы мы отказались отъ той централизаціи, которая была внѣдрена въ славянъ силою ихъ собственныхъ матеріальныхъ интересовъ!“.

Чтобы не помѣшать интересамъ пролетаріата, отрицается удовлетвореніе національныхъ потребностей путемъ перекройки государственныхъ границъ. Чтобы не столкнуться съ тенденціями капиталистическаго индустріализма, отрицается удовлетвореніе національныхъ интересовъ путемъ ослабленія государственной централизаціи. Марксизмъ и національный вопросъ вступаютъ въ безысходную коллизію. Искренній и страстный интернаціонализмъ Маркса и Энгельса становится фатально интернаціонализмомъ одностороннимъ, однобокимъ—„интернаціонализмомъ на ущербѣ“.

---

[1]) Nachlass, III, s. 9.
[2]) Ibid., s. 94.
[3]) Briefwechsel, B. I, s. 100.

VIII.

Мы естественно подошли къ послѣднему, заключительному источнику „анти-славянизма“ Маркса и Энгельса. Этотъ источникъ—односторонній характеръ всей ихъ соціалистической концепціи.

Соціализмъ Маркса и Энгельса есть соціализмъ *индустріальнаго пролетаріата*. Это—однобокій *индустріальный соціализмъ*.

Мерингъ характеризовалъ иностранную политику Маркса и Энгельса указаніемъ на то, что они преимущественно были съ крупными національностями противъ мелкихъ, съ передовыми противъ отсталыхъ. Но это и значило, что въ столкновеніи интересовъ индустріально-капиталистическихъ націй съ земледѣльческими они были за первыхъ противъ вторыхъ.

Въ буржуазномъ строѣ индустрія стремится подчинить себѣ земледѣліе. Это сказывается въ области международныхъ отношеній тѣмъ, что индустріальныя націи стремятся подчинить себѣ аграрныя области и земледѣльческія народности. Но вѣдь это стремленіе представляетъ собою съ самаго начала ничто иное, какъ зародышъ или, если угодно, далекій прообразъ современнаго *имперіализма*. И вотъ, во всѣ первыя писанія Маркса и Энгельса неудержимо вкралось роковое „пріятіе“ такого первичнаго имперіализма, съ его политикой великодержавности, централизаціи, національнаго ассимиляторства.

„Въ Венгріи мадьяры вели ту же борьбу, что нѣмцы въ нѣмецкой Австріи. Закинутый среди славянскихъ варваровъ нѣмецкій клинъ въ Австріи и Штейермаркѣ протянулъ руку такому же закинутому среди славянскихъ варваровъ мадьярскому клину на Лейтѣ. Подобно тому, какъ нѣмецкое дворянство подчиняло себѣ, германизировало и тѣмъ самымъ вовлекало въ европейское движеніе славянскія племена на югѣ и сѣверѣ, въ Богеміи, Моравіи, Каринтіи и Краинѣ,—подобнымъ же образомъ покоряло ихъ себѣ на югѣ и сѣверѣ, въ прикарпатскихъ земляхъ, Кроаціи и Славоніи дворянство мадьярское“.

Наслѣдницей цивилизаторской миссіи дворянства явилась буржуазія.

„Ростущій классъ, носитель движенія, бюргерство, было повсюду нѣмецкимъ или мадьярскимъ. Лишь съ трудомъ смогли славяне—а югославянамъ удалось это только совершенно частично—доработаться до собственнаго, національнаго бюргерства. А вмѣстѣ съ бюргерствомъ въ рукахъ нѣмцевъ и мадьяръ оказалась и индустріальная сила, капиталъ; развилось нѣмецкое образованіе; славяне и въ интеллектуальномъ отношеніи подпали подъ владычество нѣмцевъ... То же, лишь нѣсколько позднѣе и потому въ меньшей мѣрѣ, произошло въ Венгріи, и интеллектуальную и

индустріальную руководящую роль наряду съ нѣмцами взяли на себя мадьяры".

Но вѣдь если такъ, то славяне оказываются необходимыми аграрными придатками къ австро-мадьярскому зданію капиталистической индустріи и всякое ихъ стремленіе къ самостоятельности можетъ быть угрозой всему этому зданію. Это яснѣе всего будетъ видно, если мы будемъ мыслить такую самостоятельность, какъ законченную политическую, государственную самостоятельность:

„Словенцы и кроаты отдѣляютъ Германію и Венгрію отъ Адріатическаго моря; но Германія и Венгрія не могутъ допустить, чтобы ихъ отрѣзали отъ Адріатическаго моря изъ географическихъ и коммерческихъ нуждъ, которыя, можетъ быть, ничего не значатъ для Бакунина и его славянскихъ друзей, но которыя, тѣмъ не менѣе, суть реальности, и для Германіи съ Венгріей являются такими же вопросами жизни, какъ для Польши побережье отъ Данцига до Риги. А гдѣ дѣло идетъ о самомъ существованіи, о свободномъ развитіи всѣхъ ресоурсовъ великихъ націй, тамъ никакого рѣшающаго значенія не могутъ имѣть такія сентиментальности, какъ оглядка на судьбу кучки разсѣянныхъ славянъ или нѣмцевъ!"

„Въ самомъ дѣлѣ, нечего сказать, необыкновенно пріятно было бы положеніе нѣмцевъ и мадьяръ, еслибы австрійскіе славяне добились своихъ такъ называемыхъ „правъ". Между Силезіей и Австріей—врѣзавшееся клиномъ богемско-моравское государство, Австрія и Штейермаркъ—отрѣзанные „югославянской республикой" отъ своего естественнаго выхода къ Адріатическому и Средиземному морямъ, востокъ Германіи раскромсанъ, какъ обглоданный крысами хлѣбъ! И все это—въ благодарность за то, что нѣмцы дали себѣ трудъ цивилизовать упрямыхъ чеховъ и словенцевъ, ввести у нихъ торговлю, индустрію, доходное сельское хозяйство и образованіе!" [1]).

Разсужденіе, не лишенное логики. Ясно лишь, что оно ведется съ какой угодно точки зрѣнія: съ точки зрѣнія національнаго германо-мадьярскаго капитализма, съ точки зрѣнія современной классовой государственности, съ точки зрѣнія ея великодержавныхъ интересовъ,—но только не съ точки зрѣнія классоваго, интернаціональнаго соціализма.

Ибо еслибы это была чисто-соціалистическая аргументація, то въ чемъ ея различіе отъ аргументаціи имперіалистической?

Что такое имперіализмъ? Каутскій опредѣляетъ его, какъ стремленіе индустріальной страны или націи обезпечить себя политическимъ подчиненіемъ входящихъ въ сферу ея экономическаго вліянія аграрныхъ, земледѣльческихъ странъ и областей,

---

[1]) См. Nachlass, III, ss. 234, 238, 255.

независимо отъ того, какими національностями онѣ населены. Это подчиненіе торжественно облекается въ тогу „преимущественнаго права высшей культуры надъ низшей“.

И, когда Фридрихъ Энгельсъ стремится высмѣять интернаціонализмъ Бакунина, выразившаго вѣковую, завѣтную идею нашего соціализма—идею федеративнаго переустройства исторически сложившихся государствъ-левіафановъ внутри, идею федерированія между собою нынѣшнихъ государствъ во внѣ, идею федеративной общечеловѣческой кооперацiи равноправныхъ народностей, автономному культурному развитію которыхъ должны быть обезпечены гибкія и свободныя политическія формы,—онъ, противъ собственной воли, попадаетъ въ избитую, торную колею тѣхъ самыхъ разсужденій, которыя, въ своей наиболѣе логически-послѣдовательной формѣ, представляютъ типически-имперіалистскую аргументацію.

„Соединенные Штаты и Мексика—двѣ республики. Въ обѣихъ народъ суверененъ. Какъ же произошло, что между обѣими этими республиками, которыя, согласно моральной теоріи, должны бы были брататься и федерироваться, произошла война изъ-за Техаса? Какъ произошло, что „суверенная воля“ американскаго народа, опираясь на мужество американскихъ волонтеровъ, перенесла природою проведенныя границы ради „географическихъ, коммерческихъ и стратегическихъ надобностей“ на сотню миль далѣе къ югу? Или Бакунинъ пошлетъ американцамъ упрекъ въ „завоевательной войнѣ“, которая, правда, наноситъ жестокій ударъ его на „справедливости и человѣчности“ основанной теоріи, но за то велась единственно и исключительно въ интересахъ цивилизаціи? Или есть какое-нибудь несчастье въ томъ, что чудесная Калифорнія вырвана изъ рукъ лѣнтяевъ мексиканцевъ, которые не знали, что съ нею дѣлать? Въ томъ, что энергичные янки, благодаря быстрой эксплуатаціи тамошнихъ золотыхъ розсыпей, успѣли развить пути сообщенія, въ нѣсколько лѣтъ сконцентрировали въ прибрежныхъ пустыняхъ Тихаго океана густое населеніе, построили большіе города, открыли пароходное сообщеніе, провели желѣзную дорогу отъ Нью-Іорка до Франциско, впервые открыли Тихій океанъ для цивилизаціи и въ третій разъ въ исторіи готовятся дать новое направленіе всемірной торговлѣ? „Независимость“ какихъ-нибудь испанскихъ калифорнійцевъ и техасцевъ отъ этого, можетъ быть, и страдаетъ, „справедливость“ и прочія моральныя категоріи могутъ тамъ или здѣсь терпѣть ущербъ,—но что все это передъ лицомъ подобныхъ всемірно-историческихъ событій?“ [1]).

Все это въ своемъ родѣ чрезвычайно цѣльно и послѣдовательно. Но развѣ на этомъ можно остановиться? Развѣ это—не готовая аргументація для итальянскихъ имперіалистовъ по отношенію къ

[1]) Nachlass, III, s. 250.

Триполитаніи, французскихъ въ Марокко, нѣмецкихъ въ Африкѣ? Развѣ она не оправдываетъ всей имперіалистической политики современной буржуазіи? И развѣ случайность—тотъ фактъ, что новоявленные соціалъ-имперіалисты въ Германіи усерднѣе, чѣмъ когда-либо, нынѣ готовы клясться именами Маркса и Энгельса, съ торжествомъ выклевывая изъ ихъ писаній многочисленныя цитаты въ духѣ только что приведенной? „Перенесеніе миль на сто“ границъ государства „изъ географическихъ, коммерческихъ и стратегическихъ соображеній“, на зло всѣмъ этимъ смѣшнымъ „справедливостямъ, гуманностямъ и независимостямъ“, оправдываемое съ соціалистической точки зрѣнія,—да чего же еще и желать нашимъ современнымъ „аннексіонистамъ“?

„Великая нація“ не можетъ позволить „малой“ себя „отрѣзать“ отъ необходимыхъ для нея историческихъ „путей“! Но вѣдь какъ разъ во имя этого Германія требуетъ себѣ свободнаго прохода черезъ Салоники и Константинополь на Багдадъ и въ Персидскій заливъ; мы, наперерѣзъ ей и въ подражаніе ей, требуемъ, какъ „ключей отъ нашего дома“, Константинополя и проливовъ для выхода черезъ Эгейское море въ Средиземное; Англія—сплошного пути черезъ германскія колоніи отъ Каира въ Капштадтъ и такого же сплошного—отъ Суэца черезъ Аравію и южную Месопотамію къ Индіи; Франція на томъ же основаніи не такъ давно пыталась наперерѣзъ англичанамъ выйти черезъ знаменитую Фашоду изъ восточной Африки на берега Краснаго моря,—развѣ это не освященіе всеобщаго прямого, явнаго и равнаго лозунга: на шарапъ!

Но вѣдь этотъ лозунгъ связанъ съ перспективами „войны всѣхъ противъ всѣхъ“, цѣлаго длиннаго періода имперіалистическихъ войнъ, послѣ каждой изъ которыхъ возможна новая перегруппировка державъ для новой войны! Вѣдь это грозитъ ужасной перспективой поистинѣ *обезкровленія*, истеченія кровью передравшагося человѣчества? Но и здѣсь приходятъ на помощь уже памятныя намъ реплики Энгельса: „Но безъ насилія и безъ желѣзной способности дѣйствовать, не взирая ни на что, въ исторіи не совершалось ничего новаго; и еслибы Наполеонъ, Цезарь и Александръ Македонскій обладали тѣмъ мягкосердечіемъ, котораго требуетъ панславизмъ для своихъ обреченныхъ исторіей на гибель фаворитовъ, что бы вышло изъ исторіи?“.

Опираясь на эти и подобныя мѣста въ писаніяхъ Энгельса и Маркса, современные нѣмецкіе соціалъ-шовинисты торжествуютъ. Они, видите-ли, а не кто-либо иной—истинные интернаціоналисты и наслѣдники Маркса! Пріятіе капитализма — чисто марксистская идея, а изъ нея вытекаетъ—пріятіе (условное и временное, но все же пріятіе!) и современнаго имперіализма, и современной войны...

„По Марксу,—пишетъ одинъ изъ видныхъ нѣмецкихъ соціалъ-патріотовъ. Паулъ Кампфмейеръ,—междунаціональная борьба есть

лишь одна изъ сторонъ великой міродвижущей классовой борьбы". Устрояющій разумъ въ исторіи, гласитъ экономическій матеріализмъ, въ исторіи постоянно пасуетъ передъ подсознательными и безсознательными влеченіями. И вотъ, „въ виду безсилія устрояющаго разума, война все еще представляется необходимостью", она „есть не только необходимый факторъ, но, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, благопріятствующій общественному развитію и ускоряющій его факторъ" [1]). А еще болѣе смѣлый и рѣшительный патріотъ изъ лѣвыхъ марксистовъ-ортодоксовъ, Лентшъ, восклицаетъ: „Война—локомотивъ исторіи!"

Не они одни, но и всѣ современные нѣмецко-австрійскіе соціалъ-шовинисты, радостно провозглашающіе, что въ войнѣ противъ Россіи теперь „впервые рождается въ полномъ смыслѣ этого слова великая нѣмецкая нація, сливающая Германію съ Австріей"—съ необыкновенной охотой вспоминаютъ слова Маркса, что „нѣмецкое единство и нѣмецкая демократія могутъ проистечь, лишь какъ продуктъ движенія, въ которомъ будутъ играть рѣшающую роль столь же внутренніе конфликты, какъ и *война съ Востокомъ*", и что „только война съ Россіей будетъ истинно-революціонной войной Германіи". И, если возможно, съ еще большимъ удовольствіемъ вспоминаютъ они слова Энгельса: „если русскіе и французы нападутъ на насъ одновременно—тогда vive la guerre! Да здравствуетъ война!"

Злоупотребленіе великими именами Маркса и Энгельса!—воскликнетъ читатель. Конечно, злоупотребленіе. Мы уже видѣли, *какъ* использовать войну хотѣли они, какъ они связывали ее съ революціонными задачами *внутри* Германіи. Ясно, что проповѣдники гражданскаго мира не столь охотно станутъ цитировать относящіяся сюда мѣста изъ писаній Энгельса, какъ иныя, имъ болѣе любезныя. Однакоже нельзя не видѣть, что Марксъ и Энгельсъ не гарантировали себя отъ этихъ злоупотребленій. Въ ихъ міросозерцаніи были элементы, которые при дальнѣйшемъ логическомъ развитіи вели по наклонной плоскости къ грѣхопаденію,—правда, значительно *иному*, чѣмъ у ихъ выродившихся потомковъ, но все же грѣхопаденію.

Марксъ и Энгельсъ, конечно, не были тайными „нѣмецкими шовинистами", нарядившимися въ „интернаціоналистовъ", чтобы вести, куда имъ надо, простаковъ изъ соціалистическаго лагеря другихъ странъ,—какъ это нынѣ громогласно заявляютъ Ласкины и подобные ему ренегаты соціализма. Ихъ „шовинизмъ" былъ не германскимъ, а „революціоннымъ шовинизмомъ", прилѣплявшимся къ традиціямъ якобинства великой французской революціи. „Руководящимъ принципомъ, опредѣлявшимъ въ качествѣ высшей пу-

---

[1]) Paul Kampfmeyer, „Nationenkampf und Klassenfortschritt", „Sozialistische Monatshefte", 1915, VII, s. 339.

теводной звѣзды политику Маркса и Энгельса",—справедливо замѣтилъ недавно Эдуардъ Бернштейнъ, — „было сообразованіе съ интересами революціи пролетаріата въ передовыхъ странахъ Европы. Дѣло шло о томъ, чтобы создать для этой революціи возможно благопріятнѣйшія условія и, слѣдовательно, вырвать все, что могло оказаться препятствіемъ на ея пути". Отсюда и положительное ихъ отношеніе къ національнымъ правамъ и требованіямъ только тамъ и только тогда, гдѣ и когда „національное сов падало съ революціоннымъ" [1]).

Но ихъ соціализмъ—увы!—былъ одностороннимъ *индустріальнымъ соціализмомъ*. Иными словами, вся ихъ концепція соціализма была глубоко „индустріоцентрична". Отсюда исключительность ихъ пролетарской точки зрѣнія. Отсюда ихъ „пріятіе капитализма". Отсюда, при столкновеніи интересовъ индустріальныхъ странъ и націй съ аграрными, земледѣльческими, отстаиваніе супрематіи первыхъ надъ вторыми. Отсюда невѣріе въ будущность земледѣльческихъ народовъ, непризнаніе ихъ національныхъ правъ, требованіе ихъ подчиненія и скорѣйшей ассимиляціи господствующими, коммерчески развитыми народностями. Отсюда ревнивая боязнь — какъ бы движеніе этихъ мелкихъ народностей во имя своей эмансипаціи не повредило, не усложнило дѣла „избраннаго народа" соціализма—пролетаріата странъ индустріальныхъ.

Отсюда же — изъ индустріоцентричности ихъ соціализма, изъ оптимистической переоцѣнки преобразующей, творческой роли капитала и мощи создаваемаго имъ пролетаріата—проистекало ихъ стремленіе перескочить вообще черезъ національный вопросъ, — ибо еслибы торжество соціализма было такъ близко, къ чему ломать голову о немедленной практической программѣ соціалистической партіи въ національномъ вопросѣ? Къ тому же индустріально - развитыя націи, начиная со средины прошлаго вѣка, одна за другой заканчиваютъ дѣло своего національнаго объединенія. Но вѣдь эти индустріально-развитыя націи и являются для Маркса исторически-революціонными, а отсталыя земледѣльческія и полуземледѣльческія—контръ-революціонными. Значитъ, законныя національныя тенденціи удовлетворяются; оставшіяся неудовлетворенными объявляются незаконными. И вотъ, съ помощью якобинской традиціи, мы приходимъ къ проповѣди всемірной войны революціонныхъ народовъ противъ контръ-революціонныхъ, мы грозимъ цѣлымъ контръ - революціоннымъ народамъ массовымъ терроромъ и уничтоженіемъ. На службу революціи мы хотимъ поставить національное чувство, патріотическую экзальтацію передовыхъ націй. Но онѣ оказываются неготовыми къ соціализму, а торжествс

[1]) E. Bernstein, „Fr. Engels und die deutsch-französische Frage", „Die Neue Zeit", № 23 (12 märz. 1915), s. 711.

ихъ надъ земледѣльческими народами—торжествомъ будущаго империализма.

Все остальное — простое логическое слѣдствіе. Получившійся изъ однобокаго индустріальнаго соціализма, однобокій, ущербленный интернаціонализмъ открываетъ настежъ двери подсознательнымъ пережиткамъ національныхъ предубѣжденій, симпатій и антипатій, „притяженій" и „отталкиваній". Этотъ незаконный психологическій „національный субъективизмъ", далеко еще не исчезающій отъ того, что головнымъ путемъ приняты и выработаны абстрактные интернаціоналистическіе принципы, оказывается тѣмъ сильнѣе, что ускользаетъ отъ контроля разума, проникая контрабанднымъ путемъ сквозь бреши теоріи.

Теорія Маркса была интернаціоналистической по замыслу. Но ея интернаціонализмъ остался неполнымъ, незавершеннымъ. Въ теоріи оказались элементы, самымъ чувствительнымъ образомъ этотъ интернаціонализмъ ограничившія. Интернаціоналистическая десница — и тянущая къ націоналистическому грѣхопаденію шуйца! Не разъ въ исторіи марксистской соціалъ-демократіи онѣ вступаютъ между собою въ глухую борьбу, вызываютъ ту вѣчную разноголосицу, которую Каутскій даже призналъ какъ бы „закономъ природы" въ иностранной политикѣ соціализма. И, наконецъ, въ нынѣшней всемірной военной катастрофѣ „десница" и „шуйца" разрываютъ другъ съ другомъ. Соціализмъ раскалывается. И каждая изъ расколовшихся его частей находитъ „свое" въ идейномъ наслѣдствѣ марксизма. И совершенно законно. Каждая должна будетъ пересмотрѣть это идейное наслѣдство со своей точки зрѣнія. Каждой будетъ что въ немъ взять, — но и каждой будетъ что выбросить. Интернаціонализмъ, существовавшій доселѣ,—еще не интернаціонализмъ. Истинный интернаціонализмъ не позади, а впереди насъ,—не въ прошломъ, а въ будущемъ...

Викторъ Черновъ.

ДОМИНИКАНЕЦЪ.

Разсказъ К. Г. Оссіанъ-Нильсона.

Переводъ съ шведскаго М. П. Благовѣщенской.

I.

Пасторъ Іошуа Линдъ все еще колебался, обводя пытливымъ взоромъ ряды домовъ.

Старые, двухъэтажные дома,—впрочемъ, пожалуй, и не очень старые, но во всякомъ случаѣ уже отжившіе,—тянулись неровнымъ рядомъ вдоль узкой, кривой улицы, и, казалось, готовы были каждую минуту рухнуть. Фундаменты ихъ выпучивались наружу и на нихъ тутъ и тамъ, точно мозоли или опухоли, выступали отдѣльные камни. На нѣкоторыхъ домахъ конекъ крыши былъ точно переломленъ посерединѣ и трубы на нихъ вырисовывались, словно позвонки на горбѣ. Были на этой улицѣ и такіе дома, въ которыхъ верхній этажъ образовывалъ съ нижнимъ этажемъ уголъ въ сто семьдесятъ пять градусовъ. Вообще по всему было видно, что спинной мозгъ этой улицы не совсѣмъ въ порядкѣ.

Тупая, тяжелая дрема окутывала этотъ пустынный кварталъ. Почти во всѣхъ окнахъ были опущены шторы, синія или сѣрыя, съ зелеными деревьями и коричневыми или желтыми оленями, убѣгающими отъ пестрыхъ собакъ и охотниковъ. На нѣкоторыхъ окнахъ шторъ не было и въ такихъ случаяхъ тяжелыя занавѣси были сколоты булавкой. Были и такія окна, на которыхъ не было ни шторъ, ни гардинъ и тогда они были завѣшены газетами. Незавѣшенныя и нарочито протертыя окна попадались лишь въ видѣ исключенія. Въ этой части города обитатели привыкли спать до одиннадцати часовъ утра.

Пасторъ Линдъ поочередно всматривался въ оба конца

улицы. Не видно и не слышно было ни одного пѣшехода, но, благодаря неровностямъ улицы и выступавшимъ впередъ домамъ, можно было каждую минуту ожидать, что на разстояніи какихъ-нибудь четырехъ метровъ вдругъ вынырнетъ фигура полицейскаго. Такая встрѣча могла бы нѣсколько смутить какого-нибудь молодого человѣка изъ хорошаго общества, такъ какъ его пребываніе на этой улицѣ было бы, по всей вѣроятности, истолковано въ дурную сторону. Да и время дня не говорило бы въ его пользу. То, что вчера въ одиннадцать часовъ вечера, несомнѣнно, заслуживало снисходительнаго отношенія, сегодня среди бѣла дня являлось доказательствомъ глубокаго паденія и совершенной безнравственности. Христіанское полицейское общежитіе имѣетъ свой неписаный законъ, въ силу котораго всѣ безнравственные поступки должны быть закончены въ теченіе ночи—вѣдь то, что случается ночью, является по большей части слѣдствіемъ спирныхъ напитковъ, а это служитъ смягчающимъ обстоятельствомъ.

Пасторъ Линдъ не принадлежалъ къ числу молодыхъ людей изъ общества. Одинъ только взглядъ на его высокую, тощую и костлявую фигуру и его блѣдное, гладко выбритое пасторское лицо могъ мгновенно остановить улыбку. Полицейскій при встрѣчѣ съ нимъ вытянулся бы въ струнку, почтительно отдалъ бы честь и пошелъ бы дальше, преисполненный набожныхъ и чистыхъ мыслей. Линдъ былъ одинаково хорошо знакомъ съ полиціей, какъ и со всѣмъ остальнымъ въ этомъ кварталѣ, гдѣ его появленіе во всякое время дня и ночи было настолько же обычно, какъ и появленіе полиціи.

А между тѣмъ пасторъ все-таки нѣсколько колебался въ это дождливое утро.

Онъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ каменнаго крыльца дома, который только въ одномъ отношеніи отличался отъ другихъ домовъ: два окна въ нижнемъ этажѣ были сплошь заставлены цвѣточными горшками. Съ улицы невозможно было ничего разглядѣть въ комнатѣ, благодаря этимъ горшкамъ, только съ одного края окна выглядывалъ уголъ расшитой пыльной тряпки, и по этому можно было заключить, что хозяйка комнаты уже встала и занимается домашними дѣлами.

На сухомъ лицѣ Линда въ эти минуты можно было подмѣтить обыкновенно хорошо замаскированную черту: выраженіе хитрости и колебанія, точно онъ стоялъ на новой, неиспытанной еще стезѣ.

Съ покашливаніемъ, указывающимъ обыкновенно на поворотъ въ ходѣ мыслей одинокаго человѣка, пасторъ повернулся и все еще неувѣренной поступью пошелъ по улицѣ.

Не поднимая головы и точно наугадъ, онъ взошелъ на

крыльцо одного дома, вошелъ въ сѣни и постучалъ въ дверь. Послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ переговоровъ дверь пріотворилась и въ ней появилась тучная, страдающая одышкой хозяйка. Дальше пастора не пустили и онъ долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что вступилъ въ бесѣду съ хозяйкой въ полуотворенную дверь.

— Дѣвушки спятъ еще? — спросилъ онъ.

— Да, ваше преподобіе, — отвѣтила тучная особа съ довѣрчивой улыбкой на своемъ каучуковомъ лицѣ, — онѣ почиваютъ еще сномъ праведныхъ.

Пасторъ окинулъ ее блуждающимъ взглядомъ своихъ переутомленныхъ чтеніемъ глазъ.

— Что же, ночью онѣ опять бѣсились?

— Бѣсились? Боже упаси, господинъ пасторъ!... У меня... у дѣвушекъ, хотѣла я сказать, никогда не бѣсятся, все чинно, благородно. Подъ вечеръ къ намъ заглянуло нѣсколько знакомыхъ, все больше родственники дѣвушекъ... и женихи... Софи скоро выходитъ замужъ...

— Софи! — удивился пасторъ, все еще разсѣянно. — Но вѣдь у Софи неизлѣчимая болѣзнь.

— Ну, какая же неизлѣчимая, господинъ пасторъ? Вотъ ужъ нельзя сказать, чтобы эта болѣзнь была неизлѣчима, разъ новое средстве «хата» излѣчиваетъ ее въ нѣсколько дней... Ну, развѣ это не странно, въ сущности говоря, что любовь излѣчивается ненавистью [1]). Вы не находите, господинъ пасторъ?... Хи-хи-хи...

— А какъ поживаетъ Берта?

— Берта? Какъ принцесса! Ее осматривали въ пятницу и оказалось, что она уже совсѣмъ здорова...

— А Ольгу отправили въ убѣжище?

— Да, ваше преподобіе. Но, смѣю сказать, это было несправедливо.

— Несправедливо? — повторилъ Линдъ машинально. Въ глубинѣ его карихъ глазъ мелькнула какая-то неспокойная искра, кагда онъ взглянулъ на старуху.

— Да, я нахожу, что это было несправедливо, — продолжала старуха, переступивъ черезъ порогъ и притворяя за собой дверь. — Развѣ справедливо запирать молодую, порядочную дѣвушку только за то, что она единственный разъ вела себя не совсѣмъ прилично? Но не думайте, что имъ удастся удержать ее. Нѣтъ, я хорошо знаю ее! Она не можетъ жить только одной водицей да словомъ Божіимъ, если

[1]) Непереводимая игра словъ: „Хата"—фамилія извѣстнаго японскаго бактеріолога, сотрудника проф. Эрлиха—значитъ по шведски ненависть.

ужъ вы разрѣшите мнѣ говорить правду, ваше преподобіе... Нѣтъ, я хорошо знаю Ольгу! Она славная дѣвушка, надо только знать, какъ съ ней обращаться. Вѣдь Ольга еще молода,— такъ развѣ удивительно, что ей хочется иногда повеселиться? Вѣдь и мы съ вами были когда-то молоды... я хотѣла сказать, что и я была когда-то молода... А впрочемъ, я заболталась! Простите, господинъ пасторъ!... Да, да, Берта, я сейчасъ иду!... Какъ я вамъ уже сказала, господинъ пасторъ, дѣвушки еще спятъ... Могу я чѣмъ-нибудь служить?

— Я зайду позже, — сказалъ пасторъ нерѣшительно.

— Позже? — прошамкала старуха, — пожалуйста... только не слишкомъ поздно... потому что къ Софи можетъ придти ея женихъ... Ахъ, господинъ пасторъ, не гнѣвайтесь на молодежь за то, что она хочетъ немного повеселиться... А эта пара собирается у васъ обвѣнчаться...

Линдъ не слушалъ ее и спускался уже съ крыльца. Сегодня ему было особенно противно лицо этой тучной, грязной старухи. Изъ ея беззубаго отвратительнаго рта, съ отвислыми губами несло коньякомъ, а черезъ полуоткрытую дверь изъ комнаты проникалъ смѣшанный запахъ лѣкарствъ и спертый воздухъ спальни. Въ качествѣ пастыря и духовнаго отца Линду приходилось бывать повсюду, онъ привыкъ ко всему, и все-таки притворство и лживость этихъ падшихъ созданій казались ему особенно отталкивающими. Казалось, будто прикрывая свое нравственное убожество, онѣ надѣялись сдѣлать его невидимымъ для другихъ.

Размышляя объ этомъ, пасторъ прошелъ по улицѣ довольно большое разстояніе, когда вдругъ замѣтилъ, что идетъ не туда, куда хотѣлъ. Онъ густо покраснѣлъ, но сейчасъ же опять поблѣднѣлъ и глаза его заморгали. Изъ груди его вырвался вздохъ, когда онъ повернулъ и пошелъ обратно, а на лицѣ его было написано смущеніе и колебаніе. Короткое посѣщеніе публичнаго дома какъ будто измѣнило направленіе его мыслей, и когда онъ очутился передъ домомъ, въ которомъ два окна были заставлены цвѣтами, онъ уже безъ всякаго колебанія быстро поднялся на каменное крыльцо. Очутившись въ сѣняхъ, онъ сперва перевелъ дыханіе и затѣмъ постучалъ въ дверь.

— Здравствуйте, Оттилія,—сказалъ онъ нѣсколько рѣзко, переступая порогъ и не глядя на хозяйку комнаты.

— Здравствуйте, пасторъ Линдъ,—отвѣтилъ пріятный, мягкій голосъ. Молодая женщина, сидѣвшая на диванѣ, безъ всякаго смущенія спустила на полъ ноги, обутыя въ суконныя туфли, и подняла обѣ руки, чтобы поправить шпильки въ волосахъ. Книжку въ красномъ переплетѣ она положила рядомъ съ собой.

— Какъ поживаете?—спросила она, поправляя прическу и низко склонивъ голову, такъ что ея подбородокъ исчезалъ въ воротѣ капота.

Пасторъ откашлялся, нѣсколько сбитый съ толку этимъ, нѣсколько фамильярнымъ, тономъ.

— Спасибо... А вы, Оттилія?.. Вы искали себѣ работу съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись съ вами въ послѣдній разъ?

— Да, вѣдь у меня есть швейная машина,—отвѣтила Оттилія, все еще держа руки на затылкѣ.

— Гм... А гдѣ... гдѣ вы были вчера вечеромъ, Оттилія?

— А вы развѣ заходили ко мнѣ?—спросила съ удивленіемъ молодая женщина, поднимая наконецъ голову и мягкимъ движеніемъ опуская руки на колѣни.

— Нѣтъ, конечно, я не заходилъ,—отвѣтилъ пасторъ быстро и глаза его забѣгали. — Но я вижу... по всему... я вижу, что и вы, Оттилія... что мы были вчера благоразумны.

— Да,—отвѣтила молодая женщина коротко и ласково,— мы дѣйствительно были благоразумны вчера вечеромъ.

— Я, конечно, подразумѣвалъ васъ, Оттилія,—замѣтилъ пасторъ строго и внушительно.

— Само собой разумѣется. Ха-ха-ха. Вамъ, пасторъ Линдъ, кажется, незачѣмъ быть еще благоразумнѣе.

Она произнесла это такъ весело и добродушно, съ такимъ искреннимъ сознаніемъ своей собственной грѣховности, что пасторъ Линдъ невольно посмотрѣлъ ей въ глаза, чтобы убѣдиться, что она не иронизируетъ.

Впрочемъ, на лицо молодой женщины можно было смотрѣть съ удовольствіемъ. Съ перваго взгляда оно могло даже показаться прекраснымъ. Большіе глаза, оттѣненные длинными рѣсницами и темными бровями, низкій лобъ въ видѣ полулунія между двумя волнами русыхъ волосъ, почти прямой носъ съ прелестными раздутыми ноздрями, ямочка на подбородкѣ и красивыя линіи губъ, придававшія лицу задорное выраженіе,—все это дѣлало лицо красивымъ и правильнымъ. Но отталкивающей чертой было неспокойное выраженіе и отсутствіе мысли. Ни воля, ни мысль не соединяли въ общей гармоніи отдѣльныя черты. Разстояніе между глазами и бровями было слишкомъ широко и это какъ-то раздваивало взглядъ и лишало его выразительности.

Пасторъ отошелъ въ сторону. Въ его сухомъ взглядѣ изъ подъ приподнятыхъ бровей затеплилось выраженіе симпатіи. На его лицѣ появилось даже нѣчто вродѣ улыбки.

— Не можетъ быть,—сказалъ онъ весело,—чтобы вы были вчера дома, Оттилія. Здѣсь такъ... здѣсь такъ...

— Здѣсь такъ все прибрано,—договорила Оттилія со смѣхомъ.—Спасибо за похвалу!

Она кокетливо наклонила свою бѣлую, полную шею и снова принялась поправлять прическу. Изъ-подъ широкихъ рукавовъ капота выглядывали ея круглыя бѣлыя руки.

— Да, здѣсь все прибрано,—повторилъ пасторъ. Онъ вдругъ сдѣлался очень серьезенъ, въ глазахъ его появилось холодное выраженіе и онъ упорно старался смотрѣть въ окно.

— Оттилія,—продолжалъ онъ, не глядя на нее,—вы не должны были бы принимать такъ много гостей у себя по вечерамъ... Отъ этого страдаетъ здоровье... да и Богу это неугодно... Воистину, Богъ не любитъ этого... Подумайте о будущей жизни, Оттилія!

Отилія ничего не отвѣчала и продолжала поправлять прическу. Тогда онъ снова заговорилъ, мѣняя тонъ и какъ бы стѣсняясь своей слабости.

— У васъ сегодня очень хорошій видъ, Оттилія... Да, да... очень хорошій!

Онъ неувѣренно договорилъ послѣднія слова, смущенный взглядомъ, который бросила на него исподлобья молодая женщина.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросила она съ веселой ироніей.—Впрочемъ, разъ вы это говорите, господинъ пасторъ.... Въ самомъ дѣлѣ?

Ея тонъ ясно говорилъ о томъ, что она уже раньше слышала этотъ комплиментъ и что новое подтвержденіе было излишне и даже смѣшно.

— А теперь я разскажу вамъ, господинъ пасторъ, гдѣ я была вчера вечеромъ,—сказала она съ готовностью человѣка, совѣсть котораго чиста.—Я была на свадьбѣ у знакомыхъ, ихъ вѣнчалъ настоящій священникъ, и знаете, пасторъ Линдъ, что сказалъ этотъ священникъ? Онъ сказалъ, что вѣнчаніе—это нѣчто святое, что это такъ же свято, какъ похороны, потому что,—сказалъ онъ,—Богъ присутствуетъ какъ тутъ, такъ и тамъ... Да, такъ именно и сказалъ священникъ, пасторъ Линдъ!

— И онъ былъ совершенно правъ, — согласился пасторъ, неожиданно для самого себя, и онъ повернулся къ своей собесѣдницѣ, точно обращался къ своей паствѣ съ высоты каѳедры. Онъ даже сдѣлалъ широкій жестъ руками и принялъ позу проповѣдника. Казалось, будто въ головѣ его въ это мгновеніе промелькнула новая для него истина, которую ему хотѣлось излить въ словахъ.

— Да, онъ былъ правъ, Оттилія,—продолжалъ Линдъ.—Потому что, видите ли, Оттилія, тамъ, гдѣ Слово, тамъ и Богъ, и тамъ нѣтъ больше грѣха, тамъ...

Онъ вдругъ остановился въ смущеніи и недовѣрчиво по-

смотрѣлъ на свою паству. Ему показалось, что Оттиліи нѣтъ никакого дѣла ни до его нравоученія, ни до него самого.

Она откинулась на спинку дивана и полулежала, подложивъ руки подъ голову. На лицѣ ея играла улыбка и въ полуоткрытомъ ртѣ между двумя рядами бѣлыхъ зубовъ на мгновеніе мелькнулъ кончикъ розоваго языка.

Пасторъ тяжело дышалъ, къ его головѣ прилила кровь и затуманила глаза. Словно сквозь завѣсу, онъ видѣлъ только эту улыбку, сѣрые ирисы на капотѣ и круглыя руки съ нѣжной кожей, обнаженныя почти до самыхъ плечъ.

Какъ-то невольно онъ выпятилъ подбородокъ и нагнулъ впередъ станъ. Въ вискахъ его стучало, онъ готовъ былъ окончательно потерять самообладаніе.

И вдругъ ему показалось, будто на губахъ ея змѣится насмѣшливая улыбка... Онъ испугался, что попалъ въ западню, выдалъ свою слабость, открылъ то, что въ немъ происходитъ... И въ немъ заговорило чувство самосохраненія. Онъ овладѣлъ собой.

Только глаза еще не слушались его, огонь въ нихъ былъ уже не такой яркій, но онъ еще не погасъ,—вопреки всему, глаза говорили не то, что произносили губы.

Голосъ Линда звучалъ теперь рѣзко, тонъ былъ пастырскій, строгій и внушительный:

— Я вижу, Оттилія, что вы сегодня не въ настроеніи... гм... что ваша душа... я вижу...

— Вы видите, господинъ пасторъ?—удивилась Оттилія, не меняя позы и не спуская съ него глазъ.—Въ самомъ дѣлѣ?

Было ясно, что она насмѣхается, онъ понялъ это, но не былъ въ состояніи оторвать отъ нея взгляда, который точно присасывала щелка съ металлическимъ блескомъ между двумя тяжелыми, полузакрытыми вѣками.

— Я вижу,—повторилъ пасторъ, продолжая бороться съ собой, ибо опасность не была еще устранена и онъ твердо сознавалъ ее и твердо рѣшилъ избѣгнуть ея.—Я вижу,—повторилъ онъ,—что намъ придется отложить бесѣду...

— Быть можетъ, мы побесѣдуемъ попозже, — произнесъ женскій голосъ медлительно и нѣсколько глухо, словно изъ подушекъ.

Сердце пастора захолонуло, онъ откашлялся и воздѣлъ очи горѣ. Но едва онъ заговорилъ, какъ взглядъ его снова упалъ на диванъ. Сѣрые ирисы на капотѣ Оттиліи гипнотизировали его.

— Да, позже—проговорилъ онъ заплетающимся языкомъ, точно утопающій.—Скажемъ, въ пять часовъ по-полудни на моей квартирѣ... Вамъ нечего стѣсняться, Оттилія... вѣдь это

не въ первый разъ! Значитъ, вы придете? Для увѣщанія съ глазу на глазъ, для исповѣди... въ пять часовъ пополудни!

Эта рѣчь была произнесена въ различныхъ темпахъ: сперва быстро скороговоркой, потомъ съ запинкой и наконецъ какимъ-то безразличнымъ тономъ, но не безъ елейности. На словахъ: «для увѣщанія съ глазу на глазъ» пасторъ снова овладѣлъ собой и произнесъ ихъ тономъ проповѣдника.

— Для увѣщанія съ глазу на глазъ,—повторила Оттилія почти тѣмъ же тономъ, но видно было, что рѣчь пастора не произвела на нее глубокаго впечатлѣнія. Она продолжала оставаться въ той же легкомысленной позѣ, и вотъ именно эта ея неподвижность и смущала пастора. Какъ онъ ни старался смотрѣть въ другую сторону, глаза его останавливались, помимо его воли, на сѣрыхъ ирисахъ.

Не спуская съ него глазъ, она протянула ему на прощаніе свою широкую, но бѣлую руку, которую онъ схватилъ съ жадностью и пожалъ. Однако, когда онъ почувствовалъ, что она какъ-то особенно пожимаетъ его руку, онъ быстро взялъ свою обратно и вышелъ въ дверь.

Только уже выходя изъ сѣней, онъ опомнился и надѣлъ свою мягкую, съ низкой тульей шляпу. Потомъ онъ вынулъ карманное зеркальце и, произведя нѣсколько привычныхъ движеній личными мускулами, придалъ своему лицу обычное спокойное и степенное выраженіе.

Выйдя на крыльцо, онъ слегка вздрогнулъ, очутившись лицомъ къ лицу съ полицейскимъ. Но въ отвѣтъ на его недовѣрчивый взглядъ полицейскій только почтительно отдалъ ему честь и прошелъ дальше, равномѣрно шагая и не интересуясь тѣмъ, куда направитъ свои стопы молодой священнослужитель.

II.

Іошуа Линдъ уже въ школьномъ возрастѣ проявлялъ религіозныя наклонности. Онъ былъ сыномъ свободнаго проповѣдника, у котораго былъ цѣлый выводокъ ребятишекъ съ библейскими именами. Іошуа унаслѣдовалъ отъ отца его суровый взглядъ на вѣру и ненависть ко всему свѣтскому. Онъ пошелъ только дальше отца, онъ сдѣлался ученымъ теологомъ и правительственнымъ священникомъ.

Будучи еще школьникомъ, Іошуа былъ предметомъ насмѣшекъ со стороны товарищей. Они смѣялись надъ его степенными манерами, надъ его неловкостью во время игръ, въ которыхъ онъ, впрочемъ, рѣдко принималъ участіе, надъ его любовью въ зубрежкѣ и надъ его рвеніемъ къ изученію катехизиса и другихъ религіозныхъ книгъ. Они прозвали его доминиканцемъ, что очень подходило къ нему.

Студентомъ, онъ былъ предоставленъ самому себѣ, такъ какъ его отецъ уѣхалъ въ глухую провинцію и Іошуа долженъ былъ самъ снискивать себѣ пропитаніе. Конечно, бѣдному студенту приходилось себѣ отказывать во всемъ. Но онъ переносилъ всѣ лишенія стоически и упорно шелъ по намѣченному пути. Еще совсѣмъ молодымъ, онъ кончилъ курсъ и получилъ мѣсто помощника священника въ одномъ изъ большихъ промышленныхъ городовъ.

Но на такомъ мѣстѣ, въ рабочемъ центрѣ и нуженъ былъ фанатикъ, протестантскій доминиканецъ, отказавшійся отъ свѣта и отъ всѣхъ соблазновъ его и задавшійся только одной цѣлью: поддержать власть церкви, основанную на строжайшей догматической морали.

Самъ онъ слѣдовалъ этой морали строго и неукоснительно. До сихъ поръ онъ никогда еще не посмотрѣлъ ни на одну женщину и не пожелалъ ея—даже какъ жены и спутницы жизни. Отчасти въ силу тяжелыхъ условій и бѣдности, онъ оставался дѣвственникомъ втеченіе всѣхъ годовъ ученія. Но зато за эти годы онъ сдѣлалъ одно важное открытіе: безбрачіе —это не только испытаніе силы воли, но также сосредоточеніе духовныхъ силъ, желѣзная рука, разбивающая всѣ препятствія, источникъ многихъ побѣдъ, одержанныхъ церковью и служителями ея.

Однако Іошуа не былъ открытымъ врагомъ брака, ибо бракъ представляетъ собою христіанское, а слѣдовательно, священное учрежденіе. Но онъ находилъ все-таки, что и бракъ открываетъ широкое поприще для соблазна. А потому онъ пришелъ къ тому выводу, что для тѣхъ, кто можетъ «вмѣстить»,—цѣль жизни, то есть, религіозное совершенствованіе и развитіе души въ этомъ направленіи, достигается легче, ибо она не омрачается мірской суетой. А для тѣхъ, кто задается цѣлью апостольской, безбрачіе является поддержкой и благословеніемъ, что и доказываетъ исторія святыхъ апостоловъ и многихъ другихъ мужчинъ и женщинъ, удостоившихся ореола святыхъ.

Уже цѣлый годъ пасторъ Линдъ занимался апостольской дѣятельностью. И въ этомъ дѣлѣ онъ проявилъ много усердія и силы воли, проповѣдуя свое ученіе, главнымъ образомъ, среди невѣрующаго рабочаго класса. Большое вниманіе онъ удѣлялъ свободнымъ связямъ, не освященнымъ церковью. Во многихъ семьяхъ онъ поселилъ даже распрю, такъ какъ подъ его вліяніемъ нѣкоторыя молодыя женщины стали требовать отъ своихъ гражданскихъ мужей, чтобы тѣ закрѣпили ихъ союзъ церковнымъ бракомъ. Іошуа всѣми силами старался уничтожить все, напоминающее внѣбрачное сожительство, и въ такихъ случаяхъ не щадилъ даже людей, стоявшихъ на болѣе

высокой общественной ступени. Благодаря этой своей дѣятельности, онъ пріобрѣлъ много враговъ, бывали даже случаи, что въ него бросали камнями, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ также очень популярнымъ лицомъ въ городѣ.

Посвящая себя искорененію безнравственности, онъ больше всего заинтересовался вопросомъ проституціи и положеніемъ проститутокъ. Онъ часто посѣщалъ кварталъ, гдѣ жили эти отверженныя, являлся среди пьяныхъ оргій и старался вырвать женщинъ изъ этой тины. Надо отдать ему справедливость, попытки его иногда приводили къ хорошимъ результатамъ.

За послѣднее время Іошуа Линдъ работалъ въ этомъ направленіи съ самоотверженностью мученика. Однако это усердіе отнюдь не дало ему душевнаго равновѣсія. Вообще этотъ первый годъ общественной дѣятельности не прошелъ для него безслѣдно. Его погоня за работой служила нѣкоторымъ доказательствомъ того, что онъ не находилъ внутренняго удовлетворенія. Послѣ работы сверхъ силъ, какая выпала на его долю въ юные годы, ему казалось, что у него слишкомъ много свободнаго времени. Нѣсколько часовъ, проведенныхъ въ канцеляріи пастората и еще нѣсколько часовъ на школьной каѳедрѣ далеко не соотвѣтствовали, въ смыслѣ затраты силъ, безсоннымъ ночамъ, проведеннымъ имъ за зубрежкой и трудовымъ днямъ въ его ранней молодости. Да и пасторскія обязанности, которыя и составляли истинное призваніе Линда, не требовали много времени. Какъ-то неожиданно для него самого, оказалось, что онъ можетъ подольше поспать утромъ, отдохнуть послѣ обѣда, а вечеромъ даже пользоваться полнымъ отдыхомъ. Оказалось также, что и пищу свою онъ можетъ нѣсколько улучшить. Не надо было ему больше ходить въ дождь и въ грязь въ дырявыхъ башмакахъ. Вообще онъ жилъ уже не по-доминикански... вѣдь для него было обязательно теперь нѣкоторое представительство,—правда, очень скромное, но все-таки, представительство. Въ часы размышленій онъ проклиналъ и себя самого, и всю свою жизнь. Ему казалось, что онъ утопаетъ въ излишествахъ и роскоши.

III.

Пасторъ Линдъ увидалъ Оттилію въ первый разъ раннею весною, всего недѣли за двѣ до вышеописаннаго свиданія. Она тогда только что переѣхала въ комнату, которая освободилась послѣ смерти ея старшей подруги, увезенной въ анатомическій театръ.

Что больше всего поразило пастора, такъ это полное превращеніе комнаты. Прежде здѣсь всегда пахло коньякомъ и

Іодоформомъ, теперь же воздухъ былъ гораздо чище и пахло помадой. Да и Оттилія сама была полною противоположностью своей предшественницѣ, поношенной, блѣдной и расплывшейся особѣ. Оттилія была еще совсѣмъ молода, она была только что завербована, и можно было еще надѣяться спасти ее. Молодой пасторъ сейчасъ же задался этой цѣлью и принялся усердно выполнять свое намѣреніе.

Однако оказалось, что задача эта не такъ легка, какъ это можно было думать. Оттилія умѣла постоять за себя. А главное, благодаря ея молодости и миловидности, ее удостаивали своимъ вниманіемъ молодые господа. Она иногда даже ужинала въ настоящихъ ресторанахъ и получала маленькіе подарки. Къ тому же знакомые изъ ея мѣщанскаго круга еще не оттолкнули ее окончательно. Она была дочерью ремесленника, и сама оффиціально считалась пока портнихой. Ну, а эта спеціальность часто требуетъ побочныхъ заработковъ.

Отиллія была еще въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Да и сама она, повидимому, была очень увѣрена въ себѣ и въ своей молодости. Она любила читать бульварные романы и вѣрила въ соціальныя чудеса. Каждый разъ, когда она плакала надъ «Дамой съ камеліями», она внутренно надѣялась, что и ее ожидаетъ какой-нибудь благородный Арманъ. Онъ, навѣрное, появится на одномъ изъ ужиновъ съ шампанскимъ, въ которыхъ она изрѣдка принимала участіе. Онъ будетъ ухаживать за ней, какъ если бы она была дамой изъ большого свѣта, а не изъ полусвѣта. Онъ будетъ подъ руку гулять съ ней по главной улицѣ и, вопреки протестамъ своихъ аристократическихъ родственниковъ, поведетъ ее, наконецъ, къ алтарю.

Такъ она мечтала о будущемъ, когда вообще интересовалась имъ. Но настоящее она отнюдь не презирала, господа ей нравились, а шампанское пришлось ей очень по вкусу.

Она была очень своенравна. Или она плавала по поверхности, или опускалась на самое дно своей души. Что же касается назиданій пастора и его евангельскаго якоря спасенія, то послѣдній какъ бы ударялся о непроницаемую ледяную кору. А потому обращеніе Оттиліи оказалось гораздо болѣе труднымъ, чѣмъ обращеніе ея сестеръ по грѣху. Для выполненія этой задачи требовалась настойчивость фанатика и все напряженіе силы воли дѣвственника. Эта задача въ одно и то же время возбуждала и утомляла. Трудно было примѣниться къ этой молодой женщинѣ, у которой одинъ глазъ смѣялся, а другой плакалъ, которая на одно ухо слышала хорошо, а на другое была глуха, въ тонѣ которой иногда уже слышалось глубокое раскаяніе, и вдругъ она весело смѣялась. Такую женщину надо было предварительно хорошо изучить. И Іошуа Линдъ усердно изучалъ ее.

Во время ихъ почти ежедневныхъ свиданій онъ во всякомъ случаѣ изучилъ ея внѣшность. По зеркалу ея души онъ старался найти вѣрную характеристику ея внутренняго «я».

Цѣль, которою задался пасторъ Линдъ, все больше и больше возбуждала его. Отъ поверхностности Оттиліи его душа становилась глубже, ея холодность зажигала въ немъ святой огонь. Онъ пустилъ въ ходъ всѣ свои духовныя силы, думалъ по ночамъ объ обращеніи этой женщины, а днемъ говорилъ съ ней. Его энергія была безпредѣльна.

Случалось, что послѣ долгихъ увѣщаній ея безвольная рука покоилась въ его рукѣ, его колѣно слегка касалось ея колѣна, и его горячее дыханіе обжигало ея шею. Онъ посѣщалъ ее во всякое время дня, иногда по нѣсколько разъ въ день: изрѣдка онъ принималъ ее также у себя, онъ видѣлъ ее одѣтой и полуодѣтой, она запечатлѣлась въ его памяти въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, наконецъ, духовно онъ овладѣлъ ею, хотя въ сущности, душа ея или витала гдѣ-нибудь вдали, или была замкнута въ непроницаемой оболочкѣ... если, впрочемъ, у нея вообще была душа.

Это была борьба доминиканца съ язычникомъ. Для ея душевнаго спокойствія опасность была, во всякомъ случаѣ, не велика, если даже и допустить, что Оттилія была «благоразумна» за послѣднюю недѣлю. Всякая страсть разгорается у одного и того же очага. Стоитъ только загорѣться пламени, какъ истекаютъ всѣ соки души, и иногда достаточно перваго весенняго дня, чтобы въ аскетѣ со всей силой заговорила чувственность. А когда любитъ аскетъ, то любовь его болѣе чувственна, чѣмъ любовь всякаго другого. Аскеты любятъ самое чувственность—и тѣмъ болѣе любятъ плоть, чѣмъ менѣе въ этой плоти души.

IV.

Весь этотъ день пасторъ Линдъ провелъ въ тревожномъ состояніи. Его занятія не интересовали его, онъ дѣлалъ все механически. Уроки въ школѣ ползли необычайно медленно, все валилось изъ рукъ, говорилъ онъ такъ безсвязно, что ученики не понимали его и спрашивали по нѣскольку разъ. Иногда онъ вдругъ вспыхивалъ, а затѣмъ блѣднѣлъ. Коллеги думали, что онъ заболѣлъ или переутомился и по-дружески совѣтовали ему поберечь себя.

Поберечь себя? Теперь, когда ему необходимо море работы, въ которомъ онъ могъ бы освѣжиться! Ему нужна бы серьезная простуда, чтобы былъ предлогъ пустить себѣ кровь! Онъ долженъ бы поститься втеченіе цѣлаго мѣсяца и почти совсѣмъ не спать!

А между тѣмъ этотъ новый святой Антоній ничего не сдѣ-

лалъ, чтобы погасить пламя въ своемъ сердцѣ. Съ какой-то тупой покорностью онъ отдался обычному теченію жизни. Онъ пообѣдалъ, какъ всегда, и въ этотъ день обѣдъ показался ему особенно сытнымъ и питательнымъ, а послѣ обѣда онъ бросился къ себѣ домой съ такой лихорадочной поспѣшностью, точно боялся опоздать. Онъ избѣгалъ всѣхъ людей, и у него было одно только желаніе поскорѣе остаться наединѣ со своимъ воображеніемъ, которое мучило и очаровывало его въ одно и то же время. Онъ бродилъ взадъ и впередъ по своему кабинету, заложивъ руки за спину и перебирая потными пальцами. То и дѣло онъ вытиралъ лобъ дрожащей рукой. Какъ только онъ переставалъ ходить, колѣни его подгибались; онъ ежеминутно посматривалъ на улицу и останавливалъ свой взглядъ на каждой женщинѣ, и невольно онъ сравнивалъ... и это сравненіе вызывало въ его воображеніи соблазнительный образъ.

Придетъ она? Или не придетъ? А что, если она не придетъ? Что, если она теперь торжествуетъ, убѣдясь въ его слабости? Что, если она предпочла кого-нибудь изъ своихъ молодыхъ людей, которые по своему свѣтскому лоску болѣе подходятъ къ этому дитяти мірской жизни? Что, если она сидитъ теперь у себя дома съ кѣмъ-нибудь изъ этихъ молодыхъ людей и смѣется надъ нимъ, предаетъ его?

Сердце его сильно забилось и потомъ вдругъ замерло. Это ему до сихъ поръ еще не приходило въ голову!

Что ему дѣлать, если она не придетъ? Идти къ ней... или, если ея нѣтъ дома, пойти искать ее въ господскихъ кабакахъ по всему городу? Можетъ ли онъ рѣшиться на это... въ такомъ состояніи, въ этомъ нервномъ возбужденіи, которое выдало бы его первому попавшемуся изъ ея кавалеровъ... ея кліентовъ?

Онъ топнулъ ногой: что за ненавистное, отвратительное, гнусное слово!

И вдругъ онъ вспомнилъ то, что онъ говорилъ ей сегодня: исповѣдь съ глазу на глазъ. Откуда онъ взялъ это? Вѣдь это же безсмысленно, это непростительно со стороны протестантскаго священника! Онъ не имѣлъ права примѣнять къ ней этого, разъ она не совершила никакого преступленія. Исповѣдь съ глазу на глазъ—да вѣдь это нѣчто католическое... Неужели же онъ хотѣлъ оправдать кличку, данную ему въ школѣ: доминиканецъ!

Да и аскетизмъ-то его какой-то монашескій, проклятый посланцемъ Божіимъ Лютеромъ. Его воздержаніе скорѣе напоминаетъ безбожную ересь... Онъ точно презираетъ дары Господа и не хочетъ внимать Его велѣнію, чтобы люди плодились и множились.

И вдругъ въ немъ заговорилъ внутренній голосъ: ужъ не самъ ли дьяволъ искушаетъ его этими софизмами? Ужъ не

стоитъ ли онъ на распутьѣ, гдѣ узкую стезю, по которой онъ до сихъ поръ шелъ, пересѣкаетъ широкій путь грѣха?..

Что это? Кажется, стукнула входная дверь?

Какъ ему встрѣтить ее? Сумѣетъ ли онъ повліять на нее послѣ того, какъ онъ представился ей въ другомъ свѣтѣ? Развѣ она пойметъ его теперь, разъ она до сихъ поръ не понимала его? А, можетъ быть, она будетъ смѣяться ему въ лицо?

Онъ развелъ руками съ безпомощнымъ видомъ. Въ его ушахъ раздались соблазнительныя слова: одинъ разъ, одинъ разъ!.. Въ вискахъ у него стучало: одинъ разъ, одинъ разъ!

Онъ засмѣялся хрипло и неестественно, и этотъ смѣхъ испугалъ его самого.

Легче совсѣмъ не грѣшить, чѣмъ согрѣшить одинъ только разъ,—говорятъ христіанскіе моралисты.

Онъ подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на улицу. Вдругъ его взоръ застылъ: вотъ она! Но который же часъ?.. Это она, она идетъ въ назначенную минуту! Какъ онъ обрадовался, какъ закипѣла въ немъ кровь! Вотъ она переходитъ улицу, но головы она не поднимаетъ... Онъ не видитъ ея лица, но ея походка, одна только ея походка бросила его въ дрожь... Вотъ она исчезла.

Прошло нѣсколько минутъ. Почему она не идетъ? Прошла она дальше? Или ему только показалось, что это она?... Нѣтъ, вотъ кто-то поднимается по лѣстницѣ... звонятъ! Онъ замеръ, ему оставалось еще спасеніе, онъ могъ притвориться, что его нѣтъ дома, и она уйдетъ...

Онъ медленно своей солидной пастырской походкой пошелъ къ двери.

Человѣкъ, открывшій дверь Оттиліи, былъ очень блѣденъ, но по наружности это былъ, какъ всегда, хорошо владѣвшій собой духовный отецъ. Дитя грѣховнаго свѣта, вошедшее къ нему въ комнату, была серьезная, явившаяся по офиціальному зову, духовная дочь .

— Садитесь!

Оттилія сѣла. Она была въ шляпѣ и въ пальто и равнодушно осматривалась кругомъ въ кабинетѣ пастора. Взглядъ ея скользилъ по этимъ хорошо знакомымъ ей предметамъ: по письменному столу, полкамъ, по дивану, качалкѣ. Она скромно сѣла на табуретку.

Она не успѣла еще посмотрѣть на него или сказать ему хоть слово. Въ верхнемъ платьѣ она казалась такой обычной, такой чужой, что пасторъ сразу остылъ и чуть не испугался.

— Какъ поживаете?—спросилъ онъ слегка дрожащимъ голосомъ.

— Благодарю васъ,—отвѣтила она мягко.—Живу понемножку. А какъ вы поживаете?

Линда передернуло, онъ вынулъ изъ кармана носовой платокъ и сдѣлалъ видъ, будто сморкается.

Неужели же онъ такъ плохо умѣетъ скрывать свои чувства? Неужели ея вопросъ означалъ, что она понимаетъ его?

Онъ откашлялся и немного овладѣлъ собой.

— Здѣсь дѣло идетъ не обо мнѣ,—сказалъ онъ сухо,—а о васъ, Оттилія, о вашей душѣ...

Оттилія ничего не отвѣтила. Она даже головой не двинула, не покачала и не кивнула. Она неподвижно сидѣла, а о чемъ она думала—трудно было бы сказать.

Линду показалось, что отъ молодой женщины вѣетъ холодомъ, и этотъ холодъ парализовалъ его совершенно такъ же, какъ незадолго передъ тѣмъ горячая волна, приливавшая къ его сердцу.

— Не хотите ли снять пальто и шляпу, Оттилія?—предложилъ онъ.—Такъ лучше будетъ бесѣдовать.

Оттилія тотчасъ же послушалась его, не мѣняя выраженія своего лица. Она была пассивна, какъ и подобаетъ быть духовной дочери, ждущей только приказаній. Линдъ помогалъ ей какъ-то машинально. Онъ повѣсилъ ея пальто на крючекъ на косякѣ двери, а шляпу положилъ на письменный столъ Шляпа была модная и дешевенькая, но не безвкусная.

Продѣлывая все это, онъ внутренно былъ полонъ изумленія. Куда дѣвались ея вызывающія манеры и выраженіе лица какія у нея были сегодня утромъ?

Когда она сняла пальто, оказалось, что поверхъ блузы на ней еще надѣта шерстяная кофточка. Это удивило его, такъ какъ погода была мягкая, а послѣ полудня даже свѣтило солнце.

Крючекъ пальто зацѣпился за кофточку, и, когда онъ старался отцѣпить его, онъ задѣлъ пальцемъ за ея затылокъ. Прикосновеніе было самое легкое, но этого было достаточно, чтобы отъ кончиковъ его пальцевъ и по всему его тѣлу прошла электрическая искра. Они опять усѣлись другъ противъ друга, онъ сѣлъ въ кресло у письменнаго стола, а она на табуретку. Сложивъ руки на колѣняхъ, она сидѣла, устремивъ взглядъ на него или въ окно—трудно было рѣшить, куда именно.

«Вотъ какъ,—подумалъ онъ,—черные, ажурные чулки, кружевная отдѣлка на черной юбкѣ»... И тутъ только онъ открылъ, какъ кокетливы были ея ноги въ туфляхъ, въ настоящихъ бальныхъ туфляхъ съ высокими каблуками. Онъ предположилъ, что это части ея свадебнаго наряда—вѣдь она была на свадьбѣ наканунѣ.

Мягкое весеннее освѣщеніе наполняло комнату прозрачной дымкой. Лиловая кофточка ясно вырисовывалась на зеленой

стѣнѣ. Пастора охватило какое-то оцѣпененіе, какъ-то безсознательно его взглядъ скользилъ по этому женскому тѣлу, еще сохранившему свои дѣвическія формы, по тонкости и круглой таліи и по красивымъ изгибамъ бедеръ... Какъ хорошо онъ зналъ всѣ линіи ея тѣла, онѣ точно врѣзались въ его память...

Долго ли онъ такъ сидѣлъ, онъ самъ не зналъ. Онъ вдругъ услыхалъ свой собственный голосъ и точно не узналъ его:

— Выпьемте по рюмкѣ вина... а то бесѣда наша что-то не клеится.

Она даже не кивнула головой на его слова. А онъ старался не смотрѣть больше на нее. Онъ всталъ, подошелъ къ полкѣ и вынулъ изъ-за толстыхъ томовъ двѣ рюмки и бутылку мадеры. Въ его домѣ это было необычайной роскошью. Но развѣ мало безумій совершилъ онъ за этотъ день?

Съ минуту онъ стоялъ въ полуоборотъ къ ней, онъ даже не поднялъ головы, когда снова подошелъ къ столу. И только когда онъ ставилъ рюмки на столъ, его взглядъ невольно скользнулъ влѣво. Онъ вздрогнулъ и рюмки зазвенѣли о бутылку, которую онъ быстро поставилъ на столъ.

Что это?.. Неужели же она... неужели она все-таки пришла... чтобы?..

Онъ задыхался, будто только что быстро бѣжалъ. Глаза его горѣли.

Такъ, значитъ, она пришла къ нему... въ брачномъ одѣяніи?

Она незамѣтно сняла съ себя шерстяную кофточку и осталась въ одной блузкѣ. Это была блуза изъ лиловаго шелка, плотно облегавшая грудь, съ глубокимъ вырѣзомъ у шеи и почти совсѣмъ безъ рукавовъ.

Неужели... неужели?

Ея взоръ не отвѣчалъ на его нѣмой вопросъ. Она равнодушно смотрѣла на портреты Лютера и Меланхтона, висѣвшіе на стѣнѣ.

И вдругъ, не отрывая отъ нея глазъ, онъ опустился на колѣни.

— Помолимтесь!—крикнулъ онъ въ отчаяніи, которое менѣе всего было неискреннимъ, ибо это былъ естественный исходъ его отшельнической жизни, полной поста и воздержанія.

Его духовная дочь послушно опустилась на колѣни рядомъ съ нимъ; она съ готовностью сложила свои бѣлыя, но широкія руки. Выраженіе ея лица было какое-то неопредѣленное, она продолжала оставаться такой же спокойной и невозмутимой, какою была съ первой минуты своего появленія въ комнатѣ пастора. Губы ея не двигались. Пастору Линду пришлось мо-

литься за нихъ обоихъ. Передъ ними, точно въ облакахъ возсѣдалъ докторъ Мартинъ, а докторъ Филиппъ, чтобы не смущать ихъ, смотрѣлъ мимо нихъ на диванъ и на шерстяную кофточку. Право, казалось, что отцы реформаціи, хотя и не совсѣмъ-то увѣренно, но благословляютъ ихъ.

Іошуа Линдъ дѣйствительно горячо молился, у него даже выступили слезы на глазахъ, онъ былъ далекъ отъ всякаго притворства, но ни мысли, ни слова не хотѣли слушаться его. Онъ самъ не сознавалъ, о чемъ молится, потому что не зналъ, чего хочетъ. Онъ просилъ Бога только о томъ, чтобы Онъ помогъ ему избѣгнуть величайшаго несчастія, въ сущности котораго онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета и котораго не могъ даже назвать. Онъ молился о томъ, чтобы между нимъ и Богомъ не разверзлась непроходимая бездна...

Вдругъ онъ однимъ скачкомъ всталъ на ноги, схватилъ Оттилію за плечи и сталъ трясти ее. Казалось, глаза его готовы были выскочить изъ орбитъ, а сквозь стиснутые зубы вырывались какіе-то нечленораздѣльные звуки. Онъ такъ трясъ Оттилію, что та потеряла равновѣсіе и, чтобы не упасть, обхватила его шею руками. Ихъ губы встрѣтились.

Немного спустя онъ вскочилъ съ пола, закрылъ лицо руками, снова упалъ на колѣни и началъ опять бормотать слова безумной и непонятной молитвы. Онъ опомнился только, когда замѣтилъ, что Оттилія опять надѣла шерстяную кофточку и степенно сѣла на табуретку.

Онъ вскочилъ на ноги, бросился къ столу, поспѣшно налилъ двѣ рюмки мадеры, такъ что вино перелилось черезъ края, протянулъ ей одну рюмку, а другую залпомъ выпилъ самъ. Налилъ себѣ еще рюмку и опорожнивъ ее, онъ бросился къ Оттиліи и хотѣлъ сорвать съ нея одежду. Однако она, избѣгая его и стоя за табуреткой, сама начала раздѣваться.

Ни онъ, ни она не произносили ни слова, въ комнатѣ слышно было только его тяжелое, учащенное дыханіе, шуршаніе шелка и металлическій звукъ растегиваемыхъ корсетныхъ застежекъ.

Въ это мгновеніе раздался звонокъ въ передней.

Линдъ замеръ на мѣстѣ и насторожился, точно лягавая на стойкѣ. Ротъ его былъ разинутъ, а широко раскрытые глаза были прикованы къ одной точкѣ.

Оттилія смотрѣла на него исподтишка и на лицѣ ея въ первый разъ въ этотъ вечеръ появилось живое выраженіе. Что-то въ ней побѣдило, наконецъ, ея апатію. Ея выраженіе ясно говорило, что она жалѣетъ этого отшельника. Опять раздался звонокъ, на этотъ разъ болѣе продолжительный. Оттилія проникалась все большимъ и большимъ состраданіемъ. Изъ двухъ

комнатъ, занимаемыхъ пасторомъ Линдомъ, былъ только одинъ выходъ черезъ переднюю, это она знала.

Въ третій разъ... все настойчивѣе...

Линдъ стоялъ все такъ же неподвижно. Онъ едва дышалъ, весь онъ представлялъ собою олицетвореніе томительнаго ожиданія, смертельнаго испуга.

Онъ все еще питалъ слабую надежду на то, что неожиданный посѣтитель ничего не слыхалъ, подумаетъ, что его дома нѣтъ... что этотъ посѣтитель, можетъ быть, мальчикъ изъ книжнаго магазина, учитель или кто-нибудь другой, можетъ быть, отойдетъ отъ двери и спустится съ лѣстницы. Вѣдь было невозможно, совершенно невозможно отворить дверь, впустить кого бы то ни было.

Но вотъ въ дверь сильно постучали, настойчиво и требовательно постучали палкой. Потомъ кто-то откашлялся и, наконецъ, раздался строгій и такъ хорошо знакомый голосъ:

— Прошу извинить меня, господинъ пасторъ, но надѣюсь, что я не помѣшалъ... Я видѣлъ, что вы дома, и хотѣлъ сказать вамъ только два слова...

Директоръ школы. Директоръ Майфельтъ. Господи!.. Да вѣдь онъ живетъ напротивъ, наискосокъ. И, конечно, онъ хорошо зналъ, когда пасторъ приходилъ домой... Можетъ быть, онъ видѣлъ также... О, Боже! И только сегодня..., этотъ злосчастный день, когда Линдъ впервые ступилъ на стезю порока... только сегодня онъ вспомнилъ объ этомъ близкомъ сосѣдствѣ.

Пасторъ былъ окончательно подавленъ и уничтоженъ, когда вспомнилъ, какъ строго и многозначительно, «педагогически» посмотрѣлъ на него сегодня директоръ во время большой перемѣны.

Директоръ! Невозможно заставлять ждать господина директора! Директоръ Майфельтъ не такой, чтобы его можно было морочить. Значитъ, погибло все... все...

Іошуа Линдъ окончательно растерялся, шатаясь, словно во снѣ, онъ пошелъ въ переднюю и отперъ дверь. Но въ послѣднее мгновеніе онъ сдѣлалъ еще смѣшной жестъ рукой, точно хотѣлъ оградить себя отъ страшнаго инквизитора.

Директоръ Майфельтъ былъ статный, представительный мужчина. Разумѣется, онъ не принадлежалъ къ числу такихъ людей, которыхъ можно было бы не принять или не впустить. Онъ сдѣлалъ видъ, будто не замѣтилъ ничего необычайнаго въ томъ пріемѣ, который ему оказалъ пасторъ. Бросивъ на хозяина грустный и, пожалуй даже, ласковый взглядъ и равнодушно кивнувъ головой, онъ безъ всякаго смущенія вошелъ прямо

изъ передней въ кабинетъ со шляпой въ рукѣ, разстегнувъ только шубу.

Пасторъ ослѣпъ и онѣмѣлъ. Вокругъ него точно въ туманѣ хороводомъ плясали звѣзды, вмѣсто извиненій изъ его рта вылетали какіе-то непонятные звуки.

Впрочемъ, директоръ не обратилъ особаго вниманія на его смущеніе. Онъ положилъ шляпу на столъ, старательно выбравъ такое мѣсто, гдѣ не было кружковъ отъ пролитаго вина, и осторожно опустился въ кресло передъ письменнымъ столомъ. Человѣкъ онъ былъ старый, а старики все дѣлаютъ медлительно и осторожно. Онъ провелъ рукой по головѣ, покосился слегка на дверь спальни, потомъ еще разъ провелъ рукой по своимъ густымъ серебрянымъ волосамъ, которые красиво довершали его внушительный орлиный профиль, и сказалъ, устремивъ на своего коллегу честные сѣрые глаза:

— Вотъ видите ли, милый пасторъ... до моего свѣдѣнія нашли нужнымъ довести о вашихъ частыхъ посѣщеніяхъ квартала Хумлегренда и...

Пасторъ Линдъ, который только теперь отдалъ себѣ отчетъ въ томъ, что Оттиліи нѣтъ уже больше въ кабинетѣ, тщетно старался придать свое лицу хоть сколько-нибудь спокойное выраженіе.

— Но мое призваніе, господинъ директоръ,—пробормоталъ онъ,—мое призваніе, какъ духовника, разрѣш... не дозволяетъ... заставляетъ... налагаетъ...

— Я понимаю,—перебилъ его директоръ тономъ доброжелательства и при этомъ онъ деликатно смотрѣлъ поверхъ плеча своего коллеги... на косякъ двери, гдѣ висѣло пальто,—я вполнѣ понимаю и цѣню ваше пастырское усердіе. Но вѣдь и усердіе можетъ быть иногда истолковано вкривь, въ особенности, въ наше время, когда все понимаютъ не такъ, какъ надо. Но вотъ, именно, потому-то и важно въ наше время, чтобы никто изъ законоучителей, хотя бы невольно, не подавалъ повода...

— Но, господинъ директоръ, я...—пробормоталъ Іошуа Линдъ, окончательно теряясь.

— Или даже намека на какой-нибудь поводъ, милѣйшій пасторъ,—продолжалъ директоръ Майфельтъ.—Только это я и хотѣлъ вамъ сказать... посовѣтовать по-дружески...

На послѣднихъ словахъ онъ сдѣлалъ особенное удареніе.

— Да,—закончилъ онъ, осторожно вставая и беря со стола шляпу, подкладку которой онъ сталъ внимательно осматривать,—больше я не буду задерживать васъ. Я вижу, что у васъ

въ гостяхъ дама. Когда квартира тѣсна, то такое нескромное посѣщеніе, какъ мое...

Эту фразу онъ договорилъ уже въ передней, но когда онъ произносилъ слово «нескромное», онъ сдѣлалъ легкій жестъ по направленію къ спальнѣ и открыто посмотрѣлъ на пастора своими сѣрыми, глубоко честными, немного насмѣшливыми глазами....

Онъ ушелъ. Линдъ стоялъ у письменнаго стола, совершенно уничтоженный и подавленный. Только теперь онъ замѣтилъ, что Оттилія догадалась взять со стола шляпу, а рюмки и бутылку поставила подъ столъ. Но все равно, пальто, которое она не успѣла захватить съ собой въ спальню, висѣло тутъ на косякѣ... это пальто изобличало его!

Онъ изобличенъ! Вотъ нѣмая, мучительная мысль! Онъ обличенъ! Единственный прыжокъ въ сторону... первый его грѣхъ.... и онъ уже изобличенъ! Онъ палъ, онъ погибъ!

Конечно, директоръ Майфельтъ понялъ гораздо больше, чѣмъ онъ хотѣлъ это показать. Если по своей деликатности онъ будетъ вести эту линію и дальше, то дѣло до скандала не дойдетъ. Но какъ послѣ этого смотрѣть ему въ глаза? Можетъ ли пасторъ продолжать работать въ виноградникѣ Господнемъ? Можетъ ли онъ и впредь наставлять дѣтей?

Шатаясь, направился онъ въ спальню. Тамъ былъ его грѣхъ, огненно красный, теперь такой ненавистный, онъ ждалъ его тамъ, чтобы насмѣяться надъ нимъ.

Надо было изгнать женщину... скорѣе, прежде чѣмъ, быть можетъ, возобновится посѣщеніе... прежде чѣмъ вся школа, весь городъ сбѣгутся сюда, чтобы воочію убѣдиться въ томъ, что происходитъ въ жилищѣ аскета и насадителя нравственности.

Мысли его оборвались на этомъ. Совершенно убитый, онъ остановился въ дверяхъ и приникъ головой къ косяку, измученный, едва переводящій духъ, готовый расплакаться... Но онъ былъ лишенъ и этого облегченія, онъ не могъ плакать... Неужели же похоть уничтожила въ немъ и живительный источникъ слезъ?.. Онъ безпомощно закрылъ глаза.

Когда онъ снова открылъ ихъ, онъ увидалъ женщину, стоявшую передъ нимъ. Онъ поднялъ было руку, какъ бы желая отогнать ее, но ему стало стыдно и онъ почувствовалъ себя обезоруженнымъ. Рѣзкое слово замерло на его губахъ.

— Оттилія,—сказалъ онъ, слегка отворачиваясь, чтобы скрыть выраженіе своего лица, на которомъ еще было написано отвращеніе,—я совершилъ тяжкій грѣхъ и уже сторицею наказанъ за него! Я только что хотѣлъ всю вину свалить на тебя, на соблазнъ... но виноватъ во всемъ я, это я ступилъ на широ-

кій путь грѣха. Уходи теперь, бѣдное созд... бѣдная Оттилія... я больше не достоинъ того, чтобы называться твоимъ... чьимъ бы то ни было духовнымъ отцомъ...

Она ничего не отвѣтила, и онъ повернулся къ ней, чтобы повторить свое приказаніе, и вдругъ онъ точно проснулся... его взглядъ приковало къ себѣ выраженіе ея лица! Да, воистину, на этомъ лицѣ появилось, наконецъ, выраженіе! Мягкій, дрожащій отблескъ—какъ смутное отраженіе въ зеркалѣ—отраженіе обуревавшихъ его чувствъ! Такъ, значитъ, и она способна чувствовать? Такъ, значитъ, у нея также проявилась душа? Неужели эта душа пробудилась какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ думалъ, что нанесъ ей смертельный ударъ?

— Вы хотите непремѣнно, чтобы я ушла?—спросила она тихо. И въ голосѣ ея прозвучали такія душевныя нотки, которыя въ одно и то же время согрѣвали и приводили въ недоумѣніе.

Горло пастора схватила судорога, сердце снова забилось, старый Адамъ не умеръ, онъ, должно быть, только слегка задремалъ.

— Да, Оттилія... немедленно... ты должна...

— Но вѣдь мы не совершили никакого грѣха, господинъ пасторъ,—сказала она просто, лишь съ едва замѣтнымъ оттѣнкомъ лукавства.—Вѣдь вы сами сегодня утромъ говорили, что гдѣ Слово, тамъ и Богъ, тамъ нѣтъ больше грѣха...

— Слово?

Онъ смотрѣлъ на нее, недоумѣвая, стараясь что-то припомнить.

— Да вѣдь вы молились, господинъ пасторъ,—напомнила она наивно,—да и я также молилась, какъ умѣла...

Такъ какъ на его лицѣ все еще былъ написанъ нѣмой вопросъ, она продолжала:

—Да, пасторъ Линдъ, я молилась, какъ и вы... я молилась Мартину Лютеру, чтобы онъ... благословилъ васъ... насъ...

Взглядъ его карихъ глазъ точно разлился по всему ея лицу. Вѣдь ея лицо улыбалось, оно все зардѣлось и одухотворилось отъ этой многоговорящей и сердечной улыбки, какую онъ не ожидалъ видѣть на ея лицѣ.

Онъ смотрѣлъ и не могъ насмотрѣться...

Вѣдь она была прекрасна, она сіяла красотой,—и не только красотой тѣлесной, но и духовной... ибо что можетъ быть прекраснѣе душевной чистоты, искренняго, простого чувства и дѣтской вѣры! Это красота вѣчная!

Она вдругъ переродилась—такой онъ никогда не видалъ ее раньше,—и это онъ, онъ сдѣлалъ ее такою!.. Что это была за странная радость, что за неизъяснимый восторгъ, которые примѣшивались къ только что пережитому имъ чувству уни-

женія!.. Онъ смотрѣлъ на нее, точно никогда раньше не видалъ.

И вдругъ она опустила глаза. Въ первый разъ онъ увидалъ, что она опускаетъ глаза передъ нимъ. И она поблѣднѣла, точно въ ея сердце закралось новое чувство.

— Поцѣлуйте меня,—шептала она,—поцѣлуйте... никто еще никогда не цѣловалъ меня такъ, какъ вы...

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ рѣшительно,—но на глазахъ его выступили слезы,—не теперь... не теперь... сперва мы пойдемъ и купимъ обручальныя кольца. Пойдемъ! Пойдемъ сейчасъ же!

Она робко прильнула головой къ его плечу, изъ ея груди вырвалось короткое рыданіе...

Много въ морѣ безпредѣльномъ волнъ, то кроткихъ, то мятежныхъ.
А въ груди—невольныхъ вздоховъ, и томительныхъ, и нѣжныхъ.
Полюби!—Растаютъ вздохи, легкимъ всплескомъ затихая,
Какъ на отмели прибрежной таетъ пѣна кружевная.

Много горный ключъ лепечетъ звуковъ чудныхъ, но невнятныхъ.
Много зрѣетъ въ сердцѣ пѣсенъ, но неспѣтыхъ, непонятныхъ...
Полюби!—Забрыжжутъ звуки подъ твоимъ горячимъ взглядомъ,
Какъ ручей, летящій въ бездну искрометнымъ водопадомъ

Зинаида Тулубъ.

Очерки соціальной исторіи Малороссіи.

4. Образованіе крестьянскаго сословія въ лѣвобережной Малороссіи XVII—XVIII вв.

(Окончаніе).

VI [1].

Къ половинѣ XVIII вѣка процессъ разслоенія малорусскаго общества уже очень сильно продвинулся впередъ. Стоявшіе на верхахъ этого общества „урядники“ и „державцы“,—иначе говоря, козацкая старшина и владѣльцы именій,—успѣли къ данному времени сомкнуться въ тѣсно сплоченный владѣльческій классъ, присвоившій себѣ имя „шляхетства“ и начинавшій съ все возраставшей энергіей добиваться для себя и соотвѣтствовавшихъ этому имени правъ—правъ „шляхетскаго“ сословія. Въ то же время на нижнихъ ступеняхъ соціальной лѣстницы въ тѣсной связи съ этимъ процессомъ выдѣленія и сплоченія новаго „шляхетства“ совершался аналогичный процессъ образованія обособленнаго отъ другихъ группъ населенія крестьянства, въ составѣ котораго наиболѣе видное мѣсто занимало крестьянство частно-владѣльческихъ имѣній. Къ серединѣ XVIII столѣтія въ малорусской жизни уже твердо установилось правило, согласно которому посполитые не могли переписываться изъ посполъства въ козачество. Центральное правительство, имѣя въ виду интересы фиска, пыталось дополнить это правило другимъ,—что и козаки не могутъ переходить и быть переводимы въ посполъство. Но мѣстныя малорусскія власти, признавая это послѣднее правило въ теоріи, на практикѣ нерѣдко нарушали его въ интересахъ владѣльцевъ. Въ результатѣ не только значительная часть промежуточныхъ группъ, стоявшихъ между козачествомъ и посполъствомъ къ серединѣ XVIII вѣка, вопреки усиліямъ центральнаго правительства включить всѣ такія группы въ козачество, была втянута въ посполитые—и главнымъ обра-

---

1) См. „Русскія Записки“, ноябрь

зомъ въ посполитые частновладѣльческіе,—но и немалая часть козачества также попала во владѣльческое „подданство". И хотя центральное правительство старалось обезпечить попавшимъ въ такое „подданство" козакамъ обратный выходъ въ козачество, но на дѣлѣ этотъ выходъ былъ для нихъ чрезвычайно затрудненъ, а въ то же время владѣльцы, вопреки запрещеніямъ правительства, продолжали привлекать козаковъ въ ряды своихъ посполитыхъ и подсусѣдковъ, все увеличивая такимъ путемъ количество находившагося въ частной зависимости крестьянства.

Въ складывавшееся такимъ образомъ положеніе не внесла сколько-нибудь существенныхъ измѣненій и новая перемѣна въ управленіи Малороссіей, совершившаяся въ серединѣ царствованія Елизаветы Петровны и выразившаяся въ возстановленіи гетманства и врученіи гетманской булавы К. Г. Разумовскому. Ближайшій сотрудникъ, чтобы не сказать—наставникъ, Разумовскаго въ дѣлѣ управленія Малороссіей, Г. Н. Тепловъ, позднѣе, въ своей „Запискѣ о непорядкахъ въ Малороссіи", поданной имп. Екатеринѣ II въ началѣ ея царствованія, категорически утверждалъ, что переходъ козаковъ въ посполъство продолжался и въ гетманство Разумовскаго. „Неоспоримо тотъ доказать можетъ,—писалъ здѣсь Тепловъ,—кто Малороссіи внутренность знаетъ, что козаки старшинами и другими чиновными, такожде и денежными людьми, къ себѣ въ подданство обращены". „Хотя всякому помѣщику—говорилъ онъ въ другомъ мѣстѣ той же записки—въ универсалахъ гетьманскихъ, при подачѣ деревни, писывалось прежде и нынѣ пишется, что помѣщикамъ до козаковъ и ихъ грунтовъ въ деревнѣ, селѣ и мѣстечкѣ томъ, которое помѣщику принадлежитъ, дѣла никаковаго нѣтъ, однакожъ какъ возможно, чтобъ козакъ бѣдный и безпомощный воспротивился сотнику въ сотнѣ, а сильному помѣщику въ томъ селѣ или деревнѣ, гдѣ онъ козачествуетъ? Всякій сотникъ не успѣетъ токмо на сотню свою пріѣхать, те козаки строители дому бываютъ, первые сѣнокосцы для его скота и первые подводчики, не упоминая о прочихъ разореніяхъ". Съ другой стороны, — продолжалъ Тепловъ—„живущіе козаки въ деревняхъ, мѣстечкахъ и селахъ помѣщичьихъ и земли свои имѣющіе въ одной границѣ, исчезаютъ и перерождаются въ мужиковъ", благодаря долгамъ помѣщику, возникающимъ въ результатѣ продажи ими помѣщичьяго вина: „козакъ, грунта свои потерявъ процессомъ за горячее помѣщичье вино, которое шинковалъ, коли земли недостаетъ въ уплату, отдается и самъ тому же помѣщику въ отслугу по силѣ права". „Сіе есть—пояснялъ авторъ записки—слѣдствіе того неудобства, что козаки съ помѣщичьими мужиками въ однихъ селахъ, деревняхъ и мѣстечкахъ живутъ, и отъ сего-то большая часть козаковъ претворилася уже

въ мужики помѣщикамъ, а государственный интересъ чрезъ многіе годы терпитъ чувствительный отъ того уронъ" [1]).

Объясненія Теплова далеко не охватывали всѣхъ сторонъ указаннаго имъ явленія, но самое это явленіе—продолжавшійся переходъ козаковъ въ посполъство—онъ во всякомъ случаѣ подмѣтилъ вѣрно. Вѣрно въ его указаніяхъ было и то, что такой переходъ немало облегчался сожительствомъ козаковъ и владѣльческихъ посполитыхъ въ однихъ и тѣхъ же поселеніяхъ. На почвѣ этого сожительства у отдѣльныхъ владѣльцевъ въ серединѣ XVIII столѣтія порой зарождалась даже смѣлая мысль попытаться объявить всѣхъ козаковъ, жившихъ въ предѣлахъ того или иного имѣнія, входящими въ его составъ владѣльческими подданными, лишь по недоразумѣнію получившими возможность уклониться отъ своихъ обязанностей. Такъ, напримѣръ, Кіево-Печерская Лавра въ сороковыхъ годахъ XVIII вѣка стала было собирать показанія старожиловъ принадлежавшаго ей въ Нѣжинскомъ полку с. Омбыша въ доказательство того, что въ немъ „предъ Хмельницкого войною не бывало козаковъ, но все подданные, повинность подданническую безъ противства исполняючіе, бывали", а уже при Хмельницкомъ и послѣ него появились козаки, притомъ перешедшіе изъ монастырскихъ посполитыхъ и сидѣвшіе на монастырскихъ земляхъ. Собирая эти свѣдѣнія, Лавра первоначально, повидимому, разсчитывала воспользоваться ими передъ властями, но затѣмъ рѣшила оставить полученныя свѣдѣнія безъ употребленія, „до правленія полкового о семъ разсудивъ не удаватися" [2]). Больщую рѣшительность проявилъ около того же времени Черниговскій Катедральный монастырь. Ведя споръ съ мринскимъ сотникомъ изъ-за власти надъ козацкими подсусѣдками мринской сотни, онъ устами своего повѣреннаго выдвинулъ, между прочимъ, слѣдующій аргументъ: подсусѣдки, „которые в козачихъ якоби дворахъ живуть и с тѣхъ козачихъ грунтовъ хлѣба себѣ заробляють, и тѣ подсусѣдки не суть козачіе, но Катедри Черниговской належачіе, потому что имѣють свои двора и огороди на землѣ архіерейской, издревле от гетмана Богдана Хмелницкого наданной и жалованними монаршими грамотами стверженной, в якой мринской маетности и в принадлежащихъ къ нему (м. Мрину) деревняхъ в тѣ пори ни единого козака не было, понеже де тая маетность в грамотѣ слободою прописана, а нынѣ имѣется в той вписавшихся з мужиковъ в козаки многое число, между которими имѣеться подсусѣдковъ, на земли монастирской грунта свои имѣючихъ, многое жъ число". Сотнику пришлось возражать на это, что

[1]) Н. Василенко. Г. Н. Тепловъ і його „Записка о непорядкахъ въ Малороссіи". „Записки Українського Наукового Товариства въ Киіві", т. IX, сс. 25, 38—40.

[2]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, № 1616/1164.

монастырь „всеи сотни мринской землю напрасно присвояетъ къ обители Черниговской“, такъ какъ уже и въ грамотѣ 1693 г. черниговскому архіепископу Ѳеодосію подтверждено было владѣніе м. Мриномъ и прилегающими къ нему деревнями „опрочъ козаковъ и ихъ угодій“ [1]). Въ другой разъ, ведя въ 1751 г. споръ съ козаками с. Ображѣевки за принадлежавшую этому селу рощу, Черниговскій Катедральный монастырь, стараясь отстоять для себя эту рощу цѣликомъ, завѣрялъ, что и все названное село въ свое время было поселено на монастырской землѣ по „осадчому письму“ архіепископа Лазаря Барановича и подтверждено монастырю жалованными грамотами 1676 и 1686 гг., „послѣ же того оного жъ села Преображѣевки (жители) разными временами по происскамъ тамошнихъ сотниковъ приняты въ козацкую службу и, оную отправляя, корыстуются тимъ жалованнымъ монастырскимъ грунтамъ“. Однакоже изъ представленныхъ самимъ монастыремъ грамотъ 1676, 1686 и 1688 гг. выяснилось, что эти грамоты, утверждая за нимъ сс. Ивотъ и Преображѣевку, въ то же время утверждали и за жившими въ этихъ селахъ козаками ихъ земли [2]),

Наиболѣе ревностные защитники владѣльческихъ интересовъ въ серединѣ XVIII вѣка были такимъ образомъ не прочь выдать при случаѣ всѣхъ козаковъ, жившихъ рядомъ съ тѣмъ или инымъ имѣніемъ, за его посполитыхъ, сидящихъ на владѣльческой землѣ. Но дѣлавшіяся порою попытки провести этотъ взглядъ въ жизнь не могли, конечно, имѣть полнаго успѣха и едва-ли на такой успѣхъ разсчитывали и сами авторы этихъ попытокъ. За то иначе стояло дѣло съ привлеченіемъ подъ власть владѣльцевъ отдѣльныхъ козаковъ. Оно и въ гетманство Разумовскаго продолжало практиковаться въ широкихъ размѣрахъ и случаи такого привлеченія бывали и въ имѣніяхъ самого гетмана. Въ 1755 г. управлявшая этими имѣніями экономическая канцелярія жаловалась въ генеральную войсковую канцелярію, что житель с. Краснаго Иванъ Карпенко со времени отдачи Разумовскому въ 1750 г. Быковской волости „при дворцѣ Быковскомъ отправлялъ боярскую службу и у конского его ясневельможности завода при сотнику городискому Кодинцу для случаючихся съ письменными дѣлами посылокъ состоялъ, а когда сего году помянутый Кодинецъ за неимѣніемъ въ его, Карпенка, къ поѣздкамъ добрыхъ лошадей отъ конского завода отставилъ и приказано содержать его, Карпенка, въ тяглѣ такъ, какъ и другихъ тяглыхъ подданныхъ, то онъ, Карпенко, не хотя быть во владѣніи его ясневельможности, снискалъ себѣ въ сотенномъ басанскомъ правленіи козачое званіе, въ которомъ находясь,

---

[1]) Тамже, бумаги черниговскаго Борисоглѣбскаго монастыря, декретъ ген. войск. суда отъ 23 окт. 1748 г., лл. 4об., 7об.

[2]) Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла б. Черниг. Палаты Угол. и Гр., оп. 12, св. 5, № 217

подданническихъ должностей до дворца Быковского несть крайне упрямится". Генеральная канцелярія затребовала по поводу этой жалобы объясненій отъ сотеннаго правленія. Послѣднее отвѣтило, что Карпенко вписанъ въ „козачой компутъ" не имъ, а произво дившимъ ревизію 1755 г. въ басанской сотнѣ пещанскимъ сотникомъ Кандибою, которому онъ „представлялъ отцевскія и свои службы"; при этомъ сотенное правленіе добавило, что Карпенко и въ ревизіи 1743 г. былъ записанъ въ числѣ козаковъ басанской сотни. Однако экономическая канцелярія и послѣ этого отвѣта продолжала требовать возвращенія Карпенка въ посполитые, ссылаясь на то, что онъ „отписанъ въ козаки безъ всякаго слѣдствія, а зъ самихъ только его жь, Карпенка, рѣчей ревизоромъ Кандибою, оной же Карпенко жительство имѣетъ на подданическихъ грунтахъ и при нихъ за его ясневелможностью въ числѣ протчиихъ быковской волости подданныхъ". Генеральная канцелярія съ своей стороны нашла нужнымъ исполнить это требованіе и такимъ образомъ занесенный въ ревизіи козакъ, по своей волѣ, повидимому, пошедшій въ „боярскую службу" и затѣмъ пытавшійся вернуться въ козачество, былъ отданъ въ „подданство" гетману [1]).

Такіе же случаи бывали и въ имѣніяхъ другихъ членовъ старшины. Три козака с. Рудницкаго въ барышевской сотнѣ Переяславскаго полка жаловались въ 1767 г., что при отдачѣ этого села въ 1752 г. по универсалу гетмана Разумовскаго переяславскому полковому обозному Семену Безбородку члены отдаточной коммиссіи и ихъ земли „козачія вѣкуистыя ему, Безбородку, во владѣніе отдали"; „сверхъ же того, — прибавлялъ одинъ изъ этихъ козаковъ—мене, Герасименка, будучого тогда атаманомъ, за то, чтобы по справедливости посполитскіе грунта объявлялъ, тѣ же нарочные отдатчики и плетьми нещадно били". Шестеро другихъ жителей с. Рудницкаго дополнили картину отдачи этого села Безбородку еще однимъ штрихомъ. Мы—разсказывали они въ 1767 г.— были козаками, но „онъ, Безбородко, принявъ тѣхъ жалованныхъ рудницкихъ посполитыхъ съ ихъ угодіи и не будучи еще оными доволенъ, презря гетманскій универсалъ, съ того жъ (1752) года и насъ со отческими нашими жилыми козачими грунтами и полями въ свое посполъство привластивши, завладѣлъ, почему и въ партикулярныя свои работы почти до единаго съ хаты до сего неналежно употребляетъ" [2]).

Въ томъ же 1752 г., когда с. Рудницкое отдавалось Безбородку переяславская полковая канцелярія разбирала дѣло по жалобѣ переяславскаго полковника Семена Сулимы на жителей с. Стро-

[1]) Кіев. Центр. Архивъ, старыя дѣла изъ архива кіев. губ. правленія, дѣла „о закрѣпощеніи и объ отысканіи вольности".

[2]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ кіевскаго университета, Переяславскій полкъ. Документы Барышевской сотни, т. III, №№ 176 и 177.

кова. „Въ опомъ селѣ—жаловался полковой канцеляріи „господарь“ (управляющій) Сулимы — за владѣнія покойного судіи полкового переясловского Александра Сулимы посполитыхъ подданныхъ было дворовъ болѣе двадцати человѣкъ, а какъ оное село по умертвіи его, судіи, и его жены было въ разныхъ владѣніяхъ, то въ то время грунтами владѣльческими, на коихъ жили посполитые, завладѣли тамошніе козаки, а иные жъ посполитые, живучи на посполитыхъ же грунтахъ, отбуваютъ службу козачую, а у господина его нынѣ во владѣніи имѣется въ томъ селѣ Строковѣ токмо три двора“. Разобравъ эту жалобу, полковая канцелярія рѣшила всѣхъ жителей с. Строкова, не доказавшихъ своего козачества ревизіями или показаніями свидѣтелей, отдать въ посполитые Сулимѣ. О козакахъ же, купившихъ посполитскія земли, опа постановила такой приговоръ: они должны сойти съ этихъ земель и уступить ихъ безденежно Сулимѣ; „ежели жъ вышеписанные козаки съ тѣхъ грунтовъ не сойдутъ на другіе, козачіе, грунта и на нихъ жить станутъ, то, по силѣ именного ея и. в-ва указу, 1734 году состоявшогося, повинность съ посполитыми владѣльческими несть должны“ [1]. Переяславская старшина такимъ образомъ осталась и при Разумовскомъ вѣрной тому пониманію указа 1734 г., согласно которому владѣвшій посполитскою землею козакъ долженъ былъ переходить въ посполъство, и продолжала примѣнять такое пониманіе на практикѣ. И, конечно, она не составляла въ этомъ отношеніи исключенія среди старшины другихъ полковъ.

Но не одно владѣніе посполитскою землею и въ эти годы могло привести козака въ посполъство. Въ 1754 г. житель м. Барышевки, Леонтій Ефименко, жаловался, что онъ отправлялъ козацкую службу, сидя на уступленной ему тестемъ и купленной имъ самимъ козачьей землѣ, о чемъ онъ имѣлъ и спеціальный указъ сотеннаго правленія, и тѣмъ не менѣе попалъ во владѣльческіе посполитые. „Минувшого 1752 году—разсказывалъ Ефименко въ жалобѣ, поданной имъ гетману,—за пожалованіемъ отъ вашей ясневельможности полковнику переясловскому г. Сулимѣ въ м. Баришовкѣ 59 дворовъ, по единой его, г. полковника, командирской власти, въ его повелѣнія, бывшіе тѣхъ пожалованныхъ дворовъ отдатчики, его, г. полковника, близкіе свойственные, яко то хоружій полковый переясловскій Ильяшенко и сотникъ воронковскій Матвѣй Сулима, въ отдаточной своей вѣдомости приписали мене, нижайшого, между его, г. полковника, подданные, по тому только резону, что матка моя считалась между г. полковника подданными, и къ ней, маткѣ моей, присовокупивши мене, нижайшого, живущого особливо на прописанныхъ козачихъ грунтахъ“. „За страсть командирскую“ Ефименко, по его разсказу, не рѣшился искать козачества изъ-подъ владѣнія Сулимы. Но въ 1754 г. въ Барышевку прибылъ для

[1]) Мотыжинскій Архивъ, К. 1890. № 44, сс. 71—83.

отдачи, въ силу гетманскаго универсала, остававшихся еще здѣсь свободныхъ посполитскихъ дворовъ бунчуковому товарищу Ильѣ Журману войсковой канцеляристъ Киселевскій и онъ, найдя Ефименка неправильно, сверхъ указаннаго въ гетманскомъ универсалѣ числа дворовъ, отданнымъ Сулимѣ, записалъ его во владѣніе Журмана. Тогда Ефименко, очутившійся, къ своей „всекрайнѣйшей обидѣ", записаннымъ за двумя владѣльцами, обратился съ жалобой къ гетману, прося вернуть его въ козачество [1]).

Случалось и такъ, что козакъ не имѣлъ за собою посполитской земли, не имѣлъ и родственниковъ посполитыхъ и все же „за командирскую страсть" попадалъ въ посполъство. Житель с. Лѣпняковъ въ томъ же Переяславскомъ полку, Василь Миколенко, разсказывалъ въ 1767 г., что хотя предки его были козаками и самъ онъ отправлялъ козацкую службу, имѣя въ своемъ владѣніи усадебное мѣсто, поле и лѣсъ въ дачахъ м. Барышевки, но это не избавило его отъ притѣсненій, а его брата отъ „подданства". „Въ прошломъ 1761 году—жаловался Миколенко — невѣдомо почему полковникъ переяславскій тотъ грунтъ, поле и гай и брата моего Мартина по тогдашней своей власти завладѣлъ и, что я означенному полковнику панщины работать не похотѣлъ, затѣмъ мнѣ отъ того грунту отказано безъ справки" [2]). Около того же времени жаловался на подобныя притѣсненія житель м. Барышевки Петро Стуконогъ. По его разсказу, его отецъ вышелъ изъ „польской области" въ м. Остеръ и, поселившись здѣсь на купленныхъ козацкихъ земляхъ, отбывалъ съ сыновьями козацкую службу. Потомъ Петро Стуконогъ, женившись, перешелъ на жительство къ своему тестю, козаку м. Барышевки, и послѣ его смерти остался въ его дворѣ, продолжая нести козацкую службу. Когда же въ 1760 г. этотъ дворъ сгорѣлъ, Стуконогъ нанялъ въ Барышевкѣ „цеху шевского дворъ" и, „въ ономъ жительствуя, никуда никакихъ службъ не отправлялъ и ни отъ кого отправленія того не требовано чрезъ три года". „А потомъ—жаловался Стуконогъ—полковникъ переяславскій Семенъ Сулима сталъ мнѣ чинить накидъ въ годъ горячого вина на 40 рублей и подъ свое владѣніе подвертать. И хотя я тогда и потомъ неоднократно просилъ дозволенія выходу съ того шевского цеху, не купленного мною двора и поселенія на

[1]) Кіев. Центр. Архивъ, старыя дѣла кіев. губ. правленія, дѣла „о закрѣпощеніи и объ отысканіи вольности". Запрошенный генеральной канцеляріей Киселевскій рапортовалъ ей, что при его пріѣздѣ въ Барышевку Ефименко находился въ подданствѣ Сулимы и платилъ ему 10 р. чиншу, а имъ, Киселевскимъ, былъ записанъ за Журманомъ, какъ излишне отданный Сулимѣ. Въ подданство послѣдняго, по словамъ Киселевскаго, было отдано 20 лишнихъ дворовъ вротивъ числа, указаннаго въ гетманскомъ универсалѣ.

[2]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ кіевскаго университета, Переяславскій полкъ, Документы Барышевской сотни, т. III, № 164

тестевскомъ моемъ козачемъ въ м. Барышовкѣ грунтѣ и службу козачую отправлять, точію оной полковникъ Сулима не только того не дозволялъ, но когда дочулся (прослышалъ), что я намѣренъ ѣхать о своемъ козачествѣ искать, и хотя было для того и поѣду, то оной полковникъ, приведши въ Барышовку, бьетъ нещадно плетьми и содержитъ въ ручныхъ и ножныхъ колодкахъ въ тюрьмѣ по цѣлой недѣлѣ, что происходило до пяти разъ; и имѣвшимись моими тестевскими козачими грунтами, въ м. Барышовкѣ грунтомъ и за д. Власовкою полемъ, пятью днями, завладѣлъ, почему я сталъ принужденнымъ оставаться въ томъ шевскомъ дворѣ, принимая отъ него накидъ горячаго вина въ годъ по 40 рублей и исполняя всякія его приказанія" [1]).

Казалось бы, привлекаемые такимъ образомъ въ „подданство" козаки должны были находить себѣ защиту у ближайшаго своего начальства. Иногда это и случалось, но не всегда такая защита достигала цѣли и не всегда она проходила безнаказанно для самихъ защитниковъ. Миргородскій сотникъ Зарудный сообщалъ въ 1758 г. гетману, что полковой писарь Галяховскій, получивъ въ ранговое владѣніе с. Черевки, „нахальствомъ своимъ поработилъ было въ подданные" жившихъ въ этомъ селѣ козаковъ Дьятченковъ. Сотникъ выдалъ Дьятченкамъ „засвидѣтельствованіе" объ ихъ козачествѣ и генеральный судъ утвердилъ ихъ въ „козачомъ званіи". Но —продолжалъ Зарудный—„чрезъ то показанный писарь Галяховскій, завзявъ на мене злобу, разныя приключаетъ пакости, яко то безпорядочнымъ и самымъ нахальнымъ въ крайне нужное рабочое время взятіемъ въ полковую канцелярію человѣка моего мимо вѣдома моего" и отнятіемъ принадлежащаго на рангъ сотника сѣнокоса [2]).

Зарудному удалось, по крайней мѣрѣ, помочь козакамъ, на которыхъ позарился сильный владѣлецъ, избавиться отъ его „подданства". Во многихъ другихъ случаяхъ члены мѣстной старшины, даже если они желали оказать козакамъ такую услугу, были безсильны сдѣлать это, такъ какъ ихъ представленія не принимались во вниманіе лицами и учрежденіями, отъ которыхъ зависѣло дѣло. Въ 1762 г. въ сенатъ поступила жалоба кобелякскаго городового атамана Крысы на членовъ отдаточной коммиссіи, отводившей во владѣніе гр. Воронцова отданныя ему Разумовскимъ въ 1760 г. мѣстечки Новый Санжаровъ, Бѣлики и Кобелякъ. Отдаточной коммиссіи предписано было передать Воронцову всѣ свободные посполитскіе дворы и хаты въ названныхъ мѣстечкахъ и „буде какія пустовскія свободныя жъ суть земли, изъ свободныхъ же

---

[1]) Мотыжинскій Архивъ, № 88, сс. 187—8. „Накидывая" Стуконогу своей водки на 40 р., Сулима обязывалъ его распродать ее на эту сумму.
[2]) Кіев. Центр. Архивъ, старыя дѣла изъ архива кіев. губ. правленія, дѣла „о закрѣпощеніи и объ отысканіи вольности.

посполитыхъ дворовъ, грунтовъ и какихъ-либо угодій завладѣнныя кѣмъ неналежно, кромѣ козачьихъ дворовъ и грунтовъ, отдать со всѣми принадлежащими къ тѣмъ городамъ грунтами и угодіи во владѣніе ему, гр. Воронцову". И коммисія, по словамъ Крысы, „изыскуя болѣе прибыли владѣльцу, а не наблюдая высочайшаго имп. в-ва интересу", столь ретиво принялась за свое дѣло, что, найдя какого-либо обывателя названныхъ мѣстечекъ записаннымъ въ одной изъ ревизій посполитымъ, уже не хотѣла, не смотря на представленія мѣстной старшины, обращать вниманіе на то, что въ другихъ, болѣе раннихъ и болѣе позднихъ ревизіяхъ, тотъ же обыватель значится среди козаковъ и что его пребываніе въ посполъствѣ было только временнымъ, а непремѣнно отдавала его во владѣніе Воронцова. Точно также—разсказывалъ Крыса—отдаточная коммиссія „ежели по давности владѣнія у дворѣ какого козака сыщетъ хотя малую самую часть земли посполицкой, то причиною того весь козачій дворъ, въ которомъ до нѣсколько семей живутъ, веревками вдоль и поперекъ отмѣривши, всѣхъ сплошь съ прочими природными козацкими грунтами записывала въ подданство". „Если жъ кто съ таковыхъ неправильно въ посполитые отдатчиками вписанныхъ козаковъ, не уступая природного своего козачьяго званія, бросили свои дворы и перешли въ другіе козачіе дворы, то пріемщикъ Кодинецъ и съ тѣхъ дворовъ къ подданической повинности ихъ употребляетъ, почему оные козаки, лишась своего природного козачества, дѣйствительно подданническую повинность уже отбуваютъ". „Что жъ еще несправедливѣе,—продолжалъ кобелякскій атаманъ—къ большему умноженію подданныхъ изыскали способъ писать прямыхъ козаковъ въ посполитые, однихъ чрезъ женъ ихъ, которыхъ они взяли за себя посполитого званія, хотя же у нихъ и никакихъ посполитскихъ грунтовъ за собою не имѣется, другихъ же таковыхъ, коихъ хотя отецъ и мать, оставшаясь во вдовствѣ, написаны въ тѣхъ ревизіяхъ посполитыми, а онъ, по измертвіи отца своего и матки за малолѣтствіемъ служачи по народу и дошедши въ совершенность, присталъ жить къ свойственнымъ его или стороннему козаку въ дворъ и, поселившись на едномъ козачемъ дворѣ, купно козачо служить и козачими грунтами пользуется, то, и оттого оного записавши, съ козачимъ плецомъ и грунтомъ въ посполитые привлекаютъ, а на отческомъ его или дѣдовскомъ плецу или хотя бы ихъ сколько козаковъ и другихъ чиновъ поселилися, тѣхъ такожъ записали у подданство, умножая число дворовъ посполитыхъ въ такомъ умышленіи, чтобъ подъ именемъ одного человѣка умѣстить до нѣсколько дворовъ надачею". И въ этихъ обидахъ, по словамъ Крысы, козакамъ не помогли ни ихъ собственныя жалобы, ни хлопоты мѣстныхъ сотниковъ. Когда обращенные въ посполитыхъ козаки хотѣли было жаловаться въ Глуховѣ гетману, Тепловъ не допустилъ ихъ до послѣдняго и отправилъ по домамъ, грозя въ случаѣ не-

послушанія отослать ихъ въ оковахъ. Точно также и жалобы гетману мѣстныхъ сотниковъ вызвали только нотацію по ихъ адресу со стороны того же Теплова, чтобъ они „болѣе не усиливались представленіями“ [1]).

Чаще однако и сотенная старшина не столько вступалась за козаковъ, сколько стремилась въ свою очередь перевести ихъ въ свои посполитые. Эти стремленія нерѣдко носили очень настойчивый характеръ и иногда однимъ и тѣмъ же козакамъ приходилось по нѣсколько разъ отбиваться отъ смѣнявшихъ другъ друга сосѣднихъ владѣльцевъ. Нѣсколько козаковъ с. Семеновки въ березанской сотнѣ Переяславскаго полка подали въ 1768 г. гетману Разумовскому доношеніе, въ которомъ писали, что еще въ гетманство Мазепы переяславскій полковникъ Родіонъ Дмитрашко, получивъ въ свое владѣніе м. Березань съ прилегающими къ ней селами, „властію своею и насильствомъ подвернулъ былъ въ подданство“ ихъ, просителей, предковъ. Послѣ того, въ 1735 г., они, въ результатѣ произведеннаго по ихъ жалобамъ слѣдствія, были освобождены изъ „подданства“ и вернулись въ козачество, но ненадолго. „Помянутого жъ Дмитрашка внукъ,—писали авторы доношенія--Василь Дмитрашко, сотникомъ березанскимъ и владѣльцемъ будучи, боями, забираніемъ имѣній и несносными устращеніями подвернулъ былъ паки насъ, нижайшихъ, отцовъ и насъ въ посполъство“ [2]). Въ 1758 г., послѣ новой жалобы порабощенныхъ козаковъ и новаго слѣдствія, они опять были возвращены полковой канцеляріей въ козачество и „служили, козакуючи, чрезъ нѣсколько годъ, не знаючи ни отъ кого обиды, и въ разныхъ походахъ были“, но, когда въ 1763 г. м. Березань и с. Семеновка достались по наслѣдству женѣ отставного капитана Лукашевича, послѣдній пошелъ по стопамъ Дмитрашекъ. „Оной отставной капитанъ Лукашевичъ,—жаловались гетману авторы доношенія—

---

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Полт. отд., Рум. Опись, св. 61. По „доносительнымъ пунктамъ“ Крысы сенатомъ назначено было слѣдствіе, но чѣмъ оно закончилось, мнѣ неизвѣстно. Между прочимъ, въ 1763 г. Разумовскому жаловался на дѣйствія отдаточной коммиссіи козакъ Запорожской Сѣчи Иванъ Тупица. По его словамъ, онъ еще въ 1725 г. вступилъ въ Сѣчь, участвовалъ въ походахъ, четыре года находился въ плѣну, затѣмъ „паки въ войску запорожскомъ при томъ же Реговскомъ куренѣ служилъ“, потомъ женился въ м. Бѣликахъ, купилъ себѣ здѣсь у козаковъ землю и болѣе восьми лѣтъ жилъ на ней, а въ моментъ отдачи Бѣликовъ Воронцову отдаточная коммиссія и его, Тупицу, причислила къ посполитымъ и отдала во владѣніе Воронцову. Тамже.

[2]) Въ другомъ доношеніи жалобщики подробнѣе и точнѣе разсказывали о насиліяхъ Василія Дмитрашка. „Когда—писали они здѣсь—бывшій м. Березани владѣлецъ, бунчуковій товарищъ Василь Думитрашко Райча, полусотничество, то по той власти своей, разнообразно утѣсняя, лѣтнего и употребленіемъ къ походамъ, а зимою на панщину, паче же всего чрезъ разные учиненные намъ побои, въ подданство къ себѣ подвергнулъ“

не смотря на опредѣленіе полковой канцеляріи, сталъ насъ въ подданство, устращая боемъ и забратіемъ нашихъ имѣній, привлекать и подалъ въ полковую канцелярію доношеніе, откуду намъ позвы, чтобъ мы явились по оного капитана доношенію въ судъ полковой къ отвѣту, чинены, и чрезъ все лѣто, не даючи намъ спокойно службу государеву отбувать, волочитъ и до немалого убытку привелъ. Того ради, падши подъ стопы ногъ вашей ясневельможности, всенижайше просимъ отъ оного отставного капитана Лукашевича насъ охранить и въ посполство не допустить" [1]).

Бывали и такіе случаи, что державцы привлекали козаковъ въ свое „подданство" въ то самое время, когда они отбывали военную службу. Въ 1763 г. три козака д. Сасиновки въ пирятинской сотнѣ Лубенскаго полка жаловались гетману, что въ то время, какъ они, съ дѣдовъ и отцовъ своихъ козаки, отбывали козацкую службу и участвовали въ заграничномъ походѣ, будучи опредѣлены въ регулярные гусарскіе полки, ихъ семьи подверглись притѣсненіямъ со стороны мѣстнаго державцы. „Безъ бытности нашей въ нашихъ домахъ,—писали жалобщики—отцамъ нашимъ и намъ партикулярными работами немалыя обиды и разоренія причинены, именно генеральнаго подскарбія Гудовича приказчикъ Матвѣй Каменевъ въ ранговую маетность его Сасиновку самъ собою въ подданство къ посполитымъ привернулъ и въ разныя работы впотребляе и здирства чинить". „Въ прибытіе наше съ того походу въ домы,—продолжали жалобщики—оной Каменевъ призвалъ насъ во дворъ сасиновскій, ругательства намъ немалыя и неизносныя чинилъ безъ всякой нашей винности, сабли отъ насъ обрывалъ и, хватя ножъ, волоса и у мундира, даннаго намъ въ той службѣ, пуговицы отрѣзать намѣревалъ, матерно бранилъ и всякими скверными словами называлъ, недоволенъ тѣмъ, что бѣдные вовсе наши домы изнурилъ, но и самимъ намъ при томъ ругательствѣ панщину работать приказовалъ, отъ котораго мы, нижайшіе, его ругательства и злого намѣренія въ силу разными прошеніями и втекомъ (убѣгомъ) въ оного двора спаслись". Жалобщики просили гетмана оградить ихъ отъ притязаній Гудовича и его приказчиковъ. Жалоба эта была принята гетманомъ во вниманіе и начатое по ней дѣло окончилось въ пользу жалобщиковъ, но два года спустя сасиновскіе козаки снова жаловались, что Гудовичъ привлекаетъ ихъ въ свое „подданство" [2]).

Отношенія козаковъ и владѣльцевъ и въ гетманство Разумовскаго сохраняли такимъ образомъ свой прежній характеръ и владѣльцы продолжали по прежнему привлекать козаковъ въ число своихъ посполитыхъ, пользуясь для этого и своей экономической силой, и той властью, какою располагали многіе изъ нихъ въ ка-

[1]) Кіев. Центр. Архивъ, старыя дѣла изъ архива кіев. губ. правленія, подъ рубрикою „дѣла о закрѣпощеніи и отысканіи вольности".
[2]) Также.

чествѣ членовъ старшины. Поводами для такого привлеченія служили самыя различныя обстоятельства. Достаточно было козаку быть записаннымъ въ какой-либо изъ ревизій въ числѣ посполитыхъ или имѣть въ своемъ владѣніи кусокъ земли, купленной у посполитаго, имѣть родственниковъ въ числѣ владѣльческихъ посполитыхъ или жениться на посполитой, чтобы у владѣльца создался уже поводъ считать такого козака своимъ „подданнымъ" и предъявлять къ нему соотвѣтствующія претензіи. Если владѣлецъ хотѣлъ использовать такой поводъ, онъ по большей части не обращался къ властямъ, а прямо захватывалъ въ свое „подданство" намѣченнаго козака и послѣднему приходилось уже самому искать защиты у властей. Иногда онѣ и оказывали ему такую защиту, но далеко не всегда эта защита была достаточно серьезна и активна, чтобы не допустить перевода его въ посполъство. Нерѣдко же случалось и такъ, что привлекаемый тѣмъ или инымъ владѣльцемъ въ посполитые козакъ не находилъ себѣ защиты и у властей— слишкомъ велика и прочна была та общность интересовъ, которая связывала въ данномъ случаѣ между собою членовъ старшины. Самъ главный управитель гетманскихъ имѣній и главный совѣтникъ гетмана Разумовскаго, Тепловъ, позднѣе такъ сильно осуждавшій передъ имп. Екатериной съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ привлеченіе козаковъ подъ власть помѣщиковъ, въ годы своего пребыванія въ Малороссіи, какъ мы видѣли, весьма энергично содѣйствовалъ привлеченію козаковъ въ „подданство" Разумовскаго и его пріятелей, рѣшительно и круто подавляя всякій протестъ противъ такого привлеченія со стороны козаковъ. И точно также поступало въ аналогичныхъ случаяхъ и большинство малорусской старшины, члены которой нерѣдко были связаны другъ съ другомъ не только общими интересами, но и служебными и родственными отношеніями.

Въ это положеніе не вносили сколько-нибудь существенныхъ измѣненій и тѣ распоряженія новаго гетмана, которыя имѣли болѣе или менѣе общій характеръ. Поскольку такія распоряженія дѣлались Разумовскимъ, они опять-таки преслѣдовали цѣли, какія ставила себѣ администрація Малороссіи и до него,—съ одной стороны, точнѣе разграничить посполъство отъ козачества и затруднить переходъ изъ перваго во второе, съ другой—упорядочить производство въ судебныхъ учрежденіяхъ страны дѣлъ, возникавшихъ въ результатѣ исковъ о возвращеніи въ козачество.

Одно изъ такихъ распоряженій было сдѣлано Разумовскимъ въ первое же время его гетманства и касалось посполитыхъ, находившихся во владѣніи грузинскихъ князей и дворянъ, надѣленныхъ имѣніями въ Малороссіи въ царствованіе Анны Іоанновны [1]).

---

[1]) См. мою статью „Свободныя войсковыя села и владѣльческія имѣнія въ лѣвобережной Малороссіи XVII—XVIII вв.", „Р. Записки", 1915, № 8, сс. 178—9.

Въ началѣ 1752 г. семеро такихъ грузинскихъ князей и дворянъ, получившихъ имѣнія въ Полтавскомъ полку, обратились къ Разумовскому съ жалобой на обиды, испытываемыя ими отъ мѣстной старшины, причемъ въ числѣ этихъ обидъ указывали на „вписаніе за единъ искупъ безъ всякаго слѣдствія и справокъ ихъ подданныхъ въ козаки“ и на „недопусканіе ихъ, грузинскихъ князей и дворянъ, къ владѣнію“ такими подданными. Въ результатѣ этой жалобы Разумовскій 14 марта 1752 года отправилъ полковнику Горленку особый ордеръ, въ которомъ предписывалъ ему „отъ приключенія обидъ кого надлежитъ воздержать“, а, въ частности, по вопросу о вписываніи посполитыхъ грузинскихъ дворянъ и князей въ козаки давалъ такую инструкцію: „которые подданные грузинскіе написаны сотниками и сотенными старшинами въ козаки не по ордерамъ и не по опредѣленіямъ полковой полтавской канцеляріи, или хотя и по ордерамъ полковой канцеляріи, да не въ сущую правду и не надлежащимъ порядкомъ и безъ слѣдствія, о таковыхъ чиненныя сотниками и сотенными старшинами слѣдствія собравъ въ полковую канцелярію, разсмотрѣть, правильно ли оныя, кѣмъ, когда и почему учинены, а до разсмотрѣнія и крайняго по онымъ рѣшенія велѣть такимъ всѣмъ отбувать подданическія по пропорціи имуществъ своихъ, равно какъ и другія повинности“ [1]).

Пять лѣтъ спустя Разумовскимъ было сдѣлано по тому же вопросу о переходѣ изъ посполитыхъ въ козачество другое распоряженіе, болѣе широкаго характера. Первоначально, впрочемъ, и оно было вызвано однимъ частнымъ эпизодомъ. Въ 1756 г. бунчуковый товарищъ Өедоръ Чуйкевичъ подалъ въ генеральную войсковую канцелярію жалобу на нѣкоего Пузину, отданнаго въ его владѣніе въ числѣ тридцати посполитскихъ дворовъ въ м. Воронежѣ по универсалу Разумовскаго 1752 г. Имѣя въ Воронежѣ свой дворъ съ нивою, Пузина — разсказывалъ въ этой жалобѣ Чуйкевичъ — „прикупилъ еще дворъ козачій въ 1755 г. и купчую въ домъ мой отдалъ, по якой тотъ мнѣ дворъ крѣпокъ, и во владѣніи моемъ былъ немалое время, а потомъ тотъ же мужикъ мой Пузина, перешедъ сего 1756 года съ первого моего въ тотъ мой другій дворъ, безперерывно владѣетъ обома дворами моими и нивою моею жь, бо и сего лѣта съ той моей нивы гречку пожалъ и побралъ, а въ дворъ первый войту моему никого на жилье впущать не допущаетъ, и мнѣ подданической повинности и послушенства ни въ чемъ не отдаетъ, и чинша не платитъ за ту едину причину, что ищетъ у сотника воронежского и у старшины тамошней козачества, а отъ подданичества моего увольненія, якого я ему и искать не бороню“. Изложивъ въ такомъ видѣ свою претензію, Чуй-

[1]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ библіотекѣ кіевскаго университета), п. н. „Полтавскіе земельные универсалы“, № 82.

кевичъ въ заключеніе жаловался на сотенную старшину, защищающую Пузину, и просилъ, чтобы послѣдняго обязали повиноваться ему и не опредѣляли въ козаки до рѣшенія генеральнаго суда. Запрошенный генеральной канцеляріей воронежскій сотникъ Холодовичъ представилъ однако ей дѣло въ нѣсколько иномъ освѣщеніи. По его словамъ, Пузина не искалъ у сотенной старшины козачества, а просто, покинувъ свой посполитскій дворъ во владѣніи Чуйкевича, перешелъ, въ силу указа о свободномъ переходѣ посполитыхъ, на купленный имъ козачій дворъ. Съ этого послѣдняго онъ, не имѣя больше за собою никакихъ посполитскихъ земель въ маетности Чуйкевича, долженъ бы отбывать, по силѣ указа 1739 г., уже „козачую службу, а не посполитскую повинность", но сынъ Чуйкевича принуждаетъ его перейти обратно на покинутый имъ дворъ и, „нашедъ гвалтовно на домъ оной козачій и взявъ его, Пузину, двократно билъ кіями нещадно", требуя отдачи въ свои руки купчей на этотъ домъ, какую Пузинѣ „съ такого нещаднаго бою" и пришлось отдать. То же самое показалъ на допросѣ и самъ Пузина. Получивъ такія свѣдѣнія, генеральная канцелярія проявила, повидимому, нѣкоторое колебаніе въ рѣшеніи этого дѣла [1]). Тогда Чуйкевичъ обратился съ жалобой на неповиновеніе Пузины непосредственно къ гетману, и Разумовскій даннымъ въ апрѣлѣ 1757 г. ордеромъ предписалъ раздѣлить въ этомъ дѣлѣ два вопроса, подлежащіе разрѣшенію на основаніи различныхъ законовъ: „что принадлежитъ до иску козачества, то въ силѣ указовъ, а о грунтахъ въ силѣ малороссійскихъ правъ"; такъ какъ Пузина въ ревизіи 1756 г. былъ записанъ посполитымъ, то онъ, по рѣшенію гетмана, и долженъ былъ оставаться подданнымъ Чуйкевича, а споръ о землѣ Разумовскій приказалъ разсмотрѣть особо [2]). Черезъ два мѣсяца послѣ этого Разумовскій повторилъ то же приказаніе въ общей формѣ, предписавъ генеральному суду ордеромъ отъ 19 іюня 1757 г. рѣшать споры о козачествѣ по указу 1723 г., а иски о землѣ („о грунтахъ") по малороссійскимъ правамъ. При этомъ гетманъ приказывалъ генеральному суду „рѣшенія по дѣламъ онымъ объявлять какъ тѣмъ, хто искатиметь (будетъ искать) козачества, такъ и тому, изъ-за чіего владѣнія и подданства могъ бы кто быть выключенъ въ то козачое званіе, и ежели которая сторона недовольство и апелляцію объявитъ, то, не чиня по рѣшенію исполненія, все дѣло по описи къ намъ представить къ разсмотрѣнію" [3]).

---

[1]) По крайней мѣрѣ, по словамъ Пузины въ позднѣйшей его жалобѣ, въ генеральной канцеляріи „о принужденіи его въ подданство Чуйкевичу никакого опредѣленія не послѣдовало".

[2]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малороссійской Коллегіи, Черниг. отд., № 1.542.

[3]) Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла б. Черниг. Палаты Уг. и Гр., оп. 17, св. 25, № 81 (книга ордеровъ гетмана Разумовскаго), лл. 61—2.

Прошло однако немного времени и тотъ же вопросъ о покупкѣ посполитыми козачьей земли и о переходѣ ихъ этимъ путемъ въ козачество вновь былъ поставленъ передъ гетманомъ, на этотъ разъ прилуцкой полковой канцеляріей. „Зъ многихъ въ полковую прилуцкую канцелярію входящихъ представленіевъ — писала она въ 1759 г. въ генеральную канцелярію— извѣстно, что по разнымъ сего полку мѣстамъ владѣльческіе подданные мужики покупають козачіе грунта, нѣкоторые въ знаніи сотниковъ и старшинъ сотенныхъ по ихъ позволеніямъ, что имъ подъ неопустнымъ штрафомъ чинить отъ полковой канцеляріи хотя запрещено, но другіе мужики и мимо знаніе оныхъ сотниковъ и старшинъ разными способы ухищренно точію ради того, чтобъ имъ, удалившись съ-подъ владѣльца, получить возможно было званіе козачое, таковы козачіе грунта покупають и, скупивъ оные, будучи сами природные искони мужики, подають прошенія въ судъ генеральный объ опредѣленіи ихъ въ званіе козачое, показывая только за собою козачихъ грунтовъ владѣніе, и на одинъ обманъ закрывають то, что они въ недавномъ времени получили тѣ грунта, будучи посполитые, почему нѣкоторымъ и удалось по такимъ подступнымъ прошеніямъ дѣйствительно получить подтвержденіе къ бытію имъ въ козачомъ званіи, на что взирая, и другіе владѣльческіе подданные безъ всякого опасенія тоже козачіе грунта искупляють". Приведя послѣдній по времени примѣръ такой попытки перехода посполитыхъ въ козачество путемъ покупки козачьихъ земель, прилуцкая канцелярія продолжала: „а яко такова купля происходить перво въ отмѣнность высочайшимъ указомъ, а къ тому и по правамъ малороссійскимъ мужикамъ шляхетскихъ добръ завлажовать и ими пользоваться не дозволяется, да притомъ же изъ того владѣльцамъ всекрайнѣйшая происходить обида, что ихъ подданные мужики въ той же маетности, въ которой испрежде жили, купивъ козачій грунтъ и на оной перенесшись, опредѣляются въ козаки, и, если сего не прекратить, то латво (легко) могутъ симъ образомъ къ вящшей владѣльческой обидѣ и прочіе мужики съ подъ владѣнія ихъ удалиться". Генеральная войсковая канцелярія съ своей стороны вполнѣ присоединилась къ этимъ соображеніямъ прилуцкой старшины и тогда Разумовскій отдалъ такое распоряженіе: „кои изъ посполитыхъ, подданныхъ владѣльческихъ, покупають козачіе грунта, поступать въ силѣ ея и. в-ва указовъ и малороссійскихъ правъ и оныхъ посполитыхъ до покупки козачьихъ грунтовъ не допускать, а кѣмъ... куплено, тѣ грунта, отобравъ, возвращать кому принадлежить изъ козачьихъ наслѣдниковъ" [1]). Въ сущности и это распоряженіе не заключало въ себѣ чего - либо новаго

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малороссійской Коллегіи, Черниг. отд., № 14.535.

Подобно другимъ, приведеннымъ выше распоряженіямъ Разумовскаго, оно лишь подтверждало существовавшее и раньше, но не всегда соблюдавшееся, правило и этимъ подтвержденіемъ только прочнѣе закрѣпляло имѣвшійся уже налицо барьеръ между посполитствомъ и козачествомъ.

Такой же по существу характеръ носило и еще одно распоряженіе Разумовскаго, состоявшееся уже подъ самый конецъ его гетманства, въ 1763 г. Этимъ распоряженіемъ или „ордеромъ" Разумовскій предписалъ—„о таковыхъ, кои по ревизіи, въ 723 году на 724 годъ учиненной, за кимъ въ подданствѣ состояли, а съ того, на владѣльческихъ грунтахъ живучи, самовольно повдирались въ козачество и тѣми довольствуются напрасно владѣльческими грунтами, не то, чтобы допущено было въ аппелляцію, но ниже въ судное дѣлопроизводство не входить" [1]). Ничего принципіально новаго не было опять-таки и въ этомъ распоряженіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно было прямо направлено къ сокращенію исковъ о козачествѣ и стремилось навсегда закрѣпить въ посполитствѣ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя были занесены въ число посполитыхъ въ одной опредѣленной ревизіи—ревизіи 1723 г. Не давая полнаго удовлетворенія пожеланіямъ владѣльцевъ о прекращеніи съ того или иного срока всякихъ исковъ о козачествѣ,—что было и не во власти гетмана—это распоряженіе все-таки до извѣстной степени шло на встрѣчу такимъ пожеланіямъ.

Въ общемъ, такимъ образомъ, годы гетманства Разумовскаго не принесли съ собою какихъ-либо крупныхъ и коренныхъ измѣненій въ дѣлѣ разграниченія посполитства и козачества. Въ данной области, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, въ Малороссіи въ эти годы лишь продолжались намѣтившіеся уже раньше процессы общественной жизни, постепенно, впрочемъ, обострявшіеся и принимавшіе все болѣе законченный видъ. По прежнему мѣстныя власти, въ полномъ согласіи съ владѣльцами, старались закрыть посполитымъ возможность перехода въ козачество, тщательно оговаривая и восполняя недомолвки предшествовавшаго законодательства, въ той или иной мѣрѣ оставлявшія еще такую возможность По прежнему, съ другой стороны, владѣльцы стремились въ рядѣ случаевъ переводить козаковъ въ свои посполитые и такой переводъ, не смотря на категорически воспрещавшіе его указы центральнаго правительства, нерѣдко успѣшно осуществлялся на практикѣ, не встрѣчая особаго противодѣйствія со стороны мѣстныхъ властей или даже, наоборотъ, встрѣчая съ ихъ стороны прямую помощь. Вмѣстѣ съ тѣмъ при все упрочивавшейся власти державцевъ однажды попавшимъ какимъ-либо способомъ въ ихъ „подданство" козакамъ становилось все труднѣе выбиваться изъ него на

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, № 1616/2990.

свободу. Особенно важную роль въ этомъ отношеніи сыграло установленное Разумовскимъ въ 1760 г. ограниченіе свободнаго перехода посполитыхъ письменнымъ разрѣшеніемъ владѣльцевъ или „урядовъ“ и оставленіемъ посполитымъ всего нажитаго имъ въ имѣніи имущества въ пользу того владѣльца, отъ котораго онъ уходилъ. Если раньше такъ или иначе захваченный въ „подданство“ козакъ, стремясь перейти обратно въ козачество и встрѣчая противодѣйствіе со стороны владѣльца, могъ въ крайнемъ случаѣ уйти изъ его имѣнія, покинувъ свою землю, и послѣ того добиваться возстановленія своего права, то теперь и этотъ выходъ оказывался затрудненнымъ. Но владѣльцамъ этого было еще мало и они добивались большаго. Въ прошеніи, поданномъ въ 1764 г. Екатеринѣ II малороссійскимъ „шляхетствомъ“ вмѣстѣ съ гетманомъ, это шляхетство просило императрицу, наряду съ полнымъ воспрещеніемъ переходовъ посполитыхъ, „запретить всякаго званія мужикамъ впредь вѣчно не выписываться въ козаки“. То и другое запрещеніе, по словамъ шляхетства, было необходимо не только для „сохраненія въ своей силѣ“ его правъ, но и „для всеобщаго Малыя Россіи благосостоянія, ибо ежели таковаго вольнаго переходу и вписыванія въ козаки мужикамъ запрещено не будетъ, въ Малой Россіи никогда никакого постояннаго благополучія и добрыхъ порядковъ ожидать не можно, ибо обнищаетъ шляхетство, а мужики, работая и уплачивая за другихъ, свободно переходящихъ и въ козаки выписывающихся, подати, прійдутъ въ крайнее изнеможеніе и разореніе, а напослѣдокъ вся Малая Россія опустѣетъ“ [1]).

Автономистскія тенденціи малорусскаго шляхетства, нашедшія себѣ выраженіе въ прошеніи 1764 г., меньше всего могли встрѣтить сочувствіе въ Екатеринѣ II, и на заключавшееся въ этомъ прошеніи ходатайство объ утвержденіи гетманства она отвѣтила уничтоженіемъ гетманскаго сана, учрежденіемъ новой Малороссійской Коллегіи, составленной поровну изъ великороссовъ и малороссовъ, и назначеніемъ генералъ-губернаторомъ Малороссіи гр. Румянцева. Но совершенно иначе отнеслась Екатерина къ соціальнымъ идеямъ, лежавшимъ въ основѣ шляхетскаго прошенія 1764 г. „Переходы земледѣльцевъ съ мѣста на мѣсто“ императрица сама находила „весьма вредными“ и считала нужнымъ „всѣми удобовозможными способами привесть къ тому, чтобъ оные переходы вовсе пресѣчены были“ [2]). А наряду съ этимъ Екатерининское правительство, насквозь проникнутое крѣпостническими тенденціями, склонно было такъ же отрицательно относиться не только къ переходу посполи-

[1]) „Кіевская Старина“, 1883, № 6, с. 343.
[2]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. 7, сс. 379, 381.

тыхъ въ козаки, но и вообще къ возможности исканія козачества изъ-подъ владѣнія помѣщиковъ.

Сама Екатерина не высказывалась по этому послѣднему вопросу, но назначенный ею генералъ-губернаторомъ Малороссіи гр. Румянцевъ высказался о немъ вполнѣ опредѣленно уже очень скоро послѣ своего назначенія—въ указаніяхъ, данныхъ имъ Малороссійской Коллегіи при составленіи ею инструкціи депутату выбиравшемуся отъ нея въ Коммиссію для составленія новаго уложенія. Отмѣчая въ этихъ указаніяхъ различные „усмотрѣнные въ Малой Россіи недостатки, о исправленіи которыхъ въ Малороссійской Коллегіи трактовать должно", Румянцевъ, между прочимъ, обращалъ вниманіе Коллегіи и на захватъ владѣльцами многихъ козаковъ въ „подданство", и на проистекавшіе отсюда иски о козачествѣ. „И хотя,—писалъ генералъ-губернаторъ—съ одной стороны владѣльцовъ вовсе извинить не можно, что они козаковъ во владѣніяхъ своихъ и понынѣ много имѣютъ, однакожъ козаки сами больше въ томъ виновны, что они въ свое время о порабощеніяхъ не искали, а ежели отъ службы бѣжали, укрываяся отъ оной, какъ много и изъ дѣлъ оказывается, то казни и наказанія достойны; старшины же сотенные, корысти ради, сошедшихъ имуществомъ пользуяся, охотно, конечно, имъ на сіе позволяли, ибо рѣдко или никогда о таковыхъ бѣглыхъ не репортовали". „Надлежитъ—заключалъ Румянцевъ свое указаніе — разсуждать, коимъ образомъ въ семъ пунктѣ, общественного добра ради, единождыі навсегда на мѣрѣ поставить и тѣмъ самымъ пресѣчь всѣ и всякія родящіяся неустройства" [1]). И Малороссійская Коллегія, исполняя предначертанія своего президента, помѣстила въ свой наказъ просьбу на будущее время запретить „писаніе въ козачество" и повелѣть, чтобы „кто при нынѣшней въ Малой Россіи генеральной описи гдѣ состоитъ, тому ужь такъ быть и о козачествѣ молчать" [2]). Иначе говоря, Малороссійская Коллегія во главѣ съ своимъ президентомъ вернулась къ выдвигавшемуся и ранѣе малорусскими владѣльцами проекту прекращенія всякихъ исковъ о козачествѣ.

Рядовое козачество возлагало на Коммиссію для составленія новаго уложенія иного рода ожиданія. Наказъ черниговскихъ козаковъ указывалъ, что раньше козаки легко несли свою службу государству, имѣя въ своемъ распоряженіи достаточно земли и угодій, а теперь эта служба стала для нихъ тяжела „за утѣсненіемъ владѣльцовъ и всякого званія старшинъ козачихъ", которые у козаковъ „пахатныя поля, лѣса, сѣнные покосы и всякіе гдѣ есть лучшіе грунта завлаживаютъ и всякими хитрыми способами

[1]) Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца, кн. 5, отд. III, с. 109.

[2]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. 43, с. 233.

козаковъ утискаютъ, а дворы, по вытискѣ оныхъ козаковъ въ ихъ дворовъ, къ себѣ привлащаютъ (присвоиваютъ) и владѣнія съ козачихъ земель приумножаютъ, а иныхъ козаковъ въ партикулярныя свои работы употребляютъ", тогда какъ другимъ приходится нести „двойную службу съ великимъ отягощеніемъ". „Многіе духовные и мірскіе владѣльцы и старшины — указывали далѣе составители черниговскаго наказа—не только имѣнія козачія поотнимали насильно, по куплѣ и всякими сдѣлками, но и самихъ козаковъ во владѣніе къ себѣ поподвергали въ подданство... И затѣмъ мы всѣ въ крайней обидѣ находимся, что многое число козаковъ, какъ по искуплѣ козачіихъ грунтовъ, такъ и завладѣніемъ насильствомъ всякого званія владѣльцами, сотниками и старшинами, а иные козаки съ великого утѣсненія и отъ видимыхъ страховъ, оставя свои грунта козачіе владѣльцамъ поневолѣ, порасходились въ подсусѣдки за рубежъ и въ иныя мѣста. Почему въ умаленіи козачихъ грунтовъ немалое изъ вольностей козачихъ число отошло, а козаковъ отъ службы военной отпало; а которые нынѣ еще въ службѣ на лицо имѣются, то тѣ, за таковыхъ несучи излишную службу, приходятъ въ крайное разореніе и оплошность". „Въ отвращеніе таковыхъ бѣдствій" черниговскіе козаки просили императрицу „освободить отъ вышеписанныхъ владѣльцовъ какъ духовнаго, такъ и мірского чина, сотниковъ и всякого званія старшинъ" и „всѣ напрасно завладѣнные грунта, такъ и купленные", и „самихъ козаковъ, дабы оные по прежнему въ общество Россійской Имперіи и паки между козаки въ службу причтены были" [1]).

Екатерининская Коммиссія не разрѣшила однако этого вопроса, какъ не разрѣшила она и никакихъ другихъ, и до поры до времени онъ остался въ прежнемъ положеніи. У генералъ-губернатора Малороссіи, не добившагося полнаго прекращенія исковъ о козачествѣ, оставалась, правда, возможность принимать частныя мѣры по отношенію къ такимъ искамъ и вообще къ переходу изъ посполитства въ козачество. Въ извѣстной мѣрѣ онъ эту возможность и использовалъ. И при этомъ, конечно, его мѣры пошли не въ томъ направленіи, какое указывалось черниговскими козаками, а въ томъ, какое соотвѣтствовало его собственнымъ воззрѣніямъ, стоявшимъ, какъ мы видѣли, въ полномъ согласіи со взглядами малорусскихъ владѣльцевъ.

Первая такая мѣра была принята Румянцевымъ еще до созыва Екатерининской Коммиссіи, въ 1765 г. Въ этомъ году именно Малороссійская Коллегія обратила вниманіе на то, что многіе, ищущіе козачества, раньше обращенія въ судъ „просятъ опредѣленія ихъ въ козаки прямо отъ Коллегіи, а владѣльцамъ, на которыхъ оные ищущіе козачества жалобы представляютъ о порабощеніи якобы ихъ ненадлежаще въ подданство, оказываютъ непослушаніе,

[1]) Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 года. К. 1889, сс. 144—6.

хотячи прежде разсмотрѣнія жить въ свободности, о какой ихъ ослушности и отъ владѣльцовъ подаются въ Малороссійскую Коллегію прошенія". Въ виду этого Коллегія приказала „во всѣхъ малороссійскихъ полкахъ публиковать указами, чтобъ отъ сего времени всѣ такіе малороссійскіе обыватели, которые ищутъ козачества своего, а до сего нигдѣ о томъ не били челомъ, подавали просьбы прямо въ судъ генеральный, гдѣ по указамъ опредѣлено о козачествѣ слѣдствія чинить, а Малороссійской Коллегіи, не бивъ челомъ въ томъ генеральномъ судѣ, не утруждали и, покудова о томъ своемъ козачествѣ не докажутъ, до того времени владѣльцамъ своимъ въ отбуваніи надлежащихъ повинностей никакова ослушанія не дѣлали, опасаясь за какову-либо ихъ въ томъ противность наказанія". Въ успокоеніе ищущихъ козачества Коллегія прибавляла, что „за учиненіемъ по тѣмъ ихъ просьбамъ въ генеральномъ судѣ рѣшеній, по которымъ они опредѣлены будутъ въ козаки, ежелибы какое имъ въ порабощеніи отъ владѣльцовъ послѣдовало отягощеніе, за подачею въ томъ ихъ просьбы безъ надлежащаго разсмотрѣнія о награжденіи ихъ оставлено не будетъ, для чего и владѣльцы не должны имъ до рѣшенія тѣхъ дѣлъ никакова мщенія, паче же налоговъ и отягощенія, причинять" [1]. Въ сущности это было лишь подтвержденіемъ существовавшаго и раньше правила, повременамъ нарушавшагося, однако, какъ въ виду упорнаго стремленія нѣкоторыхъ попавшихъ во владѣльческое „подданство" козаковъ возможно скорѣе, безъ судебной волокиты, высвободиться изъ него, такъ и въ виду тѣхъ притѣсненій, которымъ подчасъ подвергали владѣльцы выбивавшихся изъ-подъ ихъ власти путемъ исковъ о козачествѣ лицъ. И, конечно, обѣщаніе Коллегіи, что въ случаѣ такихъ притѣсненій эти лица будутъ вознаграждены послѣ того, какъ судъ признаетъ ихъ козаками, не имѣло большого практическаго значенія, какъ не имѣло большого значенія и обращенное къ владѣльцамъ увѣщаніе воздерживаться отъ притѣсненій. Существенно важнымъ въ распоряженіи Коллегіи являлось именно лишь подтвержденіе прежняго правила, до извѣстной степени затруднявшаго самые иски о козачествѣ.

Три года спустя Румянцевъ въ виду „трудностей, сопряженныхъ съ разборомъ дѣлъ по искамъ козачьимъ о скуплѣ грунтовъ или обращеніи самихъ ихъ въ подданство владѣльцами", поручилъ генеральному суду подробно разсмотрѣть эти вопросы и „подать мнѣніе, какъ о покупленныхъ донынѣ въ Малой Россіи у козаковъ разными владѣльцами грунтахъ и о живущихъ за ними въ подданствѣ, такъ и на какомъ основаніи впредь всему тому остаться". Генеральный судъ выполнилъ порученіе и 26 апрѣля 1768 г. представилъ свое „мнѣніе". „Что до живущихъ за владѣльцами въ подданствѣ козаковъ принадлежитъ,—говорилъ онъ здѣсь

[1] Харьк. Истор. Архивъ. Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 3.893

по поводу второго изъ поставленныхъ Румянцевымъ на его обсужденіе вопросовъ,—то неоспоримо, что, съ одной стороны, между мужиками множество козаковъ находится, изъ которыхъ большая часть перемѣнили свое состояніе пріобрѣтеніемъ мужичьяго грунта, или продавъ свой владѣльцу, но притомъ оставаясь жить на ономъ, укрываясь же отъ должной службы, приходили въ видѣ посполитыхъ и о козачествѣ своемъ чрезъ долгое время, а особливо въ военное, не отзывались. По успокоеніи же военныхъ обстоятельствъ, не полагая [какъ въ высочайшемъ ея и. в-ва манифестѣ декабря 10 дня 1763 г. о переходѣ здѣшняго народа написано] ни малѣйшей твердости основанія въ своемъ домостроительствѣ, привыкши перемѣнять жилище и состояніе свое, начали искать о возвращеніи ихъ въ козачее званіе, основывая иски свои на указѣ 1723 г., который совсѣмъ до нихъ не касается, подавая помощь однимъ насильно порабощеннымъ, а въ судахъ сею обороною, отъ государя пожалованною однимъ насильству подверженнымъ, пользовалися и такіе, кои, забывъ клятву свою передъ Богомъ и долгъ подданства и службы государю, скрывались по большей части во время военное отъ походовъ въ протекціяхъ или подданствѣ у помѣщиковъ, вмѣсто того, что всѣ таковые по 2 пункту статей гетмана Бруховецкого долженствуютъ быть лишенными всѣхъ свободъ гражданскихъ и причтенными къ градскимъ должностямъ". „Съ другой стороны,—продолжалъ генеральный судъ,—нельзя не согласиться, чтобъ и между козаками не было посполитыхъ, видя ежечастые примѣры, что мужикъ, по свободному переходу оставя свое жилище, сдѣлается наемщикомъ козака грунтового и, по введенному непорядку будучи посылаемъ вмѣсто хозяина своего къ отправленію военной службы, почитаетъ себя въ числѣ козаковъ, а, получа женитьбою или инымъ случаемъ грунтъ, дѣлается и прямымъ козакомъ. Ибо, когда при слѣдствіи о козачествѣ его судъ, не находя имени его въ компутахъ и ревизіяхъ, приступаетъ къ разбору свидѣтельскими показаніями, сіи жъ объявятъ, что о предкахъ его неизвѣстны, а вѣдаютъ, что самъ онъ отправлялъ козацкую службу, то не остается суду, какъ токмо издать рѣшеніе, приговаривая остаться ему козакомъ на основаніи указа 1723 г., въ которомъ [единственно о порабощенныхъ насильно] между протчіимъ напечатано: ежели по подлиннымъ свидѣтельствамъ которыхъ дѣды и отцы или сами челобитчики въ козачьей службѣ были, тѣхъ писать въ козаки". Между тѣмъ—утверждалъ далѣе генеральный судъ—подобные судебные приговоры самимъ ищущимъ козачества „по большей части бываютъ болѣе неполезны, нежели владѣльцамъ". Прежде всего, „какъ скоро мужикъ начнетъ бить челомъ о козачествѣ, владѣлецъ, не надѣясь удержать его въ подданствѣ, забираетъ у него все нажитое подъ его владѣніемъ имущество и грунты, какъ то изъ многихъ жалобъ ищущихъ козачества видѣть можно". Въ дальнѣй-

шемъ судъ, разбирая искъ о козачествѣ, изслѣдуетъ только „природу“ истца, не касаясь вопроса объ его земляхъ, и потому даже въ случаѣ благопріятнаго для него приговора выноситъ такое рѣшеніе: „быть ему козакомъ и о приводѣ къ присягѣ и употребленіи его въ службу послать въ полкъ указъ, а о грунтахъ вѣдаться ему судомъ“. Иногда же члены суда, разбирая дѣло ищущаго козачества и „нашедъ, что по одной ревизіи въ какомъ-либо селѣ написанъ онъ мужикомъ, но по другой, прежней, въ иномъ поселеніи означенъ козакомъ, приговариваютъ быть ему козакомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ въ семъ званіи отмѣченъ, то есть, гдѣ онъ ни дому, ни грунту не имѣетъ“. Въ результатѣ всего этого даже доискавшемуся по суду своего козачества „остается еще чрезъ нѣсколько лѣтъ таскаться по судамъ, доискиваясь имѣнія, и во все то время, пока дѣло по аппелляціямъ во всѣхъ судахъ порядкомъ кончено будетъ, быть чуждымъ всякаго хозяйства и жить праздно въ тягость обществу“. „Въ прекращеніе сихъ непорядковъ“ и „чтобъ согласить государственную пользу съ пользою и выгодою всѣхъ и каждаго жителей“, генеральный судъ пришелъ по вопросу „о живущихъ въ подданствѣ за владѣльцами козакахъ“ къ такому выводу: „въ разсужденіи, что исканіе козачества донынѣ пребывало безпрерывное, а по смѣшенію козаковъ съ посполитыми свойствомъ и жилищами оказывается и напредки безконечнымъ, отнынѣ для успокоенія общества писать въ козаки однихъ тѣхъ, которые на точномъ основаніи указа 723 г. докажутъ насильственное ихъ порабощеніе и въ военное время о возвращеніи ихъ въ козачое званіе не молчали, прочіе же, какъ по статьямъ гетмана Бруховецкого за укрывательство отъ службы должны терять вольности козачьи, то кто при ревизіи на какомъ грунтѣ написанъ будетъ, оному въ сходство 10 пункта именного указа 1734 г. остаться, гдѣ онъ есть, и вѣчно о козачествѣ молчать“ [1]).

Нарисованная генеральнымъ судомъ картина взаимныхъ отношеній между посполитыми и козаками и результатовъ исковъ о козачествѣ грѣшила, конечно, значительной односторонностью. Но во всякомъ случаѣ въ этой картинѣ были и нѣкоторыя вѣрныя детали. И еще болѣе важно было то, что, изображая эту картину, генеральный судъ затѣмъ пользовался ею для того, чтобъ развивать проекты, шедшіе въ томъ же самомъ направленіи, въ какомъ шли проекты самого Румянцева и подчиненной ему Малороссійской Коллогіи. И если такое коренное измѣненіе въ толкованіи указа 1723 г., какое предлагалъ генеральный судъ, было не во власти Малороссійской Коллегіи и ея президента, то самое предложеніе этого измѣненія со стороны генеральнаго суда, несомнѣнно,

---

[1]) Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла б. Черниг. Палаты Уг. и Гр. Суда, оп. 17, св. 32, кн. 98, дѣло 77, лл. 69—72.

должно было укрѣпить Коллегію на томъ пути частичныхъ ограниченій исковъ о козачествѣ, на который она стала съ первыхъ моментовъ своей дѣятельности.

Идя по этому пути, Малороссійская Коллегія вмѣстѣ съ тѣмъ, естественно, продолжала и политику тщательнаго закрыванія передъ посполитыми всякаго доступа въ козачество. Такъ, напримѣръ, въ 1768 г. сотенная глуховская канцелярія обратилась къ Коллегіи съ доношеніемъ, въ которомъ указывала, что „многіе сотни глуховской козаки принимають на свои козачіе грунта мужичьяго званія людей, однихъ называя родственниками своими, а другихъ и вовсе постороннихъ къ дочерямъ своимъ въ зяти, нѣкоторыхъ же и къ наслѣдству имѣній своихъ, будучи сами бездѣтны, и тѣ мужики, иные безъ всего, а другіе съ нажитымъ у владѣльцовъ имѣніемъ, до козаковъ переходять и называются фамиліями тѣхъ козаковъ, пользуясь ненадлежащe правомъ козачимъ“. Между прочимъ,—разсказывала глуховская канцелярія—„въ селѣ Каменѣ козакъ тамошній Василь Завадскій, будучи бездѣтенъ, принялъ къ себѣ на свои козачіе грунта и все имѣніе подданного Гамалѣевского монастыря, жителя каменского, Василя Носенка, съ двумя братами и съ имущcствомъ ихъ, чему уже восьмой годъ, о чемъ нынѣ и жалоба отъ оного монастыря въ сотенной канцеляріи имѣлась“. Представляя дѣло Завадскаго и принятыхъ имъ Носенковъ на разсмотрѣніе Малороссійской Коллегіи, глуховская канцелярія вмѣстѣ съ тѣмъ просила отъ нея и общаго указанія, „впередь что въ такихъ и подобныхъ случаяхъ чинить будеть повелѣно“. Коллегія и не замедлила дать такое указаніе. Разсмотрѣвъ присланное ей доношеніе, она рѣшила „послать въ сотенное глуховское правленіе указъ и велѣть наблюдать въ томъ сотенному правленію, какъ указы и права повелѣвають, хотя жь мужикамъ жениться на козачихъ дочеряхъ и невозбранно, но они по тому козаками считаться не могуть и козачіе грунта должны оставаться въ родѣ козачомъ къ отправленію съ оныхъ козачой службы“. И въ посланномъ указѣ Малороссійская Коллегія предписала „сотенному правленію прилежно наблюдать, чтобы посполитые на таковыхъ грунтахъ не проживали“ [1]). Посполитый могъ, такимъ образомъ, по толкованію Коллегіи, жениться на дочери козака, но не могъ, какъ это дѣлалось раньше, быть принятъ своимъ тестемъ на его землю и въ его дворъ въ качествѣ равноправнаго участника хозяйства—„пріймака“, не могъ и получить эту землю по наслѣдству и такимъ путемъ войти въ козаки. Женившись на дочери козака, посполитый не могъ стать козакомъ, но долженъ былъ сдѣлать свою жену посполитой. Въ этомъ толкованіи грань, создавшаяся между по-

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 13.997.

сполвствомъ и козачествомъ, выступала уже съ полной ясностью и отчетливостью.

На практикѣ эта грань все-таки не всегда соблюдалась въ такомъ видѣ. Но во всякомъ случаѣ владѣльцы имѣній съ своей стороны принимали весьма энергическія мѣры для того, чтобы однажды попавшіе въ ихъ „подданство" люди не могли уже выйти изъ него въ козачество. Въ этихъ мѣрахъ владѣльцы не ограничивались только тѣмъ отнятіемъ у пытавшихся выйти въ козаки „подданныхъ" ихъ движимыхъ имуществъ и земель, о которомъ генеральный судъ говорилъ въ 1768 г., какъ объ обыденномъ явленіи, но шли и много дальше. Такъ, въ 1766 г. два жителя с. Сокиринецъ, Моисей Гаевенко и Карпъ Максаченко, жаловались въ Малороссійскую Коллегію, что они, будучи вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими жителями с. Сокиринецъ обращены изъ козаковъ въ „подданныхъ" прилуцкимъ полковникомъ Игнатіемъ Галаганомъ, ведутъ теперь дѣло о козачествѣ съ его сыномъ Григоріемъ, также прилуцкимъ полковникомъ, но онъ, мстя имъ за это и принуждая оставаться въ „подданствѣ", подвергаетъ ихъ различнымъ насиліямъ. Въ 1765 г., по словамъ жалобщиковъ, Галаганъ ихъ „нещаднымъ боемъ до полусмерти умучилъ". И хотя Малороссійская Коллегія, по ихъ жалобѣ, воспретила ему такія дѣйствія, но онъ не унялся и въ 1766 г. сперва заграбилъ имущество бившихъ челомъ объ освобожденіи изъ-подъ его власти людей, а затѣмъ, наѣхавъ съ козаками въ Сокиринцы, взялъ 15 человѣкъ этихъ челобитчиковъ въ свой дворъ и тамъ подвергъ ихъ жестокому истязанію. „Гвалтомъ—разсказывали жалобщики—якобы для выслушанія Коллегіи Малороссійской присланного указа брали насъ насильно и за приходомъ въ дворецъ его, полковника, сокиринскій съ приказу его, не объявляя намъ тамо никакого указа, заразъ, розложа всѣхъ насъ, 15 человѣкъ, необычными барбарами (розгами) по голому тѣлу безчеловѣчно билъ, такъ что кровію были оплыли и тѣло отъ костей падало и тѣмъ тиранскимъ мученіемъ одного съ насъ, Кирила Гаевенка, приправилъ до смерти", а другихъ довелъ до болѣзни. Малороссійская Коллегія приказала маіору Стремоухову, находившемуся въ это время при сочиненіи генеральной описи въ Прилуцкомъ полку, осмотрѣть съ врачемъ избитыхъ сокиринцевъ и трупъ Кирила Гаевенка. И хотя этотъ осмотръ производился уже 9 марта, а жалоба сокиринцевъ была подана еще 21 февраля, онъ вполнѣ подтвердилъ показанія жалобщиковъ: у всѣхъ ихъ оказались на тѣлѣ громадныя раны, струпья и т. п. Изсѣченнымъ оказался и мертвый Кирилъ Гаевенко, но при вскрытіи его трупа производившій это вскрытіе лекарь Ямбургскаго карабинернаго полка Петровъ нашелъ въ его сердцѣ „полипусъ". Поэтому, когда Моисей Гаевенко началъ противъ Галагана искъ, обвиняя его въ убійствѣ своего отца, Галаганъ, отрицая это убійство, утверждалъ, что Кирилъ Гаевенко, навѣрно, умеръ отъ „полипуса". Спрошенный по

осмотрѣ на него обѣихъ сторонъ лекарь Петровъ съ своей стороны далъ подъ присягой показаніе, что „отъ таковаго полипуса смерть дѣйствительно приключаться можетъ, понеже запираетъ хожденіе крови, въ разсужденіи-жъ тѣхъ побоевъ, кои усмотрѣны были, умереть бы невозможно". Малороссійская Коллегія отнеслась однако къ этому показанію съ недовѣріемъ въ виду состоянія здоровья остальныхъ потерпѣвшихъ и запросила мнѣніе двухъ другихъ докторовъ, надворнаго совѣтника Паульсона и штабъ-лекаря Риттера. Послѣдніе нашли, что результаты осмотра и вскрытія трупа Гаевенка изложены Петровымъ недостаточно полно и обстоятельно, между прочимъ, „отчего имѣлъ бы полипъ зародиться у сего трудолюбивого человѣка, въ томъ ни слова о его болѣзни не упомянуто", а слѣды истязаній, обнаруженные на другихъ пострадавшихъ отъ Галагана сокиринцахъ, противорѣчатъ заключенію Петрова. „Для того—заключали названные доктора — мы по вышепоказаннымъ причинамъ и недостаточнымъ обстоятельствамъ зрѣлымъ разумомъ разсуждаемъ, что сей случай весьма сомнительной есть, и мы тѣ побои ни чрезъ себя смертельными называемъ, ни того сказать можемъ, чтобъ оные вовсе отъ того свободны были, вѣстимо однако сіе, что побои всегда случайною причиною послѣдованной смерти бывали" [1]). Чѣмъ окончилось это дѣло, изъ архивныхъ бумагъ не видно, но для Галагана оно во всякомъ случаѣ сошло благополучно и онъ никакому серьезному наказанію не подвергся.

Не всѣ державцы, конечно, способны были, какъ Галаганъ, дойти до убійства человѣка, пытавшагося выйти изъ ихъ „подданства" въ козачество, но весьма многіе изъ нихъ не останавливались въ такихъ случаяхъ передъ грубымъ насиліемъ. Въ 1767 г. житель м. Пещаного Леско Тарасенко подалъ въ коммиссію составленія генеральной описи въ Переяславскомъ полку жалобу на подобное насиліе со стороны пещанскаго сотника Ивана Жилы. По слобамъ жалобщика, его дѣдъ, отецъ и самъ онъ были козаками и отправляли козацкую службу, но затѣмъ сотникъ сталъ требовать, чтобы онъ продалъ свою хату и перешелъ въ хату и „подданство" его, сотника. Въ концѣ концовъ Тарасенко подчинился этому настойчивому требованію, сопровождавшемуся различными обидами и угрозами, продалъ свою хату другому козаку, „увойшолъ въ его, господина сотника, хату жить и прожилъ пять годъ подъ нимъ, сотникомъ, работая подданическо". Затѣмъ однако, въ виду „обиды и тяжести отъ необычайной работизны", онъ рѣшилъ вернуться въ козачество, выкупилъ свою старую хату и сообщилъ о своемъ намѣреніи сотнику. Но послѣдній не отпускалъ его, когда же онъ все-таки ушелъ, воспользовавшись отлучкой Жилы, тотъ заграбилъ у него двухъ воловъ. „Со-

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд. № 632.

жалѣя я за тѣми волами,—разсказывалъ Тарасенко,—принужденъ къ ему, господину сотнику, пойтить и, скоро пришелъ, онъ, господинъ сотникъ, спросилъ мене: чи козакъ ты? И я ему въ отвѣтъ говорилъ: зъ дѣда и отца козакъ, то онъ, сотникъ, сказалъ: васъ де сотники за паляницы въ козаки повписовали. И, прискочивши, началъ мене бити по щекамъ, а потомъ, похитивши за волоса, по свѣтлицѣ, зваливши на землю, келепомъ довольно билъ же и, какъ я, нижайшій, отъ его, сотника, немилостивого бою свободился, не памятаю. Оной же господинъ сотникъ мене, нижайшого, зъ женою, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ между подсусѣдки подъ свое вѣдомство уписалъ напрасно по своей властительской волѣ". Въ виду этого Тарасенко просилъ дать ему удовлетвореніе за понесенныя обиды и исключить его въ генеральной описи изъ перечня подсусѣдковъ Жилы [1]).

Такія же жалобы въ большомъ количествѣ поступали въ связи съ производившейся по распоряженію Румянцева въ 1766—8 гг. генеральной описью Малороссіи и отъ другихъ лицъ. Такъ, въ золотоношской сотнѣ нѣкій Данило Жиденко заявлялъ въ коммиссію составленія описи, что онъ давній козакъ и съ 1756 года жилъ, купивъ себѣ дворъ у козака же, въ с. Мицаловкѣ. Но бывшій владѣлецъ послѣдняго, полковникъ Сулима,—продолжалъ Жиденко,—„по власти своей безъ продажи и просьбы моей подъ свое владѣніе подвернулъ, почему я и Якимовичу по роздѣлкѣ во владѣніе достался напрасно" [2]). Житель д. Власовки въ барышевской сотнѣ Иванъ Ямакъ также жаловался въ коммиссію составленія описи на Сулимъ. „Помершій полковникъ переясловскій г. Сулима—разсказывалъ онъ — по своей власти сперва употребилъ мене его лѣсовъ досматривать, а потомъ къ моей козачой должности подъ сотню, какъ я прежде козачо служилъ, не допустилъ и ласкалъ мене при смотрѣніи его рощей быть, но когда я при его, г. полковника, смотрѣнію рощи началъ было отказываться, въ тѣ поры онъ, полковникъ, по своей власти содержалъ подъ арестомъ и трикратно самого меня и трехъ сыновъ моихъ нещадно кіями билъ", а, кромѣ того, забралъ у Ямака денегъ 9 р. и разное имущество. Когда же при составленіи генеральной описи Ямакъ объявилъ себя козакомъ, сынъ умершаго къ этому времени полковника, Евграфій Сулима, наслалъ своихъ слугъ на домъ Ямака и забралъ у него четырехъ воловъ и два сундука съ платьемъ [3]). Житель с. Сушковъ Хома Рубаненко также жаловался, что онъ привлеченъ въ посполитые, хотя отецъ его, „природній будучи козакъ и жительствуя на козачомъ искони грунтѣ, служилъ по смерть свою козачо и былъ въ давніе года сотеннымъ коммисса-

[1]) Рум. Опись хранящаяся въ библіотекѣ кіевскаго университета, Переяславскій полкъ, Документы Пещанской сотни, т. III, № 105. в.

[2]) Тамже, документы Золотоношской сотни, т. IX, № 167.

[3]) Мотыжинскій Архивъ, сс. 189—90

ромъ". Когда онъ умеръ и вдова его вышла замужъ за посполитаго бунчуковаго товарища Андрея Деркача, — объяснялъ Рубашенко—„то по оному отчиму моему какъ тотъ козачій грунтъ реченнымъ Деркачемъ подъ его владѣніе захваченъ, такъ равнымъ образомъ и мене, природного козака, по отчиму привлеклъ въ подданство и завладѣлъ незаконно" [1]). Тогда же, въ 1767 г.. житель с. Богодуховки въ кропивянской сотнѣ Переяславскаго полка Максимъ Латунъ жаловался, что и его незаконно привлекаютъ въ посполиство. По словамъ Латуна, его дѣдъ и отецъ отправляли раньше козацкую службу въ с. Патютахъ Кіевскаго полка, а лѣтъ пятьдесятъ назадъ, „въ морозовой годъ", перешли въ с. Богодуховку, „потому что на хлѣбъ весьма въ полку Кіевскомъ скудость была", и, купивши себѣ здѣсь „козачій грунтъ", также отбывали козацкую службу Отбывалъ ее послѣ смерти отца и самъ Максимъ Латунъ. „Сегъ жъ года асаулъ полковій переяславскій Михайло Лукашъ въ томъ же селѣ Богодуховкѣ купилъ дворовъ два мужичихъ въ смежности его, Латуна, въ дворомъ, за которыми и его, Латуна, желаетъ подвергнуть себѣ въ подсусѣдки, сказуючи, якобы онъ, Латунъ, и умершій отецъ его невѣдомо откуда зайшли и ни въ какомъ званіи нигдѣ будто не были". Произведенными разспросами старожиловъ с. Патютъ показаніе Латуна, что его дѣдъ и отецъ жили нѣкогда въ этомъ селѣ въ козацкомъ званіи, вполнѣ подтвердилось [2]). Жившій въ с. Семеновкѣ березанской сотни Василь Кучерявый съ сыновьями также жаловался въ 1767 г., что онъ раньше былъ козакомъ и, „избывая сильныхъ рукъ панскихъ", нѣсколько разъ перемѣнилъ мѣсто жительства, пока, наконецъ, поселился въ Семеновкѣ. Однако,—продолжалъ Кучерявый—когда посполитые этого села достались по наслѣдству отъ Якова Маркевича во владѣніе капитана Лукашевича, „въ то время и насъ онъ, капитанъ Лукашевичъ, подвернувъ подъ себя насильно и завладѣлъ, а чтобъ мы о своемъ козачествѣ не объявляли, онъ, Лукашевичъ, угражевая побоями, запретилъ" [3]).

Какъ можно видѣть уже изъ приведенныхъ эпизодовъ, владѣльцы въ серединѣ 60-хъ годовъ, въ моментъ, непосредственно слѣдовавшій за уничтоженіемъ гетманства, вели себя такъ же, какъ и въ годы гетманства Разумовскаго, и не только всѣми мѣрами, вплоть до жестокихъ насилій, задерживали подъ своей властью однажды попавшихъ въ нее людей, но продолжали и

---

[1]) Рум. Опись, въ б-кѣ кіев. ун-та, Переяславскій полкъ, Документы Золотоношской сотни, т. IX, № 176.

[2]) Тамже, Документы Кропивянской сотни, т. III, № 122.

[3]) Тамже, Документы Березанской сотни, неразобранная еще связка. Такія же жалобы во множествѣ сохранились въ Румянцевской Описи и изъ другихъ мѣстностей. См., напр., составленную сотеннымъ слабинскимъ правленіемъ вѣдомость о владѣльческихъ захватахъ въ слабинской сотнѣ Черниговскаго полка.—Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 5

вновь привлекать козаковъ въ свое „подданство". И какъ раньше гетманъ, такъ теперь Малороссійская Коллегія и ея президентъ, возставая противъ подобнаго привлеченія въ отдѣльныхъ случаяхъ, не вели въ сущности съ нимъ никакой систематической борьбы и, сообразуя свою дѣятельность по преимуществу съ интересами владѣльцевъ, обращали главное свое вниманіе въ другую сторону, больше всего заботясь о закрытіи для посполитыхъ всякаго доступа въ козачество. Благодаря этому, такое привлеченіе козаковъ владѣльцами въ „подданство" продолжалось и позже.

Въ 1773 г. козакъ с. Сасиновки въ Лубенскомъ полку Тимофей Сусла обратился въ Малороссійскую Коллегію съ жалобой на державцу названнаго села, полкового обознаго Павла Кулябку. По словамъ жалобщика, какъ его дѣдъ и отецъ, такъ и самъ онъ всегда были козаками и отправляли козацкую службу. Отправлялъ ее Тимофей Сусла и въ 1773 г., участвуя въ турецкомъ походѣ второй арміи, пока на смѣну ему былъ присланъ наймитъ козака Калинченка, „природный мужикъ" Максимъ Голота, а онъ былъ отправленъ домой. „И когда я прибылъ,—разсказывалъ Сусла— то увѣдомился, что обозный полковый лубенскій Павелъ Кулябка, какъ протчіихъ козаковъ, такъ и брата моего, природного козака Андрея Суслу, и жену мою насильно въ подданство привернулъ и во всегдашнія работы съ мужиками сасиновскими, якіе ему на рангъ отданы, употребляетъ, лошади и волы въ подводы беретъ, изъ двора моего гвалтомъ едну скирту сѣна забралъ, поле пожалъ, траву на сѣно покосилъ и тѣмъ мене привелъ къ немалому разоренію" [1]). Въ виду этого Сусла просилъ защиты Малороссійской Коллегіи. Послѣдняя однако во всемъ этомъ эпизодѣ прежде всего заинтересовалась тѣмъ обстоятельствомъ, какимъ образомъ вопреки распоряженіямъ Румянцева, въ походъ вмѣсто козака могъ быть отправленъ его наймитъ, да еще посполитый, и немедленно начала по этому поводу строгое слѣдствіе. Дѣло же Суслы затянулось надолго. Въ концѣ концовъ Коллегія рѣшила, что Сусла и еще 16 сасиновскихъ козаковъ, вмѣстѣ съ нимъ захваченныхъ въ „подданство" Кулябкой, должны оставаться козаками, но Кулябка аппеллировалъ въ сенатъ и еще въ 1784 г. дѣло это не получило окончательнаго разрѣшенія [1]).

Въ 1777 г. такого же рода жалоба поступила въ Малороссійскую Коллегію отъ козака Григорія Миколенка, жившаго въ с. Остаповкѣ Гадяцкаго полка. Какъ разсказывалъ Миколенко въ этой жалобѣ, онъ, оставшись по смерти своихъ родителей малолѣтнимъ, „находился первѣе въ бывой Сѣчи Запорожской въ тамошнихъ козаковъ на воспитаніи чрезъ десять лѣтъ", потомъ, придя изъ Сѣчи въ с. Остаповку, женился на дочери тамошняго козака, поселился на тестевской землѣ и, отбывая съ нея козац-

[1]) Кіев. Истор. Архивъ, старыя дѣла изъ архива кіев. губ. правленія, подъ рубрикою „дѣлъ о закрѣпощеніи и отысканіи вольности".

кую службу, былъ записанъ въ числѣ козаковъ и въ ревизіи 1764 г. Но когда-то гадяцкій полковникъ Чарнышъ, который „употреблялъ было мѣстно козаковъ съ рангового владѣнія съ подданными въ надобность подданническую“, привлекъ къ этой „надобности“ и отца Миколенка. Узнавъ объ этомъ, гадяцкій полковникъ Тарновскій и самого Миколенка, не смотря на всѣ его службы, „включилъ самъ собою безъ всякихъ разборовъ въ число рангового полковничого владѣнія подданныхъ и употреблялъ въ разныя подданническія повинности“. Миколенко просилъ защиты Коллегіи и послѣдняя, дѣйствительно, постановила „оставить его въ козачемъ званіи по прежнему къ отправленію службы“ [1]).

Такихъ жалобъ и просьбъ о защитѣ отъ владѣльцевъ въ семидесятыхъ годахъ поступало въ Малороссійскую Коллегію очень много, но далеко не всегда онѣ приводили къ благопріятнымъ для жалобщиковъ результатамъ. Бывало иногда и такъ, что Коллегія сама ставила препятствія на пути лицъ, искавшихъ козачества. Такъ, напримѣръ, въ 1778 г. нѣсколько жителей с. Пологъ въ Переяславскомъ полку, добивавшихся козачества изъ-подъ владѣнія Румянцева, просили у Коллегіи билетовъ на проѣздъ въ Петербургъ для веденія своего дѣла въ сенатѣ по апелляціи. Коллегія отказала имъ въ такихъ билетахъ, мотивировавъ свой отказъ тѣмъ, что ихъ просьба не снабжена отпускомъ „ни отъ какого мѣста“. Тогда просители обратились въ сенатъ, указывая, что они опасаются пропустить срокъ апелляціи. Сенатъ затребовалъ отъ Коллегіи объясненій и затѣмъ предписалъ ей выслать просителей въ Петербургъ, такъ какъ дѣло ихъ съ Румянцевымъ не окончено и, слѣдовательно, они не нуждаются въ чьемъ-либо отпускѣ и не могутъ его получить [2]).

Но даже и тогда, когда Малороссійская Коллегія и подчиненныя ей власти прилагали старанія къ возвращенію попавшихъ въ „подданство“ козаковъ въ козачество, а владѣльцы не прибѣгали къ насилію для удержанія ихъ за собою, такое возвращеніе не всегда оказывалось легкимъ и простымъ дѣломъ. Въ 1780 г. полковая черниговская канцелярія сообщила Малороссійской Коллегіи, что въ слабинской сотнѣ нѣсколько козаковъ поддалось владѣльцамъ, „черезъ что какъ въ отправленіи службы есть умаленіе, такъ и въ платежѣ кварталовъвъ курѣнь недостатокъ“, и хотя полковая канцелярія требовала возврата этихъ козаковъ подъ сотню, но владѣльцы не выполняютъ ея требованія. Коллегія, получивъ это сообщеніе, предписала черниговскому гродскому суду вызвать обвиняемыхъ владѣльцевъ и разобрать дѣло. Однакоже владѣльцы, которымъ гродскій судъ отправилъ свои „позвы“, въ большинствѣ своемъ отказались при-

---

[1]) Также.
[2]) Также.

нять ихъ, выставивъ противъ нихъ формальныя возраженія. Попутно, впрочемъ, они дали и нѣкоторыя объясненія по существу— объясненія, сводившіяся къ тому, что козаки, о которыхъ шла рѣчь, поселились на ихъ владѣльческихъ земляхъ и въ ихъ „подданствѣ" добровольно въ силу своей бѣдности, не дающей имъ возможности отбывать козацкую службу. Такъ, жена коллежскаго ассессора Закревскаго, Анна, показала, что отъ пріема ею въ свое „подданство" Прокопа Панченка „ни по нарядамъ въ службѣ козачой, ни въ отдачѣ квартальныхъ денегъ умаленія слѣдовать не можетъ, потому что онъ, Панченко, для отправленія всего того двохъ родныхъ своихъ братовъ въ с. Шостовицѣ подъ оною жъ слабинскою сотнею и въ той же одной хатѣ, въ которой и самъ съ ними совмѣстно проживалъ, оставилъ, по причинѣ той, яко ему, Панченку, съ оными братьями его совмѣстно прожить въ ихъ одной только хатѣ такой, до которой и малѣйшаго надлежащого необходимо къ хозяйству огородчика нѣтъ, и выстройку другой хаты вомѣстить при оной вовсе неудобно, и словомъ сказать: столько всей ихъ тамо земли, сколько жилая ихъ одна хата осягнуть могла, хлѣбопахатной же земли вовсе не имѣючи". Въ такихъ условіяхъ Панченко, по словамъ Закревской, „лишился и самого дневного препитанія, а затѣмъ онъ, Панченко, прошлаго 776 года у отвѣтчицыно владѣніе въ деревню ей Жоведь для прожитія и сысканія нужныхъ его недостатковъ и упросился". Принятъ онъ, какъ свободный и „вѣстимый" по близости человѣкъ, „яко жъ переходъ свой учинилъ чрезъ изнищалость нужды ради, да онъ же, Панченко, не только свободный человѣкъ, но и козачого званія, службою же козачею по неимѣнію козачей для прожитія и снабдѣнія себе земли не обовязанъ, ибо въ Малой Россіи служба козачая не отъ одной только персоны, но съ козачого недвижимого имѣнія производится". Приблизительно такія же объясненія дали и другіе владѣльцы. Два брата Приходки—писала, напримѣръ, Селецкая— жили сперва на своемъ дворѣ, „а когда сталъ недородъ въ хлѣбѣ, то не могучи въ скудное время препитать себе изъ семействомъ, поелику они только имѣли въ себе одинъ дворикъ, занимая въ мене хлѣбъ и деньги для препитанія по крайней своей нуждѣ, перейшли ко мнѣ въ Коровель, гдѣ они, нашедъ для себя всякія выгоды и въ такое голодное время вспоможеніе во всемъ нужномъ, и остались", продавъ свой шостовицкій дворъ козаку. „Хотя бы требуемые Приходки—писала въ другой разъ Селецкая суду, отказываясь принять его „позовъ",—и отправлены отъ меня были, то куда пойдутъ на жительство, когда въ нихъ нигдѣ никакого недвижимого имѣнія нѣтъ? и какъ службы козачей взыскивать отъ нихъ, неимущихъ ниже къ прожитію своему хаты?" [1])

---

[1]) Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла б. Черниг. уѣзднаго суда, оп. I, св. 9, № 191.

Эти недоумѣнные вопросы, задававшіеся помѣщицей, отъ которой требовали освобожденія захваченныхъ ею въ „подданство" козаковъ, въ сущности били въ самый центръ создавшагося положенія, какъ нельзя болѣе наглядно освѣщая всю непрочность такого освобожденія во многихъ случаяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, вовлеченіе козаковъ во владѣльческое „подданство" являлось результатомъ не столько прямыхъ насилій владѣльцевъ, сколько ихъ экономической мощи и хозяйственной несостоятельности значительной части козачества, и, пока эти основныя причины оставались неустраненными, а вмѣстѣ съ тѣмъ посполитые не были отдѣлены какимъ-либо совершенно непереходимымъ рубежомъ отъ козаковъ, переходъ изъ козачества въ посполитство былъ неизбѣжнымъ явленіемъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ въ качествѣ прямого послѣдствія существованія такого перехода создавалось то „смѣшеніе" различныхъ группъ населенія, на которое такъ горько жаловались во второй половинѣ XVIII вѣка высшія административныя учрежденія Малороссіи.

Это смѣшеніе, существовавшее рядомъ съ сильно продвинувшимся уже впередъ обособленіемъ посполитства, было, дѣйствительно, очень велико, доходя до того, что близкіе родственники и свойственники не только нерѣдко оказывались въ различныхъ группахъ, но подчасъ даже попадали въ „подданство" одинъ къ другому. Нѣсколько конкретныхъ примѣровъ всего лучше помогутъ намъ представить себѣ, какимъ путемъ получались подобные результаты и какое значеніе имѣли они въ общемъ ходѣ развитія общественныхъ отношеній.

Въ 1766 г. въ генеральномъ судѣ разбиралось дѣло по жалобѣ жителя с. Лобковъ въ Стародубовскомъ полку Ивана Шевченка на значковаго товарища Василія Гетуна. Въ свой жалобѣ Шевченко утверждалъ, что его отецъ женился на сестрѣ козаковъ Гетуновъ и вошелъ въ ихъ дворъ, съ условіемъ, что они дадутъ ему въ с. Лобкахъ „чвертку грунту съ селидебнымъ мѣстомъ и съ угодіи". Первоначально условіе это было выполнено и, по словамъ Шевченка, „отецъ его, въ реченыхъ Гетуновъ домѣ живучи, отбувалъ обще за ихъ, Гетуновъ, козачую службу, а когда между ними, Гетунами, роздѣлка въ грунтахъ учинена и имѣли они, Гетуны, въ полковомъ стародубовскомъ судѣ искъ, то отъ полкового суда объ оныхъ добрахъ слѣдовано и въ данной зъ суда полкового выписи оная чвертка къ спокойному владѣнію отцу его стверждена, и какъ оный отецъ его, такъ и онъ, Шевченко, тою чверткою владѣли и владѣютъ спокойно, отбувая козачую службу, а прошлого 755 года во время сочиненія ревизіи значковый товаришъ Василь Гетунъ записалъ его, Шевченка, въ мужичую ревизію и съ того времени подвергаеть себѣ его во владѣніе". Отвѣчая на вопросы суда, Шевченко прибавилъ, что дѣдъ его жилъ въ Стародубѣ, но былъ-ли козакомъ, онъ не знаетъ; отецъ служилъ за Гетуновъ съ козаками

лобковскаго куреня; самъ онъ „нигдѣ въ походахъ не былъ, только съ того грунту между козаками въ куренѣ лобковскомъ платилъ общенародныя повинности и въ отбуваніи ими, Гетунами, козачей службы дачею своихъ лошадей и протчіимъ чинилъ вспомоществованіе". Генеральный судъ, разобравшись въ этихъ показаніяхъ, нашелъ, что истецъ Шевченко козачества своего не доказалъ „и онъ, истецъ, живетъ на грунтѣ показанного Гетуна, на которій никакова укрѣпленія или уступки не имѣлъ и не имѣетъ, да хотя бы и имѣлъ, но въ силѣ артикула 26 роздѣла 8 владѣть имъ, яко посполитого званія человѣкъ, не долженъ". На этомъ основаніи судъ приговорилъ Шевченка оставаться посполитымъ Гетуна [1]).

Мелкій и незначительный на первый взглядъ, этотъ эпизодъ въ дѣйствительности ярко отразилъ въ себѣ ту глубокую перемѣну, какая произошла въ складѣ малорусскаго общества во второй половинѣ XVIII вѣка. Были-ли Иванъ Шевченко и его отецъ по своему происхожденію козаками или посполитыми, для Гетуновъ они первоначально, во всякомъ случаѣ, были родственниками, принятыми на общее хозяйство и привлеченными къ участію въ отбываніи съ него общей службы. Но все усиливавшееся обособленіе поспольства отъ козачества дало возможность замѣнить эти родственныя отношенія другими — отношеніями частной зависимости — и такая замѣна совершилась чрезвычайно просто. Тотъ родственникъ, во дворѣ котораго жилъ Иванъ Шевченко, записалъ его въ ревизію своимъ посполитымъ и судъ призналъ правомѣрность и силу этой записи. Такъ одинъ изъ родственниковъ сталъ „паномъ", другой—его „подданнымъ".

Это не было исключеніемъ и то, что случилось съ Иваномъ Шевченкомъ, повторялось нерѣдко и съ лицами, происхожденіе которыхъ отъ козаковъ не вызывало никакихъ сомнѣній. Въ 1768 г. козакъ Николай Ященко жаловался, напримѣръ, что при жизни своего брата Андрея Чечеля онъ вмѣстѣ съ нимъ владѣлъ имѣніемъ ихъ покойнаго отца, значковаго товарища Ивана Чечеля, въ с. Голубичахъ, а теперь вдова брата не допускаетъ его къ владѣнію и даже въ своей вѣдомости, поданной въ коммиссію составленія генеральной описи, записала его въ число своихъ посполитыхъ [2]). Нѣсколько раньше въ Полтавскомъ полку имѣлъ мѣсто еще болѣе эффектный случай. Войсковой товарищъ Левенецъ жаловался въ 1763 г. гетману Разумовскому на полковника Горленка, который, питая злобу къ нему, Левенцу, всячески старается разорить его. Въ этомъ стараніи полковникъ — писалъ Левенецъ— „опредѣлилъ вдругъ прямо в значковіе товарищи в селѣ моемъ Гавронцахъ жителствующихъ 18 человѣка, прозиваемихъ Килія-

---

[1]) Тамже, Дѣла б. Черниг. Палаты Уг. и Гр. Суда, оп. 17, св. 29, кн. 91 дѣло 74, лл. 601—2.

[2]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 8.

ненковъ, Савенковъ и Лукяненковъ, такихъ людей, кои, имѣя за собою владѣлческія земли, жили какъ за прежде бившими оного села владѣлцами, такъ напослѣдокъ и въ моемъ владѣніи, и в ревизіи посполитскіе писались". „Оніе же опредѣленніе г. полковникомъ в значковіе товарищи люде — прибавлялъ Левенецъ—малѣйшей к тому способности не имѣютъ, потому что нѣкоторіе с нихъ стары, а другіе малолѣтніе и дѣти, никоего прибору к службѣ в значковихъ товарищахъ не имѣютъ и имѣть такъ достойно, какъ значковому товарищу надлежитъ, за своимъ убожествомъ не могутъ, а сверхъ того не грамотніе и вовся невѣжливи и в службѣ войсковой нигде не бываліе, и затѣмъ многіе с нихъ сами того званія не желали". Полковникъ однакоже объяснилъ гетману свой необычный поступокъ. По словамъ Горленка, произведенные имъ въ значковые товарищи въ с. Гавронцахъ 18 человѣкъ были, какъ онъ убѣдился изъ доношенія одного изъ нихъ, правнуками полтавскаго полковника Леонтія Черняка и внуками его сына Савы. Болѣе вліятельные родственники оттѣснили потомковъ Савы отъ владѣнія пожалованными Леонтію Черняку имѣніями и „хочай ихъ свойственниками почитали, но не токмо до владѣнія ихъ не допустили и въ люде не вывели, но и природной фамиліи ихъ лишили", а „напослѣдокъ ввели ихъ въ ревизію посполитую подданними своими", почему они и попали въ концѣ концовъ въ посполитые Левенца. Убѣдившись въ этомъ, Горленко, какъ сообщалъ онъ гетману, и рѣшился произвести всѣхъ этихъ потомковъ Черняка, находившихся „въ подданическомъ порабощеніи", въ значковые товарищи [1]).

Это смѣшеніе различныхъ группъ населенія — смѣшеніе, при которомъ потомки полковника порою опускались въ положеніе посполитыхъ, среди членовъ одной и той же семьи оказывались такія различныя по своему мѣсту въ обществѣ лица, какъ сотенный писарь, сотенный хоружій и подсусѣдокъ [2]), а рядовые козаки то и дѣло попадали въ „подданство" къ своимъ болѣе удачливымъ товарищамъ, пробравшимся въ старшину, притомъ иной разъ даже къ своимъ же родственникамъ,—по существу однакоже имѣло односторонній характеръ. Если козаки, не смотря на всѣ

---

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Полт. отд., Рум. Опись св. 61. Разумовскій, получивъ жалобу Левенца и донесеніе Горленка, поручилъ находившимся при сочиненіи ревизіи въ Полтавекомъ полку бунчуковымъ товарищамъ Полуботку и Даровскому освидѣтельствовать всѣхъ 18 вновь назначенныхъ значковыхъ товарищей; „яко намъ небезпотребно вѣдать—писалъ гетманъ—такъ ли суть стары, малолѣтни, невѣжи и к службѣ неспособные и имуществомъ несостоятелние, какъ от войскового товарища Левенця представлено намъ". Чѣмъ окончилось это дѣло, изъ имѣвшихся въ моемъ распоряженіи архивныхъ бумагъ не видно.

[2]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 9, описи дд. Чепѣговки и Маслаковки.

запрещенія властей, и во второй половинѣ XVIII вѣка переходили и переводились владѣльцами въ посполъство, то посполитымъ въ эту пору лишь въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ удавалось проникать въ ряды козачества, да и то эти случаи вызывали ревнивую тревогу властей, которыя изъ-за нихъ главнымъ образомъ и жаловались на „смѣшеніе" разныхъ слоевъ населенія. Стремясь охранить владѣльческіе интересы, поскольку они могли пострадать отъ такого смѣшенія разныхъ общественныхъ группъ, власти поэтому прежде всего старались создать возможно бо́льшую обособленность посполъства. Но за извѣстными предѣлами такая обособленность неизбѣжно должна была создать и непереходимую грань между посполъствомъ и другими группами населенія. Такъ оно и вышло на дѣлѣ. Екатерининскій указъ 3 мая 1783 г., осуществившій мечты малорусскихъ державцевъ и завершившій дѣло прикрѣпленія посполъства, окончательно обособилъ это посполъство и этотъ же указъ положилъ конецъ переходамъ козаковъ въ посполитые. Вѣковой процессъ образованія крестьянскаго сословія этимъ указомъ закончился и посполъство лѣвобережной Малороссіи, поглотившее въ себѣ немалую часть козачества, съ этого момента вступило въ новую фазу своей исторіи, принявъ видъ замкнутой сословной группы крѣпостного крестьянства.

В. Мякотинъ.

Группа Б.

Силуэты.

(Окончаніе).

IV. Праздники.

Какъ въ деревнѣ, зима на позиціяхъ и вблизи позицій, время сравнительно досужное, тянулась долго, сонно, монотонно и скучно. Томила однообразіемъ до старческаго отупѣнія, до беэпричинныхъ, изступленныхъ слезъ, до стихотворнаго буйства. И какъ въ деревнѣ, чтобы скрасить однообразную жизнь по норамъ и закутамъ, ѣздили въ гости другъ къ другу, придирались къ праздникамъ, устраивали вечеринки, устанавливали—нѣсколько произвольно—именины. Рождался состязательный задоръ—кто лучше угостить? у кого веселѣй будетъ?—и помаленьку время, упорный врагъ, съ пользой и занимательно ухлопывалось на разработку замысловатыхъ увеселительныхъ плановъ и душеполезную изобрѣтательность.

Криводубцы праздновали Татьянинъ день. Отъ группы Б ѣздили четыре сестры, Бергъ, докторъ Картеръ и всѣ свободные отъ дежурства студенты. Отъ штаба корпуса были: комендантъ, корпусный инженеръ съ Костей, своимъ помощникомъ, и адъютантъ Мурьяри. Праздникъ удался. Хотя въ халупѣ было тѣсно, душно, жарко, хотя не хватило приборовъ и стакановъ, но угощеніе было хоть куда, было много рѣчей — не очень складныхъ, но пылкихъ, бодрыхъ, благородныхъ, рисовавшихъ въ будущемъ необъятныя перспективы. Были и скептическія рѣчи, — не безъ того. Но онѣ не помѣшали Макаркѣ, по билету—студенту-медику третьяго курса Макарову, отдѣлать удалого трепака подъ гармонію, не помѣшали пѣсенному усердію, буйному хохоту и веселымъ дурачествамъ.

Группа Б назначила свой «праздникъ просвѣщенія» на 8-е февраля.

Готовились серьезно — какъ къ большому бою. Ибо криводубцы втихомолку немножко хвастались своимъ праздникомъ, — звинячскимъ это было извѣстно. Хорошо было бы слегка поубавить имъ спѣси. Докторъ съ дивизіоннаго пункта—Химецъ — привезъ изъ Кіева краснаго вина, — выпросили. Красное вино должно было ушибить криводубцевъ, — у нихъ вина не было, тосты произносились съ чашками шоколада въ рукахъ. Оно и это вино было изряднымъ дрянцомъ, кислятиной, но сестра Дина бралась сварить изъ него глинтвейнъ съ какой-то особой приправой, ей одной извѣстной. Положились на эту приправу.

Нѣсколько засѣданій ушло на обсужденіе важнѣйшихъ вопросовъ — о закусочной части, сервировкѣ и мебели. Бѣлокурая толстушка Шура, хозяйка, два раза смоталась на желтой карафашкѣ въ городъ — за покупками. Возникало нѣкоторое колебаніе, удобно ли использовать перевязочную для праздничнаго собранія, — ни одного помѣщенія подходящаго не находилось. Врачи не встрѣчали препятствія. Картеръ, всегда глубокомыслленно взвѣшивающій слова, высказался рѣшительно и твердо:

—Въ сущности, сейчасъ у насъ функціонируетъ только временное женское отдѣленіе. Какъ извѣстно, за отсутствіемъ въ послѣднія недѣли раненыхъ, мы помѣстили въ лѣвой палатѣ эту старуху—съ пневмоніей... Больная сейчасъ почти поправилась, помѣщеніе изолировано,—потому возражать противъ того, чтобы поужинать въ перевязочной, нѣтъ достаточныхъ основаній...

Заурядъ-врачъ Мелитонъ Петропавловскій кашлянулъ басомъ и готовно прибавилъ:

— Значитъ, въ добрый часъ. Тѣмъ болѣе, что Макарка сулился привезть какой-то сливянки...

— Конечно — долженъ я прибавить, — Картеръ серьезно нахмурилъ лобъ и пощипалъ жидкіе свои усики, — если за это время не произойдетъ какихъ-либо измѣненій!..

Измѣненій не произошло. Только наканунѣ, — седьмого, съ вечера — началъ порошить снѣжокъ — рѣдкій, тихій, робкій. Бѣлый пухъ безмолвно и тихо кружился, прежде чѣмъ упасть на черную, холодную грязь. Нехотя падалъ, таялъ. И все черна лежала земля подъ бѣлымъ небомъ. Но, рать за ратью, беззвучно и нѣмо летѣли мертвые бѣлые мотыльки, и стали бѣлѣть колеи дороги, старые слѣды копытъ и солдатскихъ ногъ. Поздними сумерками зарябѣло поле за селомъ, побѣлѣли крыши и дворы, лишь паркъ рѣзко и хмуро чернѣлъ въ мутной сѣткѣ тихой мятели. А когда на утро проснулся Звинячъ, все было бѣло: земля и небо, крыши

халупъ, старый паркъ, плацъ передъ школой, улица и поле за костеломъ.

Снѣгъ все шелъ—тихо, медленно, беззвучно.

Радостно-неожиданный, этотъ бѣлый разливъ, прикрывшій растоптанную, черную грудь земли, перенесъ взволнованную память въ родное. Именно такъ, какъ дома, въ родныхъ сугробахъ, шли люди, увязая въ мягкой порошѣ, нагнувшись впередъ, протаптывая кривыя тропки. Весело перекликались, покрикивали. Стоя на растопыренныхъ ногахъ, посвистывая и ухая на лошадей, промчался на дровняхъ солдатъ къ лѣсу. И, какъ въ родной деревнѣ, полдюжины шавокъ, барбосовъ, жучекъ, ныряя въ снѣгу, проводили его привѣтственнымъ лаемъ. Дрались снѣжками хлопцы въ женскихъ кофтахъ и огромныхъ сапогахъ. Вился бирюзовый дымокъ надъ хатками.

Въ халупѣ Игнатія Притулы было полутемно, — свѣтъ скупо проникалъ въ небольшія квадратныя окошки. Но было тепло, вкусно пахло борщомъ изъ маленькой каморки, въ которой помѣщался самъ Притула, съ женой и дочерью. Докторъ Картеръ сидѣлъ у стола, заваленнаго коробками отъ папиросъ и старыми газетами, и нудно, однообразно жужжалъ, схвативъ голову руками, шипѣлъ, хрипѣлъ и давился: наламывалъ языкъ на англійскій манеръ. Генералъ, лежа на кровати, озабоченно перелистывалъ записную книжку. Толстый докторъ Недоразумѣніе, наканунѣ пріѣхавшій въ гости, безъ сапогъ — въ носкахъ — стоялъ, выпятивъ круглый животъ, обтянутый кожаной курткой, курилъ папиросу за папиросой и уныло глядѣлъ на зыбкую бѣлую сѣть, дрожавшую за окномъ.

Вошелъ Керимовъ, съ бурковыми сапогами въ рукахъ.

— Ну и погодка!—надѣвая сапоги, сказалъ Недоразумѣніе. Сдѣлалъ небольшую паузу, поразмыслилъ и прибавилъ четко, размѣренно, сочно очень крѣпкое выраженіе.

Керимовъ фыркнулъ въ руку, поспѣшно взялъ со стола лампу и вышелъ, давясь смѣхомъ. Картеръ оглянулся на толстаго доктора и съ почтительнымъ изумленіемъ произнесъ: —«ну-ну-ну!»

— Это я изъ Пушкина, — сказалъ Недоразумѣніе.

— Ну ужъ, не клевещите на Пушкина!—сердито возразилъ генералъ.

— Вы не знаете? Извѣстные стихи: «Вотъ ворона на крышу усѣлась и давай во все горло орать...»

— Пропалъ нашъ праздникъ. — сказалъ Картеръ, глядя въ окно — не пріѣдутъ криводубцы...

— Не пріѣдутъ! — увѣренно подтвердилъ Недоразумѣ-

ніе: — знай я такую штуку, сидѣлъ бы дома... Въ баньку бы сходилъ... Понесъ же чортъ! Взбрело въ башку: отвезу, молъ, лимонной имъ, у нихъ своихъ химиковъ нѣтъ. Вотъ и отвезъ: теперь назадъ черезъ недѣлю не выберешься... Вонъ она! вонъ — какъ изъ пропасти!

Недоразумѣніе качнулъ головой на бѣлую сѣть за окномъ.

Все шелъ и шелъ снѣгъ, толстымъ, рыхлымъ войлокомъ укутывалъ землю. Подымался вѣтеръ. И небо не пухомъ сыпало тогда, а крупными бѣлыми отрубями. Вѣтеръ подхватывалъ, крутилъ ихъ, гналъ бѣлую пыль по улицѣ. Наметалъ сугробы вокругъ оголенныхъ халупъ, — огорожа была давно растаскана на дрова. Отъ сугробовъ черезъ улицу потянулись длинные гребни, пересѣкли дорогу и тропинки, выросли въ кудрявые холмы. На вершинахъ ихъ, согнувшись, съежившись, выростали изрѣдка темныя фигуры въ шинеляхъ, въ башлыкахъ. Топтались съ минутку на рыхломъ барьерѣ и снова ныряли въ бѣлую муть, унося въ снѣжную безбрежность свою усталую, хмурую заботу...

Съ утра до обѣда сыграли двѣ пульки въ преферансъ. Пообѣдали въ часъ. Послѣ обѣда разсказывали еврейскіе анекдоты и задавали другъ другу армянскія загадки. Потомъ спали. Въ сумерки Керимовъ доложилъ, что сестра Шура, хозяйка, прислала спросить, на сколько персонъ накрывать столъ и гдѣ взять стульевъ. Генералъ, соображая, вскинулъ глаза на низкій, прогнувшійся въ срединѣ, потолокъ халупы, а Недоразумѣніе сердито сказалъ:

— Полопаемъ и такъ!

Съ тѣмъ Керимовъ и ушелъ, — генералъ ничего не придумалъ.

Картеръ, вобравъ голову въ плечи, мелкими шажками кружился по комнаткѣ и наламывалъ языкъ. Недоразумѣніе поглядѣлъ съ сожалѣніемъ на его тонкія, согнутыя въ колѣняхъ, ноги въ узкихъ штанахъ, на фурункулезную шею и, вздохнувъ, сказалъ:

— Мистеръ! и вы, ваше п-ство! давайте хоть изъ этого вакута вылѣземъ на свѣтъ Божій!

— Но куда? — уныло спросилъ генералъ.

— Къ Бергу, скажемъ. Навѣстимъ болящаго.

Картеръ, человѣкъ пунктуальный, поднесъ палецъ ко лбу, прикинулъ, взвѣсилъ и сообразилъ. Потомъ сказалъ:

— Хорошо. Идемъ. Предлагаю черезъ паркъ: я забѣгу въ дивизіонный пунктъ насчетъ стульевъ.

Генералъ на это мрачно махнулъ рукой: не къ чему, молъ. Но сталъ одѣваться

За низенькой дверью чулана, въ которомъ пахло елками и курятникомъ, всѣ трое сразу ухнули и нагнулись: вѣтеръ сыпнулъ имъ въ лицо горстями бѣлыхъ отрубей. Не было никакихъ признаковъ тропинки. Поджарый Картеръ подобралъ шинель до пояса и пошелъ впереди. За нимъ генералъ,— ноги увязали въ рыхломъ снѣгу выше колѣнъ. За генераломъ —Недоразумѣніе въ черномъ своемъ полушубкѣ, который послѣ дождя сѣлъ и не на всѣ крючки застегивался. Генералъ слышалъ, какъ тяжело сопѣлъ Недоразумѣніе. Онъ и самъ задыхался, стараясь не отстать отъ молодого, суетливаго Картера. Нагнувшись, они усиленно сучили ногами, старались попасть въ готовые слѣды, но подвигались неспоро, толклись на мѣстѣ. Что-то говорилъ въ свой башлыкъ Картеръ, чего генералъ никакъ не могъ разобрать. Сзади кричалъ, уткнувшись внизъ, Недоразумѣніе. Звуки долетали до генерала смутнымъ, приглушеннымъ лаемъ. Качалась мутнобѣлая снѣжная завѣса и прятала міръ въ бѣлое колеблющееся рядно.

— Февраль по-ихнему называется *Лютой*—и не даромъ!— прокричалъ Недоразумѣніе, когда остановились передохнуть.

Картеръ, до котораго донесся лишь смутный, сердитый лай, прокричалъ въ отвѣтъ:

— Да, удовольствіе ниже средняго!..

Въ паркѣ пошли легче — не было сугробовъ, снѣгъ лежалъ ровно. Старые черные великаны стояли безмолвно, какъ зачарованные, — чуть слышный шелъ говоръ вѣтра въ высотѣ, внизу легла безбрежная тишина и торжественный покой, молитвенное безмолвіе опустѣвшаго храма.

У дивизіоннаго пункта постояли, подождали, пока Картеръ закончилъ переговоры о стульяхъ. Гдѣ-то впереди, къ костелу, внезапно выросли смутные звуки, похожіе на отдаленный говоръ бубенчиковъ. Въ нихъ было что-то невѣроятное и радостное: неужели русская тройка — здѣсь, въ этой дырѣ?.. Звуки какъ внезапно выросли, такъ и утонули вдругъ въ бѣлой мглѣ.

Вышелъ Картеръ. Къ Бергу было недалеко — лишь завернуть направо, за каменный домикъ ксендза, и пройти огородъ, — Бергъ занималъ помѣщеніе бывшей звинячской почтовой конторы. За угломъ опять донеслись звуки бубенчиковъ, —прозвенѣли и смолкли.

— У меня страшная иллюзія слуха, — сказалъ докторъ Недоразумѣніе:—вы не слышите колокольчикъ, даръ Валдая?

Но Картеръ, шедшій впереди, вдругъ закричалъ дико и радостно:

— Какая иллюзія — криводубцы! — и прыжками побѣжалъ впередъ.

Передъ калиткой, у почтоваго домика, стояло двое саней —розвальней. Около нихъ суетились денщикъ Попадейкинъ и фуражиръ Газенко, радостно визжала Шура — въ ситцевой кофточкѣ, съ непокрытой головой, выбѣжавшая по-лѣтнему. Слышался знакомый басъ студента Джама. Погромыхивали бубенцами лошади. Закутанный, завязанный Макарка, маленькій, чуть видный въ сугробѣ, сиплымъ голосомъ давалъ распоряженія конюхамъ.

Картеръ подбѣжалъ къ санямъ, нагнулся къ темнымъ фигурамъ, по-деревенски закутаннымъ въ мужскіе полушубки, въ валенкахъ и толстыхъ платкахъ, встрѣтилъ милый, веселый блескъ знакомыхъ глазъ и дикимъ ревомъ выразилъ свою радость.

— Ахъ, мои милыя!.. милыя!.. милыя мои!...

Въ безпомощной неуклюжести закутанныхъ женщинъ было подлинно что-то неуловимо милое, кокетливое, чуть-чуть смѣшное, и радостно замирало сердце оттого, что были онѣ такъ близки, новы въ бѣлой мути зимней ночи и такія знакомо родненькія.

— Это кто? Надя? Какъ трогательно... ахъ, славныя мои сестрички! Кити! И Катя? двѣ Кати! Вотъ умницы! вотъ славненькія! пріѣхали!..

— Довольны? Ну, тащите! Здравствуйте, генералъ! Помогите вылѣзть...

И генералъ, и Недоразумѣніе, зараженные общимъ радостнымъ возбужденіемъ, старательно топтались вокругъ саней, кричали, умилялись, помогали закутаннымъ сестрамъ, безсильно пытавшимся подняться, мѣшали. Макарка торжественно вынулъ изъ соломы бутыль:

— Вотъ она! — сказалъ онъ съ гордостью...

... Въ перевязочную доступъ постороннимъ былъ закрытъ. Посторонними были всѣ, не имѣвшіе касательства къ сервировкѣ и прочимъ приготовленіямъ съѣстного и распивочнаго порядка. Макарка, доставившій бутыль сливянки, уже не былъ постороннимъ. Онъ вошелъ въ привычную ему роль хозяйственнаго распорядителя, сиплый командующій голосъ его чаще другихъ слышался за дверью, вперемежку съ пріятнымъ звономъ стакановъ и громомъ передвигаемой мебели, и возбуждалъ радостное волненіе. Съ дивизіоннаго пункта принесли стулья гр. Тржибуховской — съ высокими спинками. Олейниковъ и Глезерманъ внесли изъ столовой знакомый диванъ съ потертымъ плюшемъ, потомъ вынесли назадъ, потомъ

опять внесли. Поваръ Новиковъ, закончивъ художественную отдѣлку тортовъ, разрѣзалъ кулебяку.

Гости и хозяева толклись въ правой палатѣ. Чувствовалась торжественная приподнятость — оттого, что были закрыты двери въ перевязочную, оттого, что нельзя было пикироваться съ криводубцами, а надо было занимать ихъ, какъ гостей,—оттого, что Лонгинъ Поплавскій надѣлъ крахмальную манишку, а его семилѣтняя дочка, черноглазая козочка Зося, въ новомъ платьицѣ и съ новой лентой въ косичкѣ, необычно притихла и жалась къ отцу, — оттого, что всѣ чувствовали волчій голодъ, потому что пообѣдали рано, въ часъ дня, и всѣмъ приказано было беречь аппетитъ къ вечеру.

Семинаристъ Костяевъ, санитаръ изъ транспорта, маленькій, круглолицый, курносый, извѣстный подъ именемъ «Иванова Павла», тоскующимъ голосомъ говорилъ Глезерману:

— Я бы теперь съѣлъ... чего бы я съѣлъ?.. котлетъ пять свиныхъ, вотъ этакихъ, съѣлъ бы!..

Глезерманъ, заика, широко открывая ротъ, шлепая губами, отвѣчалъ:

— По... по-давишься!

— Хозяюшка! — слышался нетерпѣливый, зудящій басъ сѣдовласаго Петропавловскаго.

— Подождите, подождите! не умрете! — отмахивалась Шура, съ озабоченнымъ лицомъ проносясь черезъ палату въ перевязочную.

Когда дверь наконецъ открылась, всѣмъ сразу стало ясно, что звинячскій замыселъ затмить криводубцевъ удался: убранство помѣщенія, закусочное обиліе, сервировка — все превзошло самыя широкія ожиданія. Правда, и криводубцы — Макарка, Недоразумѣніе — безкорыстно содѣйствовали одолѣнію, но торжество этимъ не умалялось. Звинячцы не стали, конечно, колоть имъ глазъ соперниковъ, — всѣ были голодны, спѣшили размѣститься. Гармоническая, обдуманная сервировка сразу была приведена въ хаотическій видъ. Лимонная настойка доктора Недоразумѣніе и привезенная Макаркой сливянка привлекла самое теплое вниманіе.

— Ну-ка, Стекольниковъ, пошлите намъ эту... темненькую, —басилъ Петропавловскій.

— У васъ же тамъ есть!

— Давай, давай! Въ томъ концѣ, все равно, непьющіе....

Стало шумно, весело, жарко. Новая спиртовая лампа лила съ потолка бѣлый свѣтъ, какъ ослѣпительная люстра. Совсѣмъ забылось, что за стѣнами вьюга, сугробы, засыпанные окопы и въ нихъ согнувшіяся темныя фигурки въ шинеляхъ и

башлыкахъ. Сестра Осинина, у которой на лицѣ всегда была подчеркнутая озабоченность о страждущихъ и сдержанное негодованіе на беззаботныхъ товарищей, которые иногда съѣдали по двѣ порціи, забывая о голодныхъ — въ мірѣ всегда былъ кто-нибудь голодный, — иногда пѣли пѣсни, иногда рѣзались въ карты, — даже она снизошла съ высоты своей добродѣтельной строгости. Ей досталось сѣсть рядомъ со скромнымъ Глезерманомъ (онъ же—Стекольниковъ). Женоненавистникъ Глезерманъ былъ очень стѣсненъ, но торопливой услужливостью старался прикрыть свое малое удовольствіе отъ этого случайнаго сосѣдства.

— Кулебяки, пожалуйста, сестра...

— Я же не ѣмъ мяса... Нѣтъ ли чего-нибудь растительнаго?

— Ахъ, да... я забылъ, виноватъ...

Глезерманъ почувствовалъ иронію въ тонѣ Осининой и поскребъ смущенно голову.

— Ивановъ Павелъ, дай-ка вонъ ту... это болгарскій п-пе... перецъ?

Костяевъ, выпившій изъ чайнаго стакана сливянки, разомлѣвшій и блаженно упивавшійся кулебякой, набитымъ ртомъ промычалъ:

— Авекъ монъ плезиръ!

Стремительно схватилъ тарелку, на которой стояла коробка съ кильками, — онъ не желалъ уступать въ галантности Глезерману, — и черезъ его голову протянулъ тарелку Осининой. Коробка поѣхала по тарелкѣ, но «Ивановъ Павелъ» быстро и во время предупредилъ катастрофу, лишь умѣренно плеснувъ за шею Глезерману ржавымъ сокомъ.

— Что ты, чортъ! — зашипѣлъ Глезерманъ.

— Это, что называется, съ ловкостью молодого медвѣдя, — снисходительно улыбнулась Осинина.

— Пар-донъ! — внушительно проговорилъ Костяевъ, онъ же Ивановъ Павелъ, и гордо опустился на стулъ.

Глезерманъ старательно вытеръ шею и за шеей носовымъ платкомъ и пробормоталъ, какъ бы извиняясь за своего сосѣда:

— Да ужъ, п-посади вотъ такого... за столъ... ка-какъ говорится...

Ивановъ Павелъ искоса взглянулъ въ его угнетенное лицо и фыркнулъ, — смѣхъ неудержимымъ фонтаномъ ринулся изъ него. Очень ужъ было весело все—и Глезерманъ, и Макарка противъ него, такой маленькій и важный въ капитанскихъ погонахъ. Макарка строго поглядѣлъ на Иванова Павла, всталъ и сиплымъ голосомъ сказалъ:

— Господа! то-есть... товарищи!

— Сядь ты, Шкаликъ! — дружески, сострадательнымъ голосомъ пробасилъ докторъ Петропавловскій: — не далъ поѣсть толкомъ и—уже спичъ!

— Я—коротко. Товарищи!..

— Постарше тебя есть!

— Товарищи!—настойчиво повторилъ неугомонный Макарка, оглядываясь направо и налѣво:—я долженъ передать вамъ привѣтствіе отъ первой группы...

— Отъ како-ой?—сердито перебилъ Строка, похожій на Сократа.

— Отъ первой...

— А наша, по-твоему,—вторая? Нѣтъ ни первой, ни второй группы—есть группа А и группа Б,—заруби на носу себѣ!..

— Ладно... Привѣтствіе отъ славной криводубской группы... Праздникъ просвѣщенія, товарищи, который...

— Ура-а-а!—крикнули буйные голоса въ концѣ стола, гдѣ уже кончали сливянку.

— Дайте же кончить, господа...

— Лучше не скажешь!

— Это—обструкція?

— Са-дись! Пять съ плюсомъ! Маловато сливянки привезъ!

Самовольное выступленіе Макарки произвело веселый безпорядокъ,—праздникъ просвѣщенія сразу утерялъ торжественность тона. Это было огорчительно. Сестра Осинина качала головой: она не надѣялась, что будетъ вполнѣ серьезно—свою публику, слава Богу, знаетъ,—но и не ждала такого непростительнаго легкомыслія. Съ безмолвнымъ, но выразительнымъ упрекомъ поглядывала черезъ столъ на генерала,—онъ долженъ бы былъ направить легкомысленный гамъ, шумъ, смѣхъ въ болѣе содержательное русло. Но генералъ подвыпилъ и совсѣмъ разсолодѣлъ. Какъ идіотъ, какъ самый безстыдный чревоугодникъ, онъ умилялся передъ крошечными биточками, приготовленными по особому рецепту толстушки Шуры. Говорилъ ужасно дубовые комплименты самой Шурѣ, восхищался ея слишкомъ прозрачной кофточкой и покушался даже узнать на ощупь, что за матерія... Перемигивался съ Валей и Натой, чѣмъ вызывалъ негодованіе сестры Дины. Дина сидѣла рядомъ съ нимъ на плюшевомъ диванчикѣ—(использованномъ за недостаткомъ стульевъ)—плечо къ плечу, болѣе тѣсно, чѣмъ допускало приличіе,—и оглядывалась крутомъ ястребомъ, у котораго въ когтяхъ жирная добыча, а надъ ней кружатся и каркаютъ вороны.

Генералъ, глядя на Абрамову и Нату умильными глазами.

чуть видными въ блаженныхъ морщинкахъ, разслабленнымъ голосомъ говорилъ:

— Милыя вы мои! Смотрю я на васъ—какія вы всѣ славныя, ей-богу! Соня... Валя... Ната... Ну, одна прелесть, ей-богу! И всѣ вообще...«вобче»... Такія, знаете... чудесныя! На старости лѣтъ, когда я буду жить воспоминаніями...

— Вы вовсе не стары, мсье женераль!—перебила кокетливая Ната.

— Для генерала совсѣмъ молодъ!—прибавила смѣшливая Абрамова, искоса поглядывая на Дину.

— Да нѣтъ, я и не говорю, что я—старикъ.—Генералъ заботливо пробѣжалъ пальцами по бородѣ, нѣтъ ли крошекъ,—потому что сестра Осинина строго глядѣла именно въ его бороду.—Я не говорю... Я хочу лишь сказать, что на старости лѣтъ лучшее мое воспоминаніе будетъ... Это что? глинтвейнъ? ахъ, какая прелесть! Кто варилъ? Вы, сестра Дина? Я такъ и зналъ... Господа, сестрѣ Динѣ—ура!..

— Урра-а-а!.. а-а-а!... а-а-а!..—грянуло за столомъ, особенно неистово на правомъ крылѣ.

— Мсье женераль, я хочу съ вами выпить за... за что-то...

— Съ восторгомъ!—Генералъ стремительно обернулся на кокетливо-требовательный голосъ Наты.

— За... за.. за одну вещь...

— Съ восхищеніемъ!—готовно отвѣтилъ генералъ. Приподнялся и черезъ столъ потянулся къ Натѣ съ стаканомъ глинтвейна.

— Я вамъ послѣ скажу!—таинственно прибавила Ната, перехватывая негодующій взглядъ сестры Дины.

— Съ восторгомъ!—повторилъ генералъ, и вдругъ зашипѣлъ отъ боли,—сестра Дина жестоко ущипнула его подъ столомъ. Онъ едва перевелъ духъ, но, сдѣлавъ невѣроятное усиліе, вздохнулъ какъ бы отъ избытка чувствъ и молча сѣлъ.

— Ну, и глинтвейнъ!—покрутилъ онъ головой.

— Неужели вы слѣпы?—шипѣла у него надъ ухомъ сестра Дина.—Неужели вы не видите, что она—лгунья, вѣшалка, мѣщанка, низкое существо—эта Наташка?..

— Генералъ!—страдающимъ голосомъ сказала сестра Осинина:—скажите же что-нибудь... серьезное... довольно вамъ съ Диной секретничать!

— Не ваше дѣло!—съ воинственной готовностью отозвалась Дина.

Сестра Осинина застучала ножомъ по тарелкѣ. Застучала и Дина, принимая это за вызовъ на поединокъ. Веселая трель понравилась доктору Недоразумѣніе—застучалъ и онъ. Потомъ Абрамова и Ната. И когда дробь пестрыхъ сухихъ и звонкихъ

звуковъ разбѣжалась по всему столу, шумъ нѣсколько упалъ. Сестра Осинина неожиданно сказала:

— Господа! генералъ проситъ слова!..

Генералъ, не ожидавшій нападенія съ этой стороны, украдкой смирненько потиралъ горѣвшее болью ущипнутое мѣсто. Изумился:

— Вотъ тебѣ разъ!

Но дружный гамъ, веселый и поощрительный, окружилъ его шумнымъ ливнемъ криковъ. Пришлось встать. Долго откашливался, скребъ голову и бороду, соображалъ, мычалъ.

— Мм... да... того... Я плохой ораторъ, господа...

— Это намъ извѣстно,—съ ехидной ласковостью въ голосѣ вставилъ Недоразумѣніе.

— И обстоятельства, такъ сказать... не располагаютъ къ краснорѣчію...

— Къ дѣлу!—послышался слѣва суровый пріятельскій голосъ Картера.

— Сейчасъ... Мм... только не сбивайте, а то совсѣмъ стану... то-есть сяду...

— Къ дѣлу! къ дѣлу!—закричали сестры Осинина и Абрамова.

— Хорошо... Сейчасъ. Такъ вотъ... я ужъ изъ прошлаго, что-ль...

Онъ туго и нескладно разсказалъ, что четверть столѣтія тому назадъ былъ въ этотъ именно день на студенческомъ обѣдѣ у Мильбретта («существуетъ ли теперь этотъ ресторанчикъ?—не знаю»), видѣлъ въ первый—и единственный—разъ Глѣба Успенскаго, Михайловскаго, Владиміра Соловьева, слышалъ умныя рѣчи. Но изъ всего слышаннаго прочно остался въ памяти лишь анекдотъ, разсказанный Михайловскимъ,—о томъ, какъ одинъ иностранецъ попалъ въ нѣкую сѣверную страну, а на него напали собаки. Нагнулся онъ взять камень—камни оказались примерзшими. Иностранецъ удивился: вотъ, молъ, какая страна есть—собаки отвязаны, а камни привязаны...

— Ну вотъ, господа,—генералъ смущенно оглянулся кругомъ:—видите, что вспомнилось... ни къ селу, ни къ городу, какъ говорится...

Помолчалъ, усмѣхнулся и сѣлъ. Потомъ словно вспомнилъ вдругъ, что такъ не дѣлается въ хорошихъ домахъ, опять всталъ:

— Да! забылъ: за ваше здоровье, господа!

Немножко разсмѣшилъ всѣхъ и вызвалъ аплодисменты.

Этимъ началась серьезная полоса. Всталъ мрачный Андрей Иванычъ, врачъ съ дивизіоннаго пункта, призванный съ зем-

ской службы, и бичующимъ тономъ произнесъ рѣчь на тему: «Сегодня я съ вами пирую, друзья...» Долго колесилъ по сторонамъ, но благополучно дошелъ до занесенныхъ снѣгами окоповъ... Сестра Марья Ивановна, пожилая, немножко строптивая особа, поругавшаяся утромъ изъ-за яицъ съ Шурой и на цѣлый день огорченная, горько заплакала.

Что-то порывался сказать учитель Лонгинъ Поплавскій. Но на правомъ крылѣ, около доктора Петропавловскаго, подвыпившая и очень жизнерадостная компанія запѣла пѣсню. Кривой студентъ Кумовъ, такъ называемый Циклопъ, лучшій пѣвецъ въ отрядѣ, началъ «Изъ страны, страны далекой». Пѣсня всколыхнула всѣхъ — подхватили дружно, громко, немножко неистово, но голоса звучали молодо, свѣжо, выразительно, и никого не смущало, что размѣры перевязочной были тѣсноваты для такого шумнаго хора...

Потомъ докторъ Петропавловскій провозгласилъ многолѣтіе гостямъ. Многолѣтіе вышло эффектное,—любому протодьякону такое громогласіе сдѣлало бы честь. Пропѣли хоть и не такъ стройно, но съ искреннимъ воодушевленіемъ.

Опять привсталъ Лонгинъ Поплавскій и, поймавъ взглядъ генерала, постучалъ пальцемъ въ свою манишку. Генералъ сказалъ на это:

— Добре! Ловите моментъ...

Учитель утвердительно кивнулъ головой: «понимаю». Нервно поправилъ галстукъ, покашлялъ въ руку и словно прыгнуть нацѣлился, но опять сѣлъ. Генералъ застучалъ ножомъ по пустой бутылкѣ, стучалъ долго и настойчиво:

— Господа! проситъ слова вотъ... панъ Лонгинъ Лукичъ...

Учитель всталъ, обвелъ кругомъ робкимъ, умоляющимъ взглядомъ, подержался рукой за воротникъ у горла, робко кашлянулъ и началъ,—чуть слышенъ былъ жидкій, взволнованный голосъ:

— Шановни добродіи...

Но тутъ же поправился, перевелъ:

— Ваши благородія...

Онъ говорилъ заикаясь, поправляясь, чтобы быть понятнымъ, но слушатели все-таки понимали его плохо. Улавливали больше то, что звучало необычно для уха, въ чуть-чуть комическихъ сочетаніяхъ: «демократичній державній ладъ», «права людини и громадянина», «трунтъ едности». Но одно было несомнѣнно понятно: «пекучій нестерпимій біль» душой и тѣломъ истерзаннаго украинца и «трепетный живчикъ думки» его,— будетъ ли въ державѣ россійской, «перемоги» которой, онъ отъ всего сердца желаетъ,—будетъ ли онъ сыномъ или пасынкомъ? будутъ ли дѣти его учиться на языкѣ своей родной матери, и

не будутъ ли они горькими сиротами въ великой россійской семьѣ?..

Худой, маленькій, онъ былъ комически-торжественъ въ своей манишкѣ. Но къ концу взволнованной своей рѣчи онъ какъ будто выросъ и въ глубокой тишинѣ общаго вниманія стоялъ, какъ артистъ, покорившій толпу волшебной силой таинственнаго обаянія. Что-то заслонило призрачный комизмъ пышныхъ словъ, торжественнаго тона, самой фигуры—хрупкой и придавленной, съ робкимъ, словно ожидающимъ удара, взглядомъ. Въ жидкомъ, минутами совсѣмъ замиравшемъ голосѣ краснорѣчивѣе всѣхъ словъ разбито дребезжалъ стонъ перенесенныхъ обидъ, и страховъ, голода, заброшенности, безсильныхъ терзаній передъ разоренной родиной и опустошеннымъ гнѣздомъ. И еще явственнѣе звучала горькая дрожь тоски неизвѣстности, темныхъ сомнѣній передъ завѣсой завтрашняго дня... Какъ живой символъ стоялъ онъ, изболѣвшій и горькій, образъ своего несчастнаго края, истоптаннаго милліонами чужихъ ногъ, оголеннаго, поруганнаго, окровавленнаго...

И долго послѣ этой рѣчи, на мало понятномъ языкѣ, стояло смутное молчаніе въ перевязочной.

Опять запѣлъ Циклопъ—встряхнулись. Это была популярная въ отрядѣ пѣсенка—«Разненастный день суббота». Наивная жалоба звучала въ ея протяжныхъ вздохахъ и грусть—тихая, туманная, какъ родныя дали равнинныя въ день ненастный. Тихо, раздумчиво, почти дремотно занималась ея простая мелодія, подымалась, выростала. Разливалась широкими переливами и терзала сердце сладкою тоской. И Богъ вѣсть что было въ этой безпредметной тоскѣ—смутная ли обида безсилія, потухшія ли грезы несбыточныя, сѣрый ли туманъ унынія—горькаго, какъ полынь—горькая трава, или глухая мука надломленнаго порыва?.. Но всѣ пѣли и всѣ выливали въ этой пѣснѣ свою интимную, затаенную боль сердца.Разбитымъ, стариковскимъ голосомъ пѣлъ и Лонгинъ Поплавскій, и трогательно звучалъ неувѣренный его голосъ на этомъ единственномъ «грунтѣ едности...».

V. Бѣлая муть.

Пять дней шла мятель. Пухлый снѣгъ закуталъ землю мягкимъ войлокомъ, завалилъ всѣ пути-дороги, окопы, блиндажи и на время какъ бы умиротворилъ враждующихъ, потушилъ ежеминутную нервную настороженность и напряженіе борьбы. Первые дни долетали еще рѣдкіе и глухіе выстрѣлы съ позицій. Мягкіе, короткіе звуки глухо стукали и безслѣдно тонули въ бѣлой завороженной тишинѣ... Потомъ смолкли и эти рѣдкіе

стуки. Безбрежная нѣмота сковала землю. Стихла и мятель. Лишь поземка крутила и несла облака бѣлой пыли.

На расчистку дорогъ выгнали резервныхъ солдатъ, бабъ, дѣвчатъ, хлопцевъ и стариковъ—все населеніе селъ, мѣстечекъ, деревень. Выросли высокіе снѣжные валы по сторонамъ шоссе. Вѣтеръ несъ облака снѣжной пыли, валы распухли въ горныя снѣжныя цѣпи, дороги стали ущельями. Мелкій снѣгъ осѣлъ пухлой бѣлой пылью въ ущельяхъ и сдѣлалъ ихъ непроѣзжими и непрохожими. Ѣзду проложили полемъ, стороной отъ дороги, прямикомъ—черезъ окопы и колючую проволоку, — все засыпалъ и сравнялъ снѣгъ.

Группа Б встряхнулась и радостно оживилась: подошла настоящая работа, какой давно не было, и словно вновь отыскался утерянный смыслъ монотонной, скучной жизни.

Обмороженные стали прибывать къ вечеру пятаго дня. Вымокшіе, гремящіе обледенѣлыми шинелями, солдаты быстро отогрѣвались послѣ горячаго чаю, оживали, веселѣли,—позноблонія были незначительны: большихъ морозовъ не было, подъ снѣгомъ въ окопахъ стояла грязь и вода,—но это-то и губило ноги.

Группа Б выдвинула на позиціи чайный отрядъ. Милитонъ Петропавловскій три раза въ день телефонограммами напоминалъ о себѣ пункту: его отряду нуженъ запасъ хлѣба, сала, консервовъ, чаю, сахару, керосину, спирту и т. п. Перечислялъ всѣ предметы продовольствія, кончая сгущеннымъ молокомъ и папиросами. Посылали. Но телефонограммы шли своимъ чередомъ,—очевидно, не очень весело жилось въ землянкѣ шумному доктору и требовалось какъ-нибудь разнообразить время.

Уполномоченный, онъ же—панъ-генералъ, пробѣгая глазами десятую телефонограмму, по содержанію ничѣмъ не разнящуюся отъ первыхъ девяти, спрашивалъ въ отчаяніи:

— Кого же теперь посылать?

Керимовъ, ожидавшій приказанія по поводу новой бумаги, почтительно-равнодушно отвѣчалъ:

— Не могу знать, ваше п-ство.

— Пойми,—жалобно сказалъ генералъ:—Бергъ боленъ... такъ? Транспортные командированы всѣ до единаго, вернутся—дай Богъ—чтобы черезъ два дня... погода—видишь?

— Такъ точно...

— Антоша вмѣстѣ съ Газенкой третій день насчетъ фуража рыщутъ, Олейниковъ отправленъ въ базу за припасами... У Глезермана вотъ какая щека: флюсъ...

— Такъ точно... Морда дюже пухлый...

— Не иначе какъ самому ѣхать... Но кто же здѣсь останется?

— Не могу знать, ваше п-ство... Богъ останется... Все будетъ ладно...

Генералъ поскребъ голову, уставился взоромъ въ телефонограмму. Долго молчалъ, соображая. Керимовъ терпѣливо ждалъ и съ высоты своего огромнаго роста глядѣлъ на генерала застланнымъ взглядомъ исполнителя.

— Ну, ладно... Богъ—такъ Богъ... Ѣду!..

— Слушаю, ваше п-ство.

Игралъ вѣтеръ по полю. Бѣлая пыльная муть закутывала дали, бѣлыми вихрами бѣжала по бѣлой землѣ, кружилась, шипѣла, свистѣла, снѣжнымъ пескомъ била въ глаза. Закутавшись до бровей башлыкомъ, генералъ предоставилъ полную свободу своему коню—идти, куда хочетъ. Крѣпкій сибирскій жеребецъ, обычно озорной, тугой на удила, шелъ теперь дѣловито ровнымъ, серьезнымъ, осмотрительнымъ шагомъ. Когда падалъ вѣтеръ, генералъ однимъ глазомъ изъ башлыка видѣлъ бѣлое поле, удивительно напоминавшее родную степь съ оврагами, балками, курганами и черной каемкой дубнячка на горизонтѣ,—и тутъ тѣ же балки, снѣжные холмы, телеграфные столбы и черный бордюръ лѣса въ сторонѣ,—пустынность и безлюдье. Лишь кое-гдѣ маячили разсѣянныя по переметеннымъ прослѣдкамъ пѣшія и конныя фигурки, забитыя съ одного боку снѣгомъ, согнувшіяся, озябшія.

Раза два жеребецъ проваливался въ снѣгъ по брюхо. Лежалъ съ минуту въ раздумьѣ. Генералъ слѣзалъ съ сѣдла и тянулъ его за поводъ. Жеребецъ досадливо дергалъ головой: безъ тебя, молъ, знаю, дай собраться съ духомъ. И когда генералъ бросалъ поводья, убѣдившись въ безпомощности своихъ усилій, жеребецъ напруживался, дѣлалъ прыжокъ-другой и, потрескивая задомъ, выбирался на твердое мѣсто. Во второй разъ онъ подмялъ подъ себя своего всадника, но было мягко, не зашибъ. Выбравшись изъ сугроба, онъ отряхнулся и виновато остановился, подождалъ, пока вылѣзетъ изъ снѣга тяжелый его хозяинъ. Хозяинъ сердитымъ голосомъ сказалъ ему знакомое бранное слово и ударилъ плетью по крупу. Жеребецъ потоптался на мѣстѣ, покосился глазомъ: ударитъ или не ударитъ еще? Нѣтъ, не ударилъ—сталъ подтягивать подпругу. Жеребецъ дѣловито фыркнулъ—высморкался.

За генераломъ трясся верхомъ на бѣлой лошади съ желтыми боками Глезерманъ. За Глезерманомъ — обозъ: двѣ пары шершавыхъ, запудренныхъ снѣгомъ, лошадокъ, двое дровней, которыя удалось выпросить у Шкоды,—на колесахъ ѣзда была до крайности трудная. Съ обозомъ зачерпнули горя. Возы были не тяжелые, но въ каждой ложбинкѣ и балкѣ гнѣдые кавказцы и чалые киргизы, всегда суетливые и старательные, тонули въ

рыхломъ снѣгу по брюхо, выбивались изъ силъ безъ твердаго упора и въ концѣ концовъ ложились, тяжело водя мокрыми, объиневѣвшими боками. Генералъ и Глезерманъ слѣзали съ своихъ коней и вмѣстѣ съ обоими солдатами брались за сани. Напирали плечами, поднимали, накатывали. Андрейчукъ оралъ дикимъ голосомъ, хлесталъ кнутомъ по лошадинымъ спинамъ Маленькіе коньки напрягались, суетливо топтались въ снѣгу, метались, одергивали возъ съ мѣста и черезъ два-три шага вновь увязали. И уже безсиленъ былъ помочь кнутъ Андрейчука: бей—не бей, все равно—силъ нѣтъ взять.

Какъ лошади, тяжело и шумно дышали усталые люди.

— В-вотъ и во-воюй тутъ...—уныло и горько говорилъ Глезерманъ, держась посинѣвшей рукой за подвязанную щеку.

Темные круги ходили въ глазахъ у генерала. Онъ чувствовалъ, что въ сапогахъ уже полно снѣгу, вѣтеръ черезъ башлыкъ забрался за воротникъ черкески, за взмокшую рубаху и тонкими змѣйками ползетъ по мокрой спинѣ. Кругомъ кружится снѣжная пустыня, бѣлая шипящая муть, рѣдкія, забитыя снѣгомъ, усталыя, зябко согнувшіяся фигурки, съ трудомъ одолѣвающія напоръ вѣтра... Ничтожный овражекъ и въ немъ — мокрыя, выбившіяся изъ силъ лошаденки, мокрые, безпомощные люди—какое все простое, мелкое, жалкое, не хитрое. И это —основная ткань войны, подавляющей воображеніе трагедіи, которая въ неразрѣшимый узелъ сплела высоту и бездну, самоотверженіе и тупую тоску обреченности, героическое и низменное, страданіе и мишуру!..

— Четвери, Андрейчукъ!

Андрейчукъ связывалъ вожжами хвосты жеребца и бѣлой съ желтыми боками Канарейки, укрѣплялъ вожжи на серединѣ дышла, опять налегали плечами, орали, хлестали кнутомъ, сопѣли,—и четверка въ оригинальной запряжкѣ вывозила сани на твердое мѣсто.

До позиціи по воздуху было не больше пяти верстъ, а въ объѣздъ—черезъ Вержбовецъ и Ласковцы—считалось двѣнадцать. Выѣхали съ разсвѣтомъ, но до Вербовца, костелъ котораго былъ видѣнъ изъ Звиняча и казался совсѣмъ возлѣ, добились только въ полдень. И больше часу ѣхали по селу—оврагомъ и улицей,—безконечное число разъ останавливались и жались къ сторонѣ, чтобы пропустить встрѣчные обозы санитарокъ. По всему пути работали лопатами дѣвчата съ сизо-румяными щеками и флегматичные, понурывавшіе носами, хлопцы въ большихъ сапогахъ. Бравый стражникъ въ венгеркѣ, съ плетью черезъ плечо, ходилъ въ глубинѣ снѣжныхъ ущелій и четко, съ разстановкой, съ чувствомъ ругался. Хлопцы равнодушно сморкались, а дѣвчата перебрасывались остротами и весело скалили зубы.

Гуськомъ тянулись, вперемежку съ санитарками, небольшія, но частыя ватажки солдатъ въ мокрыхъ шинеляхъ.

— — — — — — — — — — — — — — —

За Ласковцами, въ полѣ, опять попали въ бѣлое курево поземки и ѣхали безъ дороги, руководствуясь вмѣсто вѣхъ встрѣчными санитарными повозками. Замерзшія, забитыя снѣгомъ, огромныя, какъ жернова, колеса у нихъ уже перестали крутиться. Лошади не везли — выбились изъ силъ. Иной костлявый одеръ, простоявшій, видно, всю ночь безъ корма, затощалый, дернетъ, шагнетъ разъ-другой и станетъ, шатаясь. Человѣкъ въ гипсовой шинели и гипсовыхъ сапогахъ мѣрно и настойчиво хлещетъ его концами гипсовыхъ вожжей, неторопливо выговаривая сквозь стиснутые зубы длинныя ругательства, въ видѣ увѣщанія. Бьетъ ногой по втянутому животу, бьетъ кулакомъ по глазамъ, кроткимъ и тупой тоской налитымъ. Но понуро стоитъ горькая животина съ обледенѣвшей, поднявшеюся шерстью, безсильно равнодушная къ ударамъ, нѣмая, оцѣпенѣлая, — лишь замеуть кружится, шипитъ вокругъ нея и плачетъ тонкимъ плачемъ....

— — — — — — — — — — — — — — —

Чайный пунктъ пріютился въ землянкѣ средь чистаго поля, на полпути между Ласковцами и окопами. По картѣ тутъ значился поселокъ Мазуры. Отъ него уцѣлѣла одна халупа въ низинѣ, теперь занятая командой связи и временнымъ перевязочнымъ пунктомъ. Землянки, засыпанныя снѣгомъ, терялись въ сугробахъ. Лишь по дымку да по кучкѣ солдатъ, лѣниво ковырявшихъ снѣгъ лопатами, можно было установить ихъ мѣстонахожденіе.

Скуластый подпрапорщикъ, наблюдавшій за солдатами, съ обмерзшими усами пшеничнаго цвѣта, откозырялъ генералу и показалъ, какъ пройти въ землянку. Генералъ отвернулъ мерзлый, запудренный снѣгомъ, гремучій, какъ жесть, брезентъ, закрывавшій вмѣсто двери входъ въ землянку, шагнулъ въ темь и покатился по мокрымъ, скользкимъ глиняным ступенькамъ внизъ, въ теплый погребъ. Густымъ пахучимъ паромъ и дымомъ окуталъ его погребъ, и въ первый моментъ въ желтомъ сумракѣ, въ дымной мглѣ видѣнъ былъ только огонекъ лампы, жидкимъ пятномъ расплывшійся налѣво отъ входа. Потомъ обозначились темныя фигуры—сидѣли на лавкахъ и стояли съ жестяными кружками люди въ мокрыхъ, прѣлью пахнущихъ шинеляхъ.

Потомъ голосъ санитара Липатова изъ-за дымной завѣсы сказалъ:

— Это Петръ Тимоѳеичъ?

— Здравствуйте, Иванъ Николаевичъ. Не вижу васъ только... А-а, вотъ... Ну, какъ вы тутъ?

— Да ничего. Вотъ дѣйствуемъ...

— Вижу, вижу...

Генералъ приглядѣлся,—можно было видѣть уже всѣхъ солдатъ съ кружками, мокрыя, какъ въ рудникѣ, стѣны, крѣпи потолка, съ которыхъ капало, кипятильникъ изъ бѣлой жести, мѣшки съ хлѣбомъ на лавкѣ—все скудное хозяйство. Духота, дымъ, жидкая грязь на полу, капель съ потолка—какъ скудно въ этой норѣ и неуютно...

— Дымно у васъ тутъ,—сказалъ генералъ.

— Есть немного.

Липатовъ, сѣрый, молчаливый, съ плебейскимъ лицомъ, тихій человѣкъ, никогда ни на что не роопталъ. Природа въ избыткѣ надѣлила его высокой мудростью терпѣнія и философской невозмутимости. И голосъ у него былъ тихій, деликатный, дѣвичій.

— А гдѣ же тутъ сестры помѣщались?

— Сестры вчера еще въ Ласковцы отбыли.

Генералъ вопросительно посмотрѣлъ на Липатова,—чуть чуть какъ будто ироніей звучало это «отбыли». Но Липатовъ стоялъ передъ нимъ, съ жестянымъ чайникомъ въ рукахъ, какъ всегда—сѣрый и смирный, и ничего нельзя было прочитать на его замкнутомъ, спокойномъ лицѣ съ длиннымъ носомъ.

— Что же, не понравилось?

— Какъ видно...

Липатовъ налилъ солдату, протянувшему кружку, изъ чайника, придерживая крышку среднимъ пальцемъ, и мягко прибавилъ.

— Да тутъ и дѣйствительно не очень удобно. Главное: угарно...

Онъ деликатно выгораживалъ сестеръ, какъ нянька балованныхъ ребятъ.

—Ну, да,—отвѣтилъ генералъ, охотно соглашаясь. Обобралъ послѣднія мокрыя сосульки съ усовъ и бороды, разсмѣялся:—Я же былъ противъ ихъ поѣздки. Но Осинина такую истерическую сцену закатила... Э, шутъ съ ними! Эти «слабыя женщины» въѣлись мнѣ въ холку!.. Ну что-жъ, вамъ пора отдохнуть? Васъ смѣняетъ Глезерманъ. Охотой вызвался...

— Слушаю.

Они вылѣзли изъ землянки на воздухъ. Генералъ, жмурясь отъ бѣлаго свѣта и снѣжнаго песку, щекотавшаго лицо, засмѣялся отъ удовольствія,—такъ пріятенъ былъ послѣ ду-

хоты и дыма холодный чистый воздухъ, бѣлый свѣтъ и всѣ эти пустынные холмы, курившіеся бѣлымъ куревомъ. Изъ курева выростали разсѣянныя темныя облака, плыли къ землянкамъ. Ближе—они сжимались, умалялись въ ростѣ, принимали очертанія зябко согнувшихся человѣческихъ фигуръ, занесенныхъ снѣжной пудрой.

— — — — — — — — — — — — — —

— Въ халупу? Да, да... Мнѣ и Милитона повидать надо. Отлично. Иду...

Генералъ потоптался, оглянулся на мерзлый валенокъ, торчавшій изъ-подъ брезента, потеръ лобъ.

— Такъ вы не ждите, Иванъ Николаевичъ: поѣдятъ лошади, можете ѣхать. Ну, пока до увиданья...

Въ халупѣ было тепло и—послѣ землянки—даже уютно. Докторъ Милитонъ Андреевичъ, начальникъ связи подпоручикъ Козловъ и казачій прапорщикъ рѣзались въ преферансъ. За чаемъ съ леденцами генералъ быстро согрѣлся.

Петропавловскій весело разсказывалъ о сестрахъ—Осининой и Гіацинтовой,—изобразилъ въ лицахъ, какъ постепенно угасало въ дымной землянкѣ ихъ самоотверженное рвеніе. Прапорщикъ и подпоручикъ восклицали:— Ого!—когда онъ вставлялъ крѣпкія семинарскія остроты. Генералъ чувствовалъ, что тяжелѣютъ вѣки, дремота тонкимъ туманомъ заволакиваетъ лица и звуки, отодвигаетъ ихъ въ даль, наливаетъ тѣло блаженнымъ равнодушіемъ ко всему на свѣтѣ.

— Я шесть перевязокъ ночью сдѣлалъ и двадцать рублей продулъ вотъ поручику...—жужжалъ гдѣ-то далеко басъ доктора:—вазелину такъ и не привезли?...

— Нѣтъ,—съ трудомъ стряхивая дремоту, отвѣчалъ генералъ.

— Я же телефонировалъ!

— Гдѣ жъ его взять?

— А сало соленое прислали. Соленымъ смазывать нельзя. Зачѣмъ оно мнѣ?

— И сала свѣжаго не нашли...

— Солдаты сожрали, впрочемъ...

Вошелъ старикъ, хозяинъ халупы, быстро сталъ говорить что-то. Похоже—какую-то жалобу. Раньше всѣхъ уловилъ ея суть казачій прапорщикъ.

— Сапоги у него отобрали. Ну, пойдемъ, дѣду, разберемъ...

Когда они вышли, докторъ подмигнулъ съ благодушной иронiей:

— Казачество... Всю ночь не спали, рыскали съ факелами, —и сейчасъ не дремлютъ, какъ видно. А долженъ сказать:

молодцы! Всю ночь таскали солдатишекъ. Фроловъ тутъ есть одинъ, — двоихъ сразу доставилъ: одного увязалъ на сѣдлѣ, другого на спинѣ перъ—самъ за хвостъ лошади держался... Умилилъ онъ меня, подлецъ!..

Прапорщикъ вернулся и сказалъ:

— Кажется, затихаетъ немного. Вѣтеръ какъ будто убился.

— Ну, что съ сапогами?—спросилъ генералъ.

— А чортъ ихъ разберетъ! Казакъ говоритъ: «онъ самъ мнѣ далъ надѣть, пока мои высохнутъ». А старикъ головой мотаетъ: не давалъ, дескать... Еще стаканчикъ не прикажете?

— Нѣтъ, покорно благодарю. Я долженъ ѣхать...

Генералъ вздохнулъ: было такъ хорошо сидѣть въ теплѣ, слушать знакомыя остроты доктора, чуть-чуть дремать, закрывъ глаза, прислушиваться къ тихому пѣнію бѣлой замети, къ далекому захлебывающемуся причитанію солдатской матери и къ тихо ноющей боли сердца. Никуда не хотѣлось.

— Я долженъ доѣхать въ окопы,—прибавилъ онъ.

— Зачѣмъ это? изъ любопытства?—спросилъ докторъ.

Генералъ и самъ не зналъ хорошенько—зачѣмъ? Конечно, больше изъ любопытства. Но было совѣстно въ этомъ сознаться. И онъ сказалъ съ значительнымъ выраженіемъ:

— Есть у меня бутылка коньяку...

Всѣ трое—докторъ, подпоручикъ и прапорщикъ—прижавъ къ груди карты, въ радостномъ изумленіи затянули: а-а-а!—и долго не переставали. Генералъ смутился.

— Хор-ро-шее дѣло!—воскликнулъ докторъ.

— Двѣсти тысячъ выиграть—вотъ какое это дѣло!—растроганнымъ голосомъ прибавилъ подпоручикъ.

— Господа, бутылка все-таки предназначена въ окопы, — тономъ извиненія сказалъ генералъ, и смущенно поскребъ голову.

— Мы пойдемъ за ней хоть въ геену огненную!—воскликнулъ прапорщикъ.

Два заметенныхъ снѣгомъ всадника мелькнули въ окнѣ и остановились передъ халупой. Слѣзъ съ коня одинъ—тотъ, что былъ въ полушубкѣ, видимо—офицеръ. Онъ постучалъ ногами въ чуланѣ, отряхая снѣгъ, и вошелъ въ комнату.

—Веселая погодка? а?—простуженнымъ голосомъ спросилъ онъ, разматывая башлыкъ, и ласково прибавилъ длинное пряное словцо. Вышло это у него сочно, кругло и весело.

Игроки отложили карты,—неловко играть при старшемъ по чину, а вошедшій былъ штабъ-офицеръ. Онъ обобралъ сосульки съ усовъ, поздоровался со всѣми за руку и попросилъ подпоручика вызвать по телефону штабъ дивизіи.

— Вѣдь не идіотство ли?—говорилъ онъ, принимая отъ прапорщика стаканъ чаю:—въ двухъ шагахъ ничего не ви-

деть—ни противнику, ни намъ, одинаково. Нѣтъ! смѣна по уставу—ночью! Но какъ теперь ночью вести роты? Куда зайдешь? Нѣтъ! правило, видите ли, какъ можно! И вотъ довели-таки до ночи...

Онъ пересыпалъ свою рѣчь крѣпкими словцами, но звучали они у него благодушно и забавно, и въ смышленныхъ сѣро-голубыхъ глазахъ его не переставалъ играть юмористическій огонекъ привычнаго балагура. Такъ же весело и свободно онъ говорилъ и со штабомъ по телефону, хотя по временамъ отвѣчалъ кому-то почтительно:

—Слушаю, ваше п-ство...

Докторъ Петропавловскій вполголоса, чрезвычайно благожелательнымъ тономъ, сказалъ генералу:

— Значитъ, вамъ не къ чему теперь въ окопы... Вотъ, полковникъ,—обернулся онъ къ веселому подполковнику:—уполномоченный нашего отряда... никакъ не удержимъ: дай не дай, въ окопы ѣду...

— Пожалуй, сейчасъ оно любопытно,—сказалъ серьезно подполковникъ:—но смѣна, показать некому. Вы какъ-нибудь послѣ пріѣзжайте, милости просимъ...

— Видите ли, есть у него бутылка коньяку,—продолжалъ докторъ, скашивая глаза на карманъ генераловой черкески.

— Дѣло не вредное...

— И вотъ онъ... не хотѣлъ бы везти ее обратно...

— Но придется,—вздохнулъ генералъ.

Докторъ изумленно остановился, окаменѣлъ. Засмѣялись.

— Неужели повезете?

— Повезу,—твердо сказалъ генералъ.

...Къ вечеру въ самомъ дѣлѣ убился вѣтеръ,—стало тише. Осѣла бѣлая муть. Посвѣтлѣли поля и лежали просторныя, холодныя, чистыя. Прошли на позиціи батальоны 8-го полка. Свѣжіе, одѣтые въ сухое, отдохнувшіе солдаты шли бодро, весело, перебрасывались шутками, и было что-то бодро волнующее въ этомъ неторопливомъ, ровномъ людскомъ потокѣ, въ широкомъ шуршаніи и шорохѣ шаговъ, въ смутномъ жужжаніи говора.

Генералъ возвращался назадъ вмѣстѣ съ веселымъ подполковникомъ. Говорили о солдатѣ. Подполковникъ высказывалъ свой взглядъ отрывочными фразами, говорилъ немного, но вдумчиво, серьезно, неожиданно мягкимъ, теплымъ тономъ, безъ крѣпкихъ словечекъ.

— Не всѣхъ досчитаемся—да, жаль. Но что жъ? Въ порядкѣ вещей. А у противника? То же самое. А можетъ быть, и хуже. Вчера наши на заставу наткнулись—человѣкъ семь и иди не годилось, остальныхъ привели—чуть живы... Я увѣренъ,

Скобелевъ именно теперь бы и пошелъ въ атаку—даже вотъ съ этакими соплями...

Они объѣзжали кучку немудрящихъ воиновъ въ мокрыхъ шинеляхъ и растоптанныхъ валенкахъ,—десятка съ три или четыре. Солдаты медленно, понуро тянулись гуськомъ, ныряя въ сугробахъ,—мокрыя шинели подмерзли, обледенѣли и погромыхивали, какъ пустыя кубышки.

— Какой роты?—крикнулъ подполковникъ.

Пестрые голоса недружно отвѣтили что-то пестрое. Генералъ разслышалъ въ хвостѣ:

— Тринадцатой, вашбродь!.. Сямой!..

Подполковникъ окинулъ ихъ долгимъ, понимающимъ, хозяйственнымъ взглядомъ. Помолчалъ.

—Чудо-богатыри...—проговорилъ онъ ласково и добавилъ четкое многоэтажное слово.

— Роты теперь, поди, ужъ на мѣстѣ, обсушиваются, приводятъ себя въ порядокъ, а вы ползете, какъ...

Обледенѣвшія шинели-колокола стояли, апатично-покорныя, усталыя, почтительно-равнодушныя къ этому отеческому нравоученію. Изрѣдка шмурыгали носами.

— Доблестные герои!—помолчавъ, воскликнулъ подполковникъ и опять прибавилъ крѣпкое словцо:—Христолюбивое воинство!.. Оплотъ отечества!..

Онъ артистически-ловко, отчетливо, весело сочеталъ возвышенный стиль съ неожиданными заавонистыми выраженіями,—неискоренимый юмористъ и великолѣпный мастеръ чувствовался въ причудливыхъ узорахъ этой забавной словесности. Непередаваемый живописный комизмъ разлитъ былъ и въ его апатичныхъ слушателяхъ. Минуты двѣ или три, пока подполковникъ высыпалъ, размѣренно и отчетливо, свой богатый словесный запасъ, они стояли очарованные и недвижно созерцательные, какъ стоитъ въ лѣтній день на песчаной косѣ или въ обмелѣвшей рѣчонкѣ стадо телятъ и, завороженное знакомой мелодіей, слушаетъ переливчатые голоса тростяныхъ дудочекъ, на которыхъ играетъ босоногій пастушокъ.

И когда подполковникъ, исчерпавъ свой веселый лексиконъ, тронулъ тощую свою кобылицу и порысилъ дальше, чудо-богатыри загремѣли обледенѣлыми шинелями и тоже тронулись вслѣдъ за нимъ. Генералъ, объѣзжая ихъ, слышалъ, какъ кто-то, шмурыгнувъ носомъ, съ почтительнымъ восхищеніемъ протянулъ:

— Ну и зе-ле-нилъ!..

VI. Зося

За годы войны Зося стала совсѣмъ военнымъ человѣкомъ. Звинячъ не разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, дѣться

было некуда, пришлось побывать подъ обстрѣломъ, пришлось пережить дни отчаянія и безпріютности, видѣть разореніе насиженнаго гнѣзда, хватить голоду и холоду.

Но на живомъ все заростаетъ. Затянулись, заросли и раны дѣтскаго сердечка. И въ самой разоренности родного угла, въ бивуачной тѣснотѣ, непристалости, для маленькой Зоси была своя прелесть. Она искренне не понимала, почему иногда мать ходитъ-ходитъ, да вдругъ всплеснетъ руками и навзрыдъ зарыдаетъ надъ разбитымъ роялемъ. Почему порой отецъ качаетъ безвременно посѣдѣвшей головой такъ горестно и безнадежно, и тихо, угасающимъ голосомъ, кого-то жалобно убѣждая, повторяетъ:

— Божья воля... Божья воля...

Зося ко всему приспособилась быстро и была довольна. Мать не разъ печально говорила, что вотъ уже семь лѣтъ дѣвочкѣ, а она и читать не умѣетъ. Зося не находила въ этомъ большой бѣды. Другое дѣло—башмаки прохудились, но и это претерпѣть можно, какъ можно пріучить себя спать на двухъ стульяхъ или въ уголку на полу, рядкомъ съ Теклей, отъ которой такъ тепло пахнетъ коровьимъ хлѣвомъ. А утромъ добыть у повара Новикова горячей вареной картошки съ крупной солью и бѣжать за костелъ, смотрѣть солдатское ученье, слушать солдатскія пѣсни и маршировать въ ногу съ ротой, когда она идетъ на обѣдъ.

Любила также Зося провожать транспортъ съ ранеными. Былъ у ней пріятель—больщой, черный солдатъ Карапетъ, конюхъ. Иногда, если Зося очень шалила около лошадей, онъ сердито рычалъ на нее:

— Дуришь? зачѣмъ дуришь такой болшой дэвочка? Ухо атрэжю!

И страшно таращилъ свои огромные, черные глаза. Но Зося не боялась ни этихъ страшныхъ глазъ, ни бѣлаго оскала зубовъ,—привыкла. И знала, что Карапетъ все равно посадитъ ее съ собой рядомъ на облучкѣ двуколки, и она отъ школы прокатится за костелъ, до перекрестка дорогъ, гдѣ стоитъ гипсовая Богоматерь.

Но самое высокое удовольствіе доставлялъ ей турокъ Маметъ-Оглы, возившій на сѣромъ мулѣ воду изъ рѣчки на питательный пунктъ. Когда она издали видѣла голову, красиво обмотанную башлыкомъ, она знала, что это—Маметъ и бѣжалъ навстрѣчу.

— Маметъ-Оглы! Маметъ! добры-день!

Онъ отвѣчалъ ей тихимъ, ласковымъ лошадинымъ ржаніемъ:

— Гы-гы-гы...

И Зося каждый разъ съ любопытствомъ заглядывала ему въ

ротъ и удивлялась, почему это у него такая черная дырка, какъ разъ тамъ, гдѣ у всѣхъ людей передніе зубы.

Маметъ сажалъ ее на мокрый бочонокъ. Упираясь ногами въ передокъ дрогъ, Зося съ высоты радостно обозрѣвала весь свѣтъ—знакомый, но сверху такой новый и интересный. Ей очень еще хотѣлось, чтобы въ рукахъ у нея были вожжи, какъ у Карапета. Но Кючукъ, маленькій мулъ, возилъ воду безъ вожжей, зналъ дорогу. Иногда Маметъ вмѣсто вожжей давалъ Зосѣ хвостъ Кючука, очень грязный и жесткій, но это было ничего: Зося съ удовольствіемъ подергивала за этотъ хвостъ, какъ Карапетъ дергалъ вожжи. Кючукъ терпѣливо выносилъ это, но иногда для потѣхи брыкался и попадалъ ногой по передней оси. Зося звонко хохотала. Ласково, по-лошадиному, ржалъ Маметъ:

— Гы-гы-гы...

Памятный для Зоси день начался слезами. Она ждала Мамета съ рѣчки и отъ скуки обгрызала еловую вѣточку. Показался Маметъ и сѣрый Кючукъ съ боченкомъ. Зося хотѣла крикнуть: «день добрый!»—глотнула воздуха и подавилась,—острая боль въ глоткѣ заставила ее закричать благимъ матомъ. Черезъ нѣсколько минутъ весь пунктъ метался въ тревожной сумаохѣ: Зося подавилась.

Ахала и вопила мать, голосила Текля, кричалъ поваръ Новиковъ:

— Доктора! доктора давайте!

Прибѣжалъ испуганный, бѣлый, какъ стѣна, отецъ, прибѣжала дежурная сестра Маня Савихина. Послѣ недолгихъ поисковъ наткнулись въ паркѣ на Милитона Андреевича, того сѣдого пана-доктора, съ которымъ очень дружила Зося: панъ-докторъ дѣлалъ ей изъ бумаги замѣчательныя стрѣлы, которыя перелетали черезъ всю столовую и ловко попадали въ цѣль.

Панъ-докторъ взъерошилъ сѣдые волосы, посмотрѣлъ въ ротъ Зосѣ и спокойно пробасилъ:

— А-а... ну, это мы сейчасъ... Сестра, пожалуйста пинцетикъ...

Сестра постучала въ стѣну перевязочной—фельдшеру Мартынычу:—пинцетъ!

— Х-хо! это намъ—разъ плюнуть... по-чеховски!—басилъ докторъ, держа Зосю за смуглый, съ янтарнымъ отливомъ, подбородокъ и смѣющимися глазами глядя въ ея черные, какъ тернинки, глаза, налитые слезами. Басъ этотъ дѣйствовалъ, какъ теплое дыханіе печки съ хлѣбами на проголодавшихся и озябшихъ,—пріятно, ласково, успокоительно.

— С-сію минуту...

Панъ-докторъ взялъ изъ рукъ Мартыныча блестящую металлическую штучку и сказалъ:.

— Ну-ка, раскрой ротикъ, да побольше... Ну же! Пошире! Чтобы двѣ шоколадныя плитки сразу можно было посадить... Вотъ!..

Прищуривъ глазъ, панъ-докторъ ловко ухватилъ концами блестящей штучки еловую иглу, застрявшую въ глоткѣ, и Зося сразу вздохнула съ облегченіемъ.

— Ну вотъ... ну? а ты плачешь...

Слезы уже прошли, но Зося все еще икала отъ конвульсивныхъ рыданій.

— Ну, поцѣлуй меня!

Она поцѣловала пана-доктора и укололась объ его подбородокъ, на которомъ выступила коротвая щетина. Засмѣялась.

Потомъ пошло все удивительно забавно и смѣшно. Веселый былъ день. Успѣла съѣздить за водой съ Маметомъ, играла въ снѣжки съ Попадейкинымъ и Керимовымъ, ходила съ сестрами Осининой и Гіацинтовой искать по Звинячу, нѣтъ ли гдѣ голодныхъ солдатъ. На кухнѣ, какъ всегда, а въ эти послѣднія недѣли особенно, готовилось много обѣдовъ. Все ждали, что, какъ было въ мятель, прихлынутъ мокрые, озябшіе, усталые солдатики и ихъ надо будетъ накормить и согрѣть хорошими щами. Солдаты и послѣ мятели охотно заглядывали на пунктъ —уже не очень усталые, сухіе и веселые. Но потомъ кто-то тамъ, у нихъ, распорядился, чтобы такихъ не пускать обѣдать, и съ тѣхъ поръ стояли у дверей два сердитыхъ солдата съ красными повязками на рукавахъ,—и это очень волновало сестеръ, потому, что некому было ѣсть приготовленныхъ обѣдовъ.

Сестры возмущались. Не разъ при Зосѣ онѣ насѣдали на генерала, чтобы онъ потребовалъ отъ кого-то удалить солдатъ съ красными повязками на рукавахъ. Генералъ посмѣивался, отмахивался отъ нихъ. Одинъ разъ куда-то ходилъ и вернулся съ офицеромъ—такимъ же толстымъ, какъ и самъ. Офицеръ тоже посмѣивался и говорилъ о какихъ-то лодыряхъ. Панъ-докторъ тоже посмѣивался. Сестры негодовали. Некрасивая сестра Софи шипѣла, какъ сердитая гусыня, и говорила генералу:

— Я бы вамъ рекомендовала съ недѣльку посидѣть въ окопахъ... Вамъ это пошло бы на пользу!..

Зосѣ было жалко, что генералъ послушаетъ сестру Софи и уйдетъ въ окопы,—онъ частенько давалъ Зосѣ шоколадки. Но, слава Богу, генералъ не ушелъ, остался на пунктѣ, и сестры каждый день пилили его. А иногда онъ кричалъ отчаяннымъ голосомъ:

— Посадите меня на эту ель, я брошусь съ нея внизъ го̀ловой,—жизнь опостылѣла!..

Вмѣстѣ съ сестрами и Зося ходила по Звинячу и спрашивала у встрѣчныхъ солдатиковъ, не хотятъ ли они ѣсть? Многихъ изъ нихъ она знала въ лицо и по фамиліи.

— А подивиться, пани, це Хвиникъ йде?..

Курносый солдатикъ Финиковъ сдѣлалъ подъ козырекъ, подмигнулъ Зосѣ глазомъ, а сестрамъ сказалъ, улыбаясь во всю улицу:

— Здра-и-желаемъ, сестрицы!

— Здравствуйте, здравствуйте, Финиковъ!—радостно отвѣчали сестры:—ну, вы обѣдали?

— Такъ точно, сестрицы...

— Можетъ, зашли бы чайку попить?

— Съ удовольствіемъ бы, сестрицы, для разгулки времени почему бы не зайтить, ну... никакъ нѣтъ, невозможно... Сами знаете...

— Да, да... увы!..—вздохнула сестра Гіацинтова.

— Строго стало... тово...

Финиковъ опять подмигнулъ Зосѣ—весело и беззаботно.

— Да... къ стыду и сожалѣнію...—мрачно сказала сестра Осинина.

Финиковъ, видимо, смотрѣлъ на вещи не столь мрачно, какъ сестры, не чувствовалъ ни стыда, ни сожалѣнія и широко улыбался, показывая рѣдкіе, широкіе зубы.

— Знаете, сестрицы, начальство, оно—взглядное: какъ ему взглянется... «Не смѣть!»—и конченъ разговоръ.

Онъ высморкался въ сторону, утеръ носъ рукавомъ и, какъ бы мимоходомъ, добавилъ:

— Мнѣ вѣдь объ Масляной, на прощеный-то день,—помните?—заглянули—извините—въ заднія ворота...

— Какъ?

Обѣ сестры большими, изумленными глазами глядѣли на беззаботно улыбающагося Финикова.

— Такъ точно. Двадцать пять...

Зося съ испугомъ увидала, какъ краска залила вдругъ лицо пани Осининой, и сестра умоляющимъ голосомъ проговорила, почти простонала:

— Не можетъ быть!

— Въ двадцатомъ вѣкѣ!—прибавила маленькая Гіацинтова тѣмъ грознымъ, твердымъ голосомъ, какимъ она обыкновенно распекала только генерала.

— По штанамъ, конечно, не по голому,—успокоительно сказалъ Финиковъ:—а кабы по голому, извините, — накрасили бы по первое число...

— Боже мой! И это—въ двадцатомъ вѣкѣ!

— Такъ точно, — вздохнулъ Финиковъ.

— Что—«такъ точно»?—сердитымъ голосомъ сказала сестра Осинина:—деревянный вы человѣкъ! Вы какъ будто и не чувствуете! Какъ-будто это и не васъ касается... «Такъ точно...».

Финиковъ слегка смутился и, оправдываясь, сказалъ:

— Такъ точно, сестрица. Старшой и то говоритъ: — «никакъ ты, Финиковъ, желѣзный,—и не охнулъ!» Я говорю: ничего, солдатъ солдата не убьетъ, молъ...

Зося не очень понимала, почему сестры сердились на Финикова, а Финиковъ былъ веселъ, подмигивалъ ей глазомъ и ни на кого не сердился. Сестры, вернувшись домой, съ негодованіемъ говорили:—вотъ что дѣлается у насъ въ двадцатомъ вѣкѣ! И было немножко похоже, что имъ доставляетъ удовольствіе негодовать и разсказывать, какъ претерпѣлъ въ двадцатомъ вѣкѣ Финиковъ за посѣщеніе питательнаго пункта. Онѣ разсказали объ этомъ всѣмъ сестрамъ, студентамъ, генералу. Генералъ выслушалъ, но отнесся къ разсказу равнодушно:

— Вотъ злонравія достойные плоды!—сказалъ онъ и прибавилъ:—вашего, конечно... Это я изъ «Недоросля»...

Сестра Гіацинтова вспыхнула и стала вдругъ похожа на злую черную собачку съ короткими ножками.

— Ваше сердце радуется, конечно?—ѣдко бросила она.

— Хорошо бы и васъ вотъ подъ ружье поставить... часика на два...

Сестра Дина воинственно закричала, наступая на генерала:

— Руки коротки!

— Какъ вы смѣете! Мы васъ въ сугробъ!..

Зося замерла отъ восторга и страха: сестра Дина щукой кинулась на генерала и стала толкать его въ снѣгъ. Генералъ уперся. На помощь Динѣ бросилась Марья Ивановна, потомъ маленькая Абрамова, за ней и Зося. Генералъ нѣсколько мгновеній какъ бы раздумывалъ, падать или нѣтъ, потомъ грузно ткнулся въ сугробъ. Текля, стоявшая у хлѣва, всплеснула руками и раскололась звонкимъ смѣхомъ. Выскочилъ изъ кухни Ромка, потомъ поваръ Новиковъ—захохотали. Вышелъ изъ палаты панъ докторъ, загудѣлъ басомъ: у-у! у-у! хо-хо хо! гу-гу-гу! И всѣ хохотали надъ толстымъ генераломъ, выбѣленнымъ въ снѣгъ...

Было такъ весело, такъ смѣшно, что Зося долго не могла успокоиться—все душилъ ее буйный смѣхъ. И даже вечеромъ, когда ужинали и послѣ ужина сидѣли за чаемъ, она, сидя въ дверяхъ маленькой спаленки, не могла безъ смѣха взглянуть

на толстаго, серьезнаго генерала, слушавшаго споры студентовъ. Неудержимый смѣхъ накатывалъ внезапной волной. Мать оглядывалась и грозно потрясала пальцемъ. Зося изо всѣхъ силъ крѣпилась, но все-таки фыркала, словно бутылка игристаго квасу, и вслѣдъ за ней Текля, и обѣ, уткнувшись головами въ кровать, тряслись съ минуту, какъ въ жестокой лихорадкѣ.

Въ этотъ вечеръ долго сидѣли. Зося уже насмѣялась вдосталь, притихла, стала дремать. Отецъ игралъ на скрипкѣ. Панъ-докторъ и Ромка пѣли.

— Дэ-э-э-жъ ты... до-ля...—запѣвалъ Ромка протяжно и грустно, немножко пѣтушинымъ своимъ теноркомъ...

Панъ-докторъ, втянувъ подбородокъ и сдѣлавъ страшные глаза, вступалъ басомъ и быстро, словно стараясь обогнать Ромку, выговаривалъ:

«Дэ-жъ ты, доля? дэ-жъ ты, доля?»

И Зосѣ казалось, что онъ ругаетъ кого-то своимъ толстымъ голосомъ. Она нашла старую бумажную стрѣлу и пустила въ него. Стрѣла пролетѣла очень близко отъ генерала. Генералъ сдѣлалъ видъ, что испугался, дернулъ головой и расплескалъ стаканъ съ чаемъ. Опять хохотали всѣ. И звончѣй всѣхъ Зося.

Вошелъ казакъ, вѣстовой изъ штаба корпуса. Подалъ генералу пакетъ. Какъ и всѣ, Зося притихла и съ замираніемъ любопытства слѣдила, какъ генералъ вскрывалъ пакетъ, какъ зачѣмъ-то отдалъ конвертъ казаку, хотя могъ бы отдать и ей —на стрѣлы,—какъ сталъ пробѣгать глазами бумагу, а бумага, словно перезябши за дорогу, мелкою дрожью трепетала въ его рукѣ.

— Господа, послѣзавтра — походъ, — сказалъ генералъ, и Зосѣ показалось, что голосъ не его, а чужой, словно кто-то сзади уткнулся лицомъ въ широкую генеральскую спину и нарочно измѣненнымъ глухимъ, таинственнымъ, пугающимъ голосомъ сказалъ слово п о х о д ъ, отъ котораго вдругъ всѣ всполошились, какъ мухи, пригрѣвшіяся на окошкѣ, отъ звука хлопушки. У мамы глаза стали большіе, испуганные, отецъ сразу какъ-то сжался въ комочекъ.

Походъ? Это же весело, даже сердце прыгаетъ отъ радости! Походъ—такъ походъ! Зося сядетъ на облучокъ къ Карапету, маму и Теклю—въ двуколку, папу съ солдатами, Ромку—къ студентамъ... И будетъ такъ интересно!..

Жаль, что скоро ушелъ генералъ, ничего еще не прибавивъ пріятнаго. Ушли и сестры, и студенты. Панъ-докторъ походилъ

немного по столовой, разгребъ пальцами сѣдые свои, длинные волосы и повторилъ нѣсколько разъ угрюмымъ басомъ:

— Да, надо собираться... сматывать удочки... надо...

И какъ будто только что увидалъ Зосю, подошелъ, взялъ ее за подбородокъ и проговорилъ ласково, грустно:

— Ну, Зося... славная дивчина... разстаемся, значитъ?

Мама заплакала. И Текля. Отецъ покашлялъ въ руку, потрогалъ сѣдые свои усы, потупился.

— Шо-жъ, Божья воля... Божья воля...— потухшимъ, покорнымъ голосомъ сказалъ онъ.

— Не плачьте, пани,—сказалъ мамѣ докторъ:—не вѣчно же война будетъ... вздохнете свободно когда-нибудь...

— Ни, панъ-докторъ!—рѣзко, съ горькимъ отчаяніемъ закричала мама:—намъ умирать теперь... Ни денегъ, ни хлѣба, ничего, ничего! Пенсія пропала! Эмеритура пропала! Придутъ солдаты, послѣднюю корову отберутъ!..

— Божья воля... Божья воля...

Отецъ повторялъ это такъ печально, какъ будто была уже вырыта могила и надо было всѣмъ ложиться въ нее. У Зоси навернулись слезы—такъ горько стало.

— Мы васъ земскому союзу сдадимъ, тамъ народъ хорошій...

— Ни, панъ-докторъ! Ахъ, панъ докторъ! за что насъ Богъ такъ? Вотъ думали: ну, будемъ живы при добрыхъ людяхъ... Ни... опять солдаты будуть, все разорятъ...

— Божья воля,—сказалъ отецъ, отвернувшись и быстро утирая пальцами глаза.

Панъ-докторъ покашлялъ. Ничего не сказалъ. Вышелъ, забывъ сказать привычное «спокойной ночи»...

На другой день Маметъ уже не возилъ воды на питательный пунктъ. Стояли фуры у школы. Весь день собирали перевязочную, аптеку, вытряхивали солому изъ тюфяковъ, свертывали и прибирали одѣяла, брезенты. Столы и скамьи оставили. Но студенты очень жалѣли, что ихъ нельзя увезти,— готовы были пожертвовать складными своими койками ради знаменитыхъ издѣлій своихъ рукъ. Генералъ не соглашался: и безъ того много груза набиралось.

Послѣ обѣда и посуду уложили въ ящики. Стало пусто на кухнѣ и въ школѣ, голо и сорно. Просторъ, а некуда было прислониться. И скучно-скучно. Словно придавили сердечко Зоси тѣмъ тяжелымъ чугуннымъ стаканомъ снаряда съ остро разорванными краями, въ который Новиковъ бросалъ кости и огрызки хлѣба,—ни вздохнуть, ни побѣжать, ни попрыгать нѣтъ силъ, нѣтъ охоты—уткнулась бы куда-нибудь головой и зарыдала...

И вечеромъ, когда прощались съ ней сестры, она рыдала долго и неутѣшно. Такъ и уснула въ слезахъ, не раздѣваясь, уткнувшись лицомъ въ вытертый плюшъ диванчика.

Утромъ не будили ее—сама проснулась. Удивилась, что свѣтло, а никто не стучитъ на кухнѣ и не звенитъ чайной посудой Зеленковъ,—она такъ привыкла къ этому пріятному, уютному тихому звону стакановъ и ложекъ. Вскочила, осмотрѣлась. Сиротливо валяются подъ столомъ починенные солдатомъ Доменкой башмачки, и никого въ комнаткѣ—ни мамы, ни Текли. Жутко стало...

Надѣла башмачки, разыскала свою шубейку съ потрепанными рукавами, башлычокъ, одѣлась. Не умываясь, выбѣгла на дворъ,—никого. За церковью и плацомъ, отъ дороги, доносился дробный ливень громыхающихъ колесъ, стукъ, зыбкое шуршаніе говора и движенія. Гдѣ-то далеко—за костеломъ, видно—качались мягкія, ритмическія волны солдатской пѣсни, знакомой-знакомой мотивомъ, выкриками и присвистомъ.

Зося вспомнила все... И побѣжала.

На плацу вѣтеръ сердито закрутился около нея, поднялъ мерзлый соръ и снѣжную пыль, сыпнулъ въ глаза, холодными лапами поскребъ спину за плечами. Она сжалась, втянула голову въ плечи и быстрѣй побѣжала къ канавѣ у шоссе, гдѣ пестрой стѣной стояли селяне въ бѣлыхъ овчинныхъ кожухахъ, бабы въ клѣтчато-красныхъ платкахъ и темныхъ свитахъ, а больше всего разномастныхъ хлопцевъ. По шоссе густой сѣрой смолой текли знакомыя шинели, потемнѣвшія до пояса, давно не просыхавшія, измятыя, свинцово-тяжелыя. Хмурые и молчаливые, точно не выспавшіеся, шагали люди не въ ногу, цѣпляясь штыками. Качался кое-гдѣ всадникъ на тощей лошади, торчали, какъ журавцы, шесты санитаровъ. Чуть шевелились издали сѣрые ряды, какъ туча пѣшей саранчи. Останавливались на заторахъ, стояли долго, съ терпѣливымъ равнодушіемъ ждали чего-то, снова шевелились по чьей-то командѣ. И, казалось, нѣтъ имъ конца, нѣтъ перерыва.

Кто-то крикнулъ. Пробѣжала, передаваясь невидимыми крикунами, команда по сѣрымъ рядамъ — они сжались, притиснулись къ одной сторонѣ дороги, очистивъ ту, у которой стояла Зося. Гремя, ныряя на ухабахъ, обгоняясь, пронеслись на рысяхъ патронныя двуколки, за ними—казачья сотня. Потомъ опять пѣхота затопила шоссе и потекла мутно зыблющимся сѣрымъ потокомъ.

— Рысью!

Команда донеслась издали, пробѣжала назадъ, вернулась

къ первымъ рядамъ. Зашевелилась быстрѣй сѣрая медлительная лавина.

— Подтянись! подтянись!..

Сѣрые ряды, какъ слои рыхлаго щебня, отставали, отламывались и неуклюже рысили. Это все были очень знакомыя Зосѣ лица—скуластыя и тонкія, бѣлобрысыя, темныя, румяныя и буро-сѣрыя. Изрѣдка мелькала борода — огненно-рыжая, черная. Но сейчасъ же тонула въ мелкой ряби юныхъ, безусыхъ лицъ. Были—вялыя, хмурыя, сердитыя. Были веселыя, съ бѣлымъ оскаломъ зубовъ, съ задорными прибаутками и крѣпкими словцами. Припрыгивали, обгонялись, и Зосѣ хотѣлось побѣжать съ ними въ запуски. Длинные, тощіе парни смѣшно топтались въ огромныхъ валенкахъ, тяжелыхъ, какъ старое корыто около коровьяго хлѣва. Но весело кричали:

— Трогай, бѣлоногій!

— Понесъ! понесъ!

Кто-то желчнымъ, сердитымъ голосомъ прокричалъ:

— Не бѣжи! На тридцать семь верстъ не набѣжишься!

Но голосъ утонулъ въ веселомъ гомонѣ прибаутокъ, въ разливистомъ шуршаніи солдатскихъ ногъ. Бѣгъ уже нельзя было остановить,—заражало и увлекало зрѣлище впереди бѣгущихъ. Бѣжали офицеры, бѣжали солдаты,—одни легко и весело, другіе неуклюже, тяжело, прихрамывая побитыми ногами. Маленькій солдатикъ съ трубой граммофона въ рукахъ въ большихъ сѣрыхъ валенкахъ, немного отсталъ,—вещевой мѣшокъ за спиной, винтовка и огромный сѣрый лопухъ рупора придавили къ землѣ его жидкую фигурку. Смутлый веселый прапорщикъ, обгоняя его, закричалъ шутливымъ угрожающимъ голосомъ:

— Спицынъ! Спицынъ! Спи-и-цынъ!

Солдатикъ наддалъ, растоптанные валенки громко зашлепали, запрыгалъ зеленый лопухъ и настигъ удалявшіяся сѣрыя спины.

За нимъ пошли знакомыя Зосѣ двуколки съ крестами и на облучкахъ угадала она Мещерякова, Сливина, Кайзера, Гегечишвили. Она крикнула:—«Сливинъ!..» Но Сливинъ наѣхалъ на переднюю двуколку, которая застопорилась на ухабѣ, и потаранилъ ее дышломъ. И голосъ Мещерякова, невиднаго за кибиткой, сердито прокричалъ:

— Чортъ, лѣшій. Не видишь? Весь задокъ высадилъ!

— Д-а, поди-ка удержи...

— Слабой! Морду-то наѣлъ, въ три дня не ......

И опять загремѣли дальше. А за ними опять двуколки и фуры. На гнѣдомъ Рустемѣ галопомъ проскакалъ грузный панъ-генералъ и позади его на шершавой, желтобокой Кана-

рейкѣ—несомнѣнно—панъ-докторъ. У Зоси радостно встрепенулось сердце.

— Панъ-докторъ!—крикнула она.

Въ толпѣ хлопцевъ онъ не могъ разглядѣть ее. Она спустилась въ канаву и, проваливаясь въ снѣгу, побѣжала слѣдомъ, крича:

— Панъ-докторъ! панъ-докторъ!

Но все дальше и дальше убѣгала желтобокая, лохматая Канарейка, и потонулъ въ широкомъ трескѣ колесъ голосокъ Зоси.

— Панъ-докторъ!—крикнула она и въ отчаяніи заплакала въ голосъ. Въ горькихъ слезахъ она пропустила черного Карапета, не слышала, какъ онъ, нагнувшись съ облучка, прокричалъ ей, скаля бѣлые зубы:

— Зачѣмъ тутъ бѣжишь такой маленькій дѣвочка? Ухо атрэжю!..

— Панъ-докторъ!—кричала Зося, проваливаясь въ снѣгу, и плакала слезами сердитаго отчаянія.

Ѳ. Крюковъ.

ИЗЪ АНГЛІИ

„Упрощенная" соціологія.

I.

Русскими усиленно интересуются теперь въ Англіи. Доказательствомъ глубокаго интереса являются, между прочимъ, безчисленные переводы русскихъ авторовъ и длинные списки оригинальныхъ книгъ о Россіи. Приходится только поражаться тому, съ какой удивительной быстротой составляются и набираются въ Англіи книги: три мѣсяца совмѣстной работы автора и наборщиковъ—и нарождается новое изслѣдованіе этакъ въ вершокъ толщиной, добирающееся непремѣнно „до самаго корня" и измѣряющее всю глубину русской души. Почти въ каждой такой книгѣ авторъ старается дать такую универсальную формулу, которая обняла бы весь русскій народъ: высшій классъ и крестьянъ, интеллигенцію и купечество, духовенство и рабочихъ. Формулы эти, выражающія сущность русской души, отличаются сжатостью и категоричностью, въ родѣ, напримѣръ: „Каждый русскій въ психологическомъ отношеніи представляетъ собою соединеніе князя Мышкина, Петра Великаго и Хлестакова". „Русская душа" представляетъ собою въ нѣкоторомъ родѣ розу безъ шиповъ, которую „царевичъ младой Хлоръ", т. е. англійскій писатель, ищетъ теперь то въ балетѣ Стравинскаго, то въ картинахъ Врубеля, Рериха и Стеллецкаго, то въ иллюстраціяхъ Бакста, Гончаровой и Ларіонова, то въ произведеніяхъ Сологуба и Арцыбашева, то... въ спряженіяхъ неправильныхъ глаголовъ (одна дама написала книгу, въ которой доказываетъ, что ни въ чемъ такъ не отразился характеръ русскаго народа, какъ въ нашихъ глагольныхъ формахъ). Но въ особенности „царевичъ Хлоръ" ищетъ эту розу въ культѣ, въ обрядахъ и въ старинныхъ ликахъ.

„Русская душа проявилась полнѣе всего въ удивительномъ

балетѣ. Она такъ же оригинальна, многоцвѣтна, удала, преисполнена дикой гармоніи и мистицизма, какъ тѣ представленія, которыя полонили лондонскую публику какъ разъ передъ войной",—говоритъ одинъ авторъ. И лучше всего пригоденъ для изученія русской души балетъ *Петрушка*. „Петрушка — наиболѣе характерный русскій балетъ и, конечно, наиболѣе драматическій. Мятежъ на ярмаркѣ, чары волшебника, внезапное оживаніе куколъ, слѣдующій затѣмъ ужасъ толпы, трагедія куколъ, надѣленныхъ человѣческими страстями и тщетно стремящихся высказаться, не смотря на то, что онѣ только деревянныя, безсиліе всемогущаго волшебника управлять куклами, созданными имъ, дѣлаетъ этотъ балетъ единственнымъ въ своемъ родѣ,—говоритъ г-жа М. А. А.[1]). Русская душа ярче всего выразилась въ новой живописи,—говорятъ намъ другіе,—Стеллецкій и Рерихъ изобразили самые подпласты этой души: тяготѣніе къ старинѣ и мистицизмъ. Вслѣдствіе глубокаго пониманія этихъ подпластовъ, Рерихъ, напр., постигаетъ въ своихъ картинахъ даже настроенія современника мамонта и пещерной гіены.

„Русская душа,—душа смятенная, мрачная, полная мистицизма, то возносящаяся до созерцанія серафимовъ, то стремительно, какъ корабль къ Мальштрему въ разсказѣ Эдгара По, мчащаяся къ грѣху,—воспріяла наибольшее выраженіе въ литературѣ. Тамъ надо поэтому, искать формулу",—говорятъ намъ. Пригоденъ для этого лучше всего Достоевскій и, будто бы, продолжатели его Сологубъ и Арцыбашевъ. Двухъ послѣднихъ писателей теперь усиленно переводятъ и комментируютъ. Причемъ забывается, конечно, что нѣкоторые новые беллетристы пишутъ у насъ „отъ бизарія собственнаго гумора", какъ говорили при Петрѣ Великомъ, а не даютъ отраженіе дѣйствительной жизни. И, читая иные англійскіе комментаріи, мнѣ все припоминается разсказъ Достоевскаго *Бобокъ* („Дневникъ Писателя"). „Господа! я предлагаю ничего не стыдиться!—говоритъ одинъ покойникъ.—Ахъ, какъ я хочу ничего не стыдиться!—съ восторгомъ воскликнула покойница Авдотья Игнатьевна.—Заголимся и обнажимся!—восторженно кричитъ покойникъ изъ сосѣдней могилы.—Обнажимся, обнажимся!—закричали всѣ на кладбищѣ. Авдотья Игнатьевна, если пишетъ разсказы, ведетъ въ могилѣ „навьи" разговоры, которые могутъ быть формулированы словами покойника Клиневича у Достоевскаго: „Я, знаете, изъ плотоядныхъ... Долой веревки и проживемъ... въ самой безстыдной правдѣ! Заголимся и обнажимся!". А комментаторы истолковываютъ, что въ этомъ „заголимся и обнажимся", рекомендуемомъ „*покойниками*", самая суть русской души!

Вы видите, что цѣлый рядъ англійскихъ писателей, говоря-

---

[1]) См. ея статью „Впечатлѣнія англичанки отъ балета" въ только что вышедшемъ сборникѣ „The Soul of Russia".

шихъ о Россіи, подчеркиваютъ *мистицизмъ* русской души. И когда имъ указываютъ, что въ русскомъ языкѣ нѣтъ даже своего слова для обозначенія понятія, составляющаго будто бы сущность души (Даль, любящій переводить всѣ иностранныя слова, передаетъ только описательно, что мистицизмъ это „наклонность къ таинственному толкованію и обрядливости"), что величайшему русскому писателю мистицизмъ совершенно чуждъ,—истолкователи русской души скажутъ, что Толстой не русскій писатель, а западно-европейскій. Иногда комментаторы, отправившіеся въ поиски за русской душой, дѣлаютъ изумительныя открытія. Русская душа это „almost royal impotence", т. е. почти царственное безсиліе, и символомъ его является... Епиходовъ въ пьесѣ „Вишневый Садъ". Авторъ (Хью Уольполь) указываетъ, что въ русскихъ пьесахъ постоянно появляется одинъ и тотъ же типъ, изображенный съ большимъ блескомъ и симпатіей. Типъ этотъ—Епиходовъ. Съ нимъ случаются безпрерывныя несчастья. Дуняша отвергла его ради глупаго лакея, безъ одной мысли въ головѣ. Варя попрекаетъ его тѣмъ, что онъ только ходитъ съ мѣста на мѣсто, а дѣломъ не занимается". „Только ходитъ съ мѣста на мѣсто!" — восклицаетъ авторъ.—О небо! Неужели всѣ окружающіе не замѣчаютъ великихъ мыслей, одолѣвающихъ Епиходова? Неужели они не могутъ ничего видѣть, кромѣ его сапоговъ со скрипомъ, дурацкаго пиджака и неуклюжихъ манеръ? Неужели они не могутъ разглядѣть сущность его души? Дрожа отъ ярости и негодованія, Епиходовъ кричитъ: „Работаю ли я, хожу ли, кушаю ли, играю ли на бильярдѣ, про то могутъ разсуждать только люди старшіе и понимающіе!". „Люди понимающіе!"—многозначительно повторяетъ Хью Уольполь.—„Вся трагедія существованія Епиходова заключается въ этихъ двухъ словахъ. Онъ живетъ въ чуждомъ для него мірѣ. Быть можетъ, гдѣ-нибудь есть міръ, населенный esprits supérieurs, которые судятъ людей и предметы не по внѣшности" [1]).

Подавляющее большинство комментаторовъ, пишущихъ о русской душѣ, согласно утверждаютъ, что искать ее надо въ культѣ. Исторія русскаго народа началась и завершилась, собственно говоря, въ 988 году. Въ зависимости отъ этого дается формула для русской души, заключающая только одну величину — культъ. Согласно этой формулѣ, русскій народъ не ищетъ благъ земныхъ. Онъ безконечно счастливъ, имѣя свои старинные лики, передъ которыми благоговѣйно молится за грѣхи міра, а въ частности за грѣхи западно-европейскаго міра. У него есть, на придачу, мудрое начальство, знающее во благовременіи, что надобно крестьянамъ. Культъ дѣлаетъ народъ кроткимъ и смирнымъ. Народу не надобна грамота, потому что она только подорветъ наивную вѣру и срас-

---

[1]) „Epikhodov". См. сборникъ The Soul of Russia, стр. 34—39.

няетъ востокъ съ западомъ. Въ испанскомъ городѣ Сервера есть старинная школа, находящаяся въ рукахъ монаховъ, которые называютъ ее университетомъ. Во время посѣщенія этой школы, я списалъ любопытную надпись, выбитую надъ входомъ: „Lejos de nosotres la peligrosa mania de pensar". (Прочь отъ насъ опасная манія думать!). Этотъ испанскій девизъ, повидимому, желаютъ дать Россіи нѣкоторые англійскіе комментаторы, вдохновляющіеся „на запяткахъ и въ передней". Россія это—евангельская Марія, Западная Европа это—Мареа,—говорятъ они.—И, обращаясь къ Западной Европѣ, прибавляютъ съ укоризной: „Мареа, Мареа, печешися и молвиши о многѣ, едино же есть на потребу". Цѣль книгъ и статей подобнаго рода совершенно опредѣленна. Англійскіе клерджимены констатируютъ, что церкви опустѣли, и что война *не наполнила ихъ*. Послѣ войны предвидится рядъ глубокихъ потрясеній, въ виду чего многимъ желательно было бы, чтобы обаяніе культа надъ массами возросло. Епископъ Лондонскій, напримѣръ, исходя изъ того факта, что церкви въ Англіи опустѣли, основалъ Національное Миссіонерское Общество Покаянія и Надеждъ (National Mission of Repentance and Hope). Епископъ обвиняетъ священниковъ въ томъ, что „холодность и индифферентизмъ" населенія къ культу обусловливаются „отсутствіемъ энтузіазма" у клерджименовъ. Епископъ предписываетъ пастырямъ „пламенѣть", какъ будто такое распоряженіе осуществимо [1]). И въ виду такого положенія надо указать равнодушнымъ прихожанамъ на народъ, пламенѣющій вѣрой.

Этимъ и объясняется появленіе такихъ странныхъ и столь не соотвѣтствующихъ дѣйствительности книгъ, какъ, напр., произведенія г. Стивена Граама. Насъ, русскихъ, поражаетъ одна черта. Десять лѣтъ тому назадъ „Вѣхи", обвиняя рускую интеллигенцію въ отсутствіи религіозности, указывали на религіозную Англію. Теперь мы наблюдаемъ обратное явленіе, Читатели *Русскихъ Записокъ* знаютъ, что то явленіе, на которое указываетъ теперь епископъ Лондонскій, не ново. Во всякомъ случаѣ, оно существовало тогда, когда *Вѣхи* совѣтовали русской интеллигенціи брать примѣръ съ Англіи. Явленіе это вызвало теперь въ Англіи рядъ анкетъ. Въ Westminster Gazette, напр., до послѣдняго времени, втеченіе двухъ лѣтъ существовалъ особый отдѣлъ: „Почему опустѣли церкви". Rationalist Press Association тоже устроила анкету по тому же поводу. Отвѣты по-

---

[1]) Привожу выдержку изъ воззванія епископа Лондонскаго: „Ужасная война послана вамъ въ наказаніе за грѣхи:... за усиленное пьянство, безнравственность, безчестность, склонность къ лжи, себялюбіе... Мы забыли молиться и перестали ходить въ церковь... Мы стали индифферентны къ религіи". Епископъ настоятельно совѣтуетъ: причащаться возможно чаще, собирать ежедневно всю семью на молитву, посѣщать правильно церковь каждое воскресенье, ходить туда и по буднямъ какъ только представляется возможность.

явились въ ежегодникѣ на 1917 годъ, только что выпущенномъ этой ассоціаціей. На анкету откликнулись такіе писатели и общественные дѣятели, какъ Арнольдъ Беннетъ, сэръ Рэй Ланкастеръ, Леонардъ Гёксли (сынъ Томаса Гёксли), Джонъ Гобсонъ, сэръ Брайанъ Донкинъ, проф. Бёри, Генри Невинсонъ, сэръ Генри Джонстонъ и др. Анкета эта въ высшей степени интересна. Извѣстный беллетристъ и публицистъ Арнольдъ Беннетъ, только что возвратившійся съ фронта, гдѣ провелъ долгое время, констатируетъ, что явленіе, наблюдаемое въ Англіи, т. е. опустѣніе церквей, существуетъ и въ арміи. Англійскія войска храбры, спокойны передъ лицомъ непріятеля и ихъ не пугаетъ мысль о смерти, стерегущей ихъ въ любой моментъ. Но для достиженія этого спокойствія и мужественнаго отношенія къ смерти новымъ англійскимъ войскамъ вполнѣ достаточно сознанія гражданскаго *долга*. Когда началась война, всѣ англійскіе культы послали на театръ военныхъ дѣйствій своихъ капеллановъ. Все это люди очень почтенные, справедливо заслуживающіе уваженія, — говоритъ Арнольдъ Беннетъ,—но совершенно нельзя сказать, что они обратили кого-нибудь. „Я еще не встрѣтилъ офицера, который относился бы къ культу и къ обрядамъ иначе, чѣмъ индифферентно,— говоритъ Арнольдъ Беннетъ.—Большинство же англійскихъ офицеровъ относятся къ культу враждебно или пренебрежительно" [1]).

Въ XVIII вѣкѣ случилась великая катастрофа, разрушившая въ Лиссабонѣ почти всѣ зданія, а во Франціи—вѣру выдающихся умовъ въ разумное и справедливое начало, управляющее вселенной. Вольтеръ и его друзья никакъ не могли согласовать эту вѣру съ гибелью пятидесяти тысячъ человѣкъ, среди которыхъ было много младенцевъ.

> Direz-vous en voyant cet amas de victimes:
> Dieu s'est vengé; leur mort est le prix de leurs crimes?
> Quel crime, quelle faute ont commis ces enfants
> Sur le sein maternel écrasés et sanglants?

Такъ вопрошалъ съ тоскою Вольтеръ въ поэмѣ, посвященной Лиссабонскому землетрясенію. Теперь страшная, безпримѣрная катастрофа произвела въ умахъ англичанъ такой же переворотъ, какъ Лиссабонское землетрясеніе въ умѣ Вольтера. Многіе въ Англіи формулируютъ тѣ же вопросы, что и энциклопедисты, и не находятъ на нихъ отвѣта. И вслѣдствіе того, что отвѣтъ, даваемый теологіей, не вразумителенъ, весь базисъ ея рухнулъ теперь,— говоритъ Леонардъ Гёксли. Арнольдъ Беннетъ указываетъ также на то, что нравственный уровень англійской арміи, относящейся равнодушно къ указанному вопросу, повысился, а не понизился. Цѣлый рядъ авторовъ предвидитъ послѣ войны этическое движеніе, идущее по *другому* руслу, чѣмъ теологія, мирящаяся съ

[1]) „R. P. A. Annual", 1917, стр. 7.

насиліемъ и знающая только одно объясненіе для него: „наказаніе за грѣхи“. Защитники культа все еще полагаютъ, что высохшее ложе потока можетъ наполниться и...—выдвигаютъ г. Стивена Граама съ его наблюденіями надъ русской душой.

II.

Намъ кажутся курьезными попытки обнять одной формулой прошлое, настоящее и будущее русскаго народа. Насъ забавляютъ выводы, къ которымъ приходятъ англійскіе писатели, и ихъ старанія загнать насъ на вѣчныя времена въ указанныя скобки. Но смѣшитъ это насъ все потому, что *мы*—изслѣдуемый объектъ. Между тѣмъ подобные соціологическія изысканія дѣлаются постоянно. Во всѣхъ странахъ мы наталкиваемся на теоріи, сущность которыхъ сводится къ слѣдующему. Національный характеръ это нѣчто фиксированное отъ вѣка; это то, съ чѣмъ нація проходитъ на всемъ протяженіи своей исторіи. Нація не можетъ измѣнить присущій ей характеръ, какъ не можетъ барсъ сбросить свои пятна. На основаніи теорій о фиксированномъ національномъ характерѣ дѣлались и дѣлаются соціологами и политическими писателями практическіе выводы. Иногда на основаніи подобной теоріи пишутся удивительно талантливые труды, которые долго еще будутъ интересовать человѣчество. Я назову только два произведенія: „L'Histoire de la littérature anglaise“, Тэна и „L'Histoire des langues sémitiques“, Ренана. Основная идея, которую мы находимъ у Тэна и Ренана, а именно постоянство національнаго характера, несомнѣнно навѣяна трудомъ, появившимся въ 1853 году. Я говорю объ „L'Essai sur l'inégalité des races humaines“, графа Гобино [1]), о которомъ дальше.

Когда я подбиралъ матеріалъ для этой статьи и перечитывалъ наиболѣе извѣстные труды, основанные на теоріи, что національный характеръ нѣчто фиксированное отъ вѣка до тѣхъ поръ, покуда потухнетъ солнце, мнѣ все припоминались два памятника знаменитыхъ людей. Видѣлъ я ихъ лѣтомъ этого года въ Турѣ. Стоятъ они въ нѣсколькихъ шагахъ другъ отъ друга. Одинъ изображаетъ Раблэ, а другой Декарта. Оба писателя не только французы, но, по твердо установленному мнѣнію, оба вполнѣ выражаютъ „французскій умъ“, который, какъ сказалъ однажды Анатоль Франсъ, можетъ быть формулированъ такъ: „гармонія и чувство мѣры“. И Раблэ, и Декартъ родились въ Турѣ. И, глядя на эти памятники, я спрашивалъ себя: „Что общаго между этими двумя великими людьми?“ Одинъ памятникъ изображаетъ курносаго, веселаго забулдыгу, съ широкой насмѣшливой улыбкой на

[1]) Объ этомъ вліяніи говоритъ Boijolin въ „Les Peuples de la France“, с. 26.

губахъ. Другой—строгаго, не отъ міра сего философа, погруженнаго въ созерцаніе. Раблэ, это—пророкъ воскресенія плоти, которая была много вѣковъ замурована, непризнана и презираема. Авторъ похожденій Гаргантюа и Пантагрюэля явился защитникомъ тѣла, которое выдвинулъ на первый планъ. И, защищая права тѣла, онъ становится порой даже бестіальнымъ. „Каждый геній выступаетъ со своимъ собственнымъ открытіемъ или изобрѣтеніемъ,—говоритъ Викторъ Гюго.—Раблэ открылъ тѣло“. Онъ объявилъ безпощадную борьбу культу, учившему презирать и ненавидѣть человѣческія страсти. Раблэ билъ въ набатъ, а защитникамъ культа казалось, что-то звенятъ бубенчики на шутовскомъ колпакѣ. Эти защитники традиціи хохотали надъ тѣмъ, что Гаргантюа нашелъ новый „torchecul“ и пропускали мимо ушей, когда Раблэ говорилъ имъ, что ихъ ученіе — противорѣчитъ здравому смыслу. Гаргантюа, отданный на выучку къ лучшимъ теологамъ, глупѣлъ, „car leur sçavoir n'estoit que besterie: et leur sapience n'estvit que mouffles, abastardissant les bons et nobles esprits, et corrompant toute fleur de jeunesse“ (ибо ихъ знаніе была лишь глупость, а ихъ наука — пустословіе, притупляющее добрые и благородные умы да развращающее цвѣтъ молодежи). Французская революція началась не въ XVIII вѣкѣ, а въ XVI, когда появилась четвертая книга *Жизни Гаргантюа и Пантагрюэля.* „Раблэ это—душа Галліи“,—говорятъ французы.

Теперь вспомнимъ Декарта. Если Раблэ — только тѣло, то Декартъ — чистый разумъ. Что отвѣтилъ бы одинъ геніальный французъ, „открывшій тѣло“ и воспѣвавшій радости его, если бы другой геніальный французъ, его землякъ, сказалъ ему: „Чувственныя данныя могутъ оказаться иллюзорными; въ одномъ лишь человѣкъ не можетъ сомнѣваться, это въ собственномъ сомнѣніи, которое есть мысль?“ „Только мысль есть нѣчто абсолютно достовѣрное: я думаю, значитъ я существую“. „Внѣшній міръ имѣетъ лишь посредственную достовѣрность“. Что отвѣтилъ бы Раблэ Декарту? Между ними нѣтъ *ничего* общаго, а между тѣмъ оба представляютъ одинъ и тотъ же народъ. Если особенностью французскаго ума дѣйствительно является гармонія и чувство мѣры, то гдѣ они у Раблэ? Его произведенія это—стихія. И такъ какъ намъ говорятъ, что Раблэ это—духъ Галліи, то, увѣровавъ въ фиксированный характеръ каждой націи, мы должны были бы придти къ нелѣпому выводу, что или Раблэ, или Декартъ „не національны“. Впрочемъ, я забылъ про теорію, что „Декартъ, Паскаль и Мольеръ представляютъ собою ultimi Gothorum“, послѣ чего кельтскій элементъ беретъ верхъ! Къ великому сожалѣнію, мы не можемъ принять и эту теорію, такъ какъ Раблэ появился почти на сто лѣтъ раньше „послѣдняго гота“.

Возьму еще одинъ примѣръ. Есть очень много политическихъ и научныхъ теорій, основанныхъ на фиксированномъ характерѣ

арійскаго племени и его міровоззрѣнія. Это послѣднее противопоставляется то кельтскому, то монгольскому, то семитическому міровоззрѣніямъ, которыя тоже принимаются, какъ нѣчто утвержденное отъ вѣка. Постараемся выяснить то понятіе, которое лежитъ въ основѣ теоріи. Что означаетъ слово арійцы? Кто они? Обращаемся къ самымъ главнымъ авторитетамъ. Въ Satapatha-Brahmana ясно говорится: „Арійцы только брамины, кшатріи и ваншіи, ибо только они допускаются къ жертвоприношеніямъ. Они не должны говорить ни съ кѣмъ, кромѣ какъ съ браминами, кшатріями и ваишіями. Если имъ приходится говорить съ шудра, то они должны прибѣгнуть къ посреднику. Таковъ законъ". „Въ Acharva-veda выраженія „шудры и арійцы" обозначаютъ все человѣчество. Слово ârya съ протяжнымъ â происходитъ отъ arya съ короткимъ *a*. И это названіе примѣняется въ позднѣйшемъ санскритѣ къ *ваишія*, или къ членамъ третьей касты". Этотъ третій классъ, вѣроятно, первоначально обнималъ бóльшую часть браминскаго общества, ибо всѣ, кто не былъ браминомъ или воиномъ, принадлежалъ къ *ваишія*. Мы можемъ легко понять, какимъ образомъ названіе, примѣнявшееся вначалѣ къ земледѣльцамъ и къ домовладѣльцамъ, съ теченіемъ времени стало нарицательнымъ для всѣхъ арійцевъ. Мы отклонились бы далеко, если стали бы объяснять, почему всѣ домовладѣльцы были причислены къ арійцамъ. Скажу теперь только, что этимологическое значеніе слова Arya это: „пашущій и обрабатывающій землю. Слово это происходитъ отъ корня arare. Арійцы избрали это названіе для себя въ отличіе отъ бродячихъ племенъ, отъ *туранцевъ*. Корень Tura означаетъ быстроту, съ которой мчится наѣздникъ" [1]. „Слово *аріецъ* употреблялось, какъ почетный титулъ въ Персидской имперіи, что ясно видно изъ клинообразныхъ письменъ Дарія. Онъ называлъ себя Ariya и Ariya-chitra, т. е. арійцемъ и арійскаго происхожденія" [2].

Ну, и Господь съ нимъ, — скажетъ совершенно правильно читатель. Какое мнѣ дѣло до того, означало ли „Arya"—„arare", т. е. плугаря, домовладѣльца, или просто то былъ въ имперіи Дарія Гистаспа такой же общепринятый титулъ, какъ „его высокоблагородіе" у насъ?—Все это было ужасно давно. Титулы вѣдь бываютъ разные. Вотъ, напр., г. Игорь Сѣверянинъ въ своемъ послѣднемъ сборникѣ стихотвореній сообщаетъ, что дѣвушки, когда пишутъ къ нему, адресуютъ письма такъ: „Его Свѣтозарности". „Я требую отличія отъ высокородія",—прибавляетъ поэтъ:

Пусть это обращеніе
Для всякой бездарности...
Не отнимай у генія
Его свѣтозарности,—

---

[1]) Max Müller, „Lectures on the Science of Language"; London, 1866, стр. 267—268.

[2]) Ib., стр. 270.

говоритъ Игорь Сѣверянинъ. Мы, конечно, отнимать не будемъ... Но представимъ себѣ, что кто-нибудь сталъ бы утверждать, что всѣ потомки поэта, до тѣхъ поръ, покуда потухнетъ солнце, непремѣнно будутъ отличаться лучезарностью! Представимъ себѣ теорію, въ силу которой въ сороковомъ и пятидесятомъ вѣкѣ „лучезарность" потомковъ поэта должна ихъ сразу отличать отъ остальныхъ смертныхъ. А между тѣмъ именно это утверждаютъ защитники теоріи, что арійцы на всемъ протяженіи вѣковъ прошли, нося опредѣленный характеръ. Онъ не измѣнился, хотя „плугари" и „домовладѣльцы" скрещивались постоянно съ другими племенами и смѣшались такъ, что теперь существуютъ разные взгляды на то, какой видъ имѣли первоначальные арійцы. Гексли и Пеше, напримѣръ, говорятъ, что арійцы были ростомъ высоки, волосомъ русы и имѣли удлиненный черепъ (долихокефалы). По Тэйлору, арійцы родомъ изъ Европы и они то же самое, что кельты. Ростомъ они были высоки, но черепа у нихъ были не удлиненные, а круглые. Согласно Пикту, арійцы были молодое и сильное племя, занимавшееся земледѣліемъ и скотоводствомъ. Ихъ семейная жизнь была высоко развита и арійцы отличались многими библейскими добродѣтелями. Шрадеръ говоритъ намъ, что арійцы были варвары, знавшіе изъ всѣхъ металловъ только мѣдь. Катрфажъ утверждаетъ, что арійцы представляли два разныхъ типа: долихо кефаловъ и брахикефаловъ. Кеппенъ доказываетъ, что арійцы общаго происхожденія съ финнами, тогда какъ согласно Кремеру и Гоммелю они вышли изъ Месопотаміи, гдѣ жили рядомъ съ семитами.

Арійцы были рослы, русоволосы и долихокефалы,—авторитетно утверждаетъ графъ Гобино и его послѣдователи. „Совсѣмъ нѣтъ,— говоритъ Серджи — арійцы были черноволосы и ростомъ малы". И вотъ въ 1876—78 годахъ Уйфальви отправился въ экспедицію въ нагорную долину Зерафшана, гдѣ, по предположенію, живутъ наиболѣе чистые арійцы гальча. И здѣсь онъ нашелъ русоволосыхъ и черноволосыхъ, высокихъ ростомъ и маленькихъ, брахикефаловъ и долихокефаловъ. Какъ же строить политическія и соціологическія теоріи на такомъ фундаментѣ? Какъ найти общую формулу для характера народа, который *давно уже не существуетъ*?.. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1888 году Максъ Мюллеръ выступилъ съ книгой „Biographies of Words and the Home of the Aryas", въ которой говоритъ, что терминъ „аріецъ" примѣнимъ *только* въ филологическомъ смыслѣ. Онъ означаетъ народъ, говорящій на языкѣ арійскаго происхожденія. Въ этнографическомъ же смыслѣ слово *аріецъ* не имѣетъ никакого научнаго значенія. „Этнологъ, говорящій объ арійской расѣ, арійской крови, арійскихъ глазахъ и волосахъ, — пишетъ Максъ-Мюллеръ — совершаетъ такой же грѣхъ, какой свершилъ бы филологъ, начавъ говорить о долихокефалическомъ словарѣ или о брахикефалической грамматикѣ", Такъ какъ въ области языка законъ Дарвина тоже примѣнимъ, то

мы имѣемъ народы, оставляющіе при новыхъ условіяхъ свой языкъ и принимающіе языкъ побѣдителей или побѣжденныхъ. Вслѣдствіе этого мы имѣемъ народы не-арійскаго происхожденія, говорящіе на языкѣ арійскомъ и наоборотъ.

„Ничего нѣтъ болѣе труднаго, какъ опредѣлить характеръ индивидуума, живого или отошедшаго уже въ вѣчность, — говоритъ Бэбингтонъ. — А между тѣмъ даже тѣ, которые признаютъ эту трудность, не останавливаются передъ характеристикой умственныхъ или нравственныхъ качествъ цѣлаго народа, живущаго теперь или же переставшаго существовать“ [1]). Въ этихъ статьяхъ постараюсь познакомить читателей съ авторами упрощенныхъ соціологическихъ теорій. Мы начнемъ съ наиболѣе яркой попытки сдѣлать то, что Бэбингтонъ признаетъ невозможнымъ. Авторъ этой попытки обладалъ большимъ талантомъ и въ нѣкоторыхъ странахъ его признаютъ даже геніемъ первой величины. Я говорю о трудахъ графа Гобино, служащихъ матеріаломъ для широкихъ политическихъ и соціологическихъ обобщеній.

III.

До войны Гобино и его произведенія были совершенно неизвѣстны какъ въ Россіи, такъ и въ Англіи. О степени этой неизвѣстности свидѣтельствуетъ то, что въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза (у меня подъ руками изданіе 1895 г.) Гобино посвящена замѣтка въ десять строчекъ, причемъ шесть заняты перечисленіемъ произведеній. Собственно же біографическая замѣтка сводится къ слѣдующему: „Гобино (Жозефъ-Артуръ), французскій дипломатъ и оріенталистъ (1816—1882), былъ посланникомъ въ Тегеранѣ, Аѳинахъ, Ріо-де-Жанейро. Написалъ такія-то произведенія“. Вотъ и все. Въ Англіи Гобино, повидимому, былъ извѣстенъ еще меньше. Въ одиннадцатомъ (т. е. послѣднемъ) изданіи *Британской Энциклопедіи* про Гобино нѣтъ ни строчки. „Chambers's Encyclopaedia“ тоже не знаетъ о существованіи этого писателя. „The Century Cyclopedia of Names“ удѣляетъ Гобино шесть строчекъ, причемъ въ перечнѣ сочиненій пропущены два самыхъ капитальныхъ труда: „L'Essai sur l'inégalité des races humaines“ и „Amadis“. Подобное умолчаніе въ энциклопедіяхъ даже непонятно, если принять во вниманіе, что Гобино, какъ ни какъ, очень талантливый и оригинальный писатель, хотя его основныя теоріи разлетаются, какъ дымъ отъ вѣтра, при первой же попыткѣ анализа. А въ то время, какъ въ Англіи, Россіи и во Франціи не признавали даже существованія Гобино (хотя, внѣ сомнѣнія, основная теорія его произвела на Ренана и Тэна такое же впечатлѣніе, какъ законъ о народонаселеніи Мальтуса на Дарвина и Уоллэса),

---

[1]) „Fallacies of Race Theories“; London, 1885, стр. 3.

въ Германіи его произведенія признавались почти откровеніемъ Цѣлый рядъ профессоровъ комментировалъ ихъ. Нѣтъ ни одного произведенія пангерманистовъ, которое не было бы навѣяно основнымъ трудомъ Гобино. Нашумѣвшій передъ войной трудъ Чэмберлэна является, въ сущности, компиляціей „Опыта о неравенствѣ человѣческихъ расъ“. Затѣмъ въ Германіи уже давно существуетъ „Gobineau Vereinigung“, посвятившее себя изученію трудовъ французскаго писателя. Общество собрало и переиздало, можно сказать, каждую строчку Гобино, котораго Вагнеръ причислилъ къ лику великихъ германцевъ. Такъ какъ для дальнѣйшихъ выводовъ мнѣ понадобятся теоріи Гобино, то остановлюсь на нихъ покуда.

Собственно говоря, біографію Гобино можно свести почти къ тому, что нашелъ нужнымъ сказать русскій Энциклопедическій Словарь. Гобино былъ французскій графъ, котораго готовили въ военную службу; но „книга“ рано завладѣла молодымъ человѣкомъ. Видя, что военная служба не для юноши, родители пустили его „по дипломатической части“. И Гобино, не смотря на свои аристократическіе взгляды и на ненависть къ кельтамъ, служилъ и Людовику Филиппу, и второй республикѣ, и Наполеону III, и третьей республикѣ. Въ молодости Гобино долго жилъ въ Германіи, гдѣ одно время посѣщалъ университетъ. До конца жизни писатель не переставалъ интересоваться разными предметами: онъ изучалъ исторію, соціологію, восточные языки, клиновидныя письмена и т. п. Надо сказать, что пользовался онъ иногда нѣсколько страннымъ научнымъ методомъ. „Въ 1854 году Гобино отправился въ Персію, какъ первый секретарь посольства,—говоритъ его восторженный біографъ. — Это назначеніе наполнило его радостью, такъ какъ осуществило его мечты объ изученіи востока. Оно давало Гобино также досугъ для усовершенствованія въ персидскомъ языкѣ, изученномъ раньше. Въ Тегеранѣ Гобино работалъ съ утра до вечера подъ руководствомъ мѣстныхъ ученыхъ и философовъ. Онъ сталъ собирать старыя рукописи, которыя дали ему потомъ возможность написать исторію Персіи, проникнутую новымъ взглядомъ. Одновременно Гобино ищетъ методъ для чтенія клиновидныхъ надписей и пытается найти ключъ къ нимъ *при помощи изученія магіи, кабалы и талисманики*“ [1]).

Курсивъ тутъ мой. Въ подчеркнутой строкѣ, собственно говоря, заключается ключъ ко всѣмъ произведеніямъ Гобинэ. Писалъ онъ ужасно много, и литературное наслѣдство его чрезвычайно велико. Оно поражаетъ своимъ разнообразіемъ: тутъ многотомные соціологическіе труды, какъ „Опытъ о неравенствѣ человѣческихъ расъ“, историческія монографіи, какъ „Histoire des Perses“, филологическія изысканія, какъ „Traité des écritures cunéiformes“, путешествія, какъ „Souvenirs de voyages“, „Voyage à Terre-Neuve“,

[1]) См. біографическій очеркъ при „Amadis“, (Paris, 1887), стр. V—VI

„Trois ans en Asie“ историческіе романы, какъ „L'Abbay de Typhaines“, сборники стихотвореній, какъ „L'Aphroessa“, и чудовищная по размѣру соціологическая поэма въ двадцать тысячъ стиховъ, Amadis. Эта послѣдняя громадный томъ въ 556 страницъ. Забылъ еще одно произведеніе „Исторію норвежскаго пирата Оттара Ярла и его потомства“ (L'Histoire d'Ottar Yarl, pirate norvegien, et de sa descendance). Произведеніе это любопытно въ томъ отношеніи, что авторъ иллюстрируетъ свою любимую исторію о неравенствѣ человѣческихъ расъ и о фиксированномъ характерѣ ихъ исторіей собственнаго родословнаго дерева.

Гобино писалъ хорошо и ужасно много, но, какъ сообщаютъ его біографы, онъ говорилъ еще лучше и еще больше. Авторъ былъ родомъ изъ Гаскони, гдѣ краснорѣчивые люди не переводятся. „Изученіе востока и восточныхъ литературъ придало его языку особую колоритность и образность, — говоритъ біографъ.— Гобино охотно выражался образами... Въ забавныхъ импровизаціяхъ онъ былъ неистощимъ. И этотъ блескъ, это остроуміе остались при немъ до самой смерти“. Тотъ же біографъ сообщаетъ намъ, что, послѣ долгой дипломатической службы, въ томъ числѣ семи лѣтъ служенія третьей республикѣ, Гобино, „profondément dégoûté de tout ce qui touchait à la politique“ (получивъ глубокое отвращеніе ко всему тому, что имѣетъ отношеніе къ политикѣ), удалился окончательно въ Италію въ 1877 г., гдѣ и скончался черезъ пять лѣтъ (въ 1882 г. въ Туринѣ).

Передъ удаленіемъ на покой, онъ сопровождалъ въ 1876 г. бразильскаго императора Дона Педро во время его путешествія по Россіи. Гобино тогда посѣтилъ Петербургъ, Нижній Новгородъ, Москву, Кіевъ, Ливадію и Севастополь. Прежде, чѣмъ перейти къ анализу произведеній Гобино, я приведу еще нѣсколько строкъ изъ біографіи его, чтобы закончить съ нимъ, какъ съ личностью. „Характеръ графа Гобино, въ цѣломъ, очень трудно поддается оцѣнкѣ, — говоритъ восторженный его поклонникъ.—Разносторонность его требуетъ разныхъ оцѣнокъ. Противоположныя черты его характера вызывали то поклоненіе, то сильное раздраженіе. Съ перваго же знакомства поражали и чаровали его веселость, любезность, живость и проницательность его ума. Все это создало ему въ свѣтѣ фатальную репутацію „очаровательнаго человѣка“, исключавшую, повидимому, болѣе серьезныя заслуги. Но если его сверкающія бутады и неожиданные парадоксы восхищали однихъ, они пугали такъ же другихъ. Когда его разъ спросили, зачѣмъ онъ мечетъ столько бисера передъ глупыми, совершенно неинтересными людьми, онъ отвѣтилъ со смѣхомъ: „Они мнѣ надоѣли, мнѣ стало скучно и, чтобы развлечься, я зажегъ для себя фейерверкъ“. „Un feu d'artifice à moi-même pour me distraire“ часто приходитъ въ голову при чтеніи книги Гобино. Во время своего послѣдняго пребыванія въ Римѣ Гобино познакомился съ Рихардомъ Вагне-

ромъ, который сталъ первымъ провозвѣстникомъ „гобинизма“ въ Германіи. Великаго музыканта поразила теорія, вручающая германскому народу скипетръ величія и обрекающая „естественнаго врага“, т. е. Францію, на вырожденіе. Вагнеръ сразу пріобщилъ Гобино къ сонму германскихъ геніевъ, и тотчасъ же въ Германіи началось углубленное изученіе „фейерверка“, зажженнаго авторомъ, чтобы „позабавить себя“.

Для изученія „гобинизма“ важны два сочиненія: четырехтомный трудъ „Опытъ о неравенствѣ человѣческихъ расъ“, появившійся въ 1853 г. [1]), и соціологическая поэма въ двадцать тысячъ стиховъ—*Амадисъ,* вышедшая уже послѣ смерти автора [2]). Эта поэма, надъ которой Гобино работалъ всю жизнь, иллюстрируетъ любимые историческіе и соціологическіе взгляды автора и, пожалуй, еще болѣе важна для изученія „гобинизма“, чѣмъ „Опытъ о неравенствѣ человѣческихъ расъ“. Вотъ почему дальше я подробно разсмотрю ее.

IV.

Въ чемъ же заключается суть „гобинизма“? Каковы основныя положенія этого ученія, не признаннаго на родинѣ (хотя, какъ я сказалъ, имъ навѣяны два великихъ французскихъ труда), но почитаемаго почти какъ откровеніе въ Германіи?

Въ первобытномъ состояніи, передъ зарей исторіи, человѣческія расы имѣли каждая свой опредѣленный характеръ, свои черты, свойственныя только одной расѣ, а не другой [3]). Бѣлая раса—единственная, одаренная творческимъ геніемъ; это единственная раса, получившая отъ вѣка организаторскій талантъ. Ей предопредѣлено было властвовать на землѣ и создавать на ней цивилизацію. Первыя племена этой расы, извѣстныя подъ общимъ родовымъ названіемъ (арійцы), оставили свою первоначальную родину, а именно плато Средней Азіи, и двинулись впередъ, подобно мощнымъ рѣкамъ. Исторія впослѣдствіи дала разныя названія этимъ арійскимъ племенамъ, „но она не могла скрыть ихъ общаго происхожденія“,—говоритъ Гобино. И авторъ доказываетъ, что цивилизація у разныхъ народовъ началась только тогда, когда какой-нибудь арійскій потокъ достигалъ до дикарей, жившихъ въ первобытномъ состояніи, не зная даже огня. И когда даже при помощи „магіи, кабалы и талисманики“ нельзя доказать массоваго переселенія арійцевъ въ какую-нибудь отдаленную страну

---

1) „L'Essai sur l'inégalité des races humaines“; Paris, 1853.

2) „Amadis“. Poëme. Oeuvre posthume; Paris. 1887.

3) Въ Америкѣ, въ 1910 г., появилась интересная книга, навѣянная гобинизмомъ подъ названіемъ „The Law of Civilization and Decay“ (авторъ Брунсъ, Adams). Объ этой книгѣ я скажу во второмъ письмѣ.

Гобино говоритъ о небольшихъ группахъ, объ отдѣльныхъ индивидуумахъ, заброшенныхъ бурей.

Всегда къ троглодитамъ являлся „аріецъ", выполнявшій ту же роль, что небожители въ „Элевзинскомъ Праздникѣ" Шиллера. „Аріецъ" научилъ, какъ „въ пронзенное земное лоно" бросить зерно; онъ былъ первый законодатель у троглодитовъ, — провелъ „грани юныхъ жатвой озлатившихся полей" и скрѣпилъ „первой клятвой узы первыхъ людей". Не „веселый Комъ", а „аріецъ", научилъ дикарей „дружить съ огнемъ", „владѣть клещами, двигать мѣхомъ" и бить молотомъ. „Аріецъ" былъ первый градостроитель. Имъ, а не Палладой, призванъ „богъ, осокою вѣнчанный", чтобы строить флотъ". „Аріецъ" призвалъ искусства. Это онъ, а не Цезарь, сказалъ троглодитамъ, къ которымъ явился, что „человѣкъ для гражданства сотворенъ". Безъ пришествія арійцевъ, въ Европѣ до сихъ поръ были бы только робкіе, нагіе и дикіе троглодиты, укрывающіеся въ пещерахъ, такъ какъ ни одинъ народъ, кромѣ богоравной расы арійцевъ,, не въ силахъ самъ создать цивилизацію. Гобино насчитываетъ въ исторіи семь первоначальныхъ цивилизацій, созданныхъ въ разныхъ странахъ и въ разныхъ вѣкахъ арійцами. Цивилизаціи эти: 1) *Индійская*. Очагъ ея находился тамъ, гдѣ обиталъ народъ, представлявшій собою вѣтвь арійской расы. 2) *Египетская*. Она создана арійской колоніей, переселившейся изъ Индіи и основавшейся въ верховьяхъ Нила. 3) *Ассирійская*. Эта цивилизація обнимаетъ евреевъ, финикійцевъ, лидіянъ, кареагенцевъ и гиміаритовъ. Создали ее послѣдователи Зороастра и иранцы, извѣстныя въ передней Азіи подъименемъ мидянъ. Какъ и персы, эти племена представляли вѣтвь арійской расы. 4) *Греческая цивилизація*. Ее создали арійцы. 5) *Китайская*. Арійская колонія, явившаяся изъ Индіи, принесла свѣтъ китайцамъ и научила ихъ общественному порядку. 6) *Древняя итальянская цивилизація*, породившая римскую цивилизацію; она представляла собою смѣсь кельтской, иберійской, арійской и семитической культуры. И наконецъ, слѣдуетъ седьмая цивилизація, арійская по существу своему, цивилизація *германская*.

Въ первой половинѣ XIX вѣка жилъ а былъ, писалъ да мудрилъ у насъ необыкновенно плодовитый, умный, оригинальный и талантливый поэтъ, романистъ, историкъ и филологъ Александръ Ѳомичъ Вельтманъ, теперь до такой степени забытый, что о немъ знаютъ развѣ по извѣстной „Пѣснѣ разбойниковъ":

Что затуманилась, зоренька ясная,
Пала на землю росой?
Что ты задумалась, дѣвица красная,
Очи блеснули слезой?

Въ самомъ концѣ пятидесятыхъ годовъ А. Ѳ. Вельтманъ вы-

пустилъ въ свѣтъ изслѣдованіе „Сводъ историческихъ и народныхъ изданій“, справедливо встрѣченное ядовитой рецензіей Добролюбова, которая тогда послужила могильной плитой для писателя, раньше имѣвшаго своимъ противникомъ Бѣлинскаго. Трудъ Вельтмана, отдѣленный всего пятилѣтіемъ отъ главнаго труда Гобино, имѣетъ въ сущности, тѣ же цѣли. Русскій писатель старается доказать, что не только цивилизація во всемъ мірѣ создана однимъ народомъ, но и то, что почти всѣ народы, кромѣ одного, въ сущности представляетъ то же племя. Но тутъ русскій писатель расходится съ французскимъ: Гобино доказываетъ, что міръ цивилизованъ арійцами, а въ особенности германцами, тогда какъ Вельтманъ стоитъ за славянъ. Скиѳы, меланхлены и кинокефалы, о которыхъ говоритъ Геродотъ—славяне. (Эта теорія недавно привела въ восторгъ г. Меньшикова). Греки—тоже славянскаго происхожденія, что доказывается именемъ Геркулеса, или Иракла, или Арея. Тутъ уже слѣпой увидитъ, что это славянскій Яро или Юрій. Гуны, или guni, или chuni, или chueni это *кыяне*, т. е. кіевляне. И одна глава изслѣдованія Вельтмана называется „Атилла, великій князь Кіевскій и всея Руси самодержецъ“. Аланы это vulani, или волынцы, отъ слова *воля*. Герулы—никто иные, какъ лугеры, или *лугари*, т. е. жители луговъ, или славяне. Лузитане (португальцы) это—лужичане, т. е. опять-таки славяне. Шведы, или *свевы* это, конечно, *славы*. Франки это—гранки, т. е. славяне, жившіе на границѣ, а слово *кельтъ* происходитъ отъ *челядь*: кельты были челядью у кимбровъ, т. е. у цимбровъ, т. е. у сербовъ. Только готовъ Вельтманъ не могъ тогда произвести въ славяне, а потому, разсердившись, доказалъ, что „готъ“ это бранная славянская кличка, происходящая отъ слова „скотъ“. У Вельтмана не столько блеска, эрудиціи и фантазіи, сколько у Гобино, но все-таки надо изумляться тому, что онъ нашелъ до сихъ поръ въ Россіи только одного обращеннаго: г. Меньшикова, чрезвычайно обрадовавшагося, когда онъ узналъ, что скиѳы и славяне одно и то же. Какая несправедливость къ отечественнымъ ученымъ! „Гобинизмомъ“ вдохновляются политическіе дѣятели. Гобинизмъ комментируется учеными соціологами, а Вельтмана забыли!

Будемъ ждать того времени, надѣюсь, недалекаго, когда г. Булацель или г. Розановъ, или г. Меньшиковъ устроятъ, въ пику нѣмецкому Gobineau Vereinigung, Общество Вельтмана для изученія „вельтманизма“, а то имъ пришлось вдохновляться „чемберленизмомъ“!

А теперь буду знакомить читателей съ „гобинизмомъ“.

Вообще цивилизаторская миссія высшей расы подготовляется путемъ завоеванія. Арійскій потокъ, достигнувъ территоріи, занятой низшей расой, разрушаетъ всѣ плотины, сооруженныя, чтобы остановить его. Втеченіе нѣкотораго періода затѣмъ побѣдители держались въ сторонѣ отъ побѣжденныхъ и если входятъ въ со-

прикосновеніе съ ними, то только какъ администраторы, для того, чтобы держать покоренный народъ въ подчиненіи. Но проходитъ нѣсколько десятилѣтій, и вотъ побѣдители, т. е. высшая раса, начинаютъ вступать въ бракъ съ красивыми дочерьми покоренной, т. е. низшей расы. Являются „метисы“, какъ ихъ называетъ Гобино, которые, по отношенію къ своимъ матерямъ и родовичамъ, представляютъ такой же высшій типъ, какъ мулатъ въ отношеніи къ негру. Получается смѣшанное потомство, стоящее выше туземнаго населенія, но ниже, конечно, побѣдителей. Путемъ скрещиванія устанавливается, въ концѣ концовъ, въ завоеванной странѣ относительное равновѣсіе силъ, — говоритъ Гобино, — и такимъ образомъ достигается солидарность интересовъ завоевателей и завоеванныхъ. Является гармонія дѣйствій, что, въ свою очередь, порождаетъ цивилизацію.

Это равновѣсіе не можетъ быть точно измѣрено однимъ общимъ соціологическимъ закономъ. Исторія не каждой націи начинается завоеваніемъ. Затѣмъ нѣтъ ничего труднѣе,—говоритъ Гобино — какъ изысканія въ области наслѣдственности какой - нибудь расы. Въ доисторическія времена первыя волны арійскихъ потоковъ встрѣчали безчисленныя племена, пребывавшія въ состояніи крайняго варварства. Арійцы подготовляли, конечно, здѣсь почву для будущей цивилизаціи; но вліяніе было слабо, такъ какъ „троглодитовъ“ было неизмѣримо больше. Такимъ образомъ съ теченіемъ времени „господа“ растворялись и исчезали въ морѣ „рабовъ“. Но за то, когда впослѣдствіи до страны этихъ троглодитовъ достигала новая арійская волна, цивилизаторы находили свой трудъ болѣе легкимъ, такъ какъ извѣстная часть благородной крови текла уже въ жилахъ варваровъ. Вновь прибывшіе арійцы находили слѣды арійской культуры, выродившейся и впавшей въ варварство. Имъ приходилось возрождать ее. Затѣмъ нѣкоторыя арійскія племена, когда явились въ Европу, представляли собою уже смѣшанный типъ. Вотъ почему,—говоритъ Гобино,—нельзя совершенно точно измѣрить равновѣсіе между туземцами и арійцами, необходимое для созданія цивилизаціи.

Удѣльный вѣсъ каждаго индивидуума и цѣнность его для цивилизаціи находятся въ прямой зависимости отъ процента арійской крови въ его жилахъ. Отъ скрещиванія съ арійцами низшія расы выигрываютъ, а высшая раса теряетъ. Выводъ, къ которому приходитъ Гобино, самый мрачный. Высшая раса, явившись въ Европу и завоевавъ ее, создала цивилизацію, искусство, литературу, создала аристократію. Но путемъ постепеннаго скрещиванія „порода“ завоевателей выродилась. Европу поэтому ждетъ—предсказываетъ Гобино — полное вырожденіе. Римъ — объясняетъ Гобино—выродился вслѣдствіе усиленнаго скрещиванія римлянъ съ низшими завоеванными народностями: тогда явились германскія племена, т. е. наиболѣе чистые „арійцы“, и спасли своею свѣжей

кровью одряхлѣвшій міръ. Современная цивилизація создана этими арійскими племенами. „Но теперь бѣлая раса не имѣетъ уже запасовъ свѣжей крови",—скорбитъ Гобино.

Есть крѣпкій, блестящій минералъ—полевой шпатъ, мощные кристаллы котораго можно видѣть въ любой глыбѣ гранита. Но этотъ крѣпкій минералъ, подъ вліяніемъ вѣковъ и непогоды, вывѣтривается совершенно и затѣмъ превращается въ глину. Такой же процессъ „вывѣтриванія" и „разложенія" переживаетъ арійская раса. Когда она была совершенно чиста, то знала вѣкъ *боговъ*. Когда къ ней примѣшался незначительный процентъ инородческой крови, удѣльный вѣсъ арійцевъ уменьшился, но все-таки то былъ еще вѣкъ *героевъ*. Прилила еще инородческая кровь, и удѣльный вѣсъ арійцевъ еще понизился; но все-таки то былъ еще вѣкъ смѣлыхъ завоевателей, вѣкъ аристократіи меча. Но идутъ смѣшанные браки, и арійское племя вырождается совершенно. „Арійская кровь (т. е. старая аристократія, согласно Гобино), на которой держится современное общество, скоро исчезнетъ совершенно. И когда послѣдняя капля ея изсякнетъ, „nous rentrerons dans l'ère de l'unité", т. е. мы вступимъ въ эру единства". И эта новая полоса исторіи будетъ „эрой всеобщей посредственности или, что то же, эрой полнаго уничтоженія". Наступитъ тогда крушеніе міра, предсказанное Апокалипсисомъ. „Націи превратятся въ громадныя стада безъ пастырей. Онѣ будутъ сонно прозябать, какъ стада буйволовъ въ понтійскихъ болотахъ". Гобино не скрываетъ мотивовъ, почему онъ написалъ „Опытъ о неравенствѣ человѣческихъ расъ". Авторъ желаетъ помочь тѣмъ, которые ведутъ борьбу противъ равенства и противъ освобожденія пролетаріата.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда графъ Гобино собиралъ матеріалъ для своей книги, многимъ казалось, что достаточно только одно рѣшительное выступленіе и наступитъ всюду новая эра. И вотъ Гобино желалъ доказать, что аристократія абсолютно необходима человѣчеству; что безъ нея оно превратится въ пассивное стадо жвачныхъ. Чтобы показать, какъ упорно держатся характерныя черты благородной расы (т. е. завоевателей по истолкованію автора), Гобино описываетъ *свое* родословное дерево (L'Histoire d'Ottar Yarl, pirate norvégien, et de sa descendance).

Гобино утверждаетъ, что германскія племена, ограбившія и разрушившія Римскую имперію, *были* почти чистые арійцы. Германскіе „гобинисты" утверждаютъ, что нѣмцы остались *до сихъ поръ* чистыми арійцами, поэтому должны быть „народомъ господъ", которому предписано судьбой оздоровлять міръ. Рихардъ Вагнеръ причисляетъ Гобино къ божествамъ національнаго пантеона. Профессоръ Шеманнъ заявляетъ, что Гобино сдѣлалъ для соціологіи то же, что Дарвинъ для біологіи, и затрудняется сказать, кто выше: Гобино-ли ученый или Гобино—поэтъ.

V.

Лучше всего Гобино иллюстрировалъ свои соціологическіе взгляды въ колоссальной поэмѣ *Амадисъ*. Двадцать тысячъ стиховъ! Съ ужасомъ глядѣлъ я на эту толстую книгу въ пятьсотъ страницъ, но когда одолѣлъ ее, то нашелъ очень любопытной во всѣхъ отношеніяхъ.

„Поэма *Амадисъ* представляетъ собою лебединую пѣсню графа де-Гобино и вылилась изъ самой глубины сердца, — говоритъ біографъ нашего писателя.—Она представляетъ собою собраніе всѣхъ мыслей, надъ которыми Гобино думалъ всю жизнь. Читая ее, мы лучше поймемъ соціолога, какъ человѣка... Поэма *Амадисъ* является вѣнцомъ всѣхъ литературныхъ трудовъ Гобино". Прежде, чѣмъ разсказать содержаніе этой громадной поэмы, я приведу оттуда нѣсколько стиховъ, чтобы дать представленіе о Гобино, какъ поэтѣ Говоритъ духъ среднихъ вѣковъ.

Je suis le Moyen Age, et j'ai tranché la tête
Du jeune Conradin. Chevaliers et bourgeois,
J'ai fait sur mes bûchers monter les Albigeois,
Au pied de mes donjons j'ai creusé l'oubliette;
J'ai sonné la terreur du haut de mes beffrois
Et, si l'on veut compter mes crimes sur les doigts,
J'ai versé bien du sang et brisé bien des droits [1]).

Но духъ среднихъ вѣковъ, перечисляя свой пассивъ, указываетъ на свой колоссальный активъ, прикрывающій всѣ грѣхи: онъ призвалъ „изъ полярныхъ областей" смѣлыхъ воиновъ, опрокинувшихъ разложившуюся Римскую имперію „времени Августула". И эти суровые воины сказали римлянамъ:

Cá, race d'avortons, engeance ridicule,
Votre décrépitude a ranci vos vertus,
. . . .
Hors d'ici! Quittez-nous les approches du trône;
Nous allons repétrir l'Empire à notre gré.

(Т. е. „Ну, раса недоносковъ, смѣшная порода! Вы одряхлѣли и ваши добродѣтели прогоркли. Прочь отсюда. Предоставьте намъ доступъ къ трону. Мы перестроимъ имперію по нашему усмотрѣнію"). Въ этихъ стихахъ, въ сущности, заключается весь „гоби-

---

[1]) Я — средніе вѣка. Я отрубилъ голову молодому Конрадину (Конраду Гогенштауфену). Рыцари и горожане, я возвелъ на костры альбигойцевъ и вырылъ подземныя тюрьмы подъ моими башнями. Я возвѣщалъ ужасъ съ моихъ колоколенъ. И если вы станете по пальцамъ пересчитывать мои преступленія, то выйдетъ, что я пролилъ много крови и нарушилъ много правъ

низмъ", т. е. все ученіе о „молодыхъ" и о „выродившихся" расахъ. Діагнозъ вырожденія долженъ ставить болѣе сильный!

А теперь посмотримъ, каково содержаніе поэмы. Раздѣляется она на три книги. Первая часть посвящена среднимъ вѣкамъ Духъ этой эпохи, какъ мы видѣли, называетъ свой пассивъ и активъ. У него въ активѣ крупныя цѣнности:

> L'Honneur, La Liberté, l'Amour!..
> Voilà les trois enfants engendrés de mes reins.

(Честь, Свобода, Любовь... Вотъ дѣти, порожденныя отъ чреслъ моихъ).

Эти три добродѣтели присущи только избраннымъ расамъ и передаются ими по наслѣдству. Доблести эти живы до тѣхъ поръ, покуда націи чисты и покуда избранная раса не выродилась вслѣдствіе скрещиванія съ расами низшими. Среди высшей расы, а именно среди германскаго племени франковъ, Гобино выбираетъ своего героя—Амадиса Гальскаго. По представленію Гобино, это—„типичный аріецъ": Амадисъ Гальскій высокъ ростомъ, широкъ въ плечахъ, волосомъ русъ. Голова у него небольшая, ноги—длинныя, тонкія у щиколотокъ. Нравственныя качества этого длинноногаго арійца сводятся къ сознанію своего безсмертія, къ сильной волѣ властвовать, къ цѣлестремительной дѣятельности, къ любви, соединенной съ вѣрой, и къ лояльности своему сюзерену. Въ первой части Амадисъ Гальскій, въ поискахъ за приключеніями, объѣзжаетъ Исландію. Сопровождаетъ его оруженосецъ Гандалэнъ Гобино желаетъ показать, что можетъ совершить представитель высшей расы, окруженный людьми такого же происхожденія въ молодомъ обществѣ, созданномъ ими же. Амадисъ молодцъ. Всѣ чувства и страсти его являются прямымъ результатомъ того, что раса, къ которой онъ принадлежитъ, чиста и однородна. Публика съ которой знакомитъ насъ графъ Гобино, самая избранная. Судите сами по списку дѣйствующихъ лицъ, выступающихъ въ первой части поэмы. Кромѣ Амадиса, извѣстнаго еще подъ псевдонимомъ Donzel de la mer, мы имѣемъ тутъ даму сердца его Оріану, да еще другую даму, Бріолани, освобожденную странствующимъ рыцаремъ, фею Урганду, влюбленнаго въ нее рыцаря Флоризеля, отца Оріаны короля Лисварта и двухъ волшебниковъ. Одинъ изъ нихъ поплоше, такъ себѣ, рядовой чародѣй; зовутъ его Гарамантъ. За то другой—особа перваго класса въ мірѣ волшебниковъ, по имени Аголантъ.

Во второй части поэмы Гобино показываетъ намъ общество во второй стадіи развитія человѣчества. Оно теперь уже не такое чистое, какъ раньше. Аристократія, т. е. чистая раса побѣдителей, начала смѣшиваться съ побѣжденными, и присутствіе посторонней крови уже проявляется. Народились „метисы", отличающіеся унаслѣдованными отъ родителей инстинктами, свойствен-

ными низшей расѣ: матеріализмомъ и сенсуализмомъ, получившіе отъ родителей-арійцевъ если не *честь* и *силу* въ чистой формѣ, то, во всякомъ случаѣ, сознаніе, что господство необходимо. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ притока низшей крови, появились, выражаясь словами русской былины, „дѣтины не знай собою"; но Амадисъ и его друзья не измѣнились. Они остались чистыми арійцами, проникнутыми идеализмомъ, понятіями о власти и чести среди метисовъ, начавшихъ уже думать о равенствѣ людей. Арійцы-завоеватели пріобрѣли опытъ и навыкъ властвовать. Постоянное пребываніе въ динамическомъ состояніи и неустанная борьб усовершенствовали только способности героевъ, но отнюдь не со старили ихъ. Это пониманіе своего превосходства, это стремленіе къ власти, основанное на сознаніи, что господство надъ низшей расой важно для цивилизаціи, преисполняетъ героевъ радостнымъ чувствомъ лучезарнаго оптимизма, и результатомъ является гимнъ жизни и счастья, которымъ начинается вторая часть поэмы:

La joie! oh! le joyau de l'âme!
La fleur, la fraîcheur de l'esprit!
Est-ce une fée? Est-ce une femme?
L'une vaut l'autre! O joie! ô flamme!
. . . .
Par les dieux immortels! ô la sainte gaie
Humeur est mère de blasphème!
Tristesse engendre impiété!

(Радость, о, радость души! Цвѣтокъ ума, его свѣжесть! Фея ли эта радость или женщина? Одна равноцѣнна другой. О, радость! О, пламя!.. Боги безсмертья! О, святое веселье! Печаль порождена нечестивостью) [1]).

Во второй части прибавляются герои: тутъ императоръ Теофрастъ, дочь его Діаманта, рыцарь Эглэнъ, да еще два властителя надъ потусторонними силами: дама, волшебница Вивіана, да мужчина, самъ Мерлэнъ. Вивіана — женщина смѣшанной крови. Она представляетъ собою олицетвореніе тѣхъ матеріалистическихъ идей, которыя вступили въ борьбу съ рыцарствомъ. О томъ, что въ жилахъ Вивіаны течетъ кровь низшей расы, свидѣтельствуютъ ея черные волосы, ибо высшая раса, какъ мы знаемъ, русоволоса. Вивіана стремится къ власти, но, сознавая, что сама ничего не добьется, пробуетъ вступить въ сдѣлку съ рыцарями. Амадисъ съ негодованіемъ отвергаетъ какую бы то и было сдѣлку съ „метисомъ", хотя бы и прекраснымъ; но одинъ зъ арійцевъ—рыцарь Эглэнъ—соблазняется. И Вивіана увозитъ го въ Никею, гдѣ правитъ ея родственникъ императоръ Теофрастъ. „Метисы" съ теченіемъ времени становятся у власти и въ третьей книгѣ поэмы мы видимъ разложеніе общества, которое было такъ свѣже и молодо, когда впервые явились рыцари.

[1]) „Amadis", Livre II, Chant I.

Третья книга изображаетъ вообще будущность, ожидающую человѣчество, когда „высшая раса" растворится совершенно, когда аристократіи не станетъ и когда наступитъ царство демократіи. Въ третьей книгѣ мы узнаемъ, что Амадисъ, его дама Оріана и другіе рыцари оставили землю, а вмѣстѣ съ ними исчезли доблести, принесенные когда-то высшей расой. Но рыцари знаютъ, что происходитъ на землѣ, такъ какъ засѣдаютъ не то въ Валгаллѣ, не то на Парнасѣ. И вотъ мы видимъ Амадиса рядомъ съ Оріаной. Какъ молодой шляхтичъ у Гоголя, „онъ растолковываетъ ей совершенно все, такъ что уже рѣшительно не можно было ничего прибавить". Амадисъ объясняетъ своей коханкѣ не то, что происходитъ на площади въ Варшавѣ, а соціальную исторію всей земли. Рыцарь, демонстрируя своей дамѣ происходящее на землѣ, прочитываетъ ей курсъ соціологіи. Латинскій міръ представлялъ всегда собою только этническій сплавъ изъ разнородныхъ расъ, сплавъ, въ которомъ черный и желтый элементы преобладали. Держался онъ вмѣстѣ тиранiей и рабствомъ. Сила его, равно какъ и геній были заимствованы у другихъ націй. И наступилъ день, когда этотъ міръ легко палъ подъ ударами варваровъ, которые потомъ передѣлали заново имперію, доставшуюся имъ. Варвары остановили и разгромили желтолицыя полчища Аттилы. На развалинахъ римской имперіи завоеватели создали новое общество, основанное на развитіи индивидуума, полное жизненныхъ силъ; общество, которымъ средніе вѣка могутъ справедливо гордиться. Въ то славное время поэтовъ вдохновляли рыцари. Такіе герои, какъ Парсиваль, научили человѣчество цѣнить смѣлый порывъ и великія достиженія.

Но побѣжденные римляне не исчезли безслѣдно. Они были загнаны въ низы человѣческаго общества, гдѣ продолжали размножаться. Притокъ новой крови и смѣшеніе расъ подняли немного уровень толпы и породили такіе типы, какъ императоръ Теофрастъ или волшебница Вивіана, дѣйствующіе во второй части поэмы. Эти выскочки захватили мѣста „законныхъ" господъ, т. е чистыхъ арійцевъ, русоволосыхъ племенъ, и стали властвовать. З ними валомъ повалила безчисленная латинская раса, захватившая наконецъ общество, ослабленное пороками и безчастьемъ. Но такой порядокъ—объясняетъ Амадисъ Гальскій—не можетъ долго продолжаться. Справедливость—не пустое слово. Подготовляются въ мірѣ великія событія, и св. Георгу снова суждено сразиться съ дракономъ. Однимъ словомъ, современный міръ, представляющій собою своего рода насыщенный растворъ крови низшихъ расъ одряхлѣлъ, какъ Римъ передъ вторженіемъ варваровъ. И Амадисъ Гальскій, вмѣстѣ съ своей дамой, спускается на землю, такъ какъ рыцарь желаетъ уяснить себѣ, что таитъ будущее для людей. Они находятъ волшебницу Вивіану, подбившую рыцаря Эглэна властвовать вмѣстѣ съ нею, постарѣвшей. Передъ смертью рыцарь от-

рекся отъ нея. Сынъ ея сверженъ съ престола, а волшебникъ Мерлэнъ, вѣрно служившій ей, запертъ въ хрустальный гробъ. Вивіана съ горестью сообщаетъ Амадису, что императоръ Теофрастъ, а вмѣстѣ съ нимъ другіе властелины, потеряли престолы. Амадисъ освобождаетъ изъ хрустальной могилы волшебника Мерлэна, живущаго только ненавистью къ Вивіанѣ. Онъ сообщаетъ рыцарю, спустившемуся съ Валгаллы, что наказаніе міра близко. Выродившееся общество должно быть истреблено:

Ami! tout va changer!
Leur monde va plonger
Dans la boue et la fange!
. . . .
Nous sommes à la veille
De l'aurore vermeille
Où naîtra la merveille
D'un gravois ranimé! [1]).

Такъ вѣщаетъ Мерлэнъ.

Волшебники, особенно послѣ того, какъ пролежатъ въ оцѣпенѣніи не знаю сколько вѣковъ въ хрустальномъ гробѣ, не могутъ выражаться вполнѣ ясно. Приведенные стихи значатъ: „Мой другъ! Все измѣнится. Міръ ихъ погрузится въ грязь и въ трясину... Мы живемъ наканунѣ. Должна заалѣть заря. Изъ ожившаго щебня родится чудо". Выслушавъ пророчество, Амадисъ Гальскій, къ которому теперь присоединяются рыцари Галаоръ и Гандалэнъ, отправляются въ новую столицу латинскаго міра. Простымъ смертнымъ путешественники не видны. Эфиръ, изъ котораго состоятъ астральныя тѣла рыцарей, совершенно неуловимъ для грубыхъ чувствъ матеріалистовъ, что даетъ возможность путешественникамъ лучше видѣть всю глубину паденія выродившагося общества. Въ столицѣ новаго латинскаго міра мятежъ слѣдуетъ за мятежомъ и революція за революціей. Чернь (Волочаголь кабацкая, по старой терминологіи) беретъ верхъ, становится властелиномъ и выдвигаетъ впередъ самаго низкаго изъ своей среды, Варраву, превращающагося въ тирана. Его тщеславію нѣтъ предѣла, и Варрава окружаетъ себя такою же безумною роскошью, какъ послѣдніе римскіе императоры. Въ возлюбленныя ему надобна непремѣнно принцесса, и онъ выбираетъ Діаманту, дочь сверженнаго императора Теофраста. Діаманта имѣетъ въ своихъ жилахъ кровь низшей расы, поэтому добродѣтели арійцевъ ей чужды. И снова міръ видитъ такое же явленіе, о которомъ говоритъ Ювеналъ въ шестой сатирѣ: принцесса приноситъ на изголовье супруга запахъ непотребнаго дома. Варрава не можетъ долго удержаться у власти, такъ какъ разсѣяна даже тѣнь старинныхъ традицій, которыя тиранъ пытается поддерживать для

---

[1]) „Amadis", Livre III, Chant II.

своей пользы. Массы сбрасываютъ съ себя всякую узду. Онѣ представляютъ теперь собою кровожаднаго Калибана, которому доставляютъ наслажденіе пожары, убійства, оскверненіе могилъ, пьянство и грязь всякаго рода. Калибанъ этотъ воетъ, рычитъ, съ хохотомъ созерцаетъ горящіе дворцы, а Діаманта пляшетъ для него. И вотъ такую пѣсню распѣваетъ „Калибанъ":

Plus de rhéteurs!
Plus de docteurs!
Un artisan, c'est notre affaire!
Charpentier, couvreur ou maçon
Pas de façon!
Plus de leçon!
Qu'il ait ou n'ait pas de chausson,
De caleçon,
Voilà le roi qu'il nous faut faire.
Et sonnez, trompette et basson! [1]).

(Т. е. „Не надо риторовъ! Не надо ученыхъ! Ремесленникъ вотъ кто намъ любъ! Плотникъ, кровельщикъ или каменьщикъ. Безъ церемоній! Не надо уроковъ. Намъ безразлично, есть-ли у него чулки и портки. Вотъ какой король намъ надобенъ. Ревите трубы и фаготы!").

Калибанъ изъ прошлаго чтитъ только одно: все то, что напоминаетъ Римскую имперію, ибо онъ гордится своимъ латинскимъ происхожденіемъ... Но уже появилась „волчица", посланная Ариманомъ и символизирующая развратъ разложившагося міра. Уже она рыщетъ, голодная, по холмамъ и долинамъ: добыча близка. На міръ этотъ скоро хлынетъ врагъ, остановленный въ 451 году на Каталаунской равнинѣ Теодорихомъ. Полчища Аттилы состояли изъ желтолицыхъ. И желтой расѣ суждено раздавить выродившійся міръ. Уже готовитъ на Дальнемъ Востокѣ новый Эцель свои полчища, которымъ нѣтъ числа. Близка гибель современной цивилизаціи и наказаніе міра за пороки, т. е. за матеріализмъ, за демократизмъ, за бунтъ противъ чистыхъ „арійцевъ". Гобино не только далъ готовую философію германскимъ имперіалистамъ; онъ открылъ также для нихъ „славянскую опасность". Азіатовъ на западный міръ призовутъ славяне.

Les portiers de l'Europe à grand cris les appellent:
Asiates, venez!
Les portiers de l'Europe à leurs caissons s'attellent,
Hurlants, échevelés,
Ruisselants de sueur, la hache à la ceinture,
Le pic au bout du bras.
Hardi! poussez! ramez! Commencez l'aventure,
Le vin ne vous manquera pas! [2]).

---

[1]) Amadis, Livre III, Chant III.
[2]) Ib., Chant VII.

(Т. е. „Привратники Европы во весь голосъ выкликаютъ: „Азіаты, приходите!“ Привратники Европы, растрепанные, потные, съ топорами у пояса и пиками въ рукахъ, завывая, впрягаются въ фуры. „Смѣлѣй, впередъ! Напирайте! Въ винѣ не будетъ недостатка“). „Привратники Европы—говоритъ дальше Гобино,— сильны, храбры, гиганты ростомъ. А самое главное, ихъ много“.

C'est le peuple des Slaves,
Toujours ils ont joué même rôle céans.
Is sont parents des Huns, des Scythes et des Sères,
De tous ces sanglants vagabonds,
Armés de becs pointus et de tranchantes serres,
Qui sur Rome en débris multipliaient leurs bonds.
Ils ont ouvert la porte, ils ont frayé la route.

(То славянскія племена, которыя здѣсь всегда играли ту же роль. Они родственны гунамъ, скиѳамъ, серамъ [1]) и всѣмъ залитымъ кровью побродягамъ, съ острымъ клювомъ и когтями, устремлявшимся многократно на сраженный Римъ. Они открыли ворота азіатамъ и уторили путь).

Горе одряхлѣвшему міру! Арійской расы смѣлыхъ хищниковъ, защищавшихъ Европу въ пятомъ вѣкѣ, больше не существуетъ. Амадисъ Гальскій (повидимому, снова матеріализованный) скликаетъ послѣднихъ рыцарей, оставшихся на землѣ. Онъ можетъ обѣщать имъ не побѣду, но почетную смерть въ бою. „Горизонтъ мраченъ. Смерть надвигается. Рушатся всюду башни, падаютъ церкви, пылаютъ деревни, города, все, что создано цивилизаціей... То гибнетъ міръ, нами сотворенный. Мы погибнемъ вмѣстѣ съ нимъ, но то будетъ праздникъ мужества“. А что дѣлаетъ въ это время выродившаяся толпа? Одни ищутъ глубокія каменоломни, чтобы укрыться тамъ отъ надвигающагося врага. Другіе снастятъ корабли, чтобы переселиться на какой-нибудь отдаленный островъ, но большинство предлагаетъ подчиниться завоевателю. „Зачѣмъ приходить въ отчаянье?—говоритъ это большинство.—Пусть явится дьяволъ. Его можно развратить роскошью и такимъ образомъ смягчить его жестокость“. „Эти проныры примѣряли уже платье варваровъ, находили его оригинальнымъ, красивымъ и дающимъ много простора при движеніяхъ. Они стригли уже волосы по башкирской модѣ и учили, какъ сказать по-маньчжурски: „Я стою выше предразсудковъ“. Иные посылали къ туркменамъ цѣнные подарки и вступали въ переговоры съ желтолицыми разбойниками. Они имъ писали: „Наши мечтатели глупы, когда вопіютъ противъ васъ. Добро пожаловать! Вамъ принадле-

[1]) Такъ римляне вообще называли народы, живущіе на востокъ отъ Скиѳіи. Любопытно, что древніе авторы имѣли о нихъ лучшее мнѣніе, чѣмъ Гобино. Птоломей, напр., изображаетъ серовъ, какъ друзей мира, ненавидящихъ войну и чтящихъ справедливость.

жить будущее! Вы—сила. Вы—геніальны, и мы рады подчиниться вамъ". А между тѣмъ живой океанъ стремительно надвигается, уничтожая все на своемъ пути. Надъ волнами его носится туча воронов, а въ карканьѣ ихъ слышится:

Le sang va couler comme l'onde
Dans les ruisseaux;
Ici, dans la fosse profonde,
Déborde à seaux.
Le sang, le sang! Il accumule,
Il coagule.

(Кровь потечетъ, какъ вода, въ ручьи. Кровь наполнила глубокій ровъ и перелилась черезъ край. Кровь, кровь! Она накопляется и свертывается). Амадисъ и другіе послѣдніе рыцари падаютъ, совершивъ предварительно чудеса храбрости. Орда побѣждаетъ. Она смѣшается потомъ съ выродившимся латинскимъ населеніемъ и въ результатѣ явится культура еще болѣе низкая.

Такова поэма.

Мнѣ кажется, читатель имѣетъ теперь достаточное представленіе о „гобинизмѣ", т. е. о теоріи, проповѣдующей неравенство человѣческихъ расъ, постоянство ихъ характера отъ вѣка и важность для цивилизаціи „расы господъ".

Произведенія Гобино не были замѣчены широкимъ кругомъ читателей во Франціи и въ Англіи, но „гобинизмъ" произвелъ сильное впечатлѣніе на цѣлый рядъ писателей, изъ которыхъ одни стояли ниже по литературному таланту, чѣмъ авторъ „Опыта о неравенствѣ человѣческихъ расъ", а другіе — неизмѣримо выше его. Назову Ренана, Тэна и Лапужа во Франціи, Кидда — въ Англіи, Ницше—въ Германіи. „Гобинизмомъ" навѣяно ученіе о предопредѣленіи германской расы. У Гобино обѣими руками черпали всѣ поклонники „силы", т. е. насилія, отъ Трейчке до Хаустона Чемберлэна. Они внесли только существенную поправку въ ученіе графа Гобино. Авторъ *Амадиса* говоритъ, что германскія племена *прежде* представляли собою чистыхъ арійцевъ и *прежде* имѣли миссіей разрушить разложившійся древній міръ, чтобы на развалинахъ его создать новую цивилизацію, совершенную цивилизацію, цивилизацію „господъ". Германскій имперіализмъ говоритъ, что Германія и *теперь* представляетъ собою чистыхъ арійцевъ, которымъ, въ силу этому, суждено оздоровить міръ, замѣнивъ анархію и безначаліе (порожденіе латинской культуры) дисциплиной и *организаціей*. Теперь попытаемся анализировать упрощенную соціологію.

Діонео.

Россія существуетъ. И обыватель выводитъ отсюда дальнѣйшее заключеніе, что разруха эта создана врагомъ, что Россія повинуется приказамъ изъ Берлина. Это, господа, своего рода буревѣстники, съ которыми нужно считаться, пока не вспыхнула буря... Насъ зовутъ водрузить крестъ на храмъ Св. Софіи. Но какой же крестъ мы будемъ водружать, когда на насъ самихъ нѣтъ креста? Чтобы водрузить этотъ крестъ, мы должны почиститься, мы должны сами очиститься отъ этой мерзости, отъ этихъ ужасовъ. И только тогда, когда мы очистимся, только тогда для насъ въ самомъ дѣлѣ откроется путь къ побѣдѣ". (Цит. по „Рѣчи", 23. XI).

Такъ говорили члены Государственнаго Совѣта, судя по тому, какъ напечатаны ихъ рѣчи съ разрѣшенія цензуры въ газетахъ... Въ дѣйствительности, надо отмѣтить, они говорили нѣсколько иначе. Кн. Е. Н. Трубецкой заявилъ письмомъ въ редакцію „Биржевыхъ Вѣдомостей" (24. XI, вечернее изданіе), что цензура выкула изъ этихъ рѣчей не только отдѣльныя выраженія, но и самый смыслъ. Въ „смягченіи" смысла она пошла очень далеко. Но и въ своемъ подлинномъ видѣ заявленія Карпова, Таганцева, кн. Голицына, кн. Трубецкого, конечно, выражаютъ лишь нѣкоторыя мысли, существующія нынѣ въ странѣ. Ими не исчерпывается голосъ общества. Они—симптомъ, примѣтныя, повторяю, точки, по которому можно судить, по какому направленію пошло общественное сознаніе, въ чемъ и гдѣ оно ищетъ выхода. Демократическіе круги общества, совершенно не представленные въ Государственномъ Совѣтѣ, не могутъ признать мнѣній, о которыхъ можно судить по только что приведеннымъ отрывкамъ, новыми для себя. Для демократическихъ круговъ тутъ нѣтъ новаго уже потому, что изъ ихъ среды еще въ августѣ - сентябрѣ 1914 года шли голоса о необходимости измѣнить систему, не молчать о тяжкомъ недугѣ, очиститься, выражаясь словами кн. Трубецкого, отъ „мерзостей", закрывшихъ „путь къ побѣдѣ". Сами по себѣ эти мнѣнія, повторяю, не новы. Ново лишь то, что къ этому пришли, наконецъ, или приходятъ общественные слои и теченія, представленные въ Государственномъ Совѣтѣ. Нѣтъ никакого основанія говорить о полномъ совпаденіи нынѣшнихъ совѣтскихъ мнѣній съ мнѣніями демократическими. Можно даже сказать, что положительное содержаніе тѣхъ и другихъ мнѣній остается существенно различнымъ. Но въ части отрицательной, въ смыслѣ оцѣнки даннаго положенія, явилась возможность найти общій языкъ. Возникла вмѣстѣ и повышенная жажда активности, чтобы устранить препятствія, очиститься отъ „мерзостей".

Такъ можно опредѣлить наиболѣе характерныя черты новаго кризиса настроеній. У насъ нѣтъ условій, при которыхъ въ хаосѣ неопредѣленностей, именуемыхъ настроеніями, могутъ настояще оформиться и организоваться опредѣленныя величины и силы. И это возлагаетъ на наши законодательныя собранія, а въ особенности и даже главнымъ образомъ на Государственную Думу, исключительно сложныя задачи. Думѣ приходится не просто „отразить

голосъ страны",—надо неопредѣленное выразить въ логическихъ формулахъ, имѣющихъ организующее значеніе для страны и силу аргумента для власти. Извѣстно, какъ справилась съ этимъ Государственная Дума лѣтомъ 1915 г. Организующихъ формулъ она не нашла. И всю организаціонную задачу свела къ образованію *парламентскаго* „прогрессивнаго блока". Не нашла и убѣдительныхъ аргументовъ для другой стороны. Настроеніе такъ и осталось мало оформленнымъ,—потомъ упало и распылилось.

Тѣ же по существу задачи предстояло рѣшать и теперь,—въ начавшуюся 1 ноября V сессію IV Думы. Конечно, Дума отразила критическую оцѣнку дѣйствительности, складывающуюся сообразно настроеніямъ въ странѣ. Но въ думскомъ отраженіи сразу же обнаружилась характерная черта. Выше сравнены отрывки изъ наиболѣе существенныхъ отзывовъ, высказанныхъ 22 ноября въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ нихъ главное мѣсто отводится внутреннимъ неладностямъ, на внутренней политикѣ въ Совѣтѣ и ставится удареніе. Въ думскихъ отзывахъ, высказанныхъ на первыхъ же засѣданіяхъ, внутренняя политика, разумѣется, не забыта, но главное мѣсто отведено внѣшнимъ неладностямъ и на внѣшней политикѣ поставлено удареніе. Это различіе, безъ сомнѣнія, нельзя объяснить тѣмъ, что Совѣтъ больше интересуется внутренней политикой, Дума—внѣшней. Такого расхожденія интересовъ нѣтъ. Нельзя также сказать, что Дума направила ударъ въ наиболѣе слабый пунктъ. Во внутренней политикѣ порядка нисколько не больше, чѣмъ во внѣшней. Можно даже сказать, что меньше. Найти логическія основанія для совершеннаго Думою переноса ударенія съ главнаго предложенія на придаточное мудрено. Но можно понять нѣкоторыя побудительныя къ тому причины.

Много значитъ прежде всего,—въ какомъ мѣстѣ блоковое думское большинство могло собрать наиболѣе значительную ударную массу. Элементы, вошедшіе въ большинство, ужъ очень разнородны и пестры. Блоковая программа и тактика въ четвертую думскую сессію свелась къ попыткамъ провести нѣкоторыя органическія реформы,—волостное земство, пересмотръ земскаго и городового Положеній. Но достигнутое въ порядкѣ компромисса соглашеніе относительно характера этихъ реформъ оказалось не настолько охранительнымъ, чтобы быть пріемлемымъ для правящихъ круговъ, и не настолько прогрессивнымъ, чтобы вызвать значительную поддержку въ странѣ. Не имѣя ни достаточной поддержки со стороны народа, ни собственныхъ силъ для успѣшнаго сведенія счетовъ съ бюрократіей, блокъ въ IV сессію не достигъ ни одной изъ поставленныхъ имъ цѣлей. И къ началу нынѣшней V сессіи онъ оказался безъ опредѣленнаго плана дѣйствій въ предѣлахъ вопросовъ внутренней политики. Въ жизненность прошлогодняго компромисса послѣ разочарованій трудно вѣрить. Найти новый

Россіи существуетъ. И обыватель выводитъ отсюда дальнѣйшее заключеніе, что разруха эта создана врагомъ, что Россія повинуется приказамъ изъ Берлина. Это, господа, своего рода буревѣстники, съ которыми нужно считаться, пока не вспыхнула буря... Насъ зовутъ водрузить крестъ на храмъ Св. Софіи. Но какой же крестъ мы будемъ водружать, когда на насъ самихъ нѣтъ креста? Чтобы водрузить этотъ крестъ, мы должны почиститься, мы должны сами очиститься отъ этой мерзости, отъ этихъ ужасовъ. И только тогда, когда мы очистимся, только тогда для насъ въ самомъ дѣлѣ откроется путь къ побѣдѣ". (Цит. по „Рѣчи", 23. XI).

Такъ говорили члены Государственнаго Совѣта, судя по тому, какъ напечатаны ихъ рѣчи съ разрѣшенія цензуры въ газетахъ... Въ дѣйствительности, надо отмѣтить, они говорили нѣсколько иначе. Кн. Е. Н. Трубецкой заявилъ письмомъ въ редакцію „Биржевыхъ Вѣдомостей" (24. XI, вечернее изданіе), что цензура выкула изъ этихъ рѣчей не только отдѣльныя выраженія, но и самый смыслъ. Въ „смягченіи" смысла она пошла очень далеко. Но и въ своемъ подлинномъ видѣ заявленія Карпова, Таганцева, кн. Голицына, кн. Трубецкого, конечно, выражаютъ лишь нѣкоторыя мысли, существующія нынѣ въ странѣ. Ими не исчерпывается голосъ общества. Они—симптомъ, примѣтныя, повторяю, точки, по которому можно судить, по какому направленію пошло общественное сознаніе, въ чемъ и гдѣ оно ищетъ выхода. Демократическіе круги общества, совершенно не представленные въ Государственномъ Совѣтѣ, не могутъ признать мнѣній, о которыхъ можно судить по только что приведеннымъ отрывкамъ, новыми для себя. Для демократическихъ круговъ тутъ нѣтъ новаго уже потому, что изъ ихъ среды еще въ августѣ - сентябрѣ 1914 года шли голоса о необходимости измѣнить систему, не молчать о тяжкомъ недугѣ, очиститься, выражаясь словами кн. Трубецкого, отъ „мерзостей", закрывшихъ „путь къ побѣдѣ". Сами по себѣ эти мнѣнія, повторяю, не новы. Ново лишь то, что къ этому пришли, наконецъ, или приходятъ общественные слои и теченія, представленные въ Государственномъ Совѣтѣ. Нѣтъ никакого основанія говорить о полномъ совпаденіи нынѣшнихъ совѣтскихъ мнѣній съ мнѣніями демократическими. Можно даже сказать, что положительное содержаніе тѣхъ и другихъ мнѣній остается существенно различнымъ. Но въ части отрицательной, въ смыслѣ оцѣнки даннаго положенія, явилась возможность найти общій языкъ. Возникла вмѣстѣ и повышенная жажда активности, чтобы устранить препятствія, очиститься отъ „мерзостей".

Такъ можно опредѣлить наиболѣе характерныя черты новаго кризиса настроеній. У насъ нѣтъ условій, при которыхъ въ хаосѣ неопредѣленностей, именуемыхъ настроеніями, могутъ настояще оформиться и организоваться опредѣленныя величины и силы. И это возлагаетъ на наши законодательныя собранія, а въ особенности и даже главнымъ образомъ на Государственную Думу, исключительно сложныя задачи. Думѣ приходится не просто „отразить

голосъ страны",—надо неопредѣленное выразить въ логическихъ формулахъ, имѣющихъ организующее значеніе для страны и силу аргумента для власти. Извѣстно, какъ справилась съ этимъ Государственная Дума лѣтомъ 1915 г. Организующихъ формулъ она не нашла. И всю организаціонную задачу свела къ образованію *парламентскаго* „прогрессивнаго блока". Не нашла и убѣдительныхъ аргументовъ для другой стороны. Настроеніе такъ и осталось мало оформленнымъ,—потомъ упало и распылилось.

Тѣ же по существу задачи предстояло рѣшать и теперь,—въ начавшуюся 1 ноября V сессію IV Думы. Конечно, Дума отразила критическую оцѣнку дѣйствительности, складывающуюся сообразно настроеніямъ въ странѣ. Но въ думскомъ отраженіи сразу же обнаружилась характерная черта. Выше сравнены отрывки изъ наиболѣе существенныхъ отзывовъ, высказанныхъ 22 ноября въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ нихъ главное мѣсто отводится внутреннимъ неладностямъ, на внутренней политикѣ въ Совѣтѣ и ставится удареніе. Въ думскихъ отзывахъ, высказанныхъ на первыхъ же засѣданіяхъ, внутренняя политика, разумѣется, не забыта, но главное мѣсто отведено внѣшнимъ неладностямъ и на внѣшней политикѣ поставлено удареніе. Это различіе, безъ сомнѣнія, нельзя объяснить тѣмъ, что Совѣтъ больше интересуется внутренней политикой, Дума—внѣшней. Такого расхожденія интересовъ нѣтъ. Нельзя также сказать, что Дума направила ударъ въ наиболѣе слабый пунктъ. Во внутренней политикѣ порядка нисколько не больше, чѣмъ во внѣшней. Можно даже сказать, что меньше. Найти логическія основанія для совершеннаго Думою переноса ударенія съ главнаго предложенія на придаточное мудрено. Но можно понять нѣкоторыя побудительныя къ тому причины.

Много значитъ прежде всего,—въ какомъ мѣстѣ блоковое думское большинство могло собрать наиболѣе значительную ударную массу. Элементы, вошедшіе въ большинство, ужъ очень разнородны и пестры. Блоковая программа и тактика въ четвертую думскую сессію свелась къ попыткамъ провести нѣкоторыя органическія реформы,—волостное земство, пересмотръ земскаго и городового Положеній. Но достигнутое въ порядкѣ компромисса соглашеніе относительно характера этихъ реформъ оказалось не настолько охранительнымъ, чтобы быть пріемлемымъ для правящихъ круговъ, и не настолько прогрессивнымъ, чтобы вызвать значительную поддержку въ странѣ. Не имѣя ни достаточной поддержки со стороны народа, ни собственныхъ силъ для успѣшнаго сведенія счетовъ съ бюрократіей, блокъ въ IV сессію не достигъ ни одной изъ поставленныхъ имъ цѣлей. И къ началу нынѣшней V сессіи онъ оказался безъ опредѣленнаго плана дѣйствій въ предѣлахъ вопросовъ внутренней политики. Въ жизненность прошлогодняго компромисса послѣ разочарованій трудно вѣрить. Найти новый

компромиссъ, пріемлемый для столь несходныхъ фракцій большинства, какъ, напр., конституціоналисты-демократы, съ одной стороны, и либеральные націоналисты, съ другой,—задача, за разрѣшеніе которой даже не пытались браться. Въ концѣ междудумья, когда началась работа бюджетной коммиссіи, депутаты сдѣлали попытку подойти вплотную къ продовольственной задачѣ. Но, если среди нихъ не оказалось, къ счастью, очень значительнаго числа сторонниковъ „свободной торговли", проповѣдывать которую взялся управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Протопоповъ, то не оказалось и подавляющаго числа сторонниковъ государственнаго вмѣшательства въ частно-хозяйственныя отношенія. Въ либеральномъ думскомъ блокѣ есть теченія, защищающія потребительный интересъ народа, съ другой стороны,—въ немъ сильны и представители владѣльческихъ классовъ, которые домогаются возможно болѣе высокихъ цѣнъ на предметы необходимости и болѣе выгодныхъ для себя условій. Разнородные элементы примирились на компромиссной резолюціи, частью подтвердившей status quo (нужны твердыя цѣны), частью повторившей общія мѣста (нужно привлечь общественныя силы), частью отозвавшейся на преувеличиваемую легендами и слухами „борьбу министра внутреннихъ дѣлъ съ министромъ земледѣлія"... И попытка подойти къ продовольственной задачѣ завершилась „словесностью", далекой отъ положительнаго и опредѣленнаго плана. Другими словами—большинству было трудно найти критерій, необходимый для оцѣнки даже тѣхъ сторонъ внутренней политики, которыя привели къ тяжкимъ продовольственнымъ затрудненіямъ.

Много значитъ, далѣе, вопросъ тона, пафоса. Одно дѣло—отрицательно относиться къ безспорно темнымъ явленіямъ государственнаго быта, и другое—*какъ* говорить о нихъ. Слова, звучащія очень сильно, если ихъ говоритъ Карповъ или Таганцевъ въ Маріинскомъ дворцѣ, покажутся слабыми и неубѣдительными, если ихъ въ Таврическомъ дворцѣ произнесетъ, скажемъ, Шидловскій или Милюковъ. Относительно тона согласиться оказалось такъ трудно, что передъ самымъ открытіемъ сессіи группа прогрессистовъ изъза редакціоннаго спора объ отдѣльныхъ выраженіяхъ въ блоковой деклараціи сочла нужнымъ выйти изъ блока. Можно думать, что самъ по себѣ этотъ споръ былъ лишь поводомъ для раскола. Причины глубже. Но и споръ объ отдѣльныхъ выраженіяхъ нельзя считать вещью совсѣмъ мелкой. Отъ того, какой тонъ желаютъ люди взять, часто зависитъ и выборъ темы, о которой имъ ничто не мѣшаетъ говорить желательнымъ тономъ. И уже по одной этой причинѣ всего естественнѣе было останавливаться на такихъ деталяхъ общаго положенія, о которыхъ можно говорить съ пафосомъ, соотвѣтствующимъ настроенію, и въ то же время оставаться въ блокѣ и не возбуждать внутри него треній и пререканій.

На внѣшней политикѣ, повторяю, оказалось удареніе. Но и здѣсь оно было поставлено своеобразно. Система внѣшней политики зависитъ во многомъ отъ внутреннихъ политическихъ отношеній или тѣсно съ ними связана. Нельзя должнымъ образомъ принять внѣшнее, не углубляясь въ изслѣдованіе внутренняго. Группы, кричавшія ура по случаю столыпинскаго переворота 3 іюня и до сихъ поръ желающія сохранить все то, что имъ далъ этотъ столыпинскій актъ, мало способны очень углубляться въ изслѣдованіе внутреннихъ грѣховъ. Невозможно такое углубленіе и для тѣхъ, кто желаетъ идти съ этими группами рука объ руку. Скользя же по поверхности, всего удобнѣе критиковать не систему, а лицъ. Критиковать лично Б. В. Штюрмера, какъ министра иностранныхъ дѣлъ, видимо, не очень подготовленнаго къ исполненію этихъ обязанностей, можно было разными способами и съ разныхъ точекъ зрѣнія. Крупнѣйшіе ораторы большинства избрали способъ, наиболѣе сильный въ смыслѣ полемическомъ.

Самому Б. В. Штюрмеру было извѣстно, что въ широкихъ общественныхъ кругахъ существуетъ недовѣріе къ его патріотизму. Его считали и считаютъ не просто близкимъ къ тѣмъ партійнымъ группамъ, взгляды которыхъ публично выражаются „Русскимъ Знаменемъ" г. Дубровина, „Земщиною" г. Маркова, „Россійскимъ Гражданиномъ" г. Булацеля,—относительно г. Штюрмера сложилась увѣренность, что онъ солидаренъ со взглядами этихъ группъ на союзныя державы, союзные договоры и вообще на задачи внѣшней политики. Б. В Штюрмеръ лѣтомъ н. г., вскорѣ послѣ своего назначенія на постъ министра иностранныхъ дѣлъ, жаловался московскому городскому головѣ на это недовѣріе къ нему и просилъ передать, по крайней мѣрѣ, населенію Москвы, что онъ держится взглядовъ, не такихъ, какіе ему приписываетъ молва. Просьба, разумѣется, не могла разсѣять подозрѣнія. И на этомъ-то, безъ сомнѣнія, очень слабомъ мѣстѣ и оказалось удареніе думской критики.

Едва-ли не самый сильный выпадъ въ эту сторону содержался въ рѣчи П. Н. Милюкова, произнесенной въ засѣданіи 1 ноября. Сюда были направлены разсказанныя имъ съ думской каѳедры личныя впечатлѣнія, вынесенныя за время заграничной поѣздки. Сюда были направлены прочитанныя имъ выдержки изъ отзывовъ нѣмецкой прессы о Б. В. Штюрмерѣ. Сюда были направлены сообщенія г. Милюкова о подмѣченныхъ имъ во время заграничнаго путешествія фактахъ, какъ будто мелкихъ и ничтожныхъ, но наводящихъ на сомнѣнія и подозрѣнія. Сюда были направлены и напоминанія о фактахъ, болѣе крупныхъ и общеизвѣстныхъ, не дающихъ логическаго основанія считать, что г. Штюрмеръ солидаренъ съ г. Булацелемъ, но позволяющихъ предполагать такую солидарность возможной. Для прямыхъ обвиненій матеріалъ, представленный г. Милюковымъ, былъ недостаточенъ. И самъ г. Ми-

люковъ въ заключеніе призналъ, что въ данномъ случаѣ можно предполагать и неспособность къ исполненію государственныхъ обязанностей, и сознательное стремленіе къ поставленной цѣли. Онъ высказалъ лишь, что практически и то, и другое „все равно". Съ этимъ выводомъ согласилась значительная часть Думы. Но, разумѣется, даже практически неспособность и завѣдомость далеко не „все равно".

Конечно, если поставить задачу ужъ очень узко, свести ее къ рѣшенію вопроса—на своемъ мѣстѣ г. Штюрмеръ или подлежитъ замѣнѣ другимъ лицомъ, — то, пожалуй, „все равно",—просто ли онъ не имѣетъ необходимыхъ талантовъ, или солидаренъ съ г. Булацелемъ. Но и при столь узкой постановкѣ нельзя игнорировать ни личный вопросъ г. Штюрмера, ни общій вопросъ о мѣрѣ и характерѣ его отвѣтственности, какъ министра. Даже съ чисто юридической точки зрѣнія неспособность и завѣдомость—существенно различныя обстоятельства. Далѣе, при такой постановкѣ ударенія, практически затемняется роль другихъ отвѣтственныхъ представителей исполнительной власти. Пусть относительно Штюрмера можно сказать „все равно". Но при чемъ въ такомъ случаѣ гр. Игнатьевъ, гр. Бобринскій, Треповъ и т. д.? Сомнѣнія, высказываемыя относительно Штюрмера, ничто не позволяетъ распространить на всѣхъ членовъ совѣта министровъ. Они оказались внѣ ударенія, поставленнаго такимъ образомъ. Подъ этимъ удареніемъ въ рѣчи П. Н. Милюкова оказался собственно лишь А. Д. Протопоповъ, да и то единственно потому, что имѣлъ бесѣду въ Стокгольмѣ. Но бесѣда А. Д. Протопопова съ представителемъ германскаго правительства находила вѣдь въ промежуткѣ между четвертой и пятой сессіями иную оцѣнку со стороны видныхъ дѣятелей самой Думы. Депутатъ Шульгинъ, напр., писалъ въ „Кіевлянинѣ", что г. Протопопова просили не уклоняться отъ бесѣды въ Стокгольмѣ такія лица, которымъ онъ отказать не могъ. Г. Родзянко прямо защищалъ г. Протопопова отъ нареканій за неуклоненіе отъ этой бесѣды. Даже практически методъ критики, къ которому прибѣгъ г. Милюковъ, повторяю, опасенъ. Тѣмъ болѣе онъ опасенъ въ смыслѣ принципіальномъ. Кн. Трубецкой правильно указывалъ, что среди обывателей ужъ очень велика склонность прислушиваться къ легендамъ объ измѣнѣ и измѣною объяснять непорядки, возникающіе по причинѣ глубокихъ органическихъ разстройствъ. Заранѣе можно было не сомнѣваться, что практическій методъ, къ которому въ данномъ случаѣ прибѣгъ г. Милюковъ, вызоветъ горячіе отклики со стороны этой обывательской массы. Но точно также заранѣе можно было предвидѣть, что этотъ методъ не найдетъ полнаго сочувствія среди серьезной и вдумчивой части общества. И, стало быть, не организаціи силъ будетъ способствовать, а, наоборотъ, войдетъ клиномъ между раскаленной толпой и тѣми элемен-

тами страны, которые наиболѣе подготовлены къ организаторскимъ и руководящимъ ролямъ.

Историкъ, достаточно подготовленный, чтобы понимать опасныя стороны демагогіи, П. Н. Милюковъ использовалъ этотъ методъ осторожно и съ оговорками. Но дѣло продолжали другіе. На слѣдующемъ засѣданіи Думы, 8 ноября линію, начатую г. Милюковымъ, продолжалъ г. Шульгинъ,—въ рѣчи, болѣе простой и грубой по замыслу, хотя, быть можетъ, и болѣе тонкой по исполненію. Любопытная деталь: въ газетахъ рѣчь г. Шульгина подверглась весьма рѣшительнымъ цензорскимъ купюрамъ, отъ всего сказаннаго оставлены были лишь отдѣльныя безсвязныя фразы, и среди нихъ уцѣлѣли, между прочимъ, такія слова: Россія „безтрепетно смотрѣла въ глаза Гинденбургу, но затрепетала передъ Штюрмеромъ"... Когда-то, во времена II Думы, г. Шульгинъ, обращаясь съ думской каѳедры къ лѣвымъ фракціямъ, говорилъ: я не увѣренъ, что у васъ въ карманахъ нѣтъ бомбъ. Теперь онъ обратился совсѣмъ въ другую сторону и говорилъ: мы не увѣрены, что среди васъ нѣтъ измѣнниковъ. Разныя слова, но въ существѣ одинъ и тотъ же полемическій маневръ.

В. А. Маклаковъ подошелъ къ оцѣнкѣ положенія, пожалуй, еще проще. „Мы стоимъ—говорилъ онъ—передъ новой и грозной опасностью. Эта опасность совсѣмъ не въ продовольственномъ кризисѣ—мы съ нимъ справимся общими силами". А въ чемъ же опасность? Въ томъ, прежде всего, что откуда-то „закрадывается ужасное подозрѣніе: намъ измѣнили"... Въ дальнѣйшемъ г. Маклаковъ коснулся нѣкоторыхъ особенностей режима, приводящихъ обывателей къ такимъ догадкамъ. Но эти особенности отнюдь не новая опасность. Не новы и эти догадки,—ихъ и лѣтомъ 1915 г. было слишкомъ много. Отъ особенностей режима зависитъ и продовольственный кризисъ. И все это отлично понимаетъ самъ г. Маклаковъ. И почему имъ выдѣленъ „продовольственный кризисъ" изъ общей характеристики режима, на чемъ основаны надежды, что съ продовольственнымъ кризисомъ „мы справимся", — г. Маклаковъ не объяснилъ. И въ конечномъ счетѣ онъ поставилъ удареніе на томъ же мѣстѣ, гдѣ оно поставлено гг. Милюковымъ и Шульгинымъ.

Надо признать, — писала „Кіевская Мысль"—„что ударъ, послѣдовавшій отъ Думы, намѣченъ мѣтко". Въ смыслѣ полемическомъ онъ и вправду вышелъ ловкимъ и сильнымъ. А чтобы правильнѣе оцѣнить не полемическое, а политическое, значеніе этого удара, надо припомнить нѣкоторыя другія обстоятельства.

II. О тактикѣ Б. В. Штюрмера.

Если г. Штюрмеръ не имѣлъ основанія разсчитывать на что-либо пріятное для себя отъ подавляющаго большинства Думы, то у него, видимо, не было и склонности вступать съ нею въ объяс-

ненія, — тѣмъ болѣе офиціальныя. Еще до начала сессіи, когда бюджетная коммиссія пожелала получить свѣдѣнія отъ правительства о положеніи продовольственнаго дѣла, г. Штюрмеръ занялъ такую позицію: онъ не признаетъ за коммиссіей права требовать свѣдѣнія отъ правительства вообще (а не отъ отдѣльныхъ вѣдомствъ) и лишь въ видѣ какъ бы особой любезности согласенъ побесѣдовать съ депутатами на интересующія ихъ темы, но частнымъ образомъ на частномъ совѣщаніи. Коммиссія не пожелала отказаться отъ своего права и довольствоваться любезностью. Такимъ образомъ предполагаемая встрѣча депутатовъ съ предсѣдателемъ совѣта министровъ не состоялась до начала сессіи. А ко дню ея открытія стало извѣстно, что встрѣчи и не предполагается, — по крайней мѣрѣ, въ начальномъ періодѣ предстоящихъ законодательныхъ работъ. Въ моментъ открытія никакихъ правительственныхъ декларацій рѣшено не дѣлать. Если г. Штюрмеръ и почтитъ Думу своимъ присутствіемъ, то не для офиціальныхъ заявленій и объясненій отъ имени правительства, а въ знакъ, такъ сказать, вѣжливости. Впослѣдствіи при обсужденіи смѣты министерства иностранныхъ дѣлъ онъ предполагаетъ, впрочемъ, выступить съ заявленіями и объясненіями, но не какъ предсѣдатель совѣта министровъ, а лишь въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ... Эта тактика предоставляла Думѣ встрѣчаться и разговаривать съ представителями вѣдомствъ, но не видѣть и не слышать правительства.

Съ другой стороны, законодательнымъ собраніямъ сейчасъ в особенности необходимо отыскать адресъ правительства. Сомнѣні въ возможности найти этотъ адресъ выражалъ даже „всесильный въ свое время министръ, какъ В. К. Плеве. П. А. Столыпинъ любилъ хвастать „полнотой власти", предоставленной ему, какъ офиціальному представителю правительства. Но одинъ изъ близкихъ политическихъ друзей Столыпина А. И. Гучковъ внесъ существенную поправку въ эти похвальбы своею думскою рѣчью о „шептунахъ". При гр. Коковцовѣ отвѣтственный совѣтъ министровъ порою оказывался лишь внѣшнимъ видимымъ придаткомъ къ внутреннимъ и невидимымъ безотвѣтственнымъ вліяніямъ. Г. Горемыкинъ не былъ сторонникомъ начала правительственнаго единства. И на его „разъединенный кабинетъ", подавляемый безотвѣтственными вліяніями, обрушились исключительныя обстоятельства, при которыхъ, кромѣ нормальнаго отвѣтственнаго правительства, возникаетъ диктаторская власть военноначальниковъ. Г. Горемыкина самая задача урегулированія взаимныхъ отношеній обѣихъ властей мало интересовала. Онъ предоставилъ все на долю случая. Военноначальники требовали. Военный министръ Сухомлиновъ очень многаго, важнѣйшаго не исполнялъ, отвѣтственное правительство не наблюдало, не заботилось, и когда результаты такого порядка плачевнымъ образомъ отразились на ходѣ событій,—совѣтъ

министровъ оказался непричастной къ важнѣйшимъ государственнымъ дѣламъ и неотвѣтственной за нихъ коллегіей. И это логически соотвѣтствуетъ реальному положенію вещей: управляютъ вѣдомства, а совѣтъ министровъ, какъ объединяющій органъ правительственной власти, существуетъ, какъ формальная инстанція, реально же отсутствуетъ и бездѣйствуетъ.

Когда преемникъ Горемыкина сталъ дѣлать визиты вѣдомствамъ, кое-гдѣ въ газетахъ была выражена надежда, — не сумѣетъ ли Штюрмеръ при всей архаичности его пріемовъ нѣсколько объединить разъединенное правительство, усилить значеніе высшаго учрежденія исполнительной власти, называемаго совѣтомъ министровъ? Но Штюрмеръ пошелъ инымъ путемъ. Осталось то же, что и было: разнообразнѣйшія неотвѣтственныя вліянія, отвѣтственныя должностныя лица и рядомъ двѣ власти, дѣйствующія одновременно, часто въ однѣхъ и тѣхъ же областяхъ государственнаго вѣдѣнія, но при условіи неурегулированныхъ отношеній и неразграниченныхъ должнымъ образомъ сферъ компетенціи. Старыя несовершенства остались и принимаютъ все болѣе и болѣе острую форму. Но къ нимъ прибавились попытки замѣнить законную власть законнаго совѣта министровъ импровизаціями и новообразованіями, не предусмотрѣнными закономъ. Рядомъ съ совѣтомъ министровъ возникаютъ „совѣщанія трехъ министровъ“, „совѣщанія пяти“, совѣщанія шести, семи... Въ первое время еще можно было, хотя и съ трудомъ, разбирать, что это за совѣщанія и для чего они явились. Но мало-по-малу возможность разбираться исчезла. И самыя совѣщанія стали замѣняться эфемерными комбинаціями. Одни дѣла Б. В. Штюрмеръ рѣшаетъ съ одной группой министровъ, другія съ другой, по одному поводу онъ обращается къ такимъ-то членамъ совѣта министровъ, по другому—къ другимъ. И все это въ порядкѣ единоличнаго вдохновенія,—сегодня Б. В. Штюрмеръ находитъ удобнымъ рѣшить извѣстныя дѣла съ одними, а завтра—съ другими.

О результатахъ до нѣкоторой степени можно судить хотя бы по такому, напр., эпизоду. 10 октября въ „Собраніи узаконеній и распоряженій“ публикуется положеніе о мѣстныхъ продовольственныхъ организаціяхъ. На нихъ возложены очень важныя обязанности, отъ исполненія которыхъ зависитъ успѣхъ снабженія не только тыла. Вслѣдъ затѣмъ министръ земледѣлія распорядился дѣйствіе этого распоряженія пріостановить. Почему онъ такъ распорядился? Потому, что получилъ соотвѣтствующее предложеніе отъ предсѣдателя совѣта министровъ. Предсѣдатель же совѣта министровъ дѣйствовалъ не единолично, а лишь исполнялъ постановленіе одного изъ непредусмотрѣнныхъ закономъ министерскихъ совѣщаній. Правительство въ цѣломъ къ данному эпизоду не причастно, ибо дѣло это совѣту министровъ не докладывалось. А на мѣстахъ начальствующія лица стали поступать по усмотрѣ-

лію: одни провинціальные начальники стали на такую точку зрѣнія: распоряженіе послѣдовало закономѣрно, опубликовано,— значитъ, продовольственныя организаціи должны быть учреждаемы, тѣмъ болѣе, что онѣ крайне необходимы; другіе мѣстные администраторы разсуждаютъ проще: разъ велѣно пріостановить, — значитъ, не надо исполнять. Получилась путаница, послѣдствія которой обѣщаютъ стать тяжкими и опасными. Но еслибы законодательныя учрежденія сочли нужнымъ предъявить по этому поводу запросъ, то неизвѣстно, отъ чьего собственно имени предсѣдатель совѣта министровъ могъ бы дать объясненія.

Дошло до того, что на должности товарища министра внутреннихъ дѣлъ безъ соблюденія установленныхъ закономъ гарантій и формъ появляется г. Курловъ. Онъ выступаетъ „за министра", „за министра" подписываетъ бумаги, но распоряженія о томъ, что онъ назначенъ на данную должность, не опубликовано. Объ этомъ законнымъ порядкомъ не освѣдомленъ совѣтъ министровъ. Объ этомъ ничего неизвѣстно сенату. Сенатъ былъ вынужденъ отказаться отъ пріема бумагъ, подписанныхъ г. Курловымъ „за министра", такъ какъ не знаетъ, кѣмъ и когда г. Курловъ уполномоченъ ставить такія подписи. Даже сенатъ не знаетъ... При этихъ условіяхъ вполнѣ понятна тактика, устраняющая объясненія отъ имени правительства. Но, съ другой стороны, при этихъ условіяхъ, повторяю, въ особенности необходимо отыскать, гдѣ собственно находится то правительство, которое должно быть отвѣтственно за общее положеніе дѣлъ.

За отсутствіемъ правительственной деклараціи большинство рѣшило начать сессію собственнымъ декларативнымъ выступленіемъ. Свою декларацію блокъ вырабатывалъ въ тайнѣ отъ правительства,—стало быть, получилась тайна и для страны. Въ газетахъ отмѣчался лишь фактъ споровъ изъ-за редакціи какихъ-то пунктовъ. Прогрессисты находили, что при редактированіи коллективнаго заявленія допускается слишкомъ много уступокъ правому крылу. Въ концѣ концовъ они нашли болѣе правильнымъ снять съ себя бремя зависимости отъ октябристовъ и націоналистовъ и вышли изъ блока. Съ праваго фланга, изъ группы г. Крупенскаго, высказывались опасенія, что допускаемыя въ проектѣ деклараціи рѣзкости могутъ вызвать расправу надъ Думой. Въ газетахъ появились слухи о предположеніяхъ роспуска Думы... И въ заключеніе депутатамъ стало извѣстно, что хранимый ими въ секретѣ проектъ деклараціи сообщенъ министрамъ и остается секретомъ лишь для страны. Въ сущности это было неизбѣжно. Попытка имѣть секреты отъ правительства противорѣчитъ составу блока, часть котораго если не прямо принадлежитъ къ бюрократіи, то находится въ очень интимной связи съ бюрократіей. Все-таки стали искать виноватаго. Въ засѣданіи бюро блока спросили у г. Крупенскаго—„не знаетъ ли онъ, какимъ об-

разомъ проектъ декларацiи попалъ въ руки къ одному изъ министровъ?" Г. Крупенскiй отвѣтилъ, что „ему это неизвѣстно, но онъ знаетъ, что министры декларацiей очень интересовались",—и „послѣ этого быстро покинулъ засѣданiе". На засѣданiи думской „группы центра", однимъ изъ лидеровъ которой г. Крупенскiй состоитъ, онъ далъ нѣсколько иныя объясненiя: министру онъ, по его словамъ, писаннаго текста декларацiи не передалъ, но „посѣтилъ министра внутреннихъ дѣлъ А. Д. Протопопова, имѣя при себѣ экземпляръ проекта декларацiи, долго бесѣдовалъ съ А. Д. Протопоповымъ по поводу декларацiи и, въ частности, по поводу тѣхъ рѣзкихъ мѣстъ, которыя оба въ ней находили, и не можетъ поручиться, что впредь не будетъ имѣть такого рода сношенiй съ А. Д. Протопоповымъ, такъ какъ онъ связанъ съ нимъ 25-лѣтней дружбой" [1]...

Г. Крупенскiй, можно полагать, „имѣлъ при себѣ" первоначальный текстъ декларацiи, впослѣдствiи нѣсколько смягченный. Въ смягченномъ видѣ декларацiя оглашена въ Думѣ 1 ноября. Въ ней солидно и вѣско, безъ подчеркиванiй и ударенiй, отмѣчена какъ готовность населенiя „вѣрить самымъ чудовищнымъ слухамъ", такъ и то, что „страна лишена даже возможности судить", наносится ли ущербъ нацiональнымъ интересамъ „вслѣдствiе непониманiя, или дѣлается министромъ иностранныхъ дѣлъ сознательно". Еще 23 октября газетами сообщалось, что „поднятъ вопросъ о необходимости установленiя за думскими рѣчами не только центральной, но и мѣстной цензуры, считается необходимымъ предо ставить мѣстной администрацiи право не допускать къ опубликованiю депутатскихъ рѣчей, даже разрѣшенныхъ петроградской цензурой". Можно полагать, что ознакомленiе съ проектомъ декларацiи думскаго либеральнаго блока усилило предрасположенiе къ столь рѣшительнымъ мѣрамъ. 30 октября въ Москвѣ было объявлено обязательное постановленiе о введенiи предварительной цензуры для „всѣхъ повременныхъ изданiй, выходящихъ въ городѣ Москвѣ и Московскомъ уѣздѣ", и притомъ предварительной цензуры особаго типа,—ей подлежитъ тотъ матерiалъ, относительно котораго послѣдуютъ „особыя указанiя и распоряженiя" мѣстнаго начальства, а мѣстное начальство, какъ объявлено въ томъ же обязательномъ постановленiи, уполномочиваетъ себя руководиться не только установленнымъ „Перечнемъ свѣдѣнiй, не подлежащихъ оглашенiю", но и собственнымъ усмотрѣнiемъ. Это не „военная цензура въ полномъ объемѣ",—да она и не можетъ быть введена въ Москвѣ, такъ какъ Москва не находится въ районѣ военныхъ дѣйствiй. Какими законами предусмотрѣна возможность новосозданной московской цензуры,—неизвѣстно. Да и мало интересуетъ начальствующихъ лицъ юридическая сторона такого рода распоряженiй. Во всякомъ слу-

[1]) „Рѣчь", 4 ноября.

чаѣ, обязательное постановленіе объявлено, а на основаніи его указано, что отчеты о публичныхъ засѣданіяхъ законодательныхъ собраній должны представляться на предварительную цензуру, такъ какъ, по усмотрѣнію мѣстнаго начальства, они представляютъ „матеріалъ, могущій по содержанію своему оказаться вреднымъ для военныхъ интересовъ". Одновременно по циркуляру изъ Петрограда къ такому же выводу пришли начальствующія лица во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ ввести военную цензуру въ полномъ объемѣ юридически невозможно, а между тѣмъ издаются газеты, считающія необходимымъ печатать не только официальныя агентскія телеграммы о засѣданіяхъ законодательныхъ собраній, но и сообщенія собственныхъ корреспондентовъ. По убійственному для системы 3 іюня стеченію обстоятельствъ циркуляръ послѣдовалъ отъ только-что перешедшаго на министерскій постъ члена Государственной Думы, товарища ея предсѣдателя, замѣтнаго дѣятеля въ рядахъ „прогрессивнаго парламентскаго блока"...

Словомъ, мѣры были приняты рѣшительныя. 1 ноября къ нимъ присоединились распоряженія предсѣдателя Государственной Думы,—онъ „задержалъ стенограммы" сразу трехъ рѣчей: Чхеидзе, Керенскаго и Милюкова. Отчеты собственныхъ корреспондентовъ прессы о другихъ рѣчахъ упразднила предварительная цензура. А въ отчетахъ Петроградскаго Телеграфнаго Агентства тѣ мѣста, гдѣ заключалось главное удареніе развитой большинствомъ критической оцѣнки, были тщательно вытравлены. За одно ужъ—надо сказать—предварительная цензура строго отнеслась и къ отчетамъ о засѣданіи Государственнаго Совѣта. На слѣдующій день предсѣдатель Думы разрѣшилъ къ опубликованію задержанныя имъ рѣчи трехъ депутатовъ (съ нѣкоторыми однако купюрами). Агентство этихъ рѣчей прессѣ не сообщило вовсе. А въ передачѣ собственныхъ газетныхъ корреспондентовъ онѣ уничтожены предварительной цензурой. Дальше пошло тѣмъ же порядкомъ: официозное агентство тщательно вытравляло упоминаніе о непріятностяхъ,—вытравило ихъ даже изъ рѣчи г. Маркова II, хотя онъ упоминалъ о предъявленныхъ обвиненіяхъ лишь въ качествѣ обычнаго за послѣдніе годы защитника министровъ. Цензура вычеркивала сообщенія кореспондентовъ, независимыхъ отъ официознаго агентства. Упразднить одну изъ важнѣйшихъ основъ представительнаго строя удалось какъ будто легко. Но тотчасъ же стали возникать осложненія.

Распоряженія относительно отечественной прессы мудрено распространить на прессу нейтральныхъ союзныхъ государствъ. За границу рѣчи депутатовъ, конечно, были переданы. Уже по одному этому приходилось нарушить молчаніе, которое могло быть истолковано, какъ подтвержденіе высказанныхъ депутатами обвиненій. 4 ноября было опубликовано „правительственное сообщеніе" о „циркулярной телеграммѣ министра иностранныхъ дѣлъ россій-

скимъ представителямъ при трехъ державахъ". Въ этомъ циркулярѣ отъ 3. XI говорилось:

„Распространяемые за послѣднее время печатью нѣкоторыхъ странъ слухи о секретныхъ переговорахъ, которые будто бы ведутся между Россіей и Германіей о заключеніи сепаратнаго мира, не могутъ, въ виду ихъ настойчивости, быть обойденными молчаніемъ со стороны русскаго правительства. Императорское правительство считаетъ долгомъ заявить самымъ категорическимъ образомъ, что эти нелѣпые слухи играютъ лишь въ руку враждебнымъ государствамъ. Россія сохранитъ неприкосновенно тѣсное единеніе, связующее ее съ ея доблестными союзниками, далека отъ мысли заключенія сепаратнаго мира и будетъ биться рука объ-руку съ ними противъ общаго врага безъ малѣйшаго колебанія до часа конечной побѣды. Никакіе враждебные происки не окажутся въ состояніи поколебать неизмѣнное рѣшеніе Россіи. Вамъ поручается дать вышеизложенному самую широкую огласку и довести содержаніе настоящей телеграммы до свѣдѣнія правительства, при коемъ вы аккредитованы".

Выраженія циркуляра очень категоричны. Тѣмъ болѣе было непонятно, почему представители исполнительной власти не пользуются для соотвѣтствующихъ заявленій трибуною Государственной Думы. Съ разрѣшенія военной цензуры, „Русское Слово" (№ 5. XI) писало по поводу правительственнаго сообщенія 3 ноября:

„Совершенно очевидно, что это важное сообщеніе есть не что иное какъ отвѣтъ на тѣ заявленія и тревожныя опасенія, которыя были высказаны съ думской трибуны" (далѣе идетъ обширный пробѣлъ)... „Совершенно ясно, что заявленіе это легко можетъ превратиться въ простую отписку, если одновременно съ нимъ не послѣдуетъ и соотвѣтствующаго измѣненія нашей внутренней тыловой политики. Одной циркулярной деклараціи далеко не достаточно, чтобы твердое намѣреніе правительства довести войну до желаннаго конца могло въ дѣйствительности осуществиться" (опять большое бѣлое мѣсто)... „Тотъ, кто искренно жаждетъ побѣды надъ врагомъ, долженъ призвать въ дѣло обороны всѣ живыя силы страны и признать за ними право на равное участіе съ властью въ столь великомъ общественномъ дѣлѣ. Писать же одной рукой завѣрительные циркуляры, а другой подрывать бодрость народнаго духа, отталкивать общественныя силы отъ исполненія сознаннаго ими гражданскаго долга — это значитъ одной рукой разрушать то, что какъ будто создается другой".

Между „завѣрительнымъ циркуляромъ", понимаемымъ, какъ вынужденный отвѣтъ на думскія рѣчи, и уклоненіемъ отъ обязанности отвѣтить на эти рѣчи самой Думѣ получалась, во всякомъ случаѣ, несогласованность. Намѣченная г. Штюрмеромъ тактика молчанія оказывалась явно несостоятельной. Объясненія Думѣ было необходимо дать. Это и выполнили министры военный и морской. Совершенно неожиданно для Думы они прибыли въ серединѣ засѣданія 4 іюля и заявили предсѣдателю о своемъ желаніи представить внѣочередныя разъясненія.

III. До перерыва сессіи.

Генералъ Д. С. Шуваевъ свое выступленіе мотивировалъ такъ: „Я, какъ военный министръ, считаю не лишнимъ подѣлиться съ вами, члены Государственной Думы, кое-какими соображеніями и кое-какими мыслями, вытекающими изъ переживаемаго времени". Мотивы, высказанные морскимъ министромъ И. К. Григоровичемъ, таковы: „Я узналъ, что военный министръ выступитъ и сдѣлаетъ заявленіе передъ вами; господа, я считалъ своимъ священнымъ долгомъ выступить также"... Этимъ какъ бы подчеркивалось, что оба министра выступаютъ не отъ имени совѣта министровъ или „объединеннаго правительства". Основное руководящее соображеніе, которое военный министръ считалъ „не лишнимъ" сообщить Думѣ, онъ формулировалъ такъ:

Мы должны, какъ глубокоуважаемый предсѣдатель Государственной Думы высказалъ, — должны, во что бы то ни стало, побѣдить. Это—повелительное указаніе Державнаго Верховнаго Главнокомандующаго нашей доблестной арміи. Этого требуетъ, по указанію Его Императорскаго Величества и по общему нашему признанію, благо родины нашей, передъ которымъ все должно отойти въ сторону.

Что же касается путей, необходимыхъ для побѣды, то военный министръ высказалъ свое согласіе съ мнѣніями, которыя, по его словамъ, высказывались „въ августѣ 1914 г. отдѣльными немногими лицами", а нынѣ „исповѣдуются не только въ Россіи, но и во многихъ государствахъ, съ нами союзныхъ": „война ведется не одной арміей, война ведется всѣмъ государствомъ". Сообщивъ, далѣе, нѣкоторые цифровые разсчеты для характеристики результатовъ, достигнутыхъ въ Россіи при помощи военно-промышленной организаціи, генералъ Шуваевъ сказалъ:

Такъ вотъ что, господа, дала дружная, общая, совмѣстная работа. Позвольте, господа, надѣяться и просить васъ помочь и въ будущемъ въ этой совмѣстной работѣ на снабженіе нашей доблестной арміи.

Морской министръ „счелъ своимъ священнымъ долгомъ", „какъ всегда, открыто и откровенно сказать", что

ваша — членовъ Думы — многолѣтняя и постоянная поддержка въ государственной оборонѣ и частыя указанія на эту оборону даютъ мнѣ и на этотъ разъ право обратиться къ вамъ и всемѣрно поддержать военнаго министра, что государственная оборона повелительно требуетъ нашей совмѣстной съ вами дружной работы.

Быть можетъ, депутаты услышали больше, чѣмъ имѣли намѣреніе сказать министры. Аберраціи вѣроятны даже въ деталяхъ. Генералъ Шуваевъ упомянулъ, напр., о мнѣніяхъ, которыя въ августѣ 1914 г. высказывались отдѣльными немногими лицами,

а нынѣ исповѣдуются всѣми. Возможно, что генералъ Шуваевъ говорилъ объ отдѣльныхъ немногихъ лицахъ, имѣя въ виду наиболѣе знакомую лично ему среду начальствующихъ. Многимъ депутатамъ болѣе извѣстны другія отдѣльныя лица, которыя, дѣйствительно, говорили нѣчто, подобное изложенному нынѣ генераломъ Шуваевымъ, и за это подвергались—„по соглашенію" между тогдашними министрами Маклаковымъ и Сухомлиновымъ—нешуточнымъ репрессіямъ. Конечно, между мнѣніями тѣхъ и другихъ немногихъ лицъ „въ августѣ 1914 г." были кое-какія различія,— не менѣе существенныя, чѣмъ теперь. А если и было сходство, то не больше того, которое убѣждало Маргариту, что пасторъ говоритъ то же, что и Фаустъ, только немножко другими словами. И возможно, повторяю, что Д. С. Шуваевъ, вспоминая объ августѣ 1914 г., одобрялъ, такъ сказать, пастора, а депутатамъ могло казаться, что онъ говоритъ о Фаустѣ. Аберрація вѣроятна и относительно основного смысла заявленій, сдѣланныхъ обоими министрами. Послѣ отставки гг. Маклакова и Сухомлинова о совмѣстной работѣ съ Думою говорятъ офиціально почти всѣ высшіе сановники. Быть можетъ, военный и морской министръ имѣли намѣреніе сказать не больше другихъ. Депутатамъ, хотя бы по контрасту съ ихъ представленіями о дѣйствіяхъ Б. В. Штюрмера, могло казаться, что въ обычныя и хорошо знакомыя слова на сей разъ вкладывается иное содержаніе. Депутаты поднялись съ мѣстъ, подошли къ ложѣ министровъ, бурныя восторженныя рукоплесканія приняли характеръ оваціи. Д. С. Шуваевъ и И. К. Григоровичъ, видимо, не ожидали столь восторженнаго отвѣта на ихъ простыя и краткія рѣчи. Тутъ такъ же вѣроятны аберраціи. Депутаты рукоплескали предполагаемому ими согласію на тѣ условія, при которыхъ, по ихъ мнѣнію, совмѣстная работа возможна. Министрамъ въ рукоплесканіяхъ могло слышаться *безусловное* согласіе съ тѣмъ, что они предложили. Министры изъ своей ложи спустились въ залу, благодарили депутатовъ, обмѣнивались съ ними рукопожатіями. И, между прочимъ, газетами отмѣчена и подчеркнута такая подробность: военный министръ подошелъ къ П. Н. Милюкову и, обмѣниваясь съ нимъ рукопожатіями, сказалъ: „благодарю васъ". Причина благодарности осталась невыясненной. Но эта мимолетная сценка черезъ 2 дня послѣ рѣчи г. Милюкова, которая была направлена въ особенности противъ г. Штюрмера и въ которой г. Штюрмеръ усмотрѣлъ „клевету", произвела впечатлѣніе если не политическаго событія, то политическаго симптома.

Значительная часть депутатовъ истолковала „выступленіе министровъ обороны", какъ побѣду или „почти побѣду". И надо сказать, что положеніе г. Штюрмера думскими сценками 4 ноября осложнилось и ухудшилось. О немъ говорятъ. На него указываютъ. А онъ молчитъ. Между тѣмъ Д. С. Шуваевъ и И. К. Григоровичъ показали, какъ немного надо сказать, чтобы вызвать въ Думѣ ова-

ціи. Послѣ 4 ноября отставка Б. В. Штюрмера становилась вопросомъ политической необходимости, диктуемой совершенно реальными, практически неотразимыми соображеніями. Но вѣдь не столь узкую цѣль офиціально ставило блоковое думское большинство. И поскольку цѣль была иная, болѣе общая и болѣе широкая,—4 ноября не приблизило къ „побѣдѣ блока". Можно даже полагать, что оно удалило отъ нея. Были оваціи. Но перевести ихъ на логическій языкъ блокъ не позаботился. Выразивъ восторженное принципіальное отношеніе къ призыву министровъ, блокъ ничего не сказалъ имъ относительно дѣловой практически возможной постановки вопроса о сотрудничествѣ. Его разнородность едва-ли и позволяла сказать это немедленно. Пренія по поводу внѣочередныхъ заявленій военнаго и морского министровъ были отложены. На слѣдующій день — 5 ноября—выбирали товарищей предсѣдателя. Выбрали гр. В. А. Бобринскаго и Н. В. Некрасова,—причемъ гр. В. Бобринскій былъ объявленъ „старшимъ товарищемъ". Совершивъ это характерное избраніе, Дума рѣшила пріостановить общія засѣданія до 11 ноября. Формально это объяснялось предусмотрѣнною закономъ необходимостью личнаго доклада, такъ какъ предсѣдатель Думы М. В. Родзянко подвергся переизбранію. А, кромѣ формальныхъ, были и тактическія соображенія,—вліятельные думцы сочли за лучшее подождать событій. Такимъ образомъ оваціи 4 ноября остались фактомъ, поддающимся произвольному толкованію.

„Новое Время" (5, XI) истолковало такъ:

> Выступили два министра — морской и военный—съ горячимъ патріотическимъ призывомъ къ единенію, — и та же Государственная Дума встрѣтила обоихъ представителей власти бурной оваціей, въ которой приняли участіе всѣ фракціи, и правыя, и лѣвыя, безъ различія направленій. Какъ понять, чѣмъ объяснить такой неожиданный и волшебный переворотъ въ настроеніи? Вѣдь генералъ Шуваевъ вовсе не похожъ на Перикла, умѣвшаго заворожить бушующую толпу, адмиралъ Григоровичъ совсѣмъ не Орфей. Оба они только искренніе и горячіе русскіе люди, заговорившіе съ депутатами языкомъ честнаго и дѣятельнаго патріотизма. Простое, искреннее патріотическое слово нашло пламенный отголосокъ во всѣхъ слушателяхъ... Пусть же отнынѣ никто съ высокой трибуны Гусударственной Думы не говоритъ инымъ языкомъ. Пусть горячій, русскій патріотизмъ будетъ единственнымъ руководителемъ и въ нашей внѣшней, и въ нашей внутренней политикѣ.

Сколько можно понять изъ другихъ статей суворинской газеты, она представляла возможнымъ даже для г. Штюрмера заговорить такимъ языкомъ съ высокой трибуны... Это слишкомъ. Отъ поддержки г. Штюрмеру отказалась даже значительная часть правой группы Государственнаго Совѣта. Но вообще толкованіе факта, предложенное „Новымъ Временемъ", не разошлось сколько-нибудь рѣзко съ обстоятельствами. Правда, представители большинства повторяли въ Думѣ старыя слова о „министерствѣ довѣрія", гово-

рили о невозможности совмѣстной работы съ „даннымъ кабинетомъ“. Но во-первыхъ, въ составѣ „даннаго кабинета“ есть рядъ лицъ, противъ совмѣстной работы съ которыми большинство, повидимому, ничего не имѣетъ,—по крайней мѣрѣ, таковы министры военный, морской и народнаго просвѣщенія. Во-вторыхъ, формула: „министерство довѣрія“, крайне неопредѣленная вообще, новыми обстоятельствами совершенно спутана. Вѣдь пользовался же довѣріемъ думскаго большинства товарищъ предсѣдателя Думы и „президентъ парламентской делегаціи“, посѣтившей союзныя страны, А. Д. Протопоповъ. Мало того, — большинство только что избрало въ товарищи предсѣдателя гр. Бобринскаго. А ужъ если гр. В. А. Бобринскій пользуется довѣріемъ прогрессивнаго блока, то почему не можетъ пользоваться, хотя бы, напримѣръ, преосвященный Евлогій? И разъ ужъ вообще довѣріе совмѣстимо съ такимъ политическимъ цензомъ, то вопросъ о лицахъ, съ которыми большинство можетъ примириться, трудно поддается програмному опредѣленію. Умозрительно тутъ ничего не рѣшить,—нужны данныя опыта. Кое-какія изъ такихъ данныхъ и были обнаружены 8 ноября внутри-думскими пререканіями по поводу доклада А. Ѳ. Трепова.

Въ качествѣ министра путей сообщенія, онъ пожелалъ сдѣлать думской военно-морской коммиссіи докладъ о постройкѣ Мурманской дороги,—той самой постройки, за быстрое окончаніе которой онъ получилъ лестную аттестацію отъ англійскаго правительства и удостоенъ награжденія однимъ изъ высшихъ военныхъ орденовъ Великобританіи. Конечно, наши союзники оцѣнивали общій результатъ, не входя въ детали. Но все же ихъ оцѣнка позволяетъ А. Ѳ. Трепову спокойно идти на встрѣчу той критикѣ, какую могутъ предъявить депутаты Думы,—въ данное время тоже едва-ли вполнѣ освѣдомленные о деталяхъ. О своемъ желаніи онъ заявилъ предсѣдателю коммиссіи А. И. Шингареву. Послѣднимъ предложенный докладъ былъ внесенъ въ повѣстку. Среди депутатовъ возникли по этому поводу кое-какія сомнѣнія. Въ хроникахъ столичныхъ газетъ отъ 9 ноября сообщалось, что „нѣкоторые представители фракціи конституціоналистовъ-демократовъ подчеркивали, что появленіе министра путей сообщенія въ военно-морской коммиссіи послѣ только что раздавшихся съ думской трибуны рѣчей даже въ закрытомъ засѣданіи принимаетъ политическій характеръ и не вяжется съ тѣми требованіями, которыя выставилъ прогрессивный блокъ“. „Но такъ какъ повѣстки были уже разосланы, то измѣнить дѣло оказалось труднымъ“.

Пожалуй, не однѣ повѣстки... Выступленіе военнаго и морского министровъ также состоялось „послѣ раздавшихся съ думской трибуны рѣчей“, также имѣло „политическій характеръ“. Ихъ выслушали. Почему же не выслушать министра путей сообщенія, выступающаго съ докладомъ по важному вопросу, очень интере-

ствующему всѣ союзныя съ Россіей государства и имѣющему очевидное отношеніе къ первостепеннымъ нуждамъ обороны? Если то вязалось съ „требованіями, которыя выставилъ прогрессивный блокъ“, то почему это не вяжется съ ними? Убѣдительно отвѣтить на эти вопросы не такъ просто. И докладъ, вѣроятно, выслушали бы безъ инциндентовъ, а его политическое значеніе, понятное для сообразительныхъ людей, осталось бы не подчеркнутымъ. Но предъ самымъ засѣданіемъ коммиссіи представитель трудовой фракціи В. И. Дзюбинскій заявилъ А. И. Шингареву, что „въ виду тѣхъ категорическихъ заявленій, которыя были сдѣланы съ думской трибуны объ отношеніяхъ Государственной Думы къ правительству, трудовая группа выслушивать докладъ А. Ѳ. Трепова считаетъ неудобнымъ и поэтому предлагаетъ снять его съ повѣстки“. У Дзюбинскаго нашлись сторонники, нашлись и противники. Возникъ споръ. Такъ какъ министръ путей сообщенія находился тутъ же въ Екатерининской залѣ Таврическаго дворца, то и онъ подошелъ послушать... Понадобилось назначить частное совѣщаніе. Совѣщались депутаты сложно, бурно, съ перерывами. А министръ путей сообщенія терпѣливо втеченіе 2 часовъ ждалъ, чѣмъ все это кончится. Кончилось тѣмъ, что соціалъ-демократы, трудовики, прогрессисты рѣшили министерскаго доклада не слушать. А остальные, за исключеніемъ отдѣльныхъ конституціоналистовъ-демократовъ и лѣвыхъ октябристовъ, выслушали...

Надо замѣтить, что этотъ споръ депутатовъ связанъ со слухами о „запискѣ“ А. Ѳ. Трепова объ отношеніяхъ къ Государственной Думѣ. Была-ли такая записка и что въ ней говорилось, — въ точности неизвѣстно. Но что говорили объ ея содержаніи депутаты,— въ газетахъ сообщалось. По слухамъ же, распространеннымъ среди депутатовъ, въ этой запискѣ говорилось, что думская оппозиція не такъ непримирима, какъ можетъ казаться: „остріе деклараціи блока направлено не противъ даннаго правительства вообще, а исключительно противъ нѣкоторыхъ его представителей“; распускать Думу не слѣдуетъ, но не слѣдуетъ и идти на полную уступку блоку; работа Думы съ правительствомъ можетъ быть налажена безъ большихъ уступокъ... Разъ депутаты имѣли такое представленіе о взглядахъ А. Ѳ. Трепова, исходъ ихъ взаимнаго спора о томъ, можно или нельзя выслушивать его докладъ, особенно симптоматиченъ. И если предположить, что слухи, распространившіеся среди депутатовъ, были вѣрны, то исходъ споровъ по поводу доклада врядъ-ли могъ побудить А. Ѳ. Трепова къ отказу отъ этихъ мнѣній. Въ газетахъ не даромъ сообщалось, что „въ правительственныхъ кругахъ считаютъ себя удовлетворенными результатами выступленія А. Ѳ. Трепова, такъ какъ та цѣль, ради которой оно сдѣлано, признается болѣе или менѣе достигнутой“ [1]).

[1]) „Русскія Вѣдомости“, 9 ноября.

10 ноября состоялся рядъ распоряженій о перемѣнахъ на высшихъ правительственныхъ постахъ: 1) предсѣдатель совѣта министровъ гофмейстеръ Штюрмеръ „въ воздаяніе отлично ревностныхъ трудовъ“ пожалованъ въ оберъ-камергеры съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта; 2) егермейстеръ Треповъ назначенъ на постъ предсѣдателя совѣта министровъ съ оставленіемъ министромъ путей сообщенія; 3) сессія законодательныхъ собраній прервана на срокъ отъ 11 до 19 ноября. 14 ноября послѣдовало повелѣніе объ отставкѣ гр. А. А. Бобринскаго. Между послѣднимъ и А. Ѳ. Треповымъ были, сколько извѣстно, немногословныя, но острыя пререканія по продовольственному вопросу. Временное управленіе министерствомъ земледѣлія поручено гофмейстеру Риттиху, извѣстному своими общинноборческими трудами, игравшему хотя и исполнительную, но крупную, роль въ подготовкѣ указа 9 ноября 1906 г., а затѣмъ энергически проводившему этотъ указъ въ жизнь.

IV. Во время перерыва сессіи.

Восьмидневный перерывъ сессіи былъ мотивированъ необходимостью для новаго предсѣдателя совѣта министровъ намѣтить условія возможнаго сотрудничества съ законодательными собраніями. На помощь А. Ѳ. Трепову получились нѣкоторыя дополнительныя данныя опыта. Какъ разъ на 11 ноября было назначено засѣданіе думской коммиссіи по народному образованію. Предсѣдатель коммиссіи Е. П. Ковалевскій переговорилъ съ членомъ Думы В. А. Маклаковымъ и предсѣдателемъ аналогичной коммиссіи Государственнаго Совѣта Н. А. Звѣревымъ относительно формальнаго вопроса,—возможна-ли коммиссіонная работа во время перерыва Всѣ трое пришли къ утвердительному отвѣту. Утвердительно высказался и одинъ изъ министровъ, къ которому Е. П. Ковалевскій обратился. Формальный вопросъ, словомъ, рѣшенъ былъ положительно. О днѣ засѣданія думской коммиссіи по народному образованію Е. П. Ковалевскій сообщилъ подлежащему министру. Министръ народнаго просвѣщенія отвѣтилъ соображеніями о политической сторонѣ дѣла: пока отношенія между министрами и Думой не выяснены, онъ затрудняется лично участвовать въ коммиссіонной работѣ Думы, — командируетъ вице-директора одного изъ департаментовъ. Въ присутствіи вице-директора И. М. Воронцовскаго засѣданіе коммиссіи и было открыто. Но уже во время засѣданія членъ фракціи конституціоналистовъ - демократовъ Н. К. Волковъ выступилъ съ формальными возраженіями: перерывъ занятій Думы, по его мнѣнію, распространяется и на коммиссіи. Сверхъ того, членъ фракціи прогрессистовъ С. А. Калининъ подалъ предсѣдателю коммиссіи заявленіе относительно политической стороны дѣла:

„Въ первый день возобновленія занятій Государственной Думы—говорится въ этомъ заявленіи—отъ имени пяти фракцій, образующихъ прогрессивный блокъ, и отъ фракціи прогрессистовъ были сдѣланы весьма опредѣленныя заявленія объ отношеніи Государственной Думы къ правительству. Эти заявленія не относились къ опредѣленнымъ министрамъ, а ко всему составу совѣта министровъ. Въ виду этихъ заявленій, мы, члены коммиссіи, принадлежащіе къ фракціи прогрессистовъ, считаемъ назначеніе засѣданія коммиссіи при участіи членовъ совѣта министровъ, независимо отъ того, каковы отношенія между Государственной Думой и отдѣльными министрами, непослѣдовательнымъ и нежелательнымъ, а потому и предлагаемъ отложить настоящее засѣданіе"... (Цит. по „Русскому Слову", 12. XI).

Въ виду этихъ протестовъ — формальнаго и политическаго,— предсѣдатель объявилъ засѣданіе несостоявшимся. Показательное значеніе мелкаго, на первый взглядъ, коммиссіоннаго эпизода нѣсколько дней спустя невольно, но характерно, подчеркнула „Рѣчь". Въ засѣданіе одной изъ коммиссій Государственнаго Совѣта явился Н. А. Маклаковъ,—

явился, какъ выражалась „Рѣчь" (16. XI), только для того, чтобы сказать, что засѣданіе это незаконно въ виду наступившаго перерыва сессіи. Предсѣдатель поставилъ на голосованіе вопросъ, кто согласенъ съ г. Маклаковымъ, и не оказалось ни одного такого среди присутствующихъ. А вѣдь среди нихъ были и И. Г. Щегловитовъ, и П. П. Кобылинскій, и Н. С. Крашенинниковъ... Маклаковъ остался въ полномъ одиночествѣ и гордо покинулъ залъ засѣданія. Онъ, такимъ образомъ, по прежнему неподражаемъ. Теперь его неподражаемость вызываетъ только улыбку, но подумать, что такой человѣкъ, котораго даже никто изъ соратниковъ его понять не можетъ, управлялъ Россіей въ столь исключительное время.

Не совсѣмъ вполнѣ одинокъ г. Маклаковъ, — въ Думѣ у него есть единомышленникъ г. Волковъ, принадлежащій къ очень близкой для „Рѣчи" к.-д. фракціи. Передъ нами, очевидно, разбродъ по формальному, важному при данныхъ условіяхъ, вопросу. Не лучше и съ вопросомъ политическимъ. Отвѣчая на упреки за рѣшеніе большинства выслушать докладъ А. Ѳ. Трепова о постройкѣ Мурманской дороги, „Рѣчь" писала (14. XI):

Толкованіе той тактики, которой придерживается блокъ, принадлежитъ, прежде всего, самому блоку. Блокъ не объявлялъ бойкота министровъ, и бойкота ихъ въ вопросахъ обороны въ особенности, и напрасна была попытка такъ истолковать его рѣшеніе.

Но если А. Ѳ. Трепова слушали потому, что „бойкотъ" не объявлялся, то почему подъ „бойкотъ" фактически попалъ гр. П. Н. Игнатьевъ,—какъ разъ одинъ изъ наиболѣе пріемлемыхъ для блока министровъ? И не зависитъ-ли это не столько отъ какихъ-либо твердыхъ рѣшеній, сколько отъ случайностей? Спокойно выслушать А. Ѳ. Трепова помѣшалъ вѣдь В. И. Дзюбинскій. И съ представителемъ министра народнаго просвѣщенія засѣдать помѣшалъ посторонній блоку прогрессистъ С. А. Калининъ, если не считать к.-д. Н. К. Волкова выступившаго, судя по всему, не съ фракціон-

ными, а чисто индивидуальными, предложеніями... Трепова выслушали не въ силу тѣхъ или иныхъ твердыхъ рѣшеній, а просто потому, что октябристы были въ сборѣ, сгрудились, вызвали спѣшно на помощь М. В. Родзянко и настояли на томъ, чтобъ „бойкота" не было. Но въ коммиссіи по народному образованію депутатовъ было немного, октябристы не сгрудились, не настояли,—и гр. Игнатьевъ оказался подъ „бойкотомъ", — правда, такимъ, который наравнѣ съ „неподражаемостью" Н. А. Маклакова способенъ „вызвать улыбку". Внѣшніе элементы, видимо, могутъ колебать настроеніе блока влѣво. Почему же А. Ѳ. Трепову не воспользоваться этими данными опыта и не испробовать, что будетъ съ настроеніемъ блока въ случаѣ внѣшнихъ толчковъ вправо?

„Побѣдили", „свалили Штюрмера"... Но въ отвѣтственную и, безъ сомнѣнія, трудную минуту, когда надо реализовать побѣду, обнаружили шатаніе, разбродъ. И это сказалось въ сообщеніяхъ газетныхъ информаторовъ „изъ Таврическаго дворца" втеченіе всего восьмидневнаго перерыва: депутаты собираются, раздѣляются на оптимистовъ и пессимистовъ, нервничаютъ, спорятъ, совѣщаются по фракціямъ и ждутъ событій,—что предприметъ Треповъ, что онъ напишетъ въ деклараціи, что ему позволитъ и чего не позволитъ правая группа Государственнаго Совѣта, ибо его вѣдь задача не только съ Думой столковаться, но и съ правыми Государственнаго Совѣта быть въ ладу.

Характерныя соображенія высказало „Утро Россіи". Конечно, у А. Ѳ. Трепова имѣются „развѣдчики" для выясненія подлинныхъ настроеній и желаній блока. Эти развѣдчики, навѣрное, слишкомъ субъективно толкуютъ, что подлинно и что не подлинно, на какіе компромиссы блокъ пойдетъ, на какіе не пойдетъ. Между тѣмъ имѣется очень простой способъ „охладить пылъ развѣдчиковъ" и пресѣчь ихъ своевольныя толкованія. Въ платформѣ блока, кромѣ словъ о правительствѣ довѣрія и предложеній относительно неотложныхъ законодательныхъ вопросовъ, имѣются

не столь закрѣпленныя въ общественной памяти требованія въ области управленія... Требованія блока намѣчаютъ не только тѣ принципы, которые должны быть положены въ основу сформированія кабинета, но также и тотъ духъ, которымъ долженъ проникнуться кабинетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. По мнѣнію блока (изложенному въ платформѣ,—А. П.), управленіе должно быть основано: на строгомъ проведеніи началъ законности, на устраненіи двоевластія, военнаго и гражданскаго, въ вопросахъ, не относящихся непосредственно къ веденію военныхъ дѣйствій, на обновленіи состава мѣстной администраціи и на разумной и послѣдовательной политикѣ, направленной къ сохраненію внутренняго мира и устраненію розни между національностями и классами. Далѣе, въ программѣ блока указанъ и рядъ мѣръ для достиженія внутренняго мира. Первой изъ нихъ является широкая амнистія за преступленія не общеуголовнаго порядка, возвращеніе административно высланныхъ и прекращеніе преслѣдованій за вѣру. Далѣе слѣдуетъ рядъ мѣръ, которыя должны быть приняты по національнымъ вопросамъ, и, наконецъ, упоминается о необходимости измѣнить политику по отношенію къ профессіональнымъ союзамъ и къ рабочему классу („Утро Россіи", 15. XI).

Газета промышленно - политической группы г. Рябушинскаго полагала, что еслибы блокъ немедленно и твердо высказалъ эти пункты своей платформы, „не столь закрѣпленные въ общественной памяти“, то своевольнымъ толкованіямъ развѣдчиковъ былъ бы положенъ предѣлъ и А. Ѳ. Трепову было бы ясно, что необходимо для соглашенія съ Думой. Мысль въ существѣ безспорная. Еслибы, напр., только что избранный въ старшіе товарищи предсѣдателя Думы гр. В. А. Бобринскій твердо заявилъ, что для организаціи всѣхъ силъ государства, требуемой нынѣшними исключительными испытаніями, безусловно необходима, положимъ, „широкая амнистія осужденнымъ за преступленія не общеуголовнаго порядка“, то А. Ѳ. Треповъ зналъ бы, съ чѣмъ можно обращаться къ Думѣ, и кривотолкованіямъ „развѣдчиковъ“ a là Крупенскій не было бы мѣста. Но хотя этотъ,—взятый мною для примѣра—пунктъ, какъ правильно указано „Утромъ Россіи“, и стоитъ въ платформѣ блока, мы все-таки не знаемъ, увѣренъ-ли гр. В. А. Бобринскій, что широкая амнистія безусловно необходима? Быть можетъ, и „развѣдчики“ не знаютъ. Неизвѣстно, — знаетъ-ли А. Ѳ. Треповъ. Неизвѣстно,—знаетъ-ли самъ гр. В. А. Бобринскій, нужна амнистія или не нужна...

Мнѣ довелось слышать разсказъ объ одномъ провинціальномъ купцѣ:

— Хорошій былъ человѣкъ Илья Михайлычъ... Сильный... Двѣ слободы въ своихъ рукахъ держалъ. Безъ малаго 20 лѣтъ въ городскихъ гласныхъ ходилъ. Какъ придутъ бывало выборы,—Илья Михайлычъ скажетъ: „ежели вы согласны хлопотать, чтобъ въ Митрофаньевскую кладбищенскую церковь отдѣльнаго попа назначили,—велю слобожанамъ за васъ голоса подавать, а нѣтъ,—черняками закидаю“... „Согласны, говорятъ, согласны“... Такъ бывало каждые выборы,—ужь непремѣнно про Митрофаньевскую церковь скажетъ... Съ тѣмъ и умеръ, царство ему небесное... А только Митрофаньевская церковь и по сію пору безъ попа стоитъ...

Наши во многихъ отношеніяхъ первобытные политическіе нравы допускаютъ такое же отношеніе и къ блоковымъ или партійнымъ платформамъ: ка-деты непремѣнно требуютъ написать про амнистію, — пусть по ихнему будетъ, напишемъ, а тамъ посмотримъ. Написали, но не вспоминали, не напоминали и постепенно написанное стало переходить въ разрядъ обязательствъ, „не столь закрѣпленныхъ въ общественной памяти“. На этомъ въ значительной мѣрѣ и основаны разсчеты найти путь къ соглашенію, не считаясь сколько-нибудь внимательно съ написаннымъ въ офиціальной платформѣ думскаго большинства.

V. По возобновленіи сессіи.

19 ноября пути, намѣченные новымъ предсѣдателемъ совѣта министровъ, опредѣлились. Тотъ же, въ сущности, личный составъ совѣта министровъ, — за изъятіемъ Б. В. Штюрмера и гр. А. А. Бобринскаго, но нѣкоторыя тактическія измѣненія... Прежде всего предварительная цензура, остающаяся въ силѣ, изъ отчетовъ о засѣданіяхъ законодательныхъ собраній не вычеркиваетъ упоминаній о существованіи легендъ относительно измѣны, не вычеркиваетъ и допускаемыхъ отдѣльными депутатами подражаній этимъ легендамъ. И надо признать, что эта перемѣна только выгодна правительству. Необоснованныя, слишкомъ легко бросаемыя фразы объ измѣнахъ и измѣнникахъ если и могутъ производить впечатлѣніе, то лишь при условіи запретовъ. Въ условіяхъ гласности онѣ опорачиваютъ не голословно обвиняемаго, а голословно обвиняющихъ. Неосновательно говорить объ измѣнахъ можно. Но попытки вложить въ абстрактную формулу о темныхъ и безотвѣтственныхъ вліяніяхъ конкретное содержаніе не допускаются. Начиная съ 19 ноября, конкретно развертывали эту формулу и члены Думы, и члены Совѣта,—но все, что они ни говорили по этому поводу, до страны не дошло. Черта опять-таки понятная: объ измѣнахъ говорятся пустыя слова, а при разговорѣ о темныхъ силахъ имѣются въ виду опредѣленные факты. Впрочемъ, министръ юстиціи А. А. Макаровъ отъ имени совѣта министровъ заявилъ въ Государственномъ Совѣтѣ (26 ноября), что „со стороны правительства распоряженій или указаній цензурѣ на необходимость или желательность какихъ-либо измѣненій или пропусковъ въ рѣчахъ, произнесенныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ или Государственной Думѣ, при печатаніи ихъ въ періодическихъ изданіяхъ не дѣлалось и не дѣлается". Вопросъ нѣкоторыхъ членовъ Государственнаго Совѣта: „кто же дѣлаетъ эти распоряженія?" — остался безъ отвѣта.

А. Ѳ. Треповъ упразднилъ и установленную было Б. В. Штюрмеромъ тактику правительственнаго бойкота Государственной Думы. Правительство явилось и предсѣдатель совѣта министровъ заявилъ о намѣреніи выступить съ декларацiей... 3 ноября В. А. Маклаковъ говорилъ о кабинетѣ Штюрмера: „мы заявляемъ этой власти: либо мы, либо они, вмѣстѣ наша жизнь невозможна". И этими словами были вызваны „продолжительныя, бурныя рукоплесканія центра, слѣва и справа". Теперь передъ Думою были тѣ же лица,—только безъ Штюрмера и гр. Бобринскаго. Соціалъ-демократы и трудовики считали нужнымъ подтвердить обструкціей, что такое обновленіе правительства представляется недостаточнымъ. Въ газетахъ—напр., „въ Русскихъ Вѣдомостяхъ"—сообщалось, что среди большинства также были сторонники обструкціи,

но они считали возможнымъ примѣнить это средство парламентской борьбы лишь къ А. Д. Протопопову. Соціалъ - демократы и трудовики направили обструкцію противъ Трепова. Большинство отвѣтило довольно суровыми репрессіями: обструкціонистовъ одного за другимъ удаляли на 8 засѣданій, а послѣдняго, который нѣкоторое время отказывался подчиниться этому рѣшенію большинства и уйти изъ залы, удалили даже на 10 засѣданій. Репрессіями „порядокъ возстановленъ“, и А. Ѳ. Треповъ прочелъ свою декларацію... Независимо отъ намѣреній, которыя были у обструкціонистовъ и ихъ противниковъ, получилась возможность усматривать въ происшедшемъ новое подтвержденіе, что съ большинствомъ можно поладить безъ крупныхъ ломокъ и значительныхъ уступокъ.

Декларація А. Ѳ. Трепова оказалась модернизированнымъ повтореніемъ того, что говорили Думѣ въ свое время И. Л. Горемыкинъ и Б. В. Штюрмеръ. Тѣ же заявленія относительно характера внѣшней и внутренней политики. Къ нимъ новый предсѣдатель совѣта министровъ прибавилъ лишь упоминаніе о Константинополѣ и проливахъ и о рѣшеніи возсоздать свободную Польшу, тѣсно связанную съ Россіей. По поводу этихъ дополненій гр. Д. А. Олсуфьевъ говорилъ въ Государственномъ Совѣтѣ:

> Во время войны ярче всего сознаніе, что важны дѣла, а не слова, что синица въ рукахъ лучше журавля въ небѣ. Для меня два извѣстія, дошедшія къ намъ одновременно—объ оставленіи войсками Бухареста и дипломатическое взятіе Константинополя — по впечатлѣнію своему несоразмѣрны (цит. по „Рѣчи“, 27. XI).

Дополненіе къ прежнему не могло воодушевить. А самое повтореніе прежняго равносильно подтвержденію того, что нѣкогда сказалъ Думѣ нынѣшній министръ юстиціи А. А. Макаровъ: „такъ было, такъ будетъ“. Каково бы ни было моральное значеніе „думской побѣды“,—въ ближайшемъ матеріальномъ итогѣ оказался всего лишь новый шагъ на мѣстѣ. Первыя критическія замѣчанія по этому поводу въ Думѣ были высказаны В. М. Пуришкевичемъ и гр. В. А. Бобринскимъ. Г. Пуришкевичъ значительную часть своей рѣчи посвятилъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и воспользовался при этомъ тѣмъ же методомъ, къ какому прибѣгъ раньше—1 ноября—г. Милюковъ. Но у г. Милюкова построеніе было все-таки тонкое, а г. Пуришкевичъ сталъ рубить съ плеча. Вотъ, напр., г. Протопоповъ организуетъ газету для защиты промышленниковъ. Уже этого одного достаточно, чтобы сказать, что, какъ министръ, онъ не на своемъ мѣстѣ. Но г. Пуришкевичъ разсудилъ такъ: деньги на газету г. Протопопову дали такіе-то и такіе-то банки, банки эти работаютъ „на нѣмецкія деньги“, какъ увѣренъ г. Пуришкевичъ, хотя и не можетъ предъявить доказательствъ, ибо, судя по всему, таковыми не располагаетъ. Да и за-

чѣмъ ему доказательства? Для него и безъ доказательствъ ясно, что деньги на протопоповскую газету дали нѣмцы, а стало быть... По словамъ г. Пуришкевича, предсѣдатель совѣта министровъ Штюрмеръ какъ-то сказалъ ему, что находитъ нѣкоторыя претензіи союзниковъ чрезмѣрными. Говорилъ ли это г. Штюрмеръ и такъ ли говорилъ, какъ передаетъ г. Пуришкевичъ,—неизвѣстно. Но если и говорилъ, то сущность сказаннаго все-таки соотвѣтствуетъ обязанностямъ предсѣдателя совѣта министровъ во всякомъ случаѣ, даже имѣя дѣло съ дружественными державами, отстаивать интересы Россіи. Исполнялъ ли эту обязанность г. Штюрмеръ и какъ исполнялъ, правильно ли онъ понималъ ее,—вопросъ иной. Но если онъ ее дѣйствительно признавалъ, то это обстоятельство не можетъ быть поставлено ему въ вину. Но г. Пуришкевичъ усматриваетъ тутъ германофильскія тенденціи. Разсужденія и выводы г. Пуришкевича не могутъ считаться авторитетными. Чего только онъ ни говорилъ и чего только ни выдѣлывалъ въ качествѣ депутата, сначала бессарабскаго, а потомъ курскаго. Но на сей разъ Дума устроила г. Пуришкевичу овацію, поддержала его домыслы своимъ авторитетомъ. Правда, г. Пуришкевичъ свою рѣчь 14 ноября посвятилъ не только розыскамъ измѣны, онъ говорилъ также о безотвѣтственномъ темномъ вліяніи проходимцевъ. Но отъ всего, что относилось къ этой темѣ, цензура оставила мало понятные обрывки. Розыски же объ измѣнѣ, скрѣпленные авторитетомъ Думы, очень понятны, повторяю, обывательской толпѣ, но они отталкиваютъ серьезную и мыслящую часть общества. Эта ростопчинская манера 1912 года, быть можетъ, пріемлема съ точки зрѣнія охранительной, какъ крайнее средство, способное направить накопленныя чувства раздраженія возможно дальше отъ дѣйствительныхъ причинъ разстройства. Но кому дороги интересы народа и кто способенъ различать правую руку отъ лѣвой, тотъ не можетъ отнестись къ такого рода пріемамъ иначе, какъ къ опаснѣйшимъ и грубѣйшимъ видамъ демагогіи.

Гр. В. А. Бобринскій, какъ представитель фракціи націоналистовъ, вошедшей въ либеральный блокъ, только что избранный большинствомъ въ товарищи предсѣдателя Думы, говорилъ:

Мы будемъ съ А. Д. Протопоповымъ бороться открыто, смѣло, безпощадно во имя тѣхъ великихъ идеаловъ, которые мы въ меньшинствѣ пронесли во второй Думѣ около П. А. Столыпина подъ его именемъ и подъ его знаменемъ. (Цит. по „Рѣчи“, 21. XI).

Это—тѣ самые „великіе идеалы“, во имя которыхъ правое меньшинство II Думы ликовало и устраивало празднества по случаю 3 іюня 1907 года. Можно понять тактическія соображенія, побудившія к.-д. фракцію IV Думы не протестовать противъ столь неожиданнаго освѣщенія ея нынѣшней позиціи. Но едва-ли она чув-

ствовала себя по этому случаю вполнѣ удовлетворительно. И она, безъ сомнѣнія, знаетъ, какой репутаціей пользуются въ странѣ „знамя Столыпина“ и „идеалы“ столыпинскихъ соратниковъ. Для страны получилось еще одно расхолаживающее и дезорганизующее впечатлѣніе. Для сторонниковъ позиціи, избранной А. Ѳ. Треповымъ, получилось еще одно подтвержденіе, что съ думскимъ большинствомъ можно поладить и безъ сколько-нибудь серьезныхъ перемѣнъ и уступокъ. Въ самой Думѣ обнаружился нѣкоторый упадокъ настроенія. При нѣсколько упавшемъ настроеніи и проходило „рѣшающее“ засѣданіе 22 октября,—то самое, на которомъ предстояло принять формулу перехода, опредѣляющую отношеніе думскаго большинства къ деклараціи, прочитанной новымъ предсѣдателемъ совѣта министровъ.

Какъ разъ въ серединѣ этого засѣданія г. Марковъ II допустилъ возмутительную выходку,—по его словамъ, онъ имѣлъ намѣреніе озорными поступками и ругательствами, направленными противъ предсѣдателя М. В. Родзянко, оскорбить большинство. Упавшее было настроеніе бурно поднялось и обрушилось на Маркова II. Дикому озорству и безчинству былъ приданъ характеръ большого „событія“. И это „событіе“ отодвинуло на второй планъ основные политическіе вопросы дня. Шумъ, вызванный скандаломъ, заглушилъ и принятую 22 октября формулу перехода. Дума заявила, что, во-первыхъ, „вліяніе темныхъ безотвѣтственныхъ силъ должно быть устранено“, а, во-вторыхъ, она „по прежнему будетъ стремиться всѣми доступными ей законными средствами къ тому, чтобы былъ образованъ кабинетъ, объединенный одинаковымъ пониманіемъ задачъ переживаемаго времени, готовый въ своей дѣятельности опереться на Государственную Думу и провести въ жизнь программу ея большинства“. Но эту формулу, не столь ужь непримиримую, повторяю, заслонилъ чрезвычайный шумъ, поднятый по случаю презрѣнной выходки лидера крайнихъ правыхъ. А, сверхъ того, выходка г. Маркова II послужила до нѣкоторой степени золотымъ мостикомъ: А. Ѳ. Треповъ нанесъ визитъ предсѣдателю Думы и выразилъ соотвѣтственныя случаю чувства. Этого, разумѣется, недостаточно даже для „плохого мира“. Но это не соотвѣтствуетъ и „доброй ссорѣ“.

Намѣтилась такимъ образомъ возможность возврата къ тѣмъ же отношеніямъ, какія были между думскимъ большинствомъ и правительствомъ въ IV сессіи: нѣтъ мира, даже плохого, но нѣтъ и „доброй ссоры“. Но неожиданно выступилъ въ оппозиціонной роли Государственный Совѣтъ. Вопреки примѣрамъ прошлаго, онъ рѣшилъ открыть общія политическія пренія по поводу деклараціи совѣта министровъ. За исключеніемъ крайнихъ правыхъ, всѣ группы сошлись на критической оцѣнкѣ дѣйствительности. Удареніе совѣтской критики оказалось на томъ, что ораторы разныхъ группъ характеризовали, какъ „разруху нашего государственнаго

управленія": у правительства нѣтъ власти, чтобы выполнить то, что оно само считаетъ необходимымъ, министры проходятъ, какъ тѣни, то и дѣло мѣняясь, господствуютъ темныя силы, вліянія проходимцевъ. Въ заключеніе Государственный Совѣтъ значительнымъ большинствомъ принялъ формулу перехода, предложенную отъ имени земской группы бар. В. В. Меллеръ-Закомельскимъ. Формула признаетъ „необходимымъ, во-первыхъ, рѣшительное устраненіе на дѣла государственныя скрытыхъ безотвѣтственныхъ силъ и, во-вторыхъ, образованіе работоспособнаго правительства, дѣйствительно сплоченнаго и объединеннаго опредѣленной программой, опирающагося на довѣріе и сочувствіе страны и тѣмъ самымъ способнаго къ совмѣстной съ законодательными учрежденіями дѣятельности".

Второй пунктъ принятъ большинствомъ 94 голосовъ противъ 34 первый—о скрытыхъ безотвѣтственныхъ силахъ—большинствомъ 105 голосовъ противъ 25. Очевидно, за принятіе голосовала и значительная часть назначенныхъ членовъ. Такое голосованіе само по себѣ—признакъ слабости тѣхъ сложныхъ вліяній, которыя обычно давятъ на членовъ Государственнаго Совѣта (при покойномъ Столыпинѣ, напр., проявить оппозиціонность въ Маріинскомъ дворцѣ было не такъ просто). Еще болѣе знаменательно это выступленіе, какъ симптомъ общественныхъ настроеній. И, какъ бы подчеркивая силу этого симптома, открывшійся 27 ноября всероссійскій съѣздъ объединеннаго дворянства на первомъ же засѣданіи занялся тѣми же вопросами о разрухѣ власти и о скрытыхъ безотвѣтственныхъ силахъ. Конечно, какъ только рѣчь объ этомъ зашла,—представители печати были удалены и съѣздъ самъ себя отвергъ отъ гласности. Объединенное дворянство все-таки остается объединеннымъ дворянствомъ. Но даже оно, оказалось, чувствуетъ тревогу и не можетъ примириться съ существующимъ положеніемъ. Это положеніе, разумѣется, не съ неба свалилось. Оно—слѣдствіе какихъ-то причинъ. И само собою понятно, что болѣзнь не излечить, пока не устранены причины ея. Но было бы наивно ждать, что ихъ назоветъ объединенное дворянство: оно могло бы это сдѣлать лишь въ случаѣ публичнаго покаянія въ собственныхъ грѣхахъ и публичнаго самоосужденія.

Не менѣе наивно было бы ждать, что причины болѣзни вскроетъ и назоветъ Государственный Совѣтъ: вѣдь онъ за послѣдніе 10 лѣтъ своею политикой, не допускающей необходимѣйшихъ благъ гражданственности, подготовлялъ разруху и обезпечивалъ за проходимцами и темными силами то мѣсто, какое они заняли. Причины болѣзни могла бы вскрыть и назвать Дума. Но большая часть депутатовъ въ ней принадлежитъ какъ разъ къ тѣмъ группамъ, которыя, начиная съ 1905 года, главную свою задачу полагали въ борьбѣ противъ извѣстныхъ чаяній и стремленій. Для этого во имя защиты своихъ групповыхъ интересовъ онѣ въ свое время сплоти-

лись „подъ знаменемъ Столыпина“, — знаменемъ борьбы 130 тысячъ противъ 150 милліоновъ. Въ этой борьбѣ они и создали разруху, обострившуюся за послѣдніе 2 года, но существовавшую уже при Столыпинѣ и его ближайшихъ преемникахъ. Разныхъ оттѣнковъ были столыпинцы. И, быть можетъ, не одинакова степень ихъ вины. Но, чтобы назвать причину болѣзни, имъ нужно все-таки осудить самихъ себя. Въ Думѣ есть другія группы, которыя подъ знаменемъ Столыпина не стояли,—наоборотъ, противъ столыпинцевъ вели борьбу. Но наиболѣе сильная часть ихъ—наиболѣе сильная въ Думѣ, а не въ странѣ—и на сей разъ заняла позицію, которая связываетъ, отымаетъ свободу, необходимую для того, чтобы вскрыть и назвать причины болѣзни.

Сказали еще разъ: „такъ дальше жить нельзя“. Сказали очень вѣско, внушительно, убѣдительно. Но почему получается такъ, что жить нельзя,—этого не объяснили. Не объяснили странѣ. Не указали и правительству.

А. Петрищевъ.

Шахтовладѣльцы и шахтеры.

Злободневнымъ вопросомъ на горно-заводскихъ промыслахъ Донецкаго бассейна является недостатокъ рабочихъ рукъ. Не хватаетъ на копяхъ горнорабочихъ; не хватаетъ въ рудничныхъ мастерскихъ механическаго цеха; мало слесарей, токарей, кузнецовъ на заводахъ... Мало камеронщиковъ... Мало кочегаровъ. Словомъ, какъ говорятъ шахтеры,—„хоть алла кричи“.

Нехватка рабочихъ рукъ на копяхъ Донецкаго бассейна—явленіе не новое. Съ фактомъ этимъ приходилось считаться издавна. Уже въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ горнорабочіе вербовались наемщиками и доставлялись на каменно-угольныя копи изъ Тульской (преимущественно Бѣлевскій уѣздъ) и Орловской (Болховской уѣздъ) губерній. Рабочіе губерніи Екатеринославской въ шахты, на горную работу, шли неохотно и составляли очень незначительный процентъ горнорабочихъ. Позже пошли могилевцы,—(„зюзюки“ или „зюзба“, какъ ихъ зовутъ на шахтахъ), тамбовцы, смоленцы, рязанцы и т. д. Екатеринославцы пошли въ шахты послѣдними. И давно уже намѣтилась тенденція, имѣющая мѣсто и посейчасъ на промышленномъ югѣ: приливъ рабочихъ съ Покрова до Пасхи и отливъ съ Пасхи до Покрова,—на все лѣто, назадъ въ деревню, на пахоту, косьбу сѣна и уборку хлѣбовъ.

И съ первыхъ шаговъ развитія горнаго дѣла гг. горнопромышленники начали кричать о нехваткѣ рабочихъ рукъ. Просмотрите

протоколы ихъ съѣздовъ, начиная съ I съѣзда, состоявшагося въ Таганрогѣ 10 ноября 1874 года, и вплоть до нашихъ дней, — вы увидите красной нитью проходящій вопль о нехваткѣ рабочихъ рукъ. Но дѣйствительныхъ мѣръ для привлеченія рабочихъ углепромышленники все-таки не принимали. Такими мѣрами могли бы быть: улучшеніе жилищно-санитарныхъ условій; уменьшеніе рабочаго дня, повышеніе заработной платы до нормы, обезпечивающей рабочему и правильное питаніе, и нормальный отдыхъ, и возможность отложить что-либо „про черный день",—ко времени утраты трудоспособности, настигающей горнорабочихъ чрезвычайно рано. Вмѣсто этого горнопромышленники лишь требовали боевыхъ пошлинъ, которыя давали бы имъ возможность взвинчивать цѣны на уголь, и подъ прикрытіемъ „нехватки рабочихъ" старались запустить поглубже руку въ карманъ потребителя, частнаго и казеннаго. А когда поднимался вопросъ о дѣйствительномъ урегулированіи рабочаго вопроса на копяхъ, то они неизмѣнно отвѣчали, что для этого у нихъ нѣтъ средствъ, что цѣны на уголь не позволяютъ улучшить положеніе рабочихъ.

Вотъ что они писали, напримѣръ, въ 1912 году, во время „угольнаго голода": „Горнопромышленниковъ обвиняютъ, что они сами создали такое положеніе недостачи угля тѣмъ, что очень мало платятъ рабочимъ, Надо повысить заработную плату и недостатка въ рабочихъ рукахъ не будетъ. Такія разсужденія возможны только въ предположеніи, что существующія цѣны на уголь—монопольныя, которыя оправдаютъ какое угодно повышеніе себѣ-стоимости угля. Въ дѣйствительности-же дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. По даннымъ анкетной правительственной коммиссіи д. с. с. Курмакова, средняя себѣ-стоимость угля въ Донецкомъ бассейнѣ, безъ % на капиталъ, опредѣлилась для рядового угля въ 8,15, для сортированнаго — въ 8,26 и мытаго и сортированнаго — въ 9,07 коп. за пудъ... Продажная цѣна (средняя) — стоитъ 9—10—11 коп. за пудъ — (слова эти относятся къ 1912 году)... „Можно-ли при такихъ условіяхъ значительно повышать заработную плату рабочаго для того, чтобы создать искусственный приливъ ихъ? Вѣдь прибыльность рудниковъ до сихъ поръ очень не велика". [1]).

Не лишне будетъ отмѣтить, что, прикрываясь въ данномъ случаѣ авторитетомъ правительственной коммиссіи, органъ горнопромышленниковъ „упустилъ изъ виду", что заключенія этой коммиссіи были опротестованы представителемъ министертва путей сообщенія, который подалъ особое мнѣніе и представилъ свою расцѣнку себѣ-стоимости угля. Его соображенія были разсмотрѣны при Горномъ Департаментѣ подъ предсѣдательствомъ д. с. с. А. О. Ива-

[1]) „Объ угольномъ голодѣ". См. „Горно-З.-Дѣло", № 46 за 1912 г. Передовая статья.

нова, причемъ „совѣщаніе пришло къ общему соглашенію и установило, что средняя себѣ-стоимость Донецкаго угля предпріятію безъ общихъ расходовъ правленія, безъ оплаты процентовъ и погашенія облигаціонныхъ и другихъ займовъ, безъ коммерческой прибыли, составляетъ 6,92 коп. за пудъ", [1]) а не 8,15 коп., какъ утверждало въ цитированной статьѣ „Горнозаводское Дѣло". И не знать этого оно не могло, такъ какъ заключеніе совѣщанія д. с. с. Иванова было напечатано въ немъ самомъ, недѣлей раньше.

Тогда же министерство путей сообщенія и рядъ прогрессивныхъ органовъ печати обрушились на гг. горнопромышленниковъ, доказывая, что „угольный голодъ" они создаютъ искусственно. Утверждалось—не безъ основанія,—что и 6,92 коп. за пудъ угля себѣ-стоимость преувеличенная; что барыши гг. шахтовладѣльцы, вопреки ихъ утвержденіямъ о малой прибыльности копей, получаютъ изрядные и что, по совѣсти, они могли бы хотя крохи удѣлить изъ нихъ рабочимъ, влачащимъ на копяхъ жалкое существованіе. Тогда органъ Совѣта съѣзда горнопромышленниковъ цинично отвѣтилъ: „Было бы странно ожидать отъ промышленниковъ, чтобы они руководились въ своей дѣятельности не коммерческими разсчетами, а „государственными" или филантропическими соображеніями. На этомъ построена вся наша капиталистическая система. Поэтому плохо скрытымъ лицемѣріемъ звучатъ упреки, раздающіеся изъ такихъ сферъ, основнымъ принципомъ которыхъ также является стремленіе къ наибольшей выгодѣ. Торговля есть торговля" [2]).

Руководясь исключительно этимъ принципомъ,— „стремленіемъ къ наибольшей выгодѣ", — горнопромышленники втеченіе ряда десятилѣтій не могли обезпечить своихъ шахтъ достаточнымъ и устойчивымъ кадромъ рабочихъ. Тѣмъ труднѣе, конечно, разрѣшить эту задачу теперь, въ условіяхъ военнаго времени.

Между тѣмъ съ начала войны Донецкій бассейнъ пріобрѣлъ исключительное по своей важности государственное значеніе, такъ какъ оказался чуть ли не единственнымъ поставщикомъ твердаго минеральнаго топлива для всей Россіи. Раньше топливо шло и изъ Домбровскаго бассейна, и изъ-заграницы, отчасти черезъ порты Балтійскаго моря, отчасти черезъ западную сухопутную границу. Сейчасъ кромѣ Донецкаго бассейна уголь въ Европейской Россіи добывается лишь въ Подмосковномъ районѣ, на Уралѣ и на Кавказѣ. Но роль ихъ крайне незначительна. Общая годовая добыча въ Подмосковномъ районѣ въ 1913 году была 18,3 милл. пудовъ; въ 1914 она слегка возросла, давъ 18,6 милл. п. и въ 1915 г. поднялась до 23,7 милл. пудовъ. Кавказъ

[1]) Тоже. „Г. З. Дѣло". № 43 за 1912 г.

[2]) „Горно-Зав.-Дѣло". № 1-2 за 1913 годъ. Статья „Угрожаетъ-ли опасность угольнаго голода въ 1913 году" Стр. 6535.

далъ въ 1913 г. всего лишь 4,3 милл. пуд., а въ 1914 г.—и того менѣе: 4,1 милл. пуд. Что касается Урала, то хотя его годовая добыча и достигаетъ въ среднемъ 80 милліоновъ пудовъ, но онъ едва-ли можетъ удѣлить что-либо за свои предѣлы. Впрочемъ, въ 1915 г. добыча каменнаго угля далеко не достигла на Уралѣ обычной нормы и дала менѣе 64 милл. пуд.

Иное дѣло бассейнъ Донецкій, дававшій въ послѣдніе передъ войной годы свыше 1.500 милл. пуд. твердаго минеральнаго топлива. Теперь въ интересахъ страны надлежало бы сильно увеличить обычную его добычу. А между тѣмъ Донецкій бассейнъ даетъ теперь меньше, чѣмъ онъ давалъ въ мирное время. Такъ, за первые семь (мирныхъ) мѣсяцевъ 1914 г. было добыто въ Донецкомъ бассейнѣ 1,023 милл. пуд. угля и антрацита, а въ тѣ же мѣсяцы 1915 г. всего лишь 915 милл. пуд. Въ нынѣшнемъ году, послѣ всѣхъ сдѣланныхъ усилій, чтобы поднять добычу въ Донецкомъ бассейнѣ и обезпечить его рабочими, онъ далъ за первые семь мѣсяцевъ нѣсколько больше, а именно около 1.000 милл. пуд., но все-таки меньше, чѣмъ за тотъ же періодъ въ 1914 году.

Надо сказать, что сокращеніе добычи угля въ Донецкомъ бассейнѣ лишь для прошлаго года, да и то не вполнѣ, можетъ быть объяснено уменьшеніемъ числа рабочихъ. Въ первые семь мѣсяцевъ 1914 г. на шахтахъ работали въ среднемъ (изъ ежемѣсячныхъ данныхъ) около 185 тыс. человѣкъ, а въ тѣ же мѣсяцы 1915 г.—около 168 тыс. человѣкъ. Но въ нынѣшнемъ году на шахтахъ работало значительно больше, не только чѣмъ въ прошломъ году, но и позапрошломъ, а именно въ среднемъ за первые семь мѣсяцевъ — около 220 тыс. человѣкъ. Однако и за всѣмъ тѣмъ нѣтъ угля; какъ сказано, добыто меньше, чѣмъ въ 1914 году.

Если мы сопоставимъ цифры рабочихъ съ данными о количествѣ добытаго угля, то найдемъ, что по разсчету на одного рабочаго было добыто угля за первые семь мѣсяцевъ:

въ 1914 году	5.530 пуд.
„ 1915 „	5.387 „
„ 1916 „	4.545 „

Другими словами: средняя производительность рабочаго уменьшается и особенно значительно она уменьшилась въ нынѣшнемъ году.

Объясняется это, какъ мы думаемъ, прежде всего повышеніемъ заработной платы. На первый взглядъ это можетъ показаться парадоксомъ. Больше того. Это походитъ на доводъ реакціонныхъ элементовъ въ защиту низкой оплаты труда. Вѣдь не такъ давно еще,— въ январѣ 1913 года,—на совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ бывшаго министра торговли и промышленности С. И. Тимашева, директоръ Горнаго Департамента В. И. Арандаренко, въ связи съ вопросомъ объ удержаніи горнорабочихъ отъ кочеванія

рудникамъ и прикрѣпленіи ихъ къ шахтамъ, высказался противъ увеличенія въ этихъ цѣляхъ заработной платы и выдачи горнорабочимъ премій [1]). А еще позже, совсѣмъ недавно, весною 1915 года,—членъ Государственнаго Совѣта Ивановъ, „возражая въ засѣданіи экономическаго совѣщанія Государственнаго Совѣта министру торговли В. Н. Шаховскому, заявилъ, что при малокультурности русскихъ рабочихъ увеличеніе заработной платы могло-бы способствовать не увеличенію производительности труда а скорѣе уменьшенію его. Рабочіе, по словамъ оратора, работають только до тѣхъ поръ, пока нуждаются" [2]). Но въ нашихъ глазахъ связь между повышеніемъ заработной платы и уменьшеніемъ количаства угля, добываемаго рабочимъ, имѣетъ нѣсколько иной смыслъ и, главное, ведетъ къ совершенно другимъ практическимъ выводамъ.

Мы не можемъ закрыть глаза на то, что условія труда горнорабочихъ убійственны. Двѣнадцатичасовая работа глубоко подъ землею, въ сырости, въ тяжеломъ, испорченномъ воздухѣ, при повышенномъ барометрическомъ давленіи... Работа изо дня въ день, и въ результатѣ, при обычныхъ условіяхъ, грошевые заработки, едва дававшіе возможность свести концы съ концами... Каждый прогулъ карался штрафомъ. Каждый штрафъ лишалъ возможности свести мѣсячный бюджетъ. И загнанный въ такой заколдованный кругъ горнорабочій волей-неволей работалъ... Работалъ *черезъ силу*, въ ущербъ здоровью, чтобы не умереть отъ постояннаго недоѣданья или не быть уволеннымъ. Наконецъ, наступала „получка"... Выдавались жалкіе гроши, добытые въ кровавомъ поту. Что могъ пріобрѣсть на нихъ рабочій? Они не устраивали... А затѣмъ—истрепанный организмъ требовалъ встряски. И вотъ рабочій оказывался у казенки. Быстро спускались полученные жалкіе гроши. За ними шла одежда, вплоть до послѣдней рубахи въ буквальномъ смыслѣ слова. Времени на это требовалось не много. Затѣмъ контора прекращала выдачу продуктовъ изъ продуктоваго магазина. Наступалъ самый настоящій голодъ и настойчиво посылалъ рабочаго въ шахту. А рядомъ съ голодомъ подгоняли все тѣ же штрафы.

Не то сейчасъ. Повышеніе заработковъ въ связи съ войной и нехваткой угля на рынкѣ повело къ тому, что горнорабочій при меньшемъ числѣ рабочихъ дней въ состояніи покрыть съ избыткомъ даже при теперешней дороговизнѣ свои нехитрыя потребности. У рабочихъ завелись свободныя деньги, чего раньше почти никогда не бывало. Благодаря закрытію казенокъ — пропустить ихъ не такъ легко. Развѣ только—проиграть въ карты придется... Въ связи съ войной пробудился слегка интересъ къ газетѣ и окру-

[1]) См. „Г. З. Дѣло", № 4 за 1913 г. стр. 6668.
[2]) „Южный Край" 27 Марта 1915 г.

жающей жизни. А параллельно и въ прямой связи со всѣмъ этимъ возросло и число прогульныхъ дней. Нѣтъ необходимости работать шесть съ половиной дней въ недѣлю. И меньшаго числа ихъ хватаетъ на жизнь и на штрафы за прогулы. Можно, слѣдовательно, отдохнуть лишній денекъ въ недѣлю отъ каторжнаго труда. Можно лишнюю ночь проспать дома ночной смѣнѣ... Лишній день видѣть солнце—денной. И съ наступленіемъ весны рабочихъ, особенно молодежь, приходилось буквально загонять въ шахту. Не помогали ни штрафы, ни взысканія всякаго рода, налагаемыя рудничной администраціей. Больше пяти дней въ недѣлю никто не хотѣлъ работать. А это, конечно, повело къ пониженію общей добычи угля на всѣхъ копяхъ и средней добычи въ опредѣленный періодъ времени на одного человѣка.

Но это не все еще. Несомнѣнно понизилась и самая трудоспособность у цѣлой категоріи рабочихъ, въ смыслѣ количества добываемаго угля въ процессѣ ежедневнаго труда. Пониженіе это никакого отношенія къ размѣру заработной платы уже не имѣетъ. Подкладка здѣсь чисто психологическая. И, мнѣ кажется,—заслуживающая вниманія.

Вы знаете, конечно, что въ первую мобилизацію часть горнорабочихъ была призвана въ армію. Немедленно-же состоялось совѣщаніе членовъ Совѣта съѣзда горнопромышленниковъ, которое и ходатайствовало по телеграфу предъ рядомъ министровъ объ оставленіи горнорабочихъ на копяхъ.

Ходатайство было уважено. Часть взятыхъ по первой мобилизаціи запасныхъ солдатъ возвратили на копи, а при дальнѣйшихъ мобилизаціяхъ рудники представляли только именные списки состоящихъ на копяхъ ратниковъ ополченія и ихъ,—за исключеніемъ двухъ-трехъ категорій, какъ посыльные, повара и т. д.—оставляли на мѣстахъ для горныхъ работъ. Такимъ образомъ на рудникахъ образовался цѣлый кадръ рабочихъ, составившихъ категорію военно-обязанныхъ. Къ числу ихъ прибавились еще новобранцы 1916 года, оставленные на копяхъ впредь до особаго распоряженія, съ учетомъ срока дѣйствительной службы съ іюня 1915 года. А позже примкнули еще и новобранцы 1917 года, оставленные на тѣхъ же основаніяхъ. Все это, по существу, солдаты коимъ давно надлежитъ быть въ арміи и которые оставлены только въ силу исключительной нужды для государства въ каменномъ углѣ.

Эта-то категорія шахтеровъ и оказалась рабочими съ пониженной трудоспособностью. Права перехода съ рудника на рудникъ они вначалѣ не имѣли. Военное вѣдомство, видимо, смотрѣло на нихъ, какъ на солдатъ, назначенныхъ на опредѣленныя работы: назначена тебѣ работа,—дѣлай; не желаешь,—иди на фронтъ Взглядъ, съ точки зрѣнія военной дисциплины,—правильный. А, можетъ быть, военное министерство просто сразу не дало ясныхъ

указаній мѣстнымъ властямъ, какъ быть съ вопросомъ о правѣ перехода. По рудникамъ же было разослано распоряженіе: всѣхъ военно-обязанныхъ рабочихъ, не желающихъ выполнять возложенныя на нихъ обязанности, немедленно передавать мѣстному воинскому начальнику. Это распоряженіе мѣстная администрація и учла, какъ отсутствіе у военнообязанныхъ права перехода съ рудника на рудникъ. „Не хочешь дѣлать то, что тебѣ назначено,—поѣзжай на фронтъ"—говорила она. И не только говорила, но такъ и дѣлала.

Совсѣмъ иначе понимали дѣло рабочіе-солдаты. „Въ полку иная статья,—говорили они,—тамъ дѣло военное. Скажутъ: „ложись"—ложись, значитъ. Стрѣлять,—пали... Въ штыки,—валяй съ Богомъ. А на шахтахъ—особь статья... Дѣло частное. И выходитъ,—мы здѣсь словно крѣпостные".

Положеніе, дѣйствительно, было сходное. Хочешь подчиняться безпрекословно,—работай. А не нравится работа,—перейти на сосѣдній рудникъ не смѣй. И вотъ, въ силу этого сходства съ „крѣпостной зависимостью" и въ силу органическаго протеста крестьянина противъ послѣдней,—у рабочихъ-военнообязанныхъ создалось особое психическое состояніе. Они вѣчно чувствуютъ надъ собою „нажимъ", видятъ его даже тамъ, гдѣ нажима и нѣтъ въ дѣйствительности. И гдѣ „вольный" рабочій работаетъ охотно,—рабочій военнобязанный проявляетъ сплошь и рядомъ всяческое недовольство и всячески-же будируетъ. Будируютъ даже люди, по нѣсколько лѣтъ выполнявшіе ту же самую работу до призыва.

А это, несомнѣнно, отражается на производительности труда какъ группы военнообязанныхъ, такъ зачастую и на настроеніи рабочихъ „вольныхъ".

Создавшаяся этимъ путемъ ненормальность повела къ тому, что окружной инженеръ горловскаго горнаго округа офиціально возбудилъ, наконецъ, вопросъ о правѣ перехода для военнообязанныхъ съ рудника на рудникъ. И 24 іюля 1915 года Горный Департаментъ разъяснилъ Совѣту съѣздовъ горнопромышленниковъ положеніе дѣла. Оказалось, что вплоть до 8 марта 1915 года никакихъ воспрещеній перехода не было. „Распоряженія о томъ, чтобы рабочіе каменноугольныхъ копей Донецкаго бассейна при переходѣ съ одного рудника на другой немедленно призывались на дѣйствительную службу, по военному вѣдомству не дѣлалось,—разъяснило съ своей стороны военное министерство.—Напротивъ, въ частности, давались указанія, чтобы при переходѣ рабочихъ съ одного рудника на другой рудникъ Донецкаго бассейна предоставленная данному лицу отсрочка оставалась въ силѣ". И только 8 марта „министръ путей сообщенія телеграммой просилъ сдѣлать срочное распоряженіе, чтобы ратники-рабочіе каменноугольныхъ копей Донецкаго бассейна, пользующіеся освобожденіемъ отъ призыва и покидающіе по случаю наступленія праздниковъ копи, немедленно

задерживались для отправки въ войсковыя части, а не отпускались на родину. Вслѣдствіе сего, по приказанію генералъ-адъютанта Сухомлинова" — и было сдѣлано соотвѣтствующее указаніе [1]).

Положеніе выяснилось, но и послѣ того мало чѣмъ измѣнилось. Во первыхъ, допускать право перехода вначалѣ стали только ратникамъ, а запасныхъ и новобранцевъ не отпускали, а во-вторыхъ, и переходъ ратниковъ обставили такою массой формальностей, что легче было верблюду пройти въ ушко игольное, чѣмъ ратнику перебраться съ рудника на рудникъ. Переходящій былъ обязанъ: 1) взять у завѣдывающаго рудникомъ удостовѣреніе, что переходъ ему разрѣшенъ администраціей рудника и что на этомъ рудникѣ онъ не нуженъ; 2) взять удостовѣреніе отъ рудника, куда онъ переходитъ, что его тамъ принимаютъ; 3) засвидѣтельствовать эти документы у окружного инженера и 4) исходатайствовать у мѣстнаго воинскаго начальника разрѣшеніе на переходъ. Какъ видите, формальностей хоть отбавляй.

Жизнь, какъ это часто бываетъ, заставила внести поправки въ эту систему. Во первыхъ — пришлось разрѣшить переходы всѣмъ категоріямъ военнообязанныхъ; во-вторыхъ — пришлось сократить формальности. Въ настоящее время каждый военнообязанный можетъ перейти съ рудника на рудникъ, предупредивъ рудничную администрацію за двѣ недѣли. Въ этомъ случаѣ, при разсчетѣ, контора рудника выдаетъ переходящему удостовѣреніе съ указаніемъ, когда онъ былъ нанятъ, сколько въ данномъ предпріятіи проработалъ и почему увольняется. Такое же удостовѣреніе посылается и мѣстному воинскому начальнику. Получивъ разсчетъ, военнообязанный долженъ втеченіе восьми дней зачислиться на другой рудникъ или другое предпріятіе, работающее на оборону и дающее право отсрочки; въ противномъ случаѣ онъ теряетъ право на отсрочку и препровождается въ армію.

Съ другой стороны, о каждомъ поступающемъ на рудникъ военнообязанномъ препровождается именной списокъ въ пяти экземплярахъ въ мѣстный уѣздный комитетъ по предоставленію отсрочекъ военнообязаннымъ, гдѣ списокъ этотъ разсматривается въ распорядительномъ засѣданіи и, если переходъ совершенъ законно,—утверждается. И теперь продѣлывается много лишнихъ формальностей, но все-же, по сравненію съ прошлымъ, формальностей много меньше.

Но, кромѣ всѣхъ перечисленныхъ мною причинъ пониженія работоспособности военнообязанныхъ, есть и еще одна.

Я говорилъ уже о перекочевкахъ горнорабочихъ съ рудниковъ въ деревню и обратно, какъ отличительной чертѣ рабочаго вопроса

---

1) „Г. З. Дѣло" № 31 отъ 8 августа 1915 г. „Къ вопросу о переходѣ военнообязанныхъ рабочихъ съ одного предпріятія на другое". 16*

въ Донецкомъ бассейнѣ. Какъ ни тяжелъ трудъ крестьянина-земледѣльца, онъ все-же во много кратъ легче труда шахтера. Тамъ работа идетъ подъ открытымъ небомъ, на свѣжемъ воздухѣ широкихъ полей. Здѣсь ведется подземная работа крота, въ полутьмѣ и спертомъ воздухѣ сырыхъ и затхлыхъ галлерей. И нѣтъ ничего удивительнаго, если поѣздка въ деревню, на полевыя работы, являлась отдыхомъ для шахтера. Изъ деревни возвращался онъ со свѣжимъ запасомъ физическихъ силъ и душевной бодрости для тяжелаго горнаго дѣла.

Не то сейчасъ. Военнообязанный горнорабочій, прикрѣпленный къ копямъ Донецкаго бассейна, не имѣющій права отлучиться съ шахтъ, лишенъ возможности деревенскаго отдыха и это рѣзко сказывается на производительности его труда. Два долгихъ года непрерывной работы подъ землею утомили шахтера... А неопредѣленность положенія дѣлъ и вѣроятная длительность войны выработали соображеніе о необходимости экономить силы для будущаго.

Поговорите съ любымъ горнорабочимъ и вы въ тѣхъ или другихъ выраженіяхъ услышите такое разсужденіе:

— Воюемъ мы два года... Можетъ, и еще два года будемъ... Вотъ и бережемъ силу... Откуда ея набрать, если каждую упряжку на работу лазить? Потому и перегуливаемъ... Тоже вѣдь человѣкъ—не машина... Попристали...

Въ этомъ разсужденіи есть много вѣрнаго и, по совѣсти, противъ него ничего не скажешь.

Въ послѣднее время уполномоченнымъ предсѣдателя особаго совѣщанія по топливу въ Донецкомъ бассейнѣ былъ созванъ цѣлый рядъ совѣщаній изъ представителей горной инспекціи и управляющихъ горными промыслами по вопросу объ увеличеніи производительности копей и уменьшеніи числа прогуловъ горнорабочихъ. Много пріемовъ борьбы съ послѣднимъ явленіемъ было предложено уполномоченными предпріятій. Было все, вплоть до милитаризаціи промышленности, до отправки на передовыя позиціи всѣхъ, сдѣлавшихъ менѣе опредѣленнаго числа выходовъ въ мѣсяцъ... И ни одинъ человѣкъ не указалъ на единственный, собственно, путь къ рѣшенію вопроса... А именно: — на предоставленіе права управленіямъ рудниковъ отпускать на двухъ-трехъ недѣльный отдыхъ опредѣленный процентъ военнообязанныхъ горнорабочихъ на родину.

На мой взглядъ, это единственный путь къ повышенію трудоспособности горнорабочихъ и къ борьбѣ съ прогулами. И на этотъ путь давно пора перейти. Репрессіями дѣлу не поможешь...

Левъ Либерманъ.

Иностранная лѣтопись.

1. Военный соціализмъ и его положительныя и отрицательныя стороны.—2. Всеобщая трудовая повинность въ Германіи.—3. Экономическія мѣры и политическія перемѣны въ Англіи и Франціи.—4. Положеніе дѣлъ въ началѣ 30-го мѣсяца войны.

I.

Не смотря на отверженіе державами согласія нѣмецкаго предложенія о мирѣ, мы не можемъ сказать, въ какой степени этотъ шагъ отзовется на удлиненіи или на сокращеніи продолжительности войны. Слишкомъ разнообразны мнѣнія по этому поводу и слишкомъ много факторовъ входитъ въ рѣшеніе этой задачи, чтобы можно было и теперь заниматься предвидѣніями. Настоящая война вообще отличается тѣмъ, что она опровергла и продолжаетъ опровергать чуть-ли не всѣ предположенія и гипотезы о ея характерѣ, длинѣ, результатахъ, которыя вначалѣ дѣлались людьми, казалось бы, достаточно компетентными въ области международной политики, народнаго хозяйства и стратегіи. И еслибы можно было отрѣшиться отъ мысли о судьбѣ сотенъ милліоновъ живыхъ человѣческихъ существъ и неисчислимыхъ матеріальныхъ и моральныхъ цѣнностей, разрушаемыхъ міровымъ потрясеніемъ, то приходилось бы лишь жадно вглядываться въ тотъ несравненный соціологическій опытъ, который современное человѣчество продѣлываетъ надъ собою.

Отодвигая въ сторону вопросъ, какой нравственный балансъ оставитъ по себѣ война, и не будутъ-ли перевѣшивать отрицательныя свойства, пріобрѣтенныя людьми за время ожесточенной борьбы между наиболѣе культурными странами, тѣхъ положительныхъ качествъ, которыя приписываются многими изъ современныхъ политиковъ и публицистовъ великому конфликту, мы не можемъ не остановиться на одномъ очень крупномъ и сложномъ соціологическомъ явленіи, бросающемся въ глаза при самомъ поверхностномъ взглядѣ на совершающіяся событія. А именно. Внутри каждаго изъ борющихся организмовъ обнаруживается стремленіе усилить роль общественности, расширить сферу коллективныхъ дѣйствій, согласовать и направить усилія частныхъ лицъ къ одной общей цѣли. Но эта задача осуществляется въ рамкахъ современ-

наго строго централизованнаго государства, на почвѣ рѣзкихъ классовыхъ и сословныхъ дѣленій и подъ давленіемъ военной необходимости. Въ результатѣ элементъ принужденія необычайно увеличивается на счетъ добровольнаго служенія обществу; согласованность дѣйствій отдѣльныхъ членовъ общежитія достигается не путемъ *ко*ординаціи, а путемъ *суб*ординаціи; и личность закабаляется государству.

Тѣ измѣненія, которыя совершаются нынѣ въ политической и хозяйственной сферѣ всѣхъ безъ исключенія воюющихъ и даже нейтральныхъ странъ, представляютъ собою лишь частныя проявленія этой общей тяги. Отсюда—усиленіе исполнительной власти въ ущербъ законодательной и перенесеніе многихъ функцій съ органовъ гражданской администраціи на органы администраціи военной. Отсюда — отступленіе дѣятельности парламентовъ на второй планъ по сравненію съ работою министерствъ, притомъ все болѣе отклоняющихся отъ характера партійныхъ кабинетовъ, все сильнѣе сокращающихся по числу членовъ и все рѣзче принимающихъ форму коллегіи изъ немногихъ диктаторовъ. Отсюда — болѣе или менѣе насильственная организація труда и ограниченіе обычныхъ въ современномъ обществѣ привилегій капитала. Отсюда—огосударствленіе разныхъ видовъ предпринимательской дѣятельности и вообще вмѣшательство въ безконтрольное распоряженіе частной собственностью, еще недавно считавшейся главнымъ устоемъ настоящаго строя. Но отсюда же — урѣзываніе политическихъ вольностей и ущербленіе, казалось бы, основныхъ правъ человѣка и гражданина въ области свободнаго мѣстопребыванія и не стѣсненнаго паспортною системою передвиженія, въ области свободнаго выраженія мнѣній въ печати и на собраніяхъ, свободнаго образованія различныхъ союзовъ и общественныхъ организацій.

Всматриваясь въ эту пеструю и часто противорѣчивую картину измѣненій, внесенныхъ во время и подъ вліяніемъ войны въ строеніе современныхъ обществъ, приходится быть очень осторожнымъ въ выводахъ какъ относительно того, что̀ останется изъ этихъ измѣненій послѣ войны и что̀ будетъ унесено послѣдующимъ мирнымъ развитіемъ человѣчества, такъ и относительно того, что̀ здѣсь можно считать прогрессомъ и въ чемъ должно видѣть несомнѣнный регрессъ. Говоря вообще, положительная сторона заключается въ стремленіи къ кооперацiи, къ обобществленію, къ коллективизму въ самомъ широкомъ и неопредѣленномъ значеніи этого слова. Но въ данномъ случаѣ съ этой положительной стороной тѣсно связана и сторона отрицательная, выражающаяся въ томъ, что это усиленіе элемента общественности достигается путемъ необыкновеннаго разростанія принудительнаго начала, сосредоточенія государственной власти въ рукахъ все суживающагося круга правящихъ группъ и лицъ, ослабленія участія самихъ

народовъ въ распоряженіи своими судьбами и, наконецъ, подавленія самыхъ законныхъ правъ и потребностей личности.

Если стоять на точкѣ зрѣнія строгаго индивидуализма, то очень трудно отказаться отъ того вывода, что и всѣ измѣненія, о которыхъ шла рѣчь, представляютъ собою явленія сплошь регрессивныя и потому должны быть устранены усиліями сознательныхъ гражданъ, какъ только уляжется военная буря. Доживи, напр., Спенсеръ до нашихъ кровавыхъ дней, онъ могъ бы, пожалуй, не безъ гордости сказать, что онъ предвидѣлъ обрушившуюся на человѣчество катастрофу еще двадцать лѣтъ тому назадъ, когда въ третьемъ томѣ „Началъ соціологіи“ онъ указывалъ на одновременное развитіе „милитаризаціи“ и „соціализаціи“ европейскихъ культурныхъ странъ и предостерегалъ противъ подчиненія личности обществу въ формѣ военной — и соціалистической дисциплины!..

Подводя итоги эволюціи экономическихъ отношеній „въ ближайшемъ будущемъ“, авторъ „Синтетической философіи“ разсуждалъ слѣдующимъ образомъ: „Хроническое военное состояніе, требуя іерархическаго подчиненія на всей лѣстницѣ чиновъ арміи, требуетъ и подчиненія всего общества арміи, для которой оно является простымъ комиссаріатомъ. Это состояніе требуетъ также подчиненія соотвѣтственно различнымъ рангамъ такого комиссаріата: іерархическое послушаніе представляетъ законъ для всей такой организаціи. И, наоборотъ, ослабленіе военнаго состоянія приноситъ съ собою смягченіе дисциплины. Желаніе всякаго человѣка пользоваться своими силами ради собственной выгоды, которое исподволь создаетъ сопротивленіе военно-принудительному элементу (coercion of militancy), начинаетъ производить свое дѣйствіе по мѣрѣ того, какъ ослабляется воинственность. Самоутвержденіе индивидуума постепенно прорывается чрезъ строгія правила дисциплины и гражданинъ все болѣе и болѣе начинаетъ распоряжаться собой“.

Установивъ эту противоположность между „подчиненіемъ“ и „самоутвержденіемъ“ личности, Спенсеръ задается вопросомъ, какая же непосредственная будущность лежитъ передъ современнымъ человѣчествомъ, и отвѣчаетъ: „Для того, чтобы сдѣлать вѣрныя заключенія относительно предстоящихъ общественныхъ измѣненій, мы должны путемъ наблюденія найти, куда направлено современное движеніе: въ сторону-ли обращенія каждаго члена общества въ собственность другихъ людей или въ сторону самостоятельнаго распоряженія каждаго индивидуума самимъ собой и вытекающихъ отсюда чувствъ и идей. При этомъ съ практической точки зрѣнія не важно, каковъ характеръ этого присвоенія каждой отдѣльной личности другими, т. е. будетъ-ли она обращена въ собственность монарха или олигархіи, демократическаго большинства или какой-либо коммунистической организаціи. Для каждаго чело-

вѣка существеннымъ является вопросъ, насколько ему мѣшаютъ пользоваться своими способностями къ личной выгодѣ и принуждаютъ его употреблять эти способности къ выгодѣ другихъ, а вовсе не то, какая сила ему мѣшаетъ или его принуждаетъ".

Обращаясь къ конкретному разсмотрѣнію этого вопроса, Спенсеръ находитъ, что въ данный моментъ общее движеніе культурныхъ странъ направлено въ сторону порабощенія индивидуума коллективностью и что въ соотвѣтствіи съ этимъ идетъ параллельный ростъ вооруженій, соціализма и вообще вмѣшательства государства въ личную дѣятельность человѣка: „...Какъ во Франціи и Германіи, такъ и въ Англіи, усиленіе вооруженій и аггрессивной дѣятельности вызвало измѣненія въ направленіи къ воинственному типу общества, къ развитію соотвѣтствующей гражданской организаціи съ сопровождающими ее чувствами и мыслями и къ распространенію соціалистическихъ теорій".

И далѣе: „Рядомъ съ усиленіемъ этого прямого обращенія индивидуума въ государственную собственность путемъ использованія его, какъ солдата, обратимъ вниманіе на усиленіе его косвеннаго обращенія въ государственную собственность путемъ размноженія разныхъ приказаній и ограниченій и роста общихъ и мѣстныхъ налоговъ. Типичною для гражданскаго режима, распространяющагося со средины XIX вѣка, является, напр., система воспитанія при помощи общественныхъ учрежденій, для поддержки которыхъ взимаются извѣстныя суммы изъ заработка гражданъ отчасти въ видѣ общихъ налоговъ, отчасти въ видѣ мѣстныхъ обложеній. Уже не родитель, а нація является теперь, главнымъ образомъ, собственникомъ ребенка, предписывающимъ направленіе его жизни и рѣшающимъ, какимъ предметамъ онъ долженъ обучаться; и тотъ родитель, который не обращаетъ вниманія на принадлежность ребенка націи или оспариваетъ ее, наказывается. Но въ такомъ же духѣ практикуется общественный контроль и надъ самимъ родителемъ, какъ относительно направленія его жизни, такъ и относительно употребленія его собственности"... „Столько-то изъ вашего дохода вы можете тратить, какъ хотите, но столько-то буду издерживать я въ вашихъ интересахъ или въ интересахъ кого-либо другого". Такимъ образомъ индивидуумъ, которому эти вещи говорятся правительствомъ, представляющимъ аггрегатъ индивидуумовъ, является въ этихъ границахъ собственностью аггрегата; и ежегодно въ значительной степени оно налагаетъ на него свою руку" [1]).

Здѣсь мы можемъ остановиться; дальше идти по пути манчестерства некуда. Сказать, что человѣкъ превращается въ раба общества, въ собственность государства, потому что вмѣсто домаш-

---

[1]) Herbert Spencer, „The Principles of Sociology"; Лондонъ, 1896, т. III стр. 583—592, passim.

няго воспитанія онъ получаетъ образованіе въ общественныхъ учрежденіяхъ или потому, что ему приходится участвовать въ несеніи налоговъ, необходимыхъ для тѣхъ или другихъ коллективныхъ цѣлей, значитъ пропагандировать такой индивидуализмъ, который уничтожаетъ самую возможность развитія индивидуума и подрываетъ самого себя. Ибо тамъ, гдѣ нѣтъ связующей коллективной дѣятельности, отсутствуетъ почва для выработки энергичной и цѣльной личности. Антиномія между личностью и обществомъ уничтожается, но путемъ распаденія общества на отдѣльные, самодовлѣющіе и, стало быть, нигдѣ не существующіе въ дѣйствительности атомы.

Такова точка зрѣнія крайняго индивидуализма. Стоя на ней, приходилось бы поэтому отбросить всѣ тѣ формы коллективной дѣятельности, къ которымъ злополучное человѣчество, застигнутое военной бурей, прибѣгаетъ для рѣшенія необыкновенно тяжелыхъ задачъ, возложенныхъ на него историческимъ моментомъ. Дѣло идетъ не только о той чисто-военной кооперации, которая бросаетъ арміи враждующихъ государствъ другъ противъ друга. И даже не только о той части національнаго труда, которая употребляется на изготовленіе орудій разрушенія. Народамъ приходится работать надъ изготовленіемъ предметовъ потребленія, необходимыхъ какъ для солдатъ, такъ и для оставшагося въ тылу гражданскаго населенія, въ которомъ относительно увеличилась доля непроизводительныхъ потребителей: дѣтей, стариковъ, не занимавшихся до тѣхъ поръ производствомъ женщинъ.

Всѣ эти тяготы легли на значительно порѣдѣвшія группы производительныхъ работниковъ. И можно смѣло сказать, что еслибы въ современный индивидуалистическій строй не были введены болѣе или менѣе ощутительныя поправки въ духѣ коллективизма, то военныя операціи были бы подорваны уже послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ вслѣдствіе отсутствія необходимѣйшихъ продуктовъ на фронтѣ и въ тылу. Такъ что въ этомъ смыслѣ принципъ общественнаго сотрудничества показалъ свою цѣлесообразность. Къ сожалѣнію, его примѣненіе происходитъ при общихъ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ и пото[illegible] влечетъ за собою массу отрицательныхъ послѣдствій.

Къ коллективной дѣятельности теперь обращаются не для дѣлъ мира, а для дѣлъ войны, не для того, что человѣчеству въ цѣломъ легче и лучше жилось, а для того, чтобы продолжать гигантскую борьбу, расхищающую безчисленныя духовныя и матеріальныя цѣнности. Цѣлью этого своеобразнаго коллективизма является не „наибольшее счастіе наибольшаго числа людей“, а спеціальныя задачи взаимнаго истребленія наиболѣе культурныхъ частей современнаго человѣчества. Не новыя силы общества слагаются въ естественный и прочный союзъ для благосостоянія живыхъ людей а старыя историческія силы пользуются выгодами импровизиро-

ванной кооперацiи, чтобы удержать свое прежнее господство подъ напоромъ кроваваго урагана. Къ коллективизму прибѣгаетъ старое централизованное государство, которое до сихъ поръ держится преимущественно на началѣ принужденiя и которое, къ сожалѣнiю, даже въ наиболѣе демократическихъ странахъ,—пожалуй, не безъ вины самихъ трудящихся массъ,—защищаетъ прежде всего интересы правящихъ. Къ коллективизму прибѣгаетъ крупный капитализмъ, который готовъ въ моментъ современной бури выбросить за бортъ кое-что изъ своей добычи, но для того, чтобы сохранить основной грузъ своихъ привилегiй.

Въ этомъ ублюдочномъ коллективизмѣ болѣе или менѣе повинны теперь всѣ нацiи, участвующiя въ борьбѣ. И было бы невѣрно говорить, напр., о „военномъ соцiализмѣ", о „государственномъ капитализмѣ" лишь въ приложенiи къ „феодальной" Германiи. Подобныя же явленiя, чѣмъ далѣе идетъ время, тѣмъ болѣе начинаютъ обнаруживаться и въ такихъ демократическихъ странахъ, какъ Англiя и Францiя. Можно даже сказать, что въ Германiи, гдѣ идеи коллективизма были наиболѣе распространены до войны въ рабочемъ классѣ, гдѣ практическая дѣятельность въ профессiональныхъ союзахъ выработала значительную способность къ солидарности и организацiи среди трудящихся,—что тамъ центральной власти и объединенному капитализму приходится въ иныхъ отношенiяхъ болѣе считаться съ непосредственными интересами пролетарiата, чѣмъ мы видимъ это въ республиканской Францiи или гордой своими вѣковыми свободами Англiи. Приходится даже вообще сожалѣть, что въ культурной Европѣ трудовыя массы оказались не настолько развитыми въ политическомъ и соцiальномъ отношенiяхъ, чтобы въ необыкновенно серьезный моментъ, переживаемый нынѣ борющимися государствами, проявить сильнѣе свою волю и заставить своихъ правителей обращать большее вниманiе на основные интересы непосредственныхъ производителей. Указанiе на конкретные примѣры въ передовыхъ странахъ лучше уяснитъ читателю нашу точку зрѣнiя на этотъ важный и для будущаго человѣчества вопросъ.

II.

Раньше и больше другихъ воюющихъ державъ продвинулась по пути военнаго соцiализма, или государственнаго капитализма, Германiя. Еще въ концѣ 1914 г. она уже обладала учрежденiями, которыя до извѣстной степени подставляли планомѣрную организацiю вмѣсто свободной или, лучше сказать, хаотической игры частныхъ хозяйствъ. Прежде всего былъ основанъ военно-промышленный совѣтъ, въ который вошли представители центральной власти и делегаты двухъ огромныхъ капиталистическихъ союзовъ, объединяющихъ въ своихъ рукахъ девять десятыхъ германской

индустріи. Совѣтъ этотъ получилъ полномочія рѣшать безапелляціонно, какія предпріятія и въ какихъ размѣрахъ будутъ продолжать производство, а также какая доля всего рабочаго персонала Германіи потребна для каждой такой отрасли труда. Въ частности былъ образованъ гигантскій государственно-капиталистическій трёстъ, завѣдующій производствомъ и распредѣленіемъ между отдѣльными предпріятіями каменнаго угля, этого насущнаго хлѣба современной промышленности Такимъ образомъ осуществлялась болѣе или менѣе широкая національизація труда страны.

Параллельно съ военно-промышленнымъ центральнымъ органомъ былъ вызванъ къ жизни военный банкъ, роль котораго заключалась въ такой же національизаціи кредита, какая достигалась промышленнымъ совѣтомъ въ области индустріи. Онъ долженъ былъ сосредоточивать кредитныя средства, притекающія въ тѣ наиболѣе крупные банки Германіи, которые образовали центральный банковый трёстъ, и распредѣлять ихъ въ видѣ ссуды различнымъ нуждавшимся въ платежныхъ средствахъ предпріятіямъ.

Аналогичная мѣра была проведена въ земледѣліи. Установивъ извѣстный максимумъ на зерновые хлѣба и на картофель, имперское правительство создало государственную хлѣбную торговлю. Монополизація сдѣлокъ въ этой области превратила всѣхъ лицъ, занимающихся производствомъ и распредѣленіемъ хлѣбныхъ запасовъ, какъ бы въ правительственныхъ агентовъ.

По мѣрѣ того, какъ затягивавшаяся война выдвигала передъ Германіей все большія затрудненія въ хозяйственной поддержкѣ фронта и тыла, населенію приходилось все болѣе и болѣе расширять границы планомѣрной общественной организаціи. Этимъ путемъ возникли, напр., такъ называемыя трудовыя объединенія или постоянныя промышленныя соглашенія между предпринимательскими синдикатами и рабочими союзами, въ результатѣ которыхъ коллективный договоръ замѣнилъ во многихъ отношеніяхъ частныя условія купли и продажи труда, дебатировавшіяся между отдѣльными капиталистами и отдѣльными рабочими.

Наконецъ, ростущая дороговизна жизни явилась причиною возникновенія различныхъ продовольственныхъ мѣръ, начиная съ таксированія первыхъ предметовъ необходимости, хлѣба, картофеля, мяса, молока, и кончая таксированіемъ даже такихъ предметовъ потребленія, какъ старое бѣлье, причемъ повсюду вводится карточная система, а муниципальныя учрежденія мало-мальски значительныхъ мѣстечекъ получаютъ право осмотра торговыхъ книгъ предпріятій и въ соотвѣтствіи съ этимъ назначенія твердыхъ цѣнъ.

Надо замѣтить, что всѣ эти мѣропріятія, не смотря на свою широту и всеобщность, страдали однимъ существеннымъ недостаткомъ. Двигающей пружиной и вмѣстѣ регуляторомъ была правительственная власть, имперская военная и гражданская бю-

рократія, привлекавшая къ соправленію привилегированные классы, — аграріевъ и крупныхъ промышленниковъ и банкировъ,—а на рабочее населеніе города и деревни, на трудящіяся массы, смотрѣвшая прежде всего, какъ на объектъ своего планомѣрнаго воздѣйствія. Разумѣется, при той обширной и сильной организаціи, въ какую сложился нѣмецкій рабочій классъ, руководителямъ военнаго соціализма невозможно было обойтись безъ привлеченія къ осуществленію всѣхъ этихъ обширныхъ національныхъ плановъ самихъ трудящихся и порою безъ важныхъ уступокъ имъ. Въ свое время я указывалъ читателямъ на тотъ, казалось бы, парадоксальный фактъ, что со времени англійскаго билля 2 іюля 1915 г. о „контролируемыхъ учрежденіяхъ" и іюльскаго циркуляра того же года, изданнаго французскимъ соціалистическимъ министромъ снабженій, наименѣе милитаризированными оказались нѣмецкіе рабочіе, которые почти во всѣхъ предпріятіяхъ сохранили—до послѣдняго, впрочемъ, времени (о чемъ ниже)—право свободнаго передвиженія и право стачекъ [1]).

Но во всякомъ случаѣ исходнымъ пунктомъ этого германскаго законодательства, — увы, не одного только германскаго (о чемъ опять-таки ниже)—были военныя потребности, а не интересы самихъ трудящихся. И прошедшій черезъ нѣмецкій парламентъ 2 декабря н. с. законъ о такъ называемой „отечественной вспомогательной службѣ" (vaterländischer Hilfsdienst) является дальнѣйшимъ подчиненіемъ индивидуума государству. Интересны мотивы, выдвигаемые въ пользу этой мѣры правительствомъ, особенно если сопоставить ихъ съ нѣкоторыми цифрами, касающимися общаго запаса и распредѣленія рабочихъ силъ Германіи между главнѣйшими категоріями трудящихся.

Въ объяснительной запискѣ, приложенной къ закону, читаемъ: не смотря на всѣ успѣхи, уже достигнутые германскимъ народомъ, онъ до сихъ поръ долженъ твердо выдерживать напоръ цѣлаго міра враговъ, полагаясь единственно на свою силу и на помощь своихъ союзниковъ. Чтобы обезпечить побѣду, желательно всю мощь народа отдать на служеніе отечеству. Отечественная армія можетъ быть еще значительно увеличена. Съ другой стороны дѣлу войны до сихъ поръ недоставало строгаго однообразія и упорядоченія, которое только одно и можетъ довести работу до максимума и обезпечить полный успѣхъ. Предметомъ учрежденія военнаго бюро по указу кабинета императора отъ 1 ноября и является охватить все населеніе, которое еще не было привлечено къ военной службѣ, и сдѣлать надлежащее употребленіе изъ этого населенія ради великой цѣли защиты отечества...

„Тотъ, кто способенъ къ какому-нибудь труду, не имѣетъ болѣе

[1]) См., напр., „Иностранную лѣтопись" въ сентябрьской книжкѣ 1915 г., стр. 237—247, passim.

права въ настоящее великое и тяжелое время быть празднымъ. Такимъ образомъ всякій, не призванный въ ряды арміи, воленъ рѣшать, какимъ путемъ и въ какой мѣрѣ онъ въ состояніи использовать свою работоспособность, поскольку онъ не связанъ офиціальнымъ обязательствомъ или договоромъ... Дома, какъ и на фронтѣ, каждый нѣмецъ долженъ отдавать всю свою силу тамъ, гдѣ отечество болѣе всего въ этомъ нуждается и гдѣ въ соотвѣтствіи со своими физическими и умственными способностями онъ можетъ оказать отечеству наиболѣе цѣнныя услуги... Такимъ образомъ будетъ возможно увеличить соотвѣтственно съ требованіями производительность тѣхъ вѣтвей промышленности и учрежденій, которыя особенно важны для веденія войны и для военнаго хозяйства, и въ то же самое время освободить для службы на фронтѣ еще большее число подходящихъ лицъ. Какъ внутри Германіи, такъ и въ занятыхъ территоріяхъ, будетъ возможно во многихъ случаяхъ замѣнить людей, обязанныхъ военной службой, людьми, подлежащими отечественной вспомогательной службѣ. Какъ при службѣ въ арміи, такъ и при всей организаціи новой повинности, не должно обращать ни малѣйшаго вниманія на разницу въ общественномъ положеніи. Въ дѣлѣ служенія отечеству, какого бы рода оно ни было, нѣтъ ни ранговъ, ни классовъ, но лишь равные граждане.

„Когда дѣлается такой призывъ къ участію всѣхъ въ службѣ, необходимой для веденія войны, то слѣдуетъ надѣяться, что широкіе слои народа не захотятъ отстать въ любви къ отечеству и добровольной жертвѣ отъ тѣхъ, кто по своей волѣ двинулся въ ряды арміи немедленно вслѣдъ за начатіемъ войны... Если внутренняя служба будетъ регулирована надлежащимъ образомъ, то внѣ сомнѣнія найдется столько лицъ, которыя охотно займутъ свое мѣсто въ рядахъ, что принужденіе, хотя въ концѣ концовъ безъ него нельзя совершенно обойтись, понадобится только въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ“ [1]).

Итакъ, смыслъ всей этой мѣры заключается въ освобожденіи для непосредственной службы въ арміи значительнаго числа боеспособныхъ людей, которые находятся въ тылу и могутъ быть замѣнены лицами, призываемыми нынѣ на отечественную вспомогательную, — исключительно гражданскую, — службу внутри страны. Общимъ резервуаромъ этихъ вспомогательныхъ силъ является, согласно закону, все мужское населеніе страны въ возрастѣ отъ 17 до 60 лѣтъ. Въ сущности, хотя почти всѣ органы бюргерской прессы особенно подчеркивали уравнительный, „широко трудовой“ и даже „соціалистическій“ характеръ мѣры, ко-

[1]) Я беру наиболѣе подробную передачу объяснительной записки, появившуюся въ союзной прессѣ на столбцахъ „Таймса“: „German levée en masse. Text of the Bill“; „the Times“, 30 ноября 1916.

горая, молъ, имѣетъ прежде всего въ виду привлечь къ работѣ праздныхъ представителей высшаго общества и „богатыхъ тунеядцевъ", соціалъ-демократическая печать усматривала центръ тяжести новаго закона въ желаніи правительства распоряжаться по произволу всѣмъ запасомъ силъ, заключенныхъ въ рабочемъ классѣ и уже безъ того занятыхъ различными отраслями національнаго труда.

Были приведены, напр., такія цифры. Между тѣмъ, какъ осенью этого года общее число мужчинъ, подлежащихъ повинности, въ возрастѣ отъ 17 до 60 лѣтъ, не превышало въ Германіи 9 милліоновъ, наемныхъ рабочихъ осталось безъ малаго 6,9 милліоновъ, немобилизованнаго населенія деревни,—крестьянъ и помѣщиковъ,—немногимъ болѣе 1,3 милліона, сравнительно обезпеченныхъ техническихъ, конторскихъ и т. п. служащихъ около 800.000. Иначе говоря, уже и безъ того въ различныхъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ страны было занято $8^1/_2$ милліоновъ трудящихся. Резервъ рабочихъ рукъ не превышалъ, стало быть, полмилліона человѣкъ. А тутъ еще пришлось бы принять во вниманіе чиновниковъ, учителей, тѣхъ хозяевъ сравнительно крупныхъ предпріятій, которые по закону пользуются правомъ не являться на фронтъ, пока управляютъ своими заведеніями, и т. п. Въ общемъ, проведеніе всеобщей гражданской повинности дало бы странѣ лишнихъ какихъ-нибудь три-четыре процента всей суммы нынѣ работающихъ. Неужели—спрашиваютъ критики новаго закона—государство стало бы приводить въ дѣйствіе огромную махину обязательной „отечественной" службы изъ-за такого малаго прироста къ контингенту лицъ, фактически уже занятыхъ дѣломъ?

И, дѣйствительно, основною задачею правительства является не это незначительное увеличеніе рабочихъ силъ, а распространіе принужденія на всю армію трудящихся. Не забудемъ, что свобода распоряженія своимъ трудомъ была отнята въ Германіи со времени войны лишь у сельскихъ батраковъ. Что касается до городского пролетаріата, то покушенія на его профессіональную свободу представляли до сихъ поръ лишь единичные случаи. Ограничить эту свободу пытался лѣтомъ 1915 г. только одинъ изъ двухъ десятковъ начальниковъ военныхъ округовъ да два центральныхъ промышленныхъ учрежденія: „военный центръ" табачныхъ мануфактуръ и берлинская металлургическая коммиссія. Но и въ этихъ рѣдкихъ исключеніяхъ принудительный элементъ выражался только въ запрещеніи стачки, но отнюдь не въ отнятіи у рабочихъ права покидать хозяевъ по заявленіи. А когда, напр., одинъ изъ упомянутыхъ военныхъ начальниковъ попробовалъ въ Рурскомъ каменно-угольномъ районѣ въ половинѣ ноября н. с. текущаго года примѣнить къ шахтерамъ приблизительно такую же мѣру, какая практикуется въ Англіи по соглашенію съ трэдъ-

юніонами уже больше года, а именно отказъ въ переходѣ на другое мѣсто безъ разрѣшенія хозяевъ, то это вызвало такое брожeніе среди горнорабочихъ, что вестфальско-рейнскій генералъ-губернаторъ отмѣнилъ приказъ. Вотъ противъ этой-то свободы распоряженія рабочаго своимъ трудомъ и направленъ новый законъ, разсматривающій все мужское населеніе, какъ одну промышленную армію, отдѣльные отряды которой будутъ переводиться изъ одного занятія въ другое, смотря по мѣрѣ надобности.

Организація всеобщей гражданской повинности проводится при помощи главнаго центральнаго учрежденія, именуемаго „военнымъ бюро" (Kriegsamt), съ особымъ штабомъ, играющимъ роль учрежденія, надзирающаго за практическимъ осуществленіемъ различныхъ задачъ, которыя выростаютъ передъ центральнымъ бюро въ области военнаго и гражданскаго производства и потребленія, равно какъ распредѣленія рабочихъ силъ между различными предпріятіями. Вся Германія разсматривается, какъ одна громадная фирма, лишь распадающаяся на нѣсколько большихъ отдѣловъ, какъ то: сельское хозяйство, горнодѣліе, металлургія, химическая промышленность, изготовленіе взрывчатыхъ веществъ и т. п. Особая секція завѣдуетъ постановкой и условіями труда. Кромѣ разныхъ отдѣловъ, образующихъ въ своей совокупности организованное производство, функціонируетъ рядъ столь же объединенныхъ учрежденій, занятыхъ заготовкою предметовъ гражданскаго и военнаго потребленія, доставленіемъ сырья, распредѣленіемъ всего количества произведенныхъ продуктовъ между мирнымъ населеніемъ съ одной стороны, арміею съ другой, наконецъ внѣшнею торговлей. Во главѣ военнаго бюро стоитъ вюртембергскій генералъ-лейтенантъ Грёнеръ, пріобрѣвшій огромную популярность образцовой постановкой желѣзнодорожнаго дѣла еще при самомъ началѣ войны. Кстати сказать, рельсовые пути представляютъ собою единственную отрасль національнаго труда, не включенную въ кругъ предметовъ „военнаго бюро": подчиненные непосредственно военному министерству, они функціонируютъ настолько идеально, насколько это лишь возможно предъ лицомъ колоссальныхъ затрудненій военнаго времени. У Грёнера, какъ у главнокомандующаго промышленной арміи, есть свой начальникъ техническаго штаба (wirtschaftstechnischer Stabschef), д-ръ Куртъ Зорге, директоръ знаменитыхъ грузеновскихъ (крупповскихъ) заводовъ въ Магдебургѣ. Во главѣ снабженія сырьемъ стоитъ не менѣе извѣстный д-ръ Ратенау, спеціалистъ въ области электричества.

Законъ о гражданской повинности прошелъ безъ особой оппозиціи. Противъ него вотировало лишь крайнее лѣвое крыло соціалъ-демократіи, вообще враждебно относящееся къ войнѣ. Центръ фракціи въ пику бюргерской демагогіи, восторгавшейся соціалистическимъ характеромъ мѣры, возражалъ противъ начала

принудительности какъ разъ по отношенію къ массѣ рабочихъ, уже занятыхъ производствомъ, и не безъ ироніи настаивалъ на обязательности труда лишь для богатыхъ и праздныхъ людей [1]). Во всякомъ случаѣ теперь можно ожидать осязательныхъ проявленій новаго огромнаго усилія Германіи какъ въ гражданской жизни, такъ и на поляхъ битвы. За всеобщей мужской повинностью уже вырисовывается на горизонтѣ добровольная женская повинность, а за ней, можетъ быть, и обязательный трудъ для всѣхъ женщинъ. Къ этому нѣкоторые дальновидные экономисты и политики уже начинаютъ подготовлять общественное мнѣніе. И если это осуществится, то предварительнымъ условіемъ будутъ общественныя кухни, т. е. то учрежденіе, которое съ такимъ жаромъ и юморомъ пропагандировалъ нѣкогда Фурье, издѣвавшійся надъ чадомъ семейнаго очага въ этомъ обществѣ „разрозненныхъ хозяйствъ" (ménages incohérents), гдѣ всякая женщина обязана готовить въ своей кухнѣ, хотя бы не имѣя никакого желанія и никакихъ къ этому способностей!..

III.

Въ Англіи и Франціи произошелъ рядъ крупныхъ политическихъ перемѣнъ и были наскоро проведены кой-какія экономическія и соціальныя мѣры, главнымъ образомъ вызванныя обострившимися настроеніями жизни, связанными съ затянувшейся войной, а отчасти внушенныя послѣднимъ усиліемъ Германіи. Что эта причина не осталась безъ вліянія на ходъ событій въ союзныхъ странахъ по обѣ стороны Ламанша, можно видѣть изъ отзывовъ прессы и прежде всего неугомоннаго „Таймса", въ которомъ и друзья и враги принуждены видѣть своего рода Варвика, и дѣлающаго, и раздѣлывающаго королей, т. е. въ данномъ случаѣ министровъ Георга V.

Оцѣнивая „германское усиліе", военный обозрѣватель джингоистскаго органа, уже столько разъ цитировавшійся нами полковникъ Репингтонъ, билъ, что называется, въ набатъ: „Мы можемъ толковать о законодательствѣ, внушенномъ исключительно паникой, можемъ издѣваться надъ Германіей, этимъ „государствомъ рабовъ", выражать сомнѣніе, точно ли на ея заклинанія вынырнутъ изъ глубинъ всѣ духи, которыхъ она вызываетъ, наконецъ предаваться всевозможнымъ разсужденіямъ по поводу проектируемыхъ ею мѣръ. Но остается тотъ фактъ, что мы стоимъ ли-

[1]) Еще раньше дебатовъ въ парламентѣ бюргерскій корреспондентъ изъ южной Германіи подсмѣивался надъ позиціей рабочей партіи и усматривалъ „извѣстный комизмъ въ томъ обстоятельствѣ, что соціалъ-демократія должна въ послѣднюю минуту отступать въ страхѣ передъ осуществленіемъ своихъ же собственныхъ цѣлей, ибо онѣ никогда не могутъ быть достигнуты безъ строгаго принужденія". См. „Die deutsche Zivildienstpflicht" „Neue Zürcher Zeitung", 22 ноября 1916.

цомъ къ лицу передъ стихійной силой, на которую нельзя больше отвѣчать простыми разговорами. Германія отстранила своихъ говоруновъ и поставила на ихъ мѣсто людей дѣла. Такъ, казалось, должны были бы поступать и мы.

„Но теперь возникаетъ вопросъ, поднимется ли британское правительство и британскій парламентъ до высоты современнаго положенія. Прошло уже двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ сталъ извѣстенъ общій характеръ германскихъ мѣропріятій,—а у насъ ничего еще не сдѣлано, хотя дорогъ каждый часъ. Мы еще болтаемъ насчетъ „продовольственнаго диктатора", ведемъ перебранку по поводу госпитальныхъ судовъ, нападаемъ на лица и на вѣдомства, прислушиваемся къ медоточивымъ утвержденіямъ г-на Рэнсимана относительно того, что конскрипція, видите ли, зашла слишкомъ далеко. Мы позволяемъ любому олуху (booby) сбивать насъ съ пути, если только ему заблагоразсудится. Чуть ли не одна только печать обратила вниманіе на живую силу, какъ на основную, на самую жизненную задачу момента, и въ этомъ, какъ в многихъ другихъ первостепенныхъ вопросахъ со времени войны обнаружила истинное государственное чутье" [1]).

Слѣдуютъ далѣе свирѣпыя нападки на правительство Аскита, которое подвергалось, впрочемъ, ожесточенной критикѣ и во всѣхъ другихъ отдѣлахъ „Таймса" и которое въ концѣ концовъ должно было уступить мѣсто новой министерской комбинаціи, о каковой будетъ сказано ниже. Но еще раньше паденія кабинета были проведены нѣкоторыя экстренныя мѣры, вынуждавшіяся общимъ положеніемъ вещей и нѣкоторыми больными вопросами англійской общественной жизни, требовавшими скорѣйшаго рѣшенія.

Во главѣ угла стали задачи пропитанія гражданскаго населенія. Во многихъ случаяхъ сами стачки, приковывавшія къ себѣ общественное вниманіе, возникали только потому, что рабочіе горько жаловались на дороговизну жизни, сопоставляя умѣренное повышеніе номинальной платы съ необыкновеннымъ ростомъ цѣнъ на предметы первой необходимости и чрезмѣрными барышами англійскихъ капиталистовъ, особенно въ нѣкоторыхъ привилегированныхъ отрасляхъ промышленности и торговли.

Всего болѣе обострились отношенія между капиталомъ и трудомъ въ каменноугольномъ бассейнѣ Южнаго Уэльса. Нѣсколько разъ вспыхивавшія въ этомъ районѣ стачки рабочихъ грозили превратиться теперь въ длительную огромную забастовку. Шахтеры требовали увеличенія своей заработной платы на 15% и доказывали, что собственники легко могутъ пойти на эти условія въ виду скандальнаго повышенія цѣнъ на уголь. „Таймсъ" организовалъ цѣлую анкету и послалъ на театръ соціальной войны коррес-

[1]) „The German Effort. Men and Munitions"; „The Times", 28 ноября 1916.

пондента съ порученіемъ по возможности всесторонне обслѣдовать условія труда и вознагражденія въ копяхъ и претензіи обѣихъ сторонъ. Встревоженный органъ имперіалистской буржуазіи писалъ подъ сенсаціоннымъ заглавіемъ вродѣ: „Проклятіе Южнаго Уэльса“ передовицы, въ которыхъ заклиналъ правительство вмѣшаться и прекратить эту распрю между предпринимателями и рабочими, такъ какъ она, молъ, „грозитъ опасностью всему общенаціональному дѣлу“. Ибо „обѣ стороны твердо и вполнѣ преднамѣренно идутъ къ роковой забастовкѣ, прекрасно зная, что онѣ дѣлаютъ. Тутъ принципы и высшія цѣли не причемъ. Дѣло идетъ о дѣлежѣ добычи, которую и та, и другая сторона извлекаетъ изъ націи и ея союзниковъ въ эти исключительные дни“ [1]).

Изъ писемъ, которыя уже упомянутый корреспондентъ посылалъ въ газету, выходило, однако, что главная вина въ этомъ столкновеніи лежала на хозяевахъ. Его свѣдѣнія пытались опорочить, утверждая, что они сообщаются „завѣдомымъ соціалистомъ“. Но общественное мнѣніе волновалось все сильнѣе и сильнѣе. Письма въ редакціи и опроверженія сыпались изъ обоихъ враждующихъ лагерей. Однако симпатіи публики склонялись въ результатѣ этой полемики видимо къ рабочимъ. Особенно рѣзки были обвиненія противъ нѣкоторыхъ хозяевъ и прежде всего противъ лорда Ронддэ, который, кстати сказать, выбирался раньше втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ шахтерами представителемъ одного изъ уэльскихъ округовъ въ палату общинъ.

Въ письмѣ Гартшорна, одного изъ членовъ исполнительнаго комитета Великобританской федераціи горнорабочихъ, мы читаемъ: „Намъ до смерти надоѣли надменное обращеніе и противообщественная погоня хозяевъ за барышами... Самообладаніе, проявленное шахтерми Южнаго Уэльса во время войны, является мѣриломъ ихъ патріотизма, и тѣ, кто знаетъ—напряженность враждебныхъ чувствъ рабочихъ къ хозяевамъ копей, может, поистинѣ изумляться этой патріотической выдержкѣ. Но всему есть границы, и черствое, какъ камень, отношеніе предпринимателей къ трудящимся довело насъ до крайняго предѣла. Въ этомъ вся тяжесть современнаго положенія. И вашъ корреспондентъ оказалъ поистинѣ услугу всей націи, обративъ на это вниманіе.

„Я надѣюсь, что ни публика, ни правительство не будутъ сбиты съ толку нѣкоторыми замѣчаніями, сдѣланными лордомъ Ронддэ во время интервью, получившаго широкую огласку. Его лордская честь—человѣкъ очень сообразительный и умѣющій находить благовидные предлоги. Но онъ не понимаетъ мыслей и чувствъ шахтеровъ, какъ понимаютъ ихъ тѣ, которые связаны съ ними узами общей экономической борьбы. Лордъ Ронддэ утверж-

---

[1]) См., напр., „The Curse of Souht Wales“; „The Times“, 22 ноября 1916.

даетъ, что разъ шахтеры Южнаго Уэльса цѣлыми годами помогали избранію его въ парламентъ представителемъ отъ Мёртиръ Боро, а также и на другія должности, то, значитъ, между рабочими и хозяевами копей царятъ доброжелательныя отношенія. Но это самая опасная иллюзія. Я знаю, что шахтеры способствовали его избранію. Можетъ быть, они будутъ и дальше дѣлать такъ,—этого я не знаю. Ибо политическое развитіе нашего рабочаго класса въ настоящее время находится въ такомъ неопредѣленномъ состояніи, что никто не можетъ предсказать, будетъ ли онъ неизмѣнно голосовать прямо противъ своихъ классовыхъ интересовъ на общихъ выборахъ. Что, однако, вполнѣ ясно, такъ это то, что промахи рабочаго класса въ политической области еще не могутъ служить указаніемъ на его чувства и поведеніе въ чисто экономическихъ вопросахъ.

„Нужно проводить очень рѣзкую демаркаціонную линію между политическимъ сентиментализмомъ нашихъ рабочихъ и ихъ исполненнымъ классового самосознанія поведеніемъ въ промышленной сферѣ. Въ экономическомъ отношеніи шахтеры Южнаго Уэльса вполнѣ развиты и обладаютъ классовымъ самосознаніемъ. Я предлагаю лорду Ронддэ сдѣлать слѣдующій опытъ для провѣрки. Если онъ полагаетъ, что между шахтерами и хозяевами копей господствуютъ добрыя отношенія въ экономической сферѣ, то не попробуетъ ли онъ поставить на голоса рабочихъ всѣ дѣянія южно-уэльскихъ капиталистовъ за послѣднія десять лѣтъ и настоящее требованіе, предъявленное трудящимися, увеличить ихъ плату? Ни лордъ Ронддэ и никто изъ владѣльцевъ копей не пройдетъ ни въ одномъ угольномъ округѣ по вопросу, раздѣляющему нынѣ хозяевъ и рабочихъ“ [1]).

Въ письмѣ самого корреспондента рѣчь идетъ о томъ же самомъ лордѣ и его товарищахъ. Указавъ, во-первыхъ, на огромный ростъ цѣнъ продуктовъ горной промышленности,—тонна мелкаго угля стоила въ іюнѣ 1914 г. 9 шиллинговъ, а въ іюлѣ 1916 г. стала стоить болѣе 19 шиллинговъ; во-вторыхъ, на разительное увеличеніе дивидендовъ компаній,—барыши одной Эббъ-Вэльской компаніи съ 166.873 ф. ст. до войны поднялись теперь до 296.075 ф. ст.,—сотрудникъ „Таймса“ отмѣчаетъ еще третью группу данныхъ, „убѣждающихъ шахтеровъ въ разбухающихъ барышахъ хозяевъ“. Это „многократно повторяющіяся объявленія о пріобрѣтеніи компаніями и крупными хозяевами другихъ копей и большихъ предпріятій. Такъ, компанія Эббъ-Вэль пріобрѣла недавно собственность Джона Лэнкестера и К°. Кэмбрійское общество не такъ давно купило права на фирму Дэвиса и Сыновей за 2 милліона ф. ст. и, кромѣ того, еще на двѣ другія каменноугольныя

1) „Soust Wales Miners. The Men, the Owners and the State“; „The Times“, 22 ноября 1916.

компаніи. Это и заставило предсѣдате ля федераціи горнорабочихъ Уинстона, такъ высказаться передъ шахтерами по поводу всѣхъ этихъ сдѣлокъ: „О, лордъ Рондда—настоящій патріотъ, не то, что я, бѣдный. Онъ столь великій патріотъ, что заплатилъ за каждую 1-фунтовую акцію Дэвиса и Сыновей по 2 ф. ст., 7 шиллинговъ и 6 пенсовъ. За 5-фунтовыя Международныя акціи онъ уплатилъ по 9 ф. ст. 10 шил., за 1-фунтовыя акціи Сѣвернаго судоходства онъ далъ по 2 ф. ст. 3 шилл. за каждую. Онъ платитъ такія цѣны за акціи, потому что онъ доблестный патріотъ. Но онъ хочетъ этотъ лишекъ выбить изъ васъ“.

„Удивительно ли послѣ всего этого (спрашиваетъ уже самъ корреспондентъ), что, когда горнорабочіе читаютъ,—а не читать этого они не могутъ, такъ какъ иные органы печати трубятъ ежедневно о подвигахъ лорда Рондда,—что этотъ лордъ не только скупилъ собственность, бывшую въ рукахъ нѣмцевъ, но и все расширяетъ объединенную комбинацію предпріятій, находящихся подъ его контролемъ, и когда эти рабочіе читаютъ о заявленіи, громогласно сдѣланномъ лордомъ въ Кардиффѣ на тему „эгоизмъ есть лучшій стимулъ прогресса во всѣ времена“, то они настраиваются по меньшей мѣрѣ скептически относительно чрезвычайныхъ издержекъ производства, поглощающихъ якобы всѣ барыши предпринимателей? Мысли этихъ людей въ данномъ случаѣ были выражены довольно точно однимъ изъ служащихъ въ копяхъ, который сказалъ, что лордъ Рондда кладетъ всю Британскую имперію въ одинъ карманъ, а всю Германскую—въ другой“... [1]).

Какъ бы то ни было, положеніе дѣлъ въ Южномъ Уэльсѣ зашло такъ далеко, что правительство не нашло другого исхода, какъ объявить съ 1 декабря н. с. всѣ копи даннаго района государственною собственностью. Могущественный союзъ горнорабочихъ не удовлетворился однако этой мѣрой и выставилъ свое прежнее требованіе націонализаціи копей во всей Великобританіи, а для шахтеровъ Южнаго Уэльса—повышенія платы на 15%. Послѣднее требованіе, повидимому, будетъ удовлетворено. Но всѣ эти мѣры носятъ характеръ частнаго палліатива, и трудящіяся массы повсюду обнаруживаютъ стремленіе добиться отъ правительства болѣе широкаго и систематическаго плана борьбы съ эксплуатаціей предпринимателей.

Параллельно съ движеніемъ рабочихъ противъ хозяевъ шла во всей странѣ агитація потребителей противъ посредниковъ и торговцевъ. Какіе факты лежали въ основѣ этого движенія? Уменьшеніе числа судовъ, занятыхъ перевозкою въ Англію различныхъ предметовъ первой необходимости, и чрезмѣрное поднятіе фрахтовъ владѣльцами торговаго флота. Недостатокъ и плохое распре-

[1]) „Soust Wales Miners. The Evidence of Exploitation“; „The Times“, 21 ноября 1916.

дѣленіе пшеницы, мяса, молока, сахара, муки, хлѣба, яицъ, въ связи съ чудовищною спекуляціею фактическихъ монополистовъ, снабжающихъ рядового потребителя этими продуктами и прибѣгающихъ при случаѣ къ такимъ же варварскимъ пріемамъ поднятія цѣнъ, которые практиковались въ худшія времена меркантилизма, вплоть до выливанія молочныхъ запасовъ въ водосточныя трубы. Наряду съ этимъ роскошь и расточительность, проявляемыя на каждомъ шагу людьми, обладающими достаточными средствами для удовлетворенія своихъ прихотей.

И снова газеты запестрѣли письмами въ редакцію и жалобами „Слишкомъ много сладкихъ кэковъ и сдобныхъ печеній". „Чрезмѣрное расточеніе сливокъ на пирожное". Въ печати стали появляться къ вящшему негодованію публики меню первоклассныхъ ресторановъ, поражающихъ обиліемъ и затѣйливостью блюдъ. Обошелъ всю прессу циркуляръ одного изъ знаменитѣйшихъ храмовъ потребительныхъ священнодѣйствій, циркуляръ, въ которомъ по случаю предстоящей традиціонной встрѣчи Новаго года обычные гости приглашались заранѣе оставлять себѣ мѣста въ ресторанѣ съ платою отъ 21 до 25 шиллинговъ съ лица безъ винъ. Отмѣчались прейскуранты обѣдовъ и ужиновъ въ столовыхъ, посѣщаемыхъ военными, которымъ приходилось издерживать здѣсь по нѣскольку шиллинговъ за самый простой завтракъ.

Въ результатѣ министру торговли еще въ прежнемъ кабинетѣ пришлось организовать цѣлую конференцію для совѣщанія съ хозяевами фешенебельныхъ отелей и ресторановъ, вродѣ the Savoy Piccadilly Hotel, Hotel Victoria, Midland Grand Hotel съ цѣлью нѣкотораго сокращенія въ меню и сведенія ихъ къ „тремъ перемѣнамъ", не считая, впрочемъ, разныхъ закусокъ. А 18 ноября н. с. были опубликованы правила, разрѣшающія министерству торговли принимать тѣ мѣры, какія оно сочтетъ нужнымъ, для того, чтобы „предупредить расточеніе и ненужную трату всякаго поименованнаго въ правилахъ продукта; ограничить или совершенно запретить его употребленіе; регулировать производство извѣстныхъ предметовъ, такъ, чтобы публика могла снабжаться ими наиболѣе подходящимъ къ обстоятельствамъ путемъ; установлять способъ продажи и распредѣленія товаровъ; регулировать рыночныя операціи для предупрежденія неразумнаго вздуванія цѣнъ; входить въ помѣщенія торговцевъ для осмотра продуктовъ и т. д.". Практически предстоитъ введеніе карточной системы на сахаръ, установленіе одного постнаго дня въ недѣлю, прибавленіе къ пшеничному хлѣбу овсяной, ячменной и маисовой муки, болѣе раціональнальное распредѣленіе картофеля, поддержаніе количества быстро уменьшающихся свиней и т. п. Эти мѣры стали приводиться, впрочемъ, въ исполненіе такъ называемымъ „продовольственнымъ контролеромъ" (въ противорѣчіи „пищевымъ диктаторомъ*) уже при новомъ кабинетѣ, къ образованію котораго мы и переходимъ.

Давно ни для кого не было тайною, что — — — — — — — — — — — — — — — — — — — постоянныя волненія среди рабочихъ, недовольныхъ теперешнимъ вознагражденіемъ за трудъ; жалобы широкихъ слоевъ населенія на дороговизну и отсутствіе ограничивающихъ спекуляцію мѣръ,—что все это создавало въ странѣ раздраженіе противъ коалиціоннаго министерства, а въ самомъ кабинетѣ вызывало несогласія между двумя теченіями, которыя обнаруживались среди членовъ правительства. Одни полагали, что достаточно было продолжать неуклонно ту линію поведенія, какой держалось коалиціонное министерство во внѣшней и внутренней политикѣ. Другіе считали необходимымъ принятіе болѣе рѣшительныхъ мѣръ въ цѣляхъ „окончательной побѣды" и образованіе болѣе компактнаго, проникнутаго боевымъ духомъ, кабинета. Нельзя сказать, чтобы линія водораздѣла строго совпадала въ этомъ отношеніи съ принадлежностью министровъ къ либеральной и консервативной партіямъ, хотя, говоря вообще, историческія традиціи дѣлали англійскихъ консерваторовъ сторонниками болѣе энергичной иностранной политики.

Парадоксальность политическаго положенія послѣднихъ мѣсяцевъ заключалась въ томъ, что наиболѣе выдающійся членъ кабинета, умный, властолюбивый и чрезвычайно энергичный Ллойдъ-Джорджъ, бывшій втеченіе цѣлаго ряда лѣтъ душой радикальной партіи Англіи, все болѣе и болѣе сближался на почвѣ войны съ имперіалистами и консерваторами. Тори охотно забывали прошлое человѣка, котораго они ненавидѣли, кажется, болѣе всѣхъ соотечественниковъ за его соціально-финансовыя реформы. Министръ снабженій, ставшій въ послѣднее время военнымъ министромъ Англіи, заслонялъ для нихъ своими боевыми свойствами фигуру бывшаго сторонника буровъ, автора революціоннаго бюджета и сокрушителя лордовъ. Уніонистская и джингоистская пресса, нападая порою даже на консервативныхъ членовъ кабинета, всѣми силами поддерживала и восхваляла Ллойда-Джорджа. Органы лорда Норсклиффа, начиная съ державно-имперіалистскаго „Таймса" и кончая уличножелтымъ „Дэли-Мэль", были какъ бы лейбъ-гвардіей человѣка, въ которомъ тори стали чувствовать родственнаго имъ политическаго дѣятеля. Съ другой стороны старая либеральная партія и въ особенности ея радикальное крыло, равно какъ немалая часть рабочей партіи, принялись говорить о Ллойдѣ-Джорджѣ все чаще и чаще, какъ объ измѣнникѣ радикализма, о новомъ Джозефѣ Чемберлэнѣ.

Здѣсь не мѣсто вдаваться въ догадки относительно истинной психологіи такого незауряднаго и сложнаго человѣка, какимъ является Ллойдъ-Джорджъ. Еще съ годъ тому назадъ я приводилъ выдержки изъ „British Review" о Ллойдѣ-Джоржѣ, какъ о „диктаторѣ-демократѣ", который „получаетъ свою силу отъ массъ, а пользуется ею самодержавно" и который при извѣстныхъ обстоятель-

ствахъ можетъ стать „главою кабинета консерваторовъ-прогрессистовъ". Теперь эта гипотеза англійскаго журнала оказалась пророческой. Ллойдъ-Джорджъ поставилъ дѣло по вопросу о реорганизаціи власти такъ, что премьеру Аскиту пришлось подать въ отставку и, послѣ неудавшейся попытки консервативнаго вожака, Бонара Ло, составить кабинетъ, эта миссія естественно выпала на долю Ллойда-Джорджа. Друзья Аскита говорятъ о закулисной интригѣ, которую властолюбивый „маленькій уэльсецъ" велъ вкупѣ съ уніонистами противъ стараго лидера либераловъ, хотя самъ Аскитъ счелъ тактичнымъ заявить публично о томъ, что онъ отнюдь не думаетъ обвинять своего „благороднаго друга" въ маневрѣ, пущенномъ въ ходъ „Таймсомъ", который преждевременно напечаталъ совершенно конфиденціальныя свѣдѣнія о проектѣ компромисса между двумя министрами и вынудилъ этимъ премьера оставить свой постъ.

Какъ бы то ни было, послѣ двухъ-трехъ дней переговоровъ, Ллойдъ-Джорджъ окончательно составилъ 10 декабря н. с. свое министерство, которое поневолѣ привлекаетъ къ себѣ вниманіе нѣкоторыми своими особенностями [1]). Прежде всего оно осуществляетъ дальнѣйшее преобразованіе англійскаго политическаго кабинета въ органъ диктатуры, приспособленной главнымъ образомъ къ цѣлямъ „побѣды во что бы то ни стало". Въ свое время я отмѣчалъ шаги, которые дѣлались англійскимъ правительствомъ по этому пути. Сначала однородный либеральный кабинетъ былъ замѣненъ коалиціоннымъ, либерально-консервативнымъ, съ легкимъ рабочимъ оттѣнкомъ. Затѣмъ постепенно сталъ выдѣляться изъ общаго состава министерства внутренній кабинетъ, заключающій въ себѣ семь министровъ, непосредственно завѣдующихъ вопросами обороны.

Новый кабинетъ представляетъ завершеніе этого процесса. Во главѣ управленія стоитъ коллегія изъ пяти диктаторовъ, или такъ называемый „военный кабинетъ". Въ его составъ входятъ: самъ премьеръ, Ллойдъ-Джорджъ; уніонистъ лордъ Кёрзонъ, занявшій постъ президента совѣта и лидера палаты лордовъ; два министра безъ портфеля, представитель правительственнаго большинства рабочей партіи, Гендерсонъ, и извѣстный имперіалистъ лордъ Мильнеръ; наконецъ, непостоянно засѣдающій пятый членъ, очень ограниченный, но обладающій „волею къ власти" вожакъ консерваторовъ, Бонаръ Ло, получающій должность канцлера казначейства и вмѣстѣ лидера палаты общинъ. Затѣмъ слѣдуютъ 28 обыкновенныхъ министровъ, завѣдующихъ различными и притомъ далеко не одинаковой важности вѣдомствами. Слѣдуетъ замѣтить, что ни военный министръ, ни министръ снабженій, ни морской министръ, ни министръ иностранныхъ дѣлъ, ни министръ

---

[1]) См. фактическія подробности въ статьѣ: „The official List. A War Cabinet"; „The Times", 11 декабря 1916.

финансовъ, не смотря на выдающуюся роль ихъ вѣдомствъ въ дѣлѣ веденія войны, не входятъ въ правящую коллегію. Изъ вновь образованныхъ министерствъ обращаетъ на себя вниманіе министерство труда, во главѣ котораго становится членъ рабочей партіи Ходжъ, и министерство контроля надъ судоходствомъ, т. е. въ сущности говоря, надъ судоходными компаніями, чего такъ давно и тщетно требовали радикалы и рабочіе.

Любопытенъ составъ новаго кабинета съ точки зрѣнія партійной принадлежности. Если можно говорить о коалиціонномъ характерѣ его, то развѣ въ томъ смыслѣ, что Ллойдъ-Джорджъ дѣлаетъ попытку объединить въ немъ наиболѣе выдающихся членовъ консервативной партіи съ нѣкоторыми представителями центра и праваго крыла рабочей партіи. Пятнадцать членовъ кабинета навербованы изъ рядовъ уніонистовъ, которые представлены въ министерствѣ дѣятелями, имѣющими очень опредѣленное, по большей части уніонистское прошлое, и разобрали между собою самыя важныя вѣдомства. Бальфуръ на посту иностраннаго министра, Лонгъ на посту министра колоній, заклятый эльстерецъ Эдвардъ Карсонъ на посту морского министра, лордъ Дерби въ качествѣ военнаго министра и т. д. уже одними своими именами развертываютъ цѣлую програму. По сравненію съ главами консервативной и имперіалистской партій представители рабочихъ образуютъ довольно скромную группу. Кромѣ Гендерсона, вошедшаго въ правящую коллегію, и Ходжа въ вѣдомствѣ труда, кабинетъ заключаетъ еще лишь одного рабочаго: Барнеса, получившаго завѣдываніе пенсіями.

Съ другой стороны никто изъ мало-мальски видныхъ либеральныхъ дѣятелей не счелъ возможнымъ вступить въ кабинетъ Ллойда-Джорджа, хотя вожаки партіи обѣщали новому премьеру содѣйствіе въ крупныхъ національныхъ задачахъ, претендуя на роль „дружественной оппозиціи“. Что касается до одиннадцати либераловъ, фигурирующихъ въ составѣ кабинета, то всѣ они принадлежатъ къ категоріи второстепенныхъ личностей, и посты, доставшіеся имъ, не имѣютъ тоже большого значенія. Настоящую поддержку среди либераловъ будутъ оказывать Ллойду-Джорджу лишь члены такъ называемаго военнаго комитета. Старые либералы будутъ голосовать по вопросамъ, не касающимся прямо веденія войны, отъ случая къ случаю. Радикалы, независимая рабочая партія будутъ всего чаще въ оппозиціи. На отношеніе ирландцевъ, не могущихъ до сихъ поръ переварить назначеніе Карсона, будетъ вліять политика новаго кабинета въ Ирландіи. Довольно широкая амнистія шинъ-фейнеровъ пока встрѣчена въ зеленомъ Эринѣ сочувственно. Но какъ пойдутъ дальше дѣла въ этой области, сказать трудно.

Оживленно обсуждается въ прессѣ еще одна особенность новаго кабинета: присутствіе въ немъ „дѣлового элемента“, пред-

ставленнаго крупными промышленниками и вообще предпринимателями. Радикальные и рабочіе круги выражаютъ сомнѣнія относительно умѣстности предоставленія министерства торговли сэру Альберту Стэнли, который до сихъ поръ стоялъ во главѣ управленія подземной желѣзной дороги и автобусной компаніи въ Лондонѣ; врученія контроля надъ судоходствомъ сэру Джозефу Маклэю, крупнѣйшему судовладѣльцу Глэзго; или назначенія министромъ мѣстнаго самоуправленія лорда Ронддэ, того самаго Ронддэ, о которомъ еще недавно „Таймсъ" отзывался со словъ рабочихъ столь неблагопріятно.

Какъ бы то ни было, Англія дѣлаетъ новый шагъ по пути соціально-политическихъ экспериментовъ. Повидимому, Ллойдъ-Джорджъ ставитъ своею задачею дѣятельность во вкусѣ демократическаго торизма. И къ этой попыткѣ нельзя отнестись прямо отрицательно съ континентальной точки зрѣнія. Англійскіе тори не чета собратамъ съ материка Европы. Порою консерваторы Великобританіи, сопротивляясь либеральнымъ реформамъ, пока были въ оппозиціи, осуществляли еще далѣе идущія реформы, когда становились у власти. Этихъ фактовъ можно набрать не мало въ области хотя бы избирательнаго и аграрнаго законодательства.

Центръ современныхъ затрудненій лежитъ, однако, для Англіи въ другомъ, а именно насколько совмѣстима демократическая и вообще реформаціонная политика внутри страны съ лозунгомъ „войны во что бы то ни стало". Чисто спеціальныя задачи борьбы съ врагомъ „до побѣдоноснаго конца" уже не разъ втеченіе двухъ послѣднихъ съ половиною лѣтъ заставляли англичанъ прерывать нить общественнаго развитія и отклоняться отъ пути широкаго внутренняго прогресса. Можетъ ли страна неопредѣленно долго слѣдовать этой линіи поведенія безъ вреда для интересовъ общежитія и свободъ личности? Нѣсколько разъ намъ уже приходилось ставить этотъ вопросъ и отвѣчать на него сомнѣніями.

Конечно, энергія Ллойда-Джорджа найдетъ лишь новую пищу въ сознаніи необходимости справиться съ ростущими затрудненіями извнѣ и внутри страны. Но какою цѣною покупаются эти усилія? Пока что, новый премьеръ съ свойственной ему импульсивностью на всеобщую гражданскую повинность въ Германіи рѣшилъ отвѣтить аналогичнымъ же планомъ всеобщей мобилизаціи труда, не останавливаясь, если то понадобится, передъ прямымъ принужденіемъ. Всѣ мужчины въ возрастѣ отъ 16 до 60 лѣтъ приглашаются поступать въ учрежденія, работающія на оборону. Для женщинъ предполагается добровольный трудъ.

И по ту сторону Ламанша, и на почвѣ Франціи тѣ же трудности положенія въ хозяйственной и политической сферѣ вызвали подобную же критику дѣйствій правительства и подобное же же-

ланіе устранить, по крайней мѣрѣ, главнѣйшія неурядицы. Несчастіе третьей республики заключается въ сравнительной отсталости ея индустріальной техники, медленности ея промышленнаго развитія, слабости общественныхъ организацій и рабочихъ союзовъ, недостаточной иниціативѣ частныхъ лицъ и рутинныхъ привычкахъ строго централизованной бюрократіи. Это нисколько не исключаетъ высокаго культурнаго и политическаго развитія гражданъ, артистическаго элемента въ мелкой промышленности и ремеслахъ, трудолюбія и искусства ея земледѣльческихъ производителей. Но когда дѣло идетъ о быстромъ приспособленіи страны къ необыкновенно серьезнымъ задачамъ момента, то тутъ сейчасъ же начинаютъ сказываться изъяны общей организаціи. Преобладаніе въ національной психологіи идей крестьянина-собственника, мелкаго ремесленника и не столько промышленника, сколько банкира и финансиста, служитъ препятствіемъ къ радикальной перестановкѣ хозяйственной и общественной жизни на военную ногу.

Правда, то, что Франція сдѣлала въ области производства оружія и амуниціи въ первый годъ войны, было поистинѣ замѣчательно. И англійскіе политическіе дѣятели прямо признавали, что, напр., въ сферѣ артиллерійской техники они должны были первое время вдохновляться французской военной индустріей. Но, повидимому, и въ этой области общія техническія условія національнаго производства не позволяютъ дальнѣйшаго быстраго прогресса. А что касается до „гражданскихъ“ отраслей промышленности и до организаціи тыла, то здѣсь недостатки техники вызываютъ уже давно самую рѣзкую критику со стороны самихъ французовъ. Главная бѣда заключается въ робости мысли правящей буржуазіи,—рабочій классъ не оказался на высотѣ чрезвычайно серьезнаго положенія,—и въ косныхъ привычкахъ административнаго персонала[1]). Какъ только заходила рѣчь о необходимости какой-нибудь широкой планомѣрной дѣятельности, задающія тонъ группы сейчасъ же начинали протестовать: „Только, пожалуйста, поменьше регламентаціи! только не нѣмецкая казарменная организація! будемъ работать на старинный испытанный французскій ладъ!“. Это, наконецъ, стало вызывать возраженія, — и возраженія со стороны не однихъ „зараженныхъ коллективизмомъ“ соціалистовъ, а и со стороны лѣвыхъ радикаловъ: „Пора, наконецъ, оставить нашу при-

[1]) Язвительный Клемансо по поводу французской бюрократіи писалъ: „Насъ предаютъ не измѣнники, а добрые славные люди. Да, превосходные, очень честные люди и добродѣтельные отцы семействъ, которые мнятъ, что они исполнили весь свой служебный долгъ, когда положили на полку „дѣло“, остановили въ самомъ началѣ чью-либо инициативу, раздавили вѣрную мысль подъ тяжестью регламентарныхъ возраженій, возстали противъ горячихъ стараній путемъ безконечной переписки и канцелярщины. Вотъ кто у насъ измѣнники, измѣнники тѣмъ болѣе страшные, что они сами не сознаютъ этого, а мы не достаточно бережемся ихъ пагубнаго усердія“. Ср. передовую „La crise et l'opinion“; „Le Temps“, 11 декабря 1916.

вычную манеру издѣваться надъ вызванными войною мѣрами Германіи, а затѣмъ вводить ихъ у себя шесть мѣсяцевъ спустя, когда врагъ уже прибѣгаетъ къ новымъ еще дальше идущимъ мѣропріятіямъ".

До сихъ поръ не былъ примѣненъ какъ слѣдуетъ на практикѣ вотированный уже давно во время войны законъ о подоходномъ налогѣ. Еле-еле была осуществлена мѣстная и притомъ не обязательная повсюду таксація цѣнъ на предметы необходимости. Рѣшительнымъ сопротивленіемъ были встрѣчены планы націонализаціи и муниципализаціи главнѣйшихъ продуктовъ потребленія. И, наконецъ, мало-по-малу съ осени текущаго года выросъ цѣлый рядъ „кризисовъ": кризисъ угольный, кризисъ хлѣбный, кризисъ сахарный, кризисъ мясной, кризисъ картофельный, разстройство перевозокъ по желѣзнымъ дорогамъ и каналамъ, недостатокъ газа и электричества для освѣщенія. Параллельно съ этимъ раздалась усиленная критика дѣйствій правительства въ стратегической и дипломатической области. Указывались ошибки, допущенныя по отношенію къ Румыніи. Осуждались колебанія въ общебалканской и особенно греческой политикѣ. Отмѣчалась двойственность верховнаго командованія, причемъ направляющая роль военнаго министра зачастую сталкивалась съ распорядительною дѣятельностью генералиссимуса, и т. д. И все это вызвало въ концѣ-концовъ перетасовку кабинета и принятіе рядъ мѣръ, показывающихъ, что французская нація не желаетъ болѣе убаюкивать себя привычными иллюзіями.

Изъ ряда примѣровъ, которыми кишѣли французскія газеты въ періодъ осеннихъ обличеній, остановлюсь на немногихъ. На засѣданіи 28 ноября палаты депутатовъ радикалъ Гессъ произвелъ сенсацію своимъ заявленіемъ, что въ то время, какъ Франція потеряла во время войны 321.000 тоннъ судами торговаго флота, а правительство требуетъ для возстановленія потерь кредита въ 60 милліоновъ франковъ,—что дастъ возможность купить десятокъ кораблей, по 5.000 тоннъ каждый, — Англія въ іюнѣ 1916 г. заканчивала постройку новыхъ судовъ въ 1.540.000 тоннъ, Японія увеличила свой флотъ съ августа 1914 г. на 725.000 тоннъ, а Германія на 750.000 тоннъ.

Другой депутатъ, де-Монзи, цитировалъ рядъ бюрократическихъ нелѣпицъ, показывающихъ, какъ расточаются драгоцѣнныя средства страны: „По истеченіи 28 мѣсяцевъ войны мы накопили въ складахъ запасы кофе, которыхъ уже хватаетъ на полтора года впередъ... Мы продолжаемъ, однако, забивать новыми грузами кофе наши набережныя, къ которымъ вслѣдствіе этого не могутъ подойти грузы другихъ необходимыхъ продуктовъ, ставшихъ крайне рѣдкими. Мы продолжаемъ покупать лѣсъ въ Канадѣ, что стоитъ намъ не мало золота; но въ то же самое время мы уступаемъ одной англійской фирмѣ концессію на раздѣлку нашихъ

лѣсовъ въ Юрѣ". (*Восклицанія на разныхъ скамьяхъ*). Мы съ трудомъ отыскиваемъ сахаръ на Кубѣ, „потому что такъ заведено", и мы пренебрегаемъ сахаромъ нашихъ колоній. Мы просимъ у англійскаго правительства доставить намъ съ одного изъ заводовъ на рѣкѣ Св. Лаврентія бумажную массу, которой такъ жаждутъ теперь газеты. А когда, наконецъ, приплываютъ къ намъ оттуда два парохода съ 45.000 тоннъ этого продукта, то тутъ только мы замѣчаемъ, что на портовой набережной свалено какъ попало 40.000 тоннъ такой же бумажной массы. И вотъ мы спускаемъ ихъ Испаніи, „которая вѣдь тоже нуждается въ бумагѣ" (*Новыя восклицанія*).

Это было на публичныхъ засѣданіяхъ. Что было на десяти декабрьскихъ засѣданіяхъ парламента при закрытыхъ дверяхъ, когда каждая изъ палатъ составляла секретный комитетъ, мы, конечно, не знаемъ, не знаемъ, по крайней мѣрѣ, въ подробностяхъ. Но народные представители перебрали весь кругъ вопросовъ, касающихся дипломатическихъ, военныхъ и экономическихъ задачъ момента, и высказали въ заключеніе пожеланіе радикальныхъ реформъ въ военномъ и гражданскомъ управленіи. Въ результатѣ премьеръ Бріанъ счелъ нужнымъ подвергнуть свой кабинетъ основательной перетасовкѣ и сокращенію. На его рѣшимость подѣйствовалъ, по всей вѣроятности, министерскій coup d'Etat, произведенный Ллойдомъ-Джорджемъ въ такой странѣ классическихъ традицій, какъ Англія. По примѣру заламаншской союзницы во главѣ управленія становится военный комитетъ или совѣтъ, состоящій изъ пяти лицъ: премьера и министровъ финансовъ, военнаго, морского и вооруженій. Предполагалось, что на засѣданіяхъ комитета будетъ участвовать въ качествѣ совѣтника-спеціалиста генералиссимусъ Жоффръ. Но пожалованіе ему вышедшаго было изъ употребленія титула маршала, не соединеннаго ни съ какими функціями командованія, заставляетъ думать, что Жоффръ получилъ, въ сущности, почетную отставку. Возвращаясь къ традиціямъ великой революціи, третья республика ставитъ во главѣ своихъ армій коллегіальный и по существу гражданскій органъ. Отнынѣ онъ будетъ рѣшать основные вопросы веденія войны, и его распоряженія будутъ передаваться войскамъ черезъ военнаго министра. Практическими осуществителями военныхъ плановъ явятся два главнокомандующихъ: генералъ Нивель для армій восточнаго и сѣверо-восточнаго фронта, т. е. дѣйствующихъ во Франціи, и генералъ Саррайль на Балканскомъ полуостровѣ. Что касается до поста военнаго министра, то на него назначается генералъ Ліотэ, тотъ самый Ліотэ, противъ котораго не мало сломалъ копій Жорэсъ, борясь съ его „авантюристской политикой" въ Марокко.

---

[1]) См. отчетъ въ „Le Temps", 25 ноября 1916.

Въ остальной части кабинета, состоящей изъ представителей различныхъ вѣдомствъ, произведены объединенія и расширенія функцій. Министерства юстиціи и народнаго просвѣщенія переходятъ въ завѣдываніе одного лица: Вивіани. Министерства торговли и земледѣлія сливаются въ одно вѣдомство „національной экономіи". Исчезаютъ министерства общественныхъ работъ и труда: вмѣсто нихъ образованы министерство перевозокъ и гражданскаго и военнаго продовольствія и министерство вооруженій и военнаго производства.

При образованіи новаго кабинета практическія соображенія и интересы обороны взяли рѣшительный перевѣсъ надъ политическими и партійно-парламентарными соображеніями. Изъ министерской божницы убраны парламентарныя иконы, министры безъ портфеля, которые гораздо болѣе служили предметомъ почитанія и символомъ священнаго единенія, чѣмъ занимались какимъ-нибудь дѣломъ: правый Дени Кошэнъ, радикалы Фрейсинэ, Буржуа, Комбъ, соціалистъ Гэдъ. Ядромъ кабинета по прежнему является радикальная партія. Изъ соціалистовъ остается на очень видномъ посту лишь Альберъ Тома̀, который изъ товарища военнаго министра, спеціально завѣдывавшаго снабженіями, становится министромъ вооруженій. За упраздненіемъ министерства труда умѣренный соціалистъ Метэнъ дѣлается помощникомъ министра финансовъ. Совсѣмъ уходитъ болѣе крайній соціалистъ, Санба̀, который въ роли министра общественныхъ работъ обнаружилъ, однако, такой недостатокъ иниціативы въ преодолѣніи транспортныхъ затрудненій и такую робость въ борьбѣ съ крупными капиталистическими привилегіями, что перевозочный и въ частности угольный кризисъ приписывается многими въ значительной мѣрѣ его шатающейся политикѣ.

Теперь третья республика пробуетъ привлечь къ управленію страной дѣльцовъ. Къ этой категоріи наполовину принадлежитъ мэръ Ліона, Эрріо, становящійся министромъ перевозокъ и продовольствія, и совсѣмъ принадлежатъ назначенные товарищами министра Клавель (по отдѣлу перевозокъ) и небезызвѣстный и русскому дѣловому міру директоръ правленія Олонецкой желѣзной дороги Луи Лушеръ (по военному производству).

Насколько посчастливится Франціи при этой новой комбинаціи, нельзя еще сказать. Крайняя лѣвая находитъ, что нужна болѣе глубокая реформа въ управленіи и политическомъ руководительствѣ. Она требуетъ, чтобы возвратились совсѣмъ къ традиціямъ первой республики и чтобы во главу угла было поставлено національное собраніе, нѣчто въ родѣ грозной памяти конвента, которое засѣдало бы постоянно и члены котораго, на подобіе прежнихъ революціонныхъ комиссаровъ, контролировали бы дѣйствія гражданскихъ и военныхъ властей. Правительство настаиваетъ, напротивъ, на увеличеніи своихъ полномочій и совсѣмъ недавно

внесло законопроектъ, предусматривающій проведеніе экстренныхъ мѣръ путемъ простыхъ декретовъ безъ участія парламента. Но здѣсь оно уже встрѣтило оппозицію представителей народа. И есть нѣкоторые симптомы ростущаго недовѣрія къ новому кабинету. Въ то время, какъ при старомъ составѣ министерства Бріанъ получилъ на засѣданіи 7 декабря вотумъ довѣрія большинствомъ 344 голосовъ противъ 160, при новой комбинаціи на засѣданіи 12 декабря число вотировавшихъ довѣріе депутатовъ уменьшилось на 45. Кромѣ того, парламентская комиссія отвергла уже упомянутый правительственный законопроектъ о декретахъ и дала своему докладчику порученіе обосновать необходимость соблюдеденія строго конституціонныхъ принциповъ, хотя бы и въ вопросахъ національной обороны.

Но еще при старомъ министерствѣ правительству пришлось приняться за осуществленіе или, по крайней мѣрѣ, подготовленіе нѣкоторыхъ мѣръ, становящихся съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе неотложными. Военный министръ получилъ право контроля надъ расходованіемъ электрической энергіи. Будетъ введенъ одинъ или два постныхъ дня въ недѣлю, когда бойни и мясныя должны быть закрыты. Будетъ воспрещено изготовленіе пирожныхъ и высшихъ сортовъ хлѣба (pain de fantaisie). Будетъ сокращено потребленіе сахару и въ случаѣ необходимости совсѣмъ изгнанъ рафинадъ. Будутъ введены карточки на бензинъ, который расточается въ большомъ количествѣ владѣльцами автомобилей— введены, не смотря на защиту ихъ претензій экономистами изъ „Le Temps“, утверждающими, что этими мѣрами, напоминающими законы противъ роскоши, наносится ударъ интересамъ страны, такъ какъ богатые люди, особенно иностранцы, могутъ вознегодовать на стѣсненіе обычныхъ удобствъ ихъ жизни и уѣхать изъ Франціи. А теперь въ парламентскихъ кругахъ уже становится популярной мысль ввести, на подобіе Германіи, всеобщую гражданскую повинность. Одинъ изъ плановъ ея принадлежитъ сенатору Беранже, внесшему соотвѣтственное предложеніе.

IV.

Подводя итоги стратегическому положенію обоихъ лагерей въ началѣ 30-го мѣсяца войны, мы должны прежде всего отмѣтить тотъ фактъ, что въ данный моментъ центръ тяжести военныхъ операцій переносится на Балканскій полуостровъ и прежде всего на молдаво-валахскую территорію.

— — — — — — — — — — —

Вступившая безъ надлежащей подготовки въ борьбу и недостаточно подкрѣпленная, вслѣдствіе разныхъ несчастныхъ обстоятельствъ, арміями и военными припасами союзниковъ, она стала сравнительно легкой добычей враговъ. Ни южная

русская армія, ни французскій главнокомандующій Саррайль, не смотря на похвальныя усилія, не могли задержать навод.ѳ ніе Румыніи войсками центральныхъ державъ, энергично поддержанныхъ турками и болгарами, и въ настоящее время дѣло идетъ о томъ, чтобы ликвидировать эту операцію.

— — — — — — — — — — — —

— — — — — — — — — — — —

Надо во всякомъ случаѣ отмѣтить то обстоятельство, что движеніе враговъ на румынской территоріи все болѣе и болѣе замедляется по мѣрѣ того, какъ линіи фронта перемѣщаются на востокъ. Между переходомъ нѣмцевъ изъ обороны въ наступленіе въ долинѣ Жіу (8 ноября н. с.) и взятіемъ Бухареста (7 декабря) не прошло и полнаго мѣсяца. Нынѣ (31 декабря н. с.) непріятельскія арміи не продвинулись въ Молдавію далѣе верхняго теченія Рымника, а въ Добруджѣ, хотя и занявъ Исакчу и Тульчу, до сихъ поръ еще не могутъ овладѣть переправами черезъ Дунай у Браилова и у Галаца. Въ общемъ эвакуированіе нами Добруджи совершается лишь постепенно и до сихъ поръ въ нашихъ рукахъ остается ея сѣверо-западный уголъ; а въ Молдавіи мы счастливо вышли изъ окруженія четырьмя нѣмецкими арміями на фронтѣ Бузео-Рымникъ и отступаемъ къ позиціямъ на Серетѣ.

Далѣе къ сѣверу замѣчается оживленіе операцій, мѣстами въ видѣ дуэли тяжелой артиллеріи, на львовскомъ направленіи, особенно тамъ, гдѣ линіи фронта приближаются къ магистралямъ, которыя сходятся у станціи Красне. Продолжаются бои и въ Лѣсистыхъ Карпатахъ, гдѣ высоты нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки. На еще болѣе сѣверныхъ участкахъ нашего фронта, въ двинскомъ районѣ и у Риги, дѣйствія врага носили главнымъ образомъ характеръ рекогносцировокъ. Съ сокращеніемъ нѣмецкаго фронта въ Румыніи, имѣющаго нынѣ длину въ 360 километровъ вмѣсто прежнихъ 1300, и, стало быть, освобожденіемъ извѣстной части резервовъ, можно, впрочемъ, ожидать усиленія непріятельскихъ операцій въ разныхъ пунктахъ восточнаго театра. Кстати сказать, по свѣдѣніямъ французской печати, изъ 4.590.000 чел., которыми центральныя державы располагали на всѣхъ фронтахъ Европы къ 1 декабря н. с., на франко-англо-бельгійскій фронтъ приходилось 1.935.000, а остальные 2.655.000 чел. размѣщались на прочихъ театрахъ войны и главнымъ образомъ на русскомъ.

Наиболѣе крупной операціей за истекшій мѣсяцъ на западѣ было значительное продвиженіе французовъ въ верденскомъ районѣ, а именно къ сѣверу отъ Дуомона между Маасомъ (Мёзою) и Евромъ. Подготовленная втеченіе нѣсколькихъ дней сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, французская атака завершилась 15 декабря прорывомъ непріятельскихъ линій на протяженіи болѣе 10 километровъ при глубинѣ около 3 километровъ. При этомъ

было захвачено 11.387 нѣмцевъ, — изъ которыхъ 284 офицера,— 115 орудій, 44 миномета и 107 пулеметовъ.

Нѣкоторое значеніе имѣетъ взятіе англичанами 21 декабря египетскаго города Эль-Ариша, находившагося два года въ рукахъ турокъ и расположеннаго въ самомъ юго-восточномъ углу Средиземнаго моря, на побережьѣ между Портомъ-Саидомъ и южно-палестинской Газой. Англичане же имѣли 22 декабря успѣшное дѣло съ арабами на берегахъ Тигра, у Кута, и разрушили фортъ Касабъ въ 32 километрахъ къ юго-западу отъ Кута.

Согласно сообщенію итальянскаго морского министерства, въ ночь на 23 декабря непріятельская эскадра атаковала въ Отрантскомъ заливѣ нѣсколько сторожевыхъ судовъ, но была замѣчена французскими контръ-миноносцами и, послѣ ожесточеннаго огня съ обѣихъ сторонъ, скрылась въ темнотѣ, преслѣдуемая итальянскими и союзными судами.

И. С. Русановъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Борисъ Зайцевъ. Земная печаль. Разсказы. Т. VI. Кн-во писателей въ Москвѣ. Стр. 223. Ц. 1 р. 50 к.

Новый томикъ разсказовъ талантливаго беллетриста въ общемъ не даетъ читателю ничего сверхъ того, чего онъ ждетъ, раскрывая книжку Зайцева, но и не менѣе того, чего онъ ждетъ,—и это характерно для автора. Не талантъ его, пріятный и несомнѣнный, т. е. не размѣры его таланта, а самый духовный типъ писателя исключаетъ возможность какихъ бы то ни было неожиданностей, нечаянныхъ радостей или нечаянныхъ огорченій со стороны этого автора.

Безбурность — характернѣйшая его черта. Дѣло не въ направленіи его духовнаго интереса, но въ степени интенсивности его напряженія. Зайцевъ, можно сказать, не разстается съ темами волнующими, съ проблемами громадными, съ міромъ, полнымъ тайнъ и загадокъ,—словомъ, со всѣмъ тѣмъ, что, казалось бы, болѣе всего другого даетъ просторъ для неожиданностей, тревогъ и смятеній. Но всѣ эти проблемы и загадки, профильтрованныя сквозь авторскую созерцательность, неизмѣнно пріобрѣтаютъ окраску элегическую, безбурную, умиротворяющую. Болѣе того—самыя эти проблемы и загадки начинаютъ читателю казаться чѣмъ-то вродѣ матеріала для приведенія къ умиротворенію, самая лирика творчества Зайцева все опредѣленнѣе начинаетъ казаться проникнутой философіей смиренія и грустнаго примиренія...

Онѣгинъ убиваетъ Ленскаго на нелѣпой дуэли по нелѣпому поводу, но самъ Ленскій, уже предчувствуя гибель, все-таки находитъ, что „все благо: бдѣнія и сна приходитъ часъ опредѣленный, благословенъ и день заботъ, благословенъ и тьмы приходъ“. Въ томъ же духѣ и философія героевъ Зайцева. Милая дѣвушка Катя полюбила хорошаго, тонкаго человѣка, Понурина. Что же дальше? Дальше обычное у Зайцева обламываніе крыльевъ у героя, приведеніе къ сознанію, что счастье не удалось, что оно „въ быломъ—неповторимомъ“, „уходила въ безбрежную бездну времени часть ея жизни и души“:—крылья героини сломаны, но и протеста про-

тивъ этого нѣтъ, т. е. не то, что нѣтъ его вообще, но онъ перейденъ, а какъ только и крылья сломаны и протестъ остался позади, такъ и разсказъ конченъ.

Крестьянская дѣвушка Маша и дочь генерала Лиза—ровесницы—полюбили почти одновременно: Маша полюбила женатаго, сильнаго, крѣпкаго мужика Пермякова; Лиза—гвардейца Коссовича. Коссовичъ и Пермяковъ тоже полюбили Машу и Лизу. Обѣ эти пары были счастливы, но недолго, какъ была счастлива, но недолго, и Катя. Потомъ начинается почти одновременно у обѣихъ ровесницъ процессъ обламыванія крыльевъ. Наконецъ, крылья обломаны, Машѣ и Лизѣ дается время и попротестовать, и сознать съ грустью, что это ни къ чему, и наконецъ со всѣмъ примириться, признать себя побѣжденными. Тогда и разсказъ кончается.

Таково содержаніе двухъ крупнѣйшихъ произведеній сборника, но таковъ и весь его духъ, вся его философія. Ибо—„философъ давно свыкся съ мыслью о разлукѣ съ земнымъ. Давно привыкъ видѣть пустынную и свѣтлую вѣчность. Все же безмѣрно жаль земного! Жаль неповторимыхъ чертъ, милыхъ сердцу, жаль своей жизни и того, что въ ней любилъ",—вотъ формула міровоспріятія Зайцева. Была бы она, пожалуй, точнѣе, еслибы первую въ ней фразу отодвинуть въ конецъ, ибо Зайцеву и его героямъ жаль того, жаль другого, но, въ концѣ концовъ, „философъ давно свыкся" и т. д., а гдѣ дѣйствуетъ привычка, тамъ мѣсто и элегіи, и вздоху, и чему угодно, но отнюдь не трагедіи, не борьбѣ,—все благо: бдѣнія и сна приходитъ часъ опредѣленный...

Само собою разумѣется, что и всякаго рода трагическія проблемы и роковые вопросы, попадая въ атмосферу опредѣленной философской привычки, теряютъ и свою остроту, и свою мятежность, и свои стимулы, и творчество нечаянныхъ радостей и печалей. Здѣсь все „чаянно", ибо, какъ ни будь извилистъ путь мысли и чувства автора, заранѣе извѣстно мѣсто, куда путь этотъ его приведетъ. Тѣмъ, кто это мѣсто принимаетъ, подобно Зайцеву, за предѣльный и фатальный пунктъ человѣческихъ устремленій,—Зайцевъ можетъ быть особенно дорогъ и близокъ. Для всѣхъ иныхъ—онъ никогда не будетъ крупенъ, никогда не будетъ спутникомъ жизни, который хоть и заведетъ порой въ непроходимыя дебри, за то и поразитъ зрѣлищемъ новыхъ странъ, заразитъ страстью къ познанію невѣдомаго...

Въ отношеніи чисто художественномъ новый томъ разсказовъ Зайцева также лишь дополняетъ прежнія впечатлѣнія. Съ одной стороны—тонкость рисунка, сжатость стиля, благородная сдержанность красокъ; съ другой—все-таки нѣкоторая манерность, нѣкоторая разсчитанность въ пріемахъ, порой однообразная. Вотъ примѣры отмѣченнаго: „Пахло сыроватымъ, отчасти затхлостью". „Ей было любопытно посмотрѣть человѣка, отчасти ученаго, занятаго возвышенными мыслями". „Между тѣмъ, Константинъ Сер-

рѣичъ отчасти завязалъ разговоръ съ преосвященнымъ". „Онъ тряхнулъ головой, такъ что волосы отчасти взлетѣли". „Шалдѣевъ допилъ стаканъ, поласкалъ отчасти бороду и отвѣтилъ". „Какъ по вашему,—спросила она, отчасти замирая". „Варвара Михайловна частью вздыхала" и т. д. Всѣ эти „частью" и „отчасти" не совсѣмъ впопадъ—явно не обмолвки; самое количество ихъ (они здѣсь приведены лишь „отчасти") указываетъ на авторскую преднамѣренность, которую трудно счесть здѣсь чѣмъ-либо инымъ, кромѣ довольно мелкаго, хотя и невиннаго, пріема придать стилю отпечатокъ оригинальности... Столь же обыченъ пріемъ у Зайцева: употребить специфически газетное, книжное выраженіе, интеллигентскую фразу при описаніи явленій иного, суроваго и простого порядка. Вотъ онъ изображаетъ любовь Маши къ Пермякову—простыхъ людей; изображеніе тоже простое, суровое, и вдругъ читатель спотыкается о слова: „Въ предѣлахъ немягкой натуры, Пермяковъ былъ съ ней хорошъ", или: „Было у нея такое чувство, что и она оторвала минувшее, сама повернула жизнь; и это давало удовлетвореніе, какъ бы реваншъ гордости". Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что самъ авторъ видѣлъ неожиданность этихъ „предѣловъ немягкой натуры" или „реванша гордости",—стало быть, они умышленны и того же порядка, что и „отчасти поласкалъ бороду".

Надо отмѣтить также пріемъ чрезмѣрнаго упрощенія письма, приводящій подчасъ къ результатамъ, едва-ли желательнымъ для автора. Пріемъ этотъ мы встрѣчаемъ сравнительно рѣдко у Зайцева и самое происхожденіе его прямо противоположно только что разобраннымъ пріемамъ. Онъ нисколько не умышленъ, во-первыхъ; онъ — результатъ совершенно искренняго исканія простоты въ изображеніи, въ то время, какъ „отчасти поласкалъ бороду" и „реваншъ гордости"—надуманы и клонятся къ преднамѣренной оригинальности. Тѣмъ не менѣе и этотъ нечастый дефектъ долженъ быть отмѣченъ, хотя бы потому, что къ Зайцеву, какъ къ художнику подлинному, и требованія могутъ быть предъявлены соотвѣтственно высокія. „Ночь апрѣльская была голубая. Пахло весной. Молодой лѣсокъ еще не одѣлся, но уже набухъ, и дарилъ насъ своей радостью—свѣжести, юности. Кой-гдѣ сквозь чащу мелькалъ золотой блескъ". Если исключить послѣднюю фразу, нехарактерную и невыразительную въ силу своей малой опредѣленности и конкретности, то остальное представится, въ сущности, довольно общимъ, почти банальнымъ весеннимъ пейзажемъ, въ которомъ лаконизмъ перешелъ границы сжатости изобразительной и оказался просто общимъ мѣстомъ. Или еще: „Былъ тотъ безвѣтренный, теплый и сѣрый день, съ инеемъ на деревьяхъ, съ особой, нѣжной вкусностью воздуха, когда поля и блѣдно-сѣрыя небеса нашей родины имѣютъ единственное, ни съ

чѣмъ несравнимое, выраженіе живой души—скромной и очаровательной". Конечно, не въ этихъ самыхъ выраженіяхъ, но въ общемъ то же самое писалось о поляхъ и небесахъ нашей родины не разъ и не два. О другомъ авторѣ-художникѣ, напиши онъ такія строки, можно было бы промолчать; но Зайцевъ—прекрасный пейзажистъ. Его стремленіе къ возможной скупости въ пользованіи красками—цѣнно и похвально, но... есть, повидимому, и для похвальныхъ стремленій законъ мѣры...

А. Кипенъ. Господская жизнь. Т. II. Разсказы. Кн-во писателей въ Москвѣ. Стр. 208. Ц. 1 р. 25 к.

Авторъ не вводитъ своего читателя въ кругъ какихъ-либо новыхъ вопросовъ, не поражаетъ какими-либо непривычными положеніями, невиданными или причудливыми образами. Его достоинство не въ этомъ, а въ художественно-внимательномъ, вдумчивомъ и безупречно-искреннемъ освѣщеніи жизни, хорошо всѣмъ знакомой, повседневной и обычной и вѣчно неисчерпаемой, сколько бы ее ни изображали.

Достоинство это встрѣчается только у подлинныхъ художниковъ, независимо отъ размѣровъ ихъ дарованія. Новизна замысла, фабулы, той или иной проблемы можетъ заслонить отъ читателя, порой даже и съ развитымъ вкусомъ, ея чисто-публицистическую или научную трактовку,—и на этомъ основанъ временный, но шумный успѣхъ многихъ произведеній, беллетристическая форма которыхъ—лишь внѣшній покровъ для той или иной идеи.

Совсѣмъ иное дѣло—подходъ къ темамъ, образамъ и положеніямъ, уже много разъ трактованнымъ. Здѣсь, чтобы возбудить интересъ у читателя, необходимо заставить его по-новому пережить старое, а для этого въ свою очередь необходимо это старое углубить, открыть въ немъ новыя черты новымъ освѣщеніемъ. Само собою разумѣется, что доступно это только художнику, счастливый глазъ котораго видитъ то, что утаено отъ простого смертнаго покровомъ многолѣтней привычки, наслоеніями старыхъ отношеній, точекъ зрѣнія, традиціонныхъ взглядовъ и понятій.

Г. Кипенъ и есть такой художникъ. Въ его подходѣ къ образу есть нѣчто цѣнное, эстетически и морально цѣнное одновременно. Напряженіемъ сочувственнаго вниманія къ своимъ героямъ онъ, во-первыхъ, открываетъ для себя и, значитъ, для читателя то новое въ старомъ, о чемъ было сказано выше, обогащая этимъ запасъ читательскихъ свѣдѣній, наблюденій; во-вторыхъ, онъ этимъ самымъ приближаетъ читателя къ своимъ героямъ, такъ сказать въ порядкѣ нравственнаго къ нимъ участія, точнѣе—сближаетъ ихъ съ читателемъ.

И это художественное вниманіе къ человѣку даетъ еще одинъ

цѣнный результатъ: читатель вѣритъ тому стремленію автора „оправдать“ своихъ героевъ, показать за ихъ невзрачной, порою, внѣшностью, за грубостью — нѣжное и глубокое движеніе души, которое такъ характерно объединяетъ разнородныхъ героевъ г. Кипена. Читатель видитъ, что это—не голая тенденція, не предвзятость, хотя бы и оптимистическая, но прямое слѣдствіе углубленнаго вниманія. Какъ ни разнообразны интересы и самыя біографіи героевъ г. Кипена, есть какой-то нравственный компасъ въ человѣкѣ, всегда въ концѣ концовъ указующій ему путь къ чему-то болѣе высокому и вѣчному, чѣмъ то, что наполняетъ его повседневную жизнь и дѣятельность. И, сколько бы разъ ни разсѣивался „Миражъ“ (такъ называется прелестный заключительный очеркъ) при приближеніи къ нему,—человѣкомъ владѣетъ неистребимая потребность идти къ далекой мечтѣ, какія бы конкретныя формы она ни принимала, сколь прозаической или наивной порой ни казалась.

Читатель можетъ не раздѣлять этого авторскаго настроенія, но во всякомъ случаѣ онъ вѣритъ въ то, что у автора оно именно таково, что оно не придумано и не надумано, а органически ему свойственно,—иначе оно не получило бы такого искренняго воплощенія.

Новая книжка г. Кипена — очевидный шагъ впередъ; пріятно отмѣтить, что она свидѣтельствуетъ о серьезномъ и культурномъ отношеніи писателя къ своему не крупному, но цѣльному и симпатичному дарованію.

Альманахъ Стремнины. Кн-во А. А. Слонимскаго. Москва. 1916. Стр. 244. Ц. 2 р. 50 к.

Трудно понять, что заставило литературныхъ нотаблей, принявшихъ участіе въ альманахѣ, явиться въ немъ въ роли мелкихъ спутниковъ основного участника сборника, неизвѣстнаго г. Валерія Язвицкаго, романъ котораго „Изъ книги бытія“ занялъ три четверти книги, тогда какъ на долю прочихъ еле досталась ея четверть. А между тѣмъ здѣсь и В. Брюсовъ, и Б. Зайцевъ, и К. Бальмонтъ, и А. Ремизовъ, и Ѳ. Сологубъ и т. д., и всѣ они расположились на шестидесяти страничкахъ:— ужь не съ тайнымъ ли намѣреніемъ показать, что качество выше количества? Ахъ, это не трудно показать: очень ужь малозначителенъ романъ г. Язвицкаго, такой обыкновенный, такой благополучный, такой бумажный во всемъ—отъ языка до сюжета. Конечно, для духовнаго перелома въ героѣ онъ найдетъ только захватанныя слова: „Его умственный горизонтъ расширился, въ душѣ пробудился жадный интересъ къ людямъ... Создалось новое какое-то религіозное мироощущеніе, переполненное экстазомъ любви... Онъ

замѣчалъ, какъ пропадала его грубая чувственность, перерождаясь въ утонченно-захватывающее чувство“, и, конечно, герой г. Язвицкаго кончаетъ его романъ геройской гибелью на аэропланѣ: все какъ по писанному.

Брюсовъ тоже по писанному или вѣрнѣе вслѣдъ за писаннымъ: онъ вдохновился „Египетскими ночами“ Пушкина и взялся создать законченную поэму изъ оставшихся послѣ поэта набросковъ и отрывковъ; онъ полагаетъ, что работу его можно назвать дерзновенной, но ни въ коемъ случаѣ не кощунственной; еще естественнѣе однако назвать ее излишней и мало удачной. Задачи реставраціи едва-ли могутъ по-настоящему вдохновить истиннаго художника: неизмѣнно должно мѣшать ему сознаніе, что восполняемому имъ божественному обломку суждено все-таки остаться въ вѣкахъ обломкомъ; кто бы ни взялся придѣлать руки Венерѣ Милосской или Гермесу Праксителя,—онъ не завершитъ этимъ кунштюкомъ ихъ образа въ нашей душѣ. Какъ замѣна или провѣрка научной гипотезы оно иногда дѣлается въ пластикѣ, но поэзія въ этомъ не нуждается. И какъ всегда въ реставраціяхъ, второстепенное удалось г. Брюсову, главное—нѣтъ. Единственнымъ героемъ, стержнемъ „Египетскихъ ночей“ должна была быть только Клеопатра; три кратковременныхъ ея романа, три любовника, купившіе цѣною своей жизни ея ночь, могли быть только вѣхами въ развитіи *ея* душевной исторіи; и романы эти должны бы не только различаться по существу, но и наростать въ значительности. Между тѣмъ у г. Брюсова характеристики возлюбленныхъ не даютъ никакого впечатлѣнія роста, переживанія самой царицы тонутъ въ ихъ переживаніяхъ, и она переходитъ отъ трехъ обладателей къ четвертому, точно и послѣ этихъ трехъ страшныхъ ночей любви, завершаемыхъ тремя убійствами, ничто не родилось, ничто не умерло въ ея душѣ, ничто не совершилось въ ея судьбѣ. Въ этомъ смыслѣ поэма остается такъ же незаконченной, какъ и ранѣе. Къ любовнымъ ночамъ и смертнымъ казнямъ привыкла Клеопатра, и не стоило извлекать изъ могилы ея прахъ, чтобы оставить ее эротической муміей, чтобы сказать, что и на сей разъ ничего не произошло.

Много умѣнія затрачено В. Брюсовымъ на его поэму, но едва-ли мы ошибемся, предположивъ, что гораздо больше, чѣмъ эта техника высокаго стиля, дастъ чисто-эстетическаго наслажденія читателямъ простенькій непритязательный очеркъ Бориса Зайцева „Домашній ларъ“. Конечно, онѣ не такъ просты, какъ кажутся, эти странички бытового разсказчика безъ сюжета и движенія,—въ самой простотѣ и намѣренной дѣловитости разсказчика есть своя изысканность, но поистинѣ неподражаемой прелестью дышитъ вся фигурка этого убогаго ребенка, косноязычнаго и косолапаго третьяго сына черной кухарки, беззаботно живущаго въ усадьбѣ и милаго ея обитателямъ. Вотъ онъ бѣгаетъ въ своей рваной куцавейкѣ, вотъ

лепечетъ какія-то безсмысленныя слова, вотъ пьетъ свой ежедневный чай у баръ—и эти незамѣтныя мелочи захватываютъ своей убѣдительностью, и видишь маленькаго человѣчка, и чувствуешь, какъ подошло къ нему сравненіе съ маленькимъ домашнимъ божкомъ древнихъ, и какъ-то вѣришь автору, что „иногда, въ дни тяжкіе, когда всѣ взрослые, да и весь, кажется, міръ подавленъ— бываетъ радостно видѣть, какъ маленькій человѣкъ беззаботенъ и счастливъ кускомъ пирога, булкой, конфеткой... И вѣрно, правы были древніе, обожествившіе мелкія существа домашней жизни, далекой отъ ужаса мірового; смутно чувствуемъ это мы всегда; потому и не жаль лишняго ласковаго слова, лишняго пряника— какъ не жалѣли его двѣ тысячи лѣтъ назадъ“...

Мимолетное упоминаніе объ „ужасѣ міровомъ“ очень умѣстно оттѣняетъ идиллическую картинку, но и безъ него очеркъ Зайцева былъ бы чуждъ пустой и нерѣдко пошлой беззаботности идилліи: есть подъ его радостной поверхностью что-то серьезное, что-то связующее его съ общимъ теченіемъ жизни, не легкой и не беззаботной.

Есть еще въ сборникѣ стихи Бальмонта и Сологуба, сказка Ремизова; все это выше романа г. Язвицкаго и ниже многихъ произведеній Бальмонта, Ремизова и Сологуба. Впрочемъ, стихи Бальмонта менѣе пустогласны, чѣмъ его лирика послѣднихъ лѣтъ. Ужь не написаны ли они десять лѣтъ тому назадъ?

А. Измайловъ. Чеховъ. Москва. 1916. Стр. VIII + 592. Ц. 2 р. 50 к.

На обложкѣ подзаголовокъ: „Жизнь.—Личность.—Творчество“, на заглавномъ листѣ: „Біографическій набросокъ“. Жаль, что не наоборотъ: пріобрѣтая книгу, читатель раньше узналъ бы, что самому автору представленный имъ обзоръ жизни, личности и творчества Чехова кажется только наброскомъ. Слово набросокъ плохо подходитъ къ книгѣ въ 600 страницъ, но г. Измайловъ правъ; онъ сумѣлъ, вѣрно, бы и на трехстахъ страницахъ дать хорошую книгу о Чеховѣ; вмѣсто этого однако онъ предпочелъ ограничиться наброскомъ.

До нѣкоторой степени онъ правъ, когда утверждаетъ, что „не сознавать цѣнности своей работы для будущаго историка литературы было бы со стороны автора лицемѣріемъ“; уже одно то, что ему удалось кой-что „собрать лично по живому слѣду или найти въ матеріалахъ, доселѣ не оглашенныхъ“, даетъ возможность думать, что „будущій историкъ литературы“ дѣйствительно будетъ обязанъ познакомиться съ книгой г. Измайлова. Но поможетъ она ему немного; не для него она написана, а для очень широкой публики, которая довольна тѣмъ, что ей даютъ. Надъ уровнемъ тре

бованій этой публики г. Измайловъ не захотѣлъ подняться и вмѣсто цѣльной книги о Чеховѣ, за которую ему очень были бы благодарны и болѣе взыскательные читатели, далъ вереницу отдѣльныхъ статей, случайныхъ по подбору, неосновательныхъ по выводамъ, растрепанныхъ по манерѣ. Съ удивительной легкостью онъ говоритъ въ предисловіи о томъ, что „размѣры книги, превысившіе первоначальный планъ автора, вынудили его на нѣкоторыя рѣшенія, не соотвѣтствующія задачѣ, но совершенно неизбѣжныя. Въ моментъ приближенія къ концу набора пришлось вынуть изъ рукописи нѣсколько готовыхъ главъ, въ томъ числѣ— „Чеховъ и Толстой“, „Погасшіе замыслы Чехова“, „Прототипы чеховскихъ героевъ“ и отказаться отъ приложенія личной критической оцѣнки писательскаго труда Чехова,—въ заботѣ сохранить мѣсто для возможно полнаго біографическаго очерка“. Полнота, конечно, вещь относительная; мы бы считали, что глава о прототипахъ чеховскихъ героевъ была бы важнѣе разныхъ біографическихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ въ книгѣ г. Измайлова, особенно такихъ, напримѣръ: „Бюстъ (въ Баденвейлерѣ) сооруженъ на средства, собранныя московскимъ Художественнымъ театромъ. Голова писателя дана въ натуральную величину, работалъ ее извѣстный (?) скульпторъ Шлейферъ. Чеховъ изображенъ такимъ, какимъ его видѣли въ баденвейлерскомъ паркѣ въ послѣднія недѣли его жизни: въ накинутомъ на плечо плащѣ, въ мягкой, сдвинутой назадъ шляпѣ. Большіе глаза испытующе глядятъ вдаль. Не хватаетъ только пенснэ, которое Чеховъ, очень близорукій, носилъ постоянно. Пьедесталомъ служитъ гранитная скала, сдѣланная мюльгеймскимъ скульпторомъ Швабомъ“. Мы ничего не имѣемъ противъ этихъ свѣдѣній, въ справочникѣ и они умѣстны, но они едва-ли умѣстны тамъ, гдѣ по важнѣйшему вопросу о переходѣ Чехова „въ совсѣмъ иной, чѣмъ въ молодости, ярусъ общественныхъ идеаловъ“ говорится, что эта духовная метаморфоза „стоила бы серьезнаго вниманія“, но „необходимость заставляетъ только бѣгло отмѣтить это и отослать читателя къ требующей частныхъ поправокъ, но въ существѣ вѣрной, статьѣ В. Кранихфельда „Углубленный Чеховъ“. Хоть бы съ выводами изъ этой статьи познакомилъ г. Измайловъ своего читателя; эта безсодержательная ссылка на затерянную въ провинціальной газетѣ статью тѣмъ болѣе своеобразна, что къ вопросу, столь характерному для общественнаго роста Чехова, къ вопросу объ отношеніяхъ его съ Михайловскимъ и съ Суворинымъ, г. Измайловъ возвращается не разъ на страницахъ своей книги. И ставитъ и рѣшаетъ онъ этотъ вопросъ такъ же легко, такъ же поверхностно, какъ и прочіе вопросы въ его книгѣ. То, что онъ нерасположенъ къ Михайловскому и расположенъ къ Суворину, не мѣняетъ дѣла: такъ граціозно прыгаетъ онъ черезъ трудности, такъ просто сочи-

няетъ предположенія, что спорить съ нимъ нѣтъ никакого желанія. И напрасно, признавая, что онъ не рѣшилъ основной задачи подлинной біографіи—„поставить литературный трудъ писателя въ живую связь съ его личной жизнью и психикой", онъ ссылается на отсутствіе матеріаловъ. Матеріаловъ болѣе чѣмъ достаточно; дай Богъ, чтобы для изученія другихъ писателей было дано столько матеріаловъ, сколько дано въ перепискѣ Чехова, въ біографіи, написанной его братомъ, и въ воспоминаніяхъ о немъ. Но „задача подлинной біографіи" не рѣшается сборникомъ бойкихъ и наспѣхъ написанныхъ статей.

Если нужна подробность, въ высшей степени характерная для этой поспѣшной бойкости, то такую мы находимъ въ языкѣ книги Г. Измайловъ очень строгъ къ другимъ въ вопросахъ языка. Онъ не только у Чехова,—совершенно правильно—отмѣчаетъ южно русскіе и петербургскіе „нечистые обороты", но и въ одной пародіи Чехова—совершенно не касающейся языка—видитъ шутку надъ языкомъ газеты „Новости", „который въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, явилъ первые образцы типично-газетнаго жаргона, оскорбляющаго ухо коренного русскаго человѣка". Можетъ быть, да, можетъ быть, нѣтъ: легче высказать эту историческую гипотезу, чѣмъ обосновать ее; г. Измайловъ этимъ, конечно, не займется. Но такъ ли ужь оскорбляетъ „типично-газетный жаргонъ" чуткое ухо этого коренного русскаго человѣка, какъ ему кажется? Онъ употребляетъ такія слова, какъ „юмореска" и „редактура", онъ говоритъ о „вкладчикахъ" „Осколковъ" и о „подъемномъ моментѣ чествованія", о „систематическихъ наложеніяхъ краснаго карандаша на писанія А. П." (стр. 94), о „человѣкѣ реальныхъ предъявленій къ литературѣ" (стр. 107) и о „натурѣ самообладающей" (стр. 215). Онъ пишетъ: „Чехова отличала... прямота плебея, которому отвратительна ложь, какъ постыдная и какъ безцѣльная" (стр. 6); „лавку того особаго типа, какую вызвалъ къ жизни своеобразный типъ южнаго города" (стр. 13); „не будетъ забѣганіемъ впередъ остановиться здѣсь" (стр. 44); „въ матеріальномъ отношеніи хлѣбъ добывался молодымъ Чеховымъ съ великимъ усиліемъ" (стр 148); оцѣнка явленій „подъ угломъ матеріальнаго вопроса" (стр. 156); „за равнодушіе Чехова... виноваты первые руководители" его (стр. 178); „самъ онъ никогда не переиздалъ его и никогда... не сдѣлалъ на него ни одного указанія" (стр. 179); „было бы мало правдоподобно, еслибы Чеховъ вовсе не поддался чарамъ общей похвалы" (стр. 246); „мы не имѣемъ никакихъ данныхъ заключать, что онѣ (строки Михайловскаго)... сложили какія-либо важныя житейскія рѣшенія" (стр. 273).

Ограничиваемся первой половиной книги,—не былъ же въ ней г. Измайловъ менѣе тороплив, чѣмъ во второй. Русскій языкъ онъ конечно, знаетъ; но если даже въ этой, хорошо ему извѣст-

ной области легкость отношенія къ предмету привела его къ ряду промаховъ и погрѣшностей, то что же сказать о другихъ областяхъ, менѣе ему доступныхъ? „Типично-газетный жаргонъ" пошлъ безспорно, но такъ ли легко оберечь себя отъ газетной пошлости, какъ кажется г. Измайлову?

В. Ропшинъ. Во Франціи во время войны. Сентябрь 1914—іюнь 1915. Москва. 1916. Стр. 266. Ц. 1 р. 75 к.

Когда-то была въ ходу латинская поговорка: inter arma silent Musae. Но это было когда-то: музы нынѣшней войны не только не молчатъ среди оружія, но никогда, кажется, не было такого стрекотанья, шуму, грому въ прозѣ и стихахъ, описаній того, чего самъ описывающій не видѣлъ, и политико-философскихъ разсужденій по вопросамъ, очевидно плохо знакомымъ ихъ авторамъ. На человѣка мало-мальски чуткаго вся эта словесность производитъ впечатлѣніе удивительной банальности и неестественности.

Г. Ропшинъ, казалось бы, испытываетъ такое же чувство. „Я слушаю,—восклицаетъ онъ въ концѣ своей книжки—какъ разговариваютъ на улицахъ, въ вагонахъ, въ кафэ, на собраніяхъ, въ редакціяхъ, въ ресторанахъ. И я спрашиваю себя: почему одни сражаются, стрѣляютъ шрапнелью, умираютъ, ходятъ ночью въ атаку, дрожатъ отъ холода, мокнутъ подъ осеннимъ дождемъ, а другіе легкоязычно говорятъ о войнѣ? Гдѣ совѣсть? Гдѣ справедливость? И неужели люди не догадаются, не знаютъ, что настали времена, когда достаточно молчать? И кто не молчитъ, тотъ, поистинѣ, отвѣчаетъ за каждое свое слово. Отвѣчаетъ передъ тѣми, кого уже нѣтъ. (стр. 258). Это о словесныхъ разговорахъ. А подумайте, какъ же долженъ „отвѣчать" тотъ, кто ведетъ разговоры чернымъ по бѣлому, съ перомъ въ рукѣ, передъ многотысячной аудиторіей теперешнихъ газетныхъ читателей, между которыми столько малыхъ сихъ, вѣрящихъ печатному слову и такъ легко соблазняемыхъ имъ? Какова цѣль книги г. Ропшина?

Предлагаемыя здѣсь статьи—плодъ наблюденій автора за время войны, многія изъ нихъ были уже напечатаны въ различныхъ органахъ современной прессы. Собранныя теперь вмѣстѣ и расположенныя въ извѣстномъ порядкѣ, статьи должны послѣдовательно отразить настроенія союзной намъ страны за время отъ сентября 1914 г. до іюня 1915 г. Авторъ надѣется, что его книжка будетъ не безынтересна для русскаго читателя въ переживаемый теперь моментъ,

—говоритъ г. Ропшинъ въ нѣсколькихъ словахъ, замѣняющихъ введеніе.

Отражаетъ ли, однако, книжка г. Ропшина „настроенія союзной державы"? Къ сожалѣнію, придется сказать: нѣтъ, не отражаетъ. Въ этой книгѣ, по рецепту псевдоклассическихъ драмъ, авторъ

употребляетъ только двѣ краски: бѣлую для положительныхъ героевъ, — въ данномъ случаѣ, французовъ, англичанъ, русскихъ, вообще „союзниковъ"; и черную,—для нѣмцевъ. Лишь изрѣдка дѣйствительность мститъ автору за это систематическое размѣщеніе свѣта и тѣней по противоположнымъ сторонамъ картины. Вотъ французы.

Драгунъ... у него, навѣрное, виноградникъ и, я знаю, онъ отъ зари до зари, не разгибаясь, работаетъ на поляхъ.

— Вы русскій?

— Да, русскій.

— Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ Россія! Да здравствуетъ Англія! Мы боремся за свободу! Какъ въ 93-мъ году! Не правда ли, товарищъ? Нѣтъ, не товарищъ, не правда ли, братъ? Развѣ мы не братья теперь? (стр. 4).

И далѣе, все тотъ же „драгунъ":

— ...Знаете что? Вѣдь это послѣдняя война... Германія будетъ разбита и никогда не будетъ больше войны... Не надо войска! Не надо вооруженій! Люди, всѣ люди, будутъ, какъ братья... Разбойники, они пришли къ намъ, въ нашъ домъ, въ нашу семью... Они хотятъ разрушить, сжечь, раздавить... Но вы знаете, въ концѣ концовъ побѣдятъ не они!

Онъ сжимаетъ свой короткій Лебель и съ любовью долго разсматриваетъ его.

— Вы видите, онъ бьетъ на 2000 метровъ... Пусть я умру, но я дорого продамъ свою жизнь...

И я вѣрю: да, онъ дорого продастъ свою жизнь (стр. 5).

Этотъ типъ француза, благороднаго, мужественнаго, идущаго на войну для того, чтобы не было больше войны, повторяется въ книжкѣ г. Ропшина много разъ, только въ разныхъ лицахъ, подъ разными именами, съ разными чертами, — то, какъ героическая старуха (стр. 187—191), то какъ доблестный ветеринаръ (ст. 222—227), то какъ добродѣтельный судья (стр. 60—63). Кажется, во всемъ этомъ пантеонѣ великихъ людей,—чуть было не сказалъ: музеѣ восковыхъ фигуръ—лишь одинъ французъ не заслужилъ восхищенія г. Ропшина. Это — рантье, дѣла котораго война привела въ замѣшательство, и который поэтому не пріемлетъ ея или, скажемъ точнѣе, пріемлетъ съ отвращеніемъ: пусть, молъ, ужъ лучше многомилліонныя арміи русскихъ справляются съ нѣмцами, а не французы... „Ну, а затѣмъ, слушайте, если даже они (нѣмцы) войдутъ въ Парижъ — что же? Это все-таки лучше, чѣмъ, напримѣръ, коммуна. Все-таки они защитятъ" (стр. 7). Но за то этотъ рантье и нарисованъ же авторомъ съ благородною цѣлью выставить въ непривлекательномъ свѣтѣ тѣхъ, кто, по причинамъ, можетъ быть, болѣе глубокимъ и не столь личнымъ, какъ разстроенныя дѣла, идти-то на войну идетъ, но отказывается „съ любовью разсматривать свой короткій Лебель".

Итакъ, бѣлая краска въ изобиліи лежитъ на палитрѣ г. Ропшина, когда онъ пишетъ людей, которыхъ трагическая судьба

поставила въ одинъ лагерь борющихся. Для людей же, которыхъ та же трагическая судьба поставила въ другой, у нашего автора имѣется сколько угодно черной краски. И онъ смазываетъ ею враговъ и вмѣстѣ, и порознь.

Порою сквозь словесность г. Ропшина прорывается, однако, невольная правда. Вотъ, напр., сцена вокругъ вагона съ плѣнными нѣмецкими офицерами:

„На полу на соломѣ раненый офицеръ. Мальчикъ лѣтъ 20-ти. Онъ блѣденъ, какъ скатерть, и глаза его горятъ лихорадкой... Мы — это любопытствующая толпа. Фермеры и купцы, ихъ жены, ихъ дѣти. Всѣ смѣются. Ругаются и смѣются. Толкаютъ другъ друга, чтобы яснѣе увидѣть умирающую „свинью“ (ст. 26).

Но авторъ во время снабжаетъ эту сцену комментаріемъ:

„Я не хочу и не могу осуждать. Я спрашиваю: еслибы разгромили мой домъ, изнасиловали мою жену, разстрѣляли моего отца, нашелъ ли бы я въ себѣ силу любви не бросить ни въ кого камнемъ? Пусть въ плѣннаго. Пусть въ раненаго. Пусть въ умирающаго на грязной соломѣ. Я спрашиваю. И я не знаю: можетъ быть, и во мнѣ проснулся бы звѣрь“ (тамъ же).

Вѣрно, совершенно вѣрно. Но эту психологію надо углублять и расширять во всѣ стороны, — углублять и расширять до тѣхъ поръ, пока она не охватитъ всю эту столь сложную и страшную вещь, какъ война. А то и выходитъ недоговоренная правда, которая становится ложью. Попробуйте сопоставить хотя бы самого г. Ропшина. На стр. 146: „его, раненаго, прикололи нѣмцы. Эти люди ведутъ войну, какъ африканскіе каннибалы“. На стр. 147: „Нѣмцы потеряли много людей. Полудикіе мароканцы устроили настоящую бойню. Въ нѣмецкихъ траншеяхъ они убивали всѣхъ нѣмцевъ безъ исключенія“ (стр. 147). А въ заключеніе философическая рефлексія: „Индійскій крестьянинъ, — гурка и сикъ — пахалъ землю, какъ пашетъ русскій или полякъ. Его одѣли въ сѣрое платье. Дали въ руки винтовку. Привезли въ чужую страну и велѣли сражаться. Гурка доволенъ. Сикъ равнодушенъ. Но и тотъ, и другой одинаково убиваютъ нѣмцевъ. За свободу? За справедливость? За Англію? За Россію? Вотъ еще одна невскрытая тайна“ (стр. 122).

Теперь объ общемъ впечатлѣніи, какое производитъ книга. Всѣ повторяютъ слова Толстого, что Леонидъ Андреевъ громоздитъ ужасы на ужасы, а ему, Толстому, все не страшно. Вотъ и г. Ропшинъ старается одну военную сцену бросать на другую. Но у читателя нѣтъ ощущенія, что это—война, а не словесность. Авторъ все время ходитъ гдѣ-то близко за арміями, порою столь близко, что его отдѣляетъ короткое время или небольшое пространство отъ того мѣста, гдѣ только что лилась кровь и падали люди. Онъ иногда испытываетъ даже неловкость, потому, что онъ — лишь

„зритель, праздный и нескромный свидѣтель" (стр. 169). Ему „становится стыдно. Стыдно за то, что я не живу въ траншеяхъ, не ночую въ сараѣ, что я здоровъ и что у меня въ рукахъ нѣтъ винтовки" (стр. 54). Не будемъ спрашивать, почему судьба была настолько немилостива къ г. Ропшину, что не лишила его стыда, но отказала ему въ винтовкѣ. Видно во всякомъ случаѣ близкое, кровное участіе автора въ великой борьбѣ. Почему же эта рука, которая вмѣсто винтовки держитъ перо только по недоразумѣнію, пишетъ слѣдующія холодныя, напыщенныя строки:

Я люблю Парижъ. Гдѣ бы я ни былъ, что бы ни случилось со мною, я твердо знаю, — есть два прибѣжища, двѣ защиты: Парижъ и Москва. О нихъ я помню, ими втайнѣ спасаюсь. Въ Москвѣ я—русскій. Я русскій потому, что тамъ Кремль, Иванъ Великій, Успенскій соборъ, домъ Толстого, домъ Герцена, потому что о Москвѣ писалъ Пушкинъ, потому что на Тверской въ ноябрѣ лежитъ снѣгъ. Въ Парижѣ, я—европеецъ. Я унаслѣдовалъ что-то отъ Дантона и Верніо, отъ коммуны, отъ Флобера, Жореса, Альфреда Мюссе (стр. 9—10).

Скромно и вразумительно. И все это вперемежку съ неизмѣнными цитатами изъ Апокалипсиса, съ замучившимся подъ г. Ропшинымъ „конемъ блѣднымъ", котораго онъ не покидаетъ съ тѣхъ поръ, какъ въѣхалъ на немъ въ русскую литературу, при осаннѣ богоносителей. Вперемежку съ довольно неожиданными реминисценціями изъ Успенскаго о Кудинычѣ, который въ оригиналѣ великаго и цѣломудреннаго писателя перебилъ неизвѣстно почему много „чистаго, ладнаго народу", а у г. Ропшина служитъ для иллюстраціи той „русской, спокойной и твердой силы, которая одолѣла и черкеса, и венгра, и француза, и турка, и которая завтра одолѣетъ и непобѣдимаго нѣмца" (стр. 226). Невольно цитируешь самого г. Ропшина: „Воскреснетъ духъ живой тѣхъ, кто за родину положилъ свою жизнь. Но послѣднею смертью умеръ рабъ нерадивый, умеръ тотъ, кто во время этой страшной войны легкомысленно умылъ руки, не трудился, не горевалъ, а только все разговаривалъ о войнѣ. Это—смерть вѣчная" (стр. 259).

К. Каутскій. Объединеніе Средней Европы. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. и съ предисловіемъ Энзиса. Книг-ство писателей въ Москвѣ. 1916. Стр. XI+81.

К. Каутскій Средняя Европа. Перев. съ нѣм. Съ предисловіемъ А. Потресова. Книгоизд. „Дѣло". Москва 1916. Стр. IX+76.

Вышедшая въ двухъ русскихъ переводахъ брошюра Каутскаго написана по поводу одноименной книги Наумана (Mitteleuropa), одного изъ наиболѣе талантливыхъ публицистовъ современной Германіи. Форма полемики нѣсколько усложняетъ изложеніе Каутскаго. Впрочемъ авторъ, разсматривая доводы Наумана, довольно

обстоятельно на нихъ останавливается. Въ результатѣ читатель знакомится не только съ отношеніемъ Каутскаго къ идеѣ Средней Европы, но и съ мыслями самого Наумана.

Вопросъ объ образованіи Среднеевропейскаго государства далеко не новъ и, какъ справедливо говоритъ Науманъ, возникъ онъ еще подъ впечатлѣніемъ побѣды Пруссіи въ 1870 году. Пангерманисты неустанно разрабатывали эту мысль, но теперь, во время войны, въ Германіи идеей „Средней Европы" особенно заинтересовались. Въ ней многіе германскіе идеологи современной войны видятъ едва-ли не конечную цѣль послѣдней, общій лозунгъ войны. „Въ поэзіи и прозѣ поднимайся, воспрянь въ вышину, Средняя Европа!"—восклицаетъ Науманъ. Но Каутскій относится къ этимъ мечтаніямъ отрицательно. Прежде всего онъ ихъ считаетъ не реальными. Самъ Науманъ не закрываетъ глазъ на тѣ трудности, которыя предстанутъ при необходимости согласовать противорѣчивые экономическіе интересы отдѣльныхъ частей Австро-Венгріи и Германіи. Но Каутскій говоритъ и о затрудненіяхъ политическаго характера: идею Средней Европы онъ справедливо сближаетъ съ велико-германской программой 70-хъ годовъ, которая оказалась столь утопичной. Союзъ монархій, ограничивающій суверенныя права отдѣльныхъ монарховъ, если только послѣдніе мало-мальски равны по своей силѣ и значенію, всегда бывалъ непрочнымъ. Соединенные Штаты возможны только, какъ союзъ республикъ, Швейцарская республика только, какъ союзъ сельскихъ и городскихъ коммунъ. И монархическій характеръ обѣихъ главныхъ державъ центральной Европы является весьма существеннымъ препятствіемъ на пути къ ихъ объединенію. Анализируя далѣе взгляды Наумана, Каутскій отрицаетъ и самую наличность тенденціи въ современной исторіи къ созданію „наднаціональныхъ" государствъ... Единственнымъ примѣромъ государства національностей является Австрія, но этотъ примѣръ говоритъ лишь о трудностяхъ, обнаруживающихся въ государствахъ подобнаго рода, и объ ихъ относительной слабости въ сравненіи съ національными державами. Въ то же время Каутскій признаетъ экономическую жизнеспособность и маленькихъ государствъ. Если теперь говорятъ, что послѣднія должны или погибнуть, или объединиться, то это объясняется главнымъ образомъ военными впечатлѣніями нашихъ дней. Ошибочна мысль, „будто капиталистическій способъ производства въ силу экономическихъ причинъ также лишаетъ способности къ существованію маленькія государства въ политикѣ, какъ и мелкое производство въ области промышленности"; „тенденція къ объединенію различныхъ народностей, обнаруживающаяся въ наше время,—говоритъ Каутскій въ другомъ мѣстѣ—проявляется только въ колоніальной политикѣ въ видѣ захвата областей, остающихся политически безправными".

Общій результатъ, къ которому приходитъ нашъ авторъ, сводится къ тому, что „ходъ историческаго развитія, требующій будто бы созданія Средней Европы, существуетъ исключительно въ фантазіи сторонниковъ этой идеи“.

Такой проектъ не только неосуществимъ, но и совершенно непріемлемъ съ точки зрѣнія пролетаріата, говоритъ Каутскій. Этотъ союзъ „задуманъ скорѣе, какъ орудіе войны, а не мира“. Для марксиста нѣтъ основаній съ меньшей энергіей стремиться къ установленію послѣ войны болѣе тѣсныхъ, дружескихъ отношеній съ Англіей или, напримѣръ, съ обновленной Россіей (въ которую Каутскій, кстати сказать, очень вѣритъ),—чѣмъ къ созданію Средней Европы. Но идеологи послѣдней объ этомъ и не помышляютъ: „Сверхнаціональное военное государство, траншейный союзъ, огражденный съ востока и запада окопами, колючей проволокой и пулеметами, — вотъ идеалъ „Соединенныхъ Штатовъ Европы“, о которыхъ мечтаетъ интеллигенція нашего времени“.

Этимъ мечтаніямъ буржуазныхъ и интеллигентскихъ круговъ (послѣдніе Каутскій разсматриваетъ, какъ самыхъ непримиримыхъ сторонниковъ узкаго національзма) противопоставляется авторомъ идея „Свободнаго Союза Государствъ“ или „Союза Народовъ“, возникшая еще во времена перваго Интернаціонала и поддерживаемая рабочей демократіей. Если идеологи Средней Европы недвусмысленно мечтаютъ о господствѣ германцевъ въ этомъ проектируемомъ государствѣ, то пролетаріатъ стремится къ союзу равноправныхъ государствъ: „Каждой націи, вплоть до самой маленькой, должно быть обезпечено свободное и самостоятельное существованіе“, говорила рабочая газета „Der Vorbote“ въ 1866 г. Но предпосылкой этихъ стремленій является переходъ всѣхъ европейскихъ государствъ къ республиканскимъ формамъ правленія... Самыя же національныя противорѣчія прекратятся лишь вмѣстѣ съ исчезновеніемъ класса капиталистовъ и обособленнаго классового положенія интеллигенціи. И только тогда окончательно будетъ обезпеченъ прочный международный миръ. Такимъ образомъ Каутскій не только критикуетъ идею Средней Европы, но высказываетъ и свои взгляды на будущія судьбы международной политики. Но эти стороны его брошюры далеко не равноцѣнны: критика взглядовъ Наумана если и не всегда безспорна, то во всякомъ случаѣ реальна и въ значительной степени убѣдительна. Что же касается положительнаго рѣшенія вопроса, то хотя оно, быть можетъ, и глубоко справедливо и во всякомъ случаѣ, очень симпатично, все же здѣсь какъ разъ и не чувствуется связи между всѣмъ тѣмъ, что происходитъ сейчасъ въ мірѣ, и мыслями Каутскаго: слишкомъ все это просто и до наивности оптимистично. Особенно бросается это въ глаза, когда Каутскій выясняетъ національный вопросъ, ссылаясь при этомъ на свои старые взгляды...

Здѣсь также много вѣрнаго и остроумнаго, но все это узко, односторонне. Какъ будто Каутскiй у себя же въ Германiи не могъ воочiю наблюдать, что такое нацiонализмъ, какая это бурная сила, какъ будто ничего не произошло и въ родной ему идейной стихiи марксизма... И когда читаешь книжку Каутскаго, чувствуешь, что не ему выпадетъ на долю вывести изъ тяжелаго раздумья взволнованную мiровой катастрофой соцiалистическую мысль...

Въ своей брошюрѣ Каутскiй между прочимъ говоритъ и о Россiи, въ частности о нацiональной политикѣ будущей либеральной Россiи. Это мѣсто для русскаго читателя интересно, хотя Каутскiй и не во всемъ достаточно освѣдомленъ (такъ, онъ очень слабо знакомъ съ украинскимъ вопросомъ и нѣсколько сомнѣвается даже въ самомъ существованiи „малорусскаго" народа). О положенiи недержавныхъ нацiональностей Россiи онъ высказываетъ такiя соображенiя: „Надежда на смягченiе режима, благодаря росту общественнаго движенiя, заставляетъ ихъ искать спасенiя не въ измѣненiи границъ, а во внутреннихъ коренныхъ преобразованiяхъ. Чтобы удержать ихъ внутри Россiйскаго государства, достаточно имъ предоставить тѣ свободы, какiя существуютъ для языковъ и нацiональностей въ Соединенныхъ Штатахъ и тѣхъ частяхъ Британской имперiи, которыя не считаются колонiями". О переводахъ можно сказать, что они оба въ общемъ прiемлемы. Лучше изданiе „Книгоиздательства Писателей", но за то въ изданiи „Дѣла" помѣщена глава (часто прерываемая многоточiями), которая вовсе отсутствуетъ въ первомъ.

П. И. Лященко. Зерновое хозяйство и хлѣбъ. Торговыя отношенiя Россiи и Германiи въ связи съ таможеннымъ обложенiемъ. Петроградъ. 1915. Стр. 293. Цѣна 2 руб.

Основнымъ вопросомъ, поставленнымъ въ книгѣ П. И. Лященка, является нашъ хлѣбный экспортъ въ Германiю, экспортъ прежде всего зерна, затѣмъ муки, отрубей, жмыховъ и масличныхъ сѣмянъ. Для выясненiя характера нашего хлѣбнаго товарообмѣна съ Германiей, онъ останавливается, однако, и на рядѣ другихъ проблемъ. Онъ даетъ характеристику урожайности въ Россiи, касается распредѣленiя посѣвныхъ площадей между различными хлѣбами, избытковъ зерна по отдѣльнымъ районамъ. Затѣмъ онъ старается опредѣлить соотношенiе между внутреннимъ и внѣшнимъ рынкомъ для русскаго хлѣба. Въ дальнѣйшемъ авторъ переходитъ къ развитiю нашего хлѣбнаго экспорта, къ положенiю русскаго хлѣба на различныхъ потребительныхъ рынкахъ и къ будущности вывоза нашего хлѣба на не-германскiй рынокъ.

Такъ постепенно П. И. Лященко подходитъ къ основному вопросу о роли германскаго рынка для русскаго хлѣба и объ усло-

віяхъ сбыта его въ Германію. Для того, чтобы дать отвѣтъ, ему приходится коснуться и ряда проблемъ, относящихся къ сельскому хозяйству и таможенной политикѣ Германіи. Особенно подробно онъ останавливается на характерѣ германскихъ таможенныхъ пошлинъ на хлѣбъ, пытаясь опредѣлить вліяніе ихъ на германское сельское хозяйство, на хлѣбныя цѣны и на экспортъ русскаго хлѣба въ Германію.

Авторъ прежде всего, на основаніи статистическихъ цифръ, приходитъ къ тому выводу, что въ послѣднія 2—3 десятилѣтія у насъ посѣвная площадь ржи сокращается, тогда какъ площадь подъ пшеницей и ячменемъ увеличивается, причемъ это замѣчается не только въ помѣщичьихъ хозяйствахъ, но и въ крестьянскихъ.

Эти измѣненія выражаются въ томъ, что [illegible] границу четверть своего урожая пшеницы и болѣе одной трети урожая ячменя, тогда какъ вывозъ ржи составляетъ всего нѣсколько процентовъ урожая (въ 1906—1910 гг. въ среднемъ 4 проц.) и немногимъ больше вывоза овса. Авторъ, впрочемъ, отмѣчаетъ, что и вывозъ пшеницы, абсолютно значительно повысившись за четверть вѣка 1886—1910 г.г., все же въ процентномъ отношеніи ко всему урожаю упалъ съ 46 до 25 процентовъ и только вывозъ ячменя составляетъ и въ настоящее время ту же долю урожая, какъ и прежде.

Такимъ образомъ, для пшеницы и ячменя внѣшній рынокъ играетъ несравненно большую роль, чѣмъ для ржи и овса, но и для пшеницы значеніе внѣшняго рынка, по сравненію съ внутреннимъ, сильно понизилось. Это находится въ связи съ появленіемъ новыхъ конкурентовъ въ лицѣ заокеанскихъ странъ. Если первоначально эта борьба выражалась лишь въ состязаніи между Россіей и Соединенными Штатами на пшеничномъ рынкѣ, то постепенно появились и новыя экспортирующія страны, которыя также вступили въ борьбу съ Россіей, угрожая ей вытѣсненіемъ не только въ области пшеницы, но и въ экспортѣ другихъ хлѣбовъ.

Одновременно съ этимъ произошла перемѣна и въ распредѣленіи нашего хлѣбнаго экспорта по различнымъ потребительнымъ рынкамъ. Вмѣсто экспорта въ Англію и Францію, которыя прежде стояли на первомъ планѣ, развивается вывозъ въ Германію. Авторъ различаетъ три періода. Въ первый періодъ преобладаетъ вывозъ изъ Россіи пшеницы, которая составляетъ болѣе половины всего экспорта; въ это время главнымъ покупщикомъ нашимъ является Англія, которая покупала почти половину экспортируемыхъ нами хлѣбовъ, въ особенности пшеницу. Однако съ 70-хъ и 80-хъ годовъ доля пшеницы становится меньше и, наоборотъ, развивается экспортъ ржи, а это приводитъ къ потерѣ нами англійскаго рынка и къ преобладанію Германіи, въ качествѣ потребительницы русскаго хлѣба. Въ послѣднее время вновь сокра-

щается вывозъ ржи, но это не привело уже къ обратному освобожденію насъ отъ Германіи, наоборотъ, зависимость отъ нея еще болѣе усилилась.

Однако при этомъ П. И. Лященко все же считаетъ нужнымъ подчеркнуть то обстоятельство, что въ настоящее время, когда роль ржи среди нашихъ посѣвовъ и въ нашемъ экспортѣ измѣнилась,— связь наша съ Германіей приняла иной характеръ, чѣмъ прежде. Теперь Россіи уже нѣтъ основанія добиваться выгодныхъ условій экспорта ржи въ Германію; „освобожденіе отъ исключительной зависимости отъ Германіи должно быть главной цѣлью нашей экспортной политики“.

Часть книги П. И. Лященка, посвященная вопросамъ нашего зернового хозяйства и хлѣбнаго экспорта, представляетъ для читателя наибольшій интересъ, затрагивая рядъ проблемъ, интересующихъ въ настоящее время общественное мнѣніе и касающихся будущности нашего экономическаго развитія вообще и внѣшней торговли въ особенности. Но любопытны и слѣдующія главы, въ которыхъ авторъ едва-ли не впервые въ русской литерасурѣ анализируетъ германскій аграрный протекціонизмъ и пытается дать ему оцѣнку.

Къ сожалѣнію, при этой оцѣнкѣ онъ недостаточно считается съ той обширной нѣмецкой литературой, которая имѣется объ аграрныхъ пошлинахъ въ Германію. Устанавливая свою точку зрѣнія на многіе спорные вопросы, онъ не считаетъ нужнымъ подвергнуть критикѣ иные взгляды, высказываемые извѣстными нѣмецкими экономистами. Такъ, напр., авторъ полагаетъ, что средніе слои земледѣльческаго класса заинтересованы въ аграрныхъ пошлинахъ, тогда какъ Конрадъ и рядъ другихъ изслѣдователей держатся иного мнѣнія, находя, что эти пошлины приносятъ выгоду однѣмъ лишь крупнымъ землевладѣльцамъ восточныхъ провинцій. Намъ думается, что на такомъ разногласіи между выводами автора и положеніями, высказанными другими изслѣдователями, ему слѣдовало остановиться, а не ограничиться изложеніемъ одного лишь собственнаго мнѣнія.

Точно также при анализѣ вопроса о томъ, кто платитъ пошлину на хлѣбъ, нѣмецкій-ли потребитель или русскій производитель, нельзя было обойти того, что пошлина перелагалась на русскаго импортера, хотя изъ приводимыхъ цифровыхъ данныхъ видно, что въ сущности это послѣднее положеніе отчасти признаетъ и авторъ.

Книга написана со знаніемъ дѣла, основана на значительномъ статистическомъ матеріалѣ и снабжена діаграммами, дающими ясную картину хлѣбнаго экспорта и движенія цѣнъ на зерно. Выводы П. И. Лященка заслуживаютъ вниманія.

В. А. Киндъ. Пути и формы распространенія профессіональныхъ знаній. Петроградъ. 1916. Ц. 2 р. 70 к. Стр. 290.

Книга имѣетъ въ виду назрѣвшія потребности момента—выясненную жестокими уроками современности нашу промышленную и всякую прочую отсталость, но главнымъ образомъ, конечно, промышленную. Издатель книги г. Триполитовъ, членъ Г. Совѣта, снабдившій ее своимъ предисловіемъ, съ напряженной серьезностью въ этомъ самомъ предисловіи доказываетъ, что „образованіе народное въ современныхъ условіяхъ русской жизни есть панацея отъ множества бѣдъ и тяжкихъ испытаній". Поневолѣ вспоминается тотъ учитель чеховскаго разсказа, „человѣкъ не разговорчивый", который имѣлъ обыкновеніе изрекать только истины, всѣмъ давно извѣстныя,—вродѣ такихъ, напримѣръ, что „безъ пищи люди не могутъ существовать", „лошади кушаютъ овесъ и сѣно", „Волга впадаетъ въ Каспійское море"... Истинъ, подобныхъ этимъ, разсѣяно не мало въ книгѣ, въ общемъ все-таки дѣловой и сухо-серьезной. „Пахарь съ своей сохой и самый крупный дѣятель на какомъ бы то ни было поприщѣ имѣютъ свой хлѣбъ въ мѣру профессіональныхъ знаній"... „Въ цѣляхъ успѣха на поприщѣ международнаго соревнованія, стремясь къ обезпеченію русскаго народа знаніями, не слѣдуетъ забывать и воспитанія,—оно тоже можетъ быть предметомъ государственнаго и общественнаго попеченія". Не слѣдуетъ, конечно, задерживаться на этихъ великолѣпныхъ истинахъ,—дѣловая часть книги заслуживаетъ самаго пристальнаго вниманія и представляетъ достаточно полную и поучительную картину состоянія профессіональнаго образованія въ Зап. Европѣ, въ Америкѣ и Японіи. Есть чему поучиться. У насъ только приступаютъ къ обсужденію плана развитія профессіональнаго образованія, въ культурныхъ странахъ уже давно борются разнообразныя педагогическія теченія и системы постановки прикладныхъ и спеціальныхъ школъ. Существуетъ система французская—энциклопедическая, система нѣмецкая—строго спеціализованная. Германскій взглядъ—„практика лучше теоріи"; поэтому профессіональной школѣ у нѣмцевъ предшествуетъ практическій стажъ, прохожденіе ремесла въ промышленныхъ мастерскихъ, школа же должна лишь дополнить познанія, полученныя въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Французы и англичане, наоборотъ, кладутъ профессіональную школьную подготовку въ основу будущей практической дѣятельности. Но относительно ремесленныхъ школъ сложилось уже, повидимому, всюду твердое убѣжденіе, что онѣ никогда не даютъ тѣхъ навыковъ, того умѣнія, которыя ученикъ пріобрѣтаетъ въ настоящей ремесленной мастерской, а между тѣмъ школы эти дороги и доступны малому числу учащихся. Къ сожалѣнію, у насъ въ Россіи этотъ типъ школъ изъ всѣхъ профессіональныхъ учебныхъ заведеній, главнымъ образомъ, и получилъ

нѣкоторое развитіе. Настоящей профессіональной школѣ, наиболѣе распространенной въ культурныхъ странахъ, школы (или курсовъ) для взрослыхъ рабочихъ у насъ почти не существуетъ. Вмѣсто святыхъ истинъ, содержащихся въ предисловіи г. Триполитова, достаточно привести одинъ-два примѣра для сравненія производительности труда въ Россіи и, напримѣръ, въ Англіи или Бельгіи. Не такъ давно на ткацкихъ фабрикахъ Владимірскаго района приходилось по 10 рабочихъ на 8 ткацкихъ станковъ, въ Англіи, въ среднемъ, 10 рабочихъ на 28 станковъ, а въ Нордланкаширѣ даже на 30—40 станковъ. Мудрено ли послѣ этого, что заработокъ англійскаго рабочаго въ нѣсколько разъ превосходитъ заработокъ русскаго? То же самое и въ металлургической промышленности. Два десятка лѣтъ назадъ на Уралѣ для производства 500.000 тоннъ чугуна и 360.000 тоннъ желѣза и стали требовалось около 143 тысячъ рабочихъ. Въ Бельгіи такое количество чугуна, желѣза и стали падало на работу 11 тыс. рабочихъ.

О состояніи профессіональнаго образованія въ Россіи въ книгѣ нѣтъ никакихъ данныхъ,—по мнѣнію составителя, „съ этимъ вопросомъ многіе достаточно хорошо знакомы“. Болѣе, чѣмъ сомнительно это. И разъ книга эта предназначалась „прежде всего для широкихъ круговъ русскихъ читателей“, то слѣдовало бы удѣлить и Россіи нѣсколько страницъ.

Е. Морозова и М. Тихѣева. Способъ естественнаго усвоенія дѣтьми грамоты. Руководство для дѣтскихъ садовъ, элементарныхъ школъ и семьи. Петроградъ, 1917. Стр. 40. Цѣна 35 коп.

Идея природосообразности воспитанія не перестаетъ повторяться на протяженіи всей исторіи педагогики, начиная чуть-ли не съ Платона, но лишь шагъ за шагомъ удается ей вырывать изъ косности отдѣльныя стороны нашего воспитанія и выявиться на нихъ во всемъ своемъ содержаніи. И именно первые шаги обученія, кажется, дольше всего оставались непретворенными этой идеей; обученіе грамотѣ до самаго послѣдняго времени исходило не изъ внутренней природы ребенка, а всегда приходило къ нему, какъ нѣчто принудительное, искусственное, такъ или иначе навязываемое ему извнѣ, но не имѣющее отношенія къ кругу его интересовъ; представленіе о первыхъ шагахъ обученія все еще неразрывно связывается у насъ съ представленіемъ о надсаживающемъ свои легкія учителѣ и уныло тянущихъ азы ученикахъ.

Въ новыхъ способахъ естественнаго обученія, быть можетъ, открывается надежда, что усвоеніе грамоты можетъ исходить изъ радостнаго органическаго проявленія внутренней природы ребенка. „Чтеніе представляетъ собою одинъ изъ видовъ проявленія способности рѣчи“. И, какъ устную рѣчь ребенокъ усваиваетъ безъ

всякаго воздѣйствія со стороны, только въ силу внутренней своей потребности общенія съ окружающимъ міромъ и усвоенія его содержанія,—точно такъ же должно происходить и усвоеніе печатной рѣчи. „Натура ребенка единоличными силами овладѣваетъ устною рѣчью, благодаря тому, что окружающія условія этому способствуютъ. Создайте столь же благопріятныя условія для усвоенія грамоты, и натура ребенка непремѣнно овладѣетъ и ею, возьметъ ее, даже помимо вашего усилія".

Усвоеніе печатной рѣчи должно идти по аналогіи съ усвоеніемъ устной рѣчи. Какъ при усвоеніи рѣчи, ребенокъ схватываетъ слово цѣликомъ, во всемъ его конкретномъ содержаніи, а не въ его абстрактныхъ составныхъ частяхъ, такъ и первыми образцами печатной рѣчи должны явиться не буквы и слоги, а цѣльныя слова и, такъ какъ въ „раннюю пору дѣтства всѣ предметы кажутся разобщенными, каждый самъ по себѣ и только позднѣе и крайне постепенно уясняется ихъ взаимная связь и взаимоотношеніе", то и на первой ступени обученія книга должна быть совершенно устранена. Какъ первыя устныя слова ребенка выростаютъ изъ близкаго и конкретнаго содержанія окружающей его жизни, задѣвающаго тѣ или иныя струны его души и какъ бы овладѣваемаго имъ путемъ ихъ словеснаго обозначенія, точно такъ же и содержаніе первыхъ печатныхъ словъ должно родиться изъ „внутренней жизни ребенка", „изъ той внѣшней обстановки, изъ которой душа его черпаетъ свои близкія и нужныя ей представленія". И, такъ какъ синонимомъ жизни является для ребенка игра, такъ какъ игра является для него отправнымъ пунктомъ для всей сложной скалы его чувствъ и переживаній, то и обученіе грамотѣ должно исходить отъ игры.

Первымъ пособіемъ для чтенія должны быть не книги, не букварь съ наборомъ случайныхъ, безсвязныхъ словъ и слоговъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ жизни ребенка, а наборъ мелкихъ игрушекъ, представляющихъ собою предметы ближайшей окружающей ребенка среды и вызывающихъ въ немъ живыя и радостныя представленія: „куколки, звѣрьки, образцы мебели, плодовъ, домашней обстановки и утвари, посуды, пищи и т. д.". Игрушки эти постоянно фигурируютъ въ дѣтской жизни, дѣти играютъ ими, сродняются съ ними, вживаются въ нихъ, связываютъ съ ними цѣлый рядъ представленій и чувствъ. Въ одинъ прекрасный день руководительница въ присутствіи дѣтей изготовляетъ изъ разрѣзной азбуки двѣ карточки съ обозначеніемъ какихъ-нибудь двухъ изъ этихъ предметовъ, причемъ, конечно, обозначенія эти не должны представлять никакихъ ороографическихъ или фонетическихъ затрудненій. Карточки эти прикрѣпляются къ соотвѣтствующимъ предметамъ и нѣкоторое время фигурируютъ на нихъ, пока ребенокъ незамѣтно, во время игръ, не усваиваетъ ихъ

печатнаго обозначенія. Тогда карточки отдѣляются отъ обозначаемыхъ ими предметовъ и ребенку предлагается подыскать карточку къ соотвѣтствующему предмету или наоборотъ. Постепенно такими карточками снабжается все большее количество игрушекъ и на почвѣ узнаванія карточекъ развивается цѣлый рядъ игръ: въ лото, въ прятки и т. д., и т. д. Одновременно съ этимъ карточки изготовляются и для цѣлаго ряда другихъ цѣлей, вытекающихъ изъ конкретной жизни и интересовъ ребенка: для обозначенія растенія, посаженнаго дѣтьми, для распознаванія коробокъ съ ихъ пособіями и играми, для составленія календарей и т. д., и т. д.,— словомъ, вся атмосфера дѣтской жизни насыщается печатною рѣчью, точно такъ же, какъ она до того насыщена была рѣчью устной. И, такъ какъ всѣ карточки набираются руководительницей въ присутствіи и съ помощью дѣтей, а затѣмъ и самими дѣтьми, то элементы слова, буквы и слога, усваиваются ребенкомъ совершенно естественнымъ путемъ, безъ того искусственнаго разложенія слова на звуки и слоги, какое практикуется въ наглядно-звуковой системѣ. За отдѣльными словами слѣдуютъ первыя комбинаціи словъ. Постепенно набираются затѣмъ на отдѣльныхъ карточкахъ цѣлыя предложенія, загадки, стихи, заученныя дѣтьми, мелкіе разсказы, разсказанные имъ раньше и, такимъ образомъ, еще задолго до того, какъ ребенокъ доходитъ до чтенія книги, онъ можетъ уже набрать въ своихъ карточкахъ маленькое литературное богатство, близкое ему и родное, тѣсно пріобщенное къ его внутреннему міру. Такимъ же естественнымъ путемъ идетъ и обученіе письму.

Такой путь естественнаго органическаго усвоенія грамоты является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и единственнымъ путемъ, допускающимъ индивидуализацію обученія: ребенокъ можетъ брать изъ предлагаемаго матеріала только то, что въ данную минуту его интересуетъ; онъ можетъ усваивать столько, сколько соотвѣтствуетъ его способностямъ и силамъ, не обгоняя и не задерживая другихъ,— стрижка всѣхъ дѣтей подъ единую среднюю мѣрку, томительное чтеніе цѣлымъ классомъ однихъ и тѣхъ же словъ и слоговъ здѣсь совершенно отпадаютъ. Само собою разумѣется, что такой способъ доступенъ не только для дѣтскаго сада и семьи, но также и для школы,—если только, конечно, и школа будетъ исходить изъ внутренняго содержанія ребенка, изъ міра его запросовъ и представленій и, если наши чрезмѣрно многолюдные классы замѣнятся болѣе мелкими группами, гдѣ учитель, дѣйствительно, можетъ сродниться и сжиться съ каждымъ ребенкомъ.

Жаль, что авторы не познакомили насъ хотя бы въ краткихъ чертахъ съ исторіей предлагаемаго ими пути и съ отношеніемъ къ нему современныхъ педагоговъ. Къ сожалѣнію, на практикѣ рѣшающее слово все еще принадлежитъ представителямъ нагляд-

но-звукового метода и съ доводами ихъ не мѣшало бы здѣсь посчитаться. Но, въ сущности, убѣдительнѣе всякихъ доводовъ является тотъ живой примѣръ, на который указываютъ авторы въ опытѣ своей многолѣтней работы въ дѣтскомъ саду Петроградскаго общества содѣйствія дошкольному образованію.

Библіографическій обзоръ популярной сельско-хозяйственной литературы. Изд. Комиссіи по распространенію сельско-хоз. знаній при Имп. Вольномъ Экономическомъ Обществѣ. Петроградъ. 1916. Вып. II. Стр. 188. Ц. 80 коп.

Есть въ глубинѣ народной типъ—не новый, но нынѣ очень многочисленный—читателя-самоучки, своеобразнаго искателя свѣта, пробивающагося къ знанію ощупью, случайными тропками, за трудной доступностью обычныхъ, проторенныхъ путей. Книжка—единственный фонарикъ, который освѣщаетъ дорогу такому искателю. Порой даже и ея, настоящей книжки, нѣтъ,—и жадная, ищущая мысль хватается за каждый клочокъ печатной бумаги, за какой-нибудь листокъ отрывного календаря, обрывокъ газеты и т. п. И нѣтъ болѣе довѣрчиваго читателя печатныхъ страницъ, какъ такой алчущій и жаждущій самоучка: разъ напечатано—значитъ вѣрно и свято. И какія бы разочарованія ни постигали его, онъ вновь и вновь возвращается именно къ книжкѣ: больше негдѣ „ума зачерпнуть". Въ области хозяйственныхъ свѣдѣній, можетъ быть, чаще, чѣмъ въ другихъ областяхъ практическаго познанія, книжка смущаетъ мысль и воображеніе довѣрчиваго самоучки перспективами необычайныхъ успѣховъ и выгодъ, при условіи приложенія пріемовъ и средствъ, выработанныхъ опытомъ интенсивной с.-х. культуры. Но рецептурныя книжныя указанія, взятыя слѣпо, на вѣру въ руководство и примѣненныя безъ должнаго соображенія, порой не приносятъ ничего, кромѣ огорченія и разочарованія. Поэтому въ интересахъ разумной сельско-хозяйственной пропаганды и среди читателей-самоучекъ, и вообще среди народа, необходимы указанія, тщательно продуманныя и всесторонне взвѣшенныя, необходимо руководство и рекомендація только дѣйствительно доброкачественнаго книжнаго матеріала. Эту именно задачу и поставило себѣ Вольное Экономическое Общество, издавая библіографическіе обзоры сельско-хозяйственной литературы. Первый выпускъ этихъ обзоровъ вышелъ въ 1913 г. Въ него вошли 136 отзывовъ о книгахъ, изданныхъ въ 1906—1909 гг. Теперь передъ нами второй выпускъ рецензій, разсылаемый взамѣнъ очередной книжки „Трудовъ" И. В. Э. Общества, изданіе которыхъ временно пріостановлено въ виду пріостановленія дѣятельности самого Общества на время военнаго положенія въ Петроградѣ. Въ этотъ выпускъ „Библіографическаго обзора" вошло 207 рецензій брошюръ, издан-

ныхъ въ 1913 и 1914 г. Брошюры разбиты по отдѣламъ (естествовѣдѣніе, растеніеводство, животноводство, обществовѣдѣніе), подотдѣламъ (химія, метеорологія, почвовѣдѣніе, полеводство, луговодство, с.-х. машины, садоводство, огородничество, молочное хозяйство, ветеринарія, аграрный вопросъ, кооперація и др.) и группамъ. Рецензіи, подписанныя именами извѣстныхъ спеціалистовъ, кратки, но достаточно полны, содержатъ важныя указанія (напр., для какого района пригодно разбираемое руководство, для какихъ экономическихъ условій, для какого круга читателей и пр.). „Обзоръ" этотъ долженъ составить непремѣнную принадлежность земскихъ, кооперативныхъ и народно-школьныхъ библіотекъ,—лучшаго руководства для выбора книгъ и брошюръ по с.-х. самообразованію у насъ не имѣется.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала не продаются. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ.

А. Охлябининъ. Въ лѣсу. Очерки изъ жизни животныхъ. П. 1916. Ц. 40 к.

Древній міръ въ памятникахъ его письменности. Часть II. Греція. Составили: Д. А. Жариновъ, Н. М. Никольскій, С. И. Радцигъ и В. Н. Стерлиговъ. Изд. Т-во „Міръ". М. 1917. Ц. 3 р. 75 к.

Изд. „Огни". П. 1917. — В. В. Водовозовъ. На Балканахъ. Статьи. Путевые очерки. Ц. 1 р. 50 к. — Латышскій сборникъ современной литературы. „Огни". Третья книга. Ц. 1 р. 75 к. — Вяч. Шишковъ. Сибирскій сказъ. „Огни". Четвертая книга. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Карѣевъ. Исторія Западной Европы въ началѣ XX столѣтія (1901—1914). Ч. I. Главы I—VII. П. 1916. Ц. 3 р. 50 к.

Петроградскій мировой судъ за пятьдесятъ лѣтъ. 1866—1916. 2 тома. П. 1916. Ц. 10 р.

Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ. Пер. И. Бунина. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1916. Ц. 2 р. 75 к.

В. Королевичъ. Студенты столицы. Вторая книга. М. 1916. Ц. 1 р.

Альманахъ „Стремнины". М. 1916. Ц. 2 р. 50 к.

Алекс. Туфановъ. Эолова арфа. Стихи и проза. П. 1917. Ц. 1 р. 35 к.

А. М. Серебрениковъ, врачъ. Собраніе статей. В. I. Небольшіе разсказы. Екатеринбургъ. 1916. Ц. 50 к.

Журналы Тверского Губ. З. Собранія 1915 г. Тверь. 1916.

Андрей Сиротининъ. Съ родныхъ полей. Не свои стихи. П. 1916. Ц. 1 р. 85 к.

Адр. Круковскій. Забытые критики. М. 1916.

А. Мастрюковъ. Пишите книгу своей жизни. М. 1916. Ц. 45 к.

Н. Скопинъ. Вокругъ Циммервальда. П. 1916. Ц. 30 к.

Г. Шенгели. Гонгъ. Поэзія. П. 1916. Ц. 1 р. 10 к.

Ю. В. Энгельгардтъ. Устройство узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогъ для фронта. М. 1916. Ц. 70 к.

Н. Лейбовичъ. Послѣ плача земли. Одесса. 1916. Ц. 35 к.

В. А. Пановъ. Къ исторіи народовъ Средней Азіи. Владивостокъ. 1916.

Б. Ишханянъ. Народности Кавказа. Съ пред. С. Патканова. П. 1917. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Чужакъ. Къ эстетикѣ марксизма. Ц. 10 к.—Его же. Эстетизмъ и эстетика. Ц. 5 к. Иркутскъ. 1916.

В. В. Хлѣбниковъ. Ошибка смерти. М. 1917. Ц. 60 к.

Библіотека „Охрана Труда". Изд. „Музей Труда". II. 1916. — Соціальное страхованіе въ Европѣ. Картограмма. Ц. 50 к. —То же. Брошюра. Ц. 20 к.—Государственное страхованіе материнства. Ц. 15 к.—Опасность промышленнаго труда. Ц. 36 к. — Смертность населенія и соціальныя условія. Ц. 50 к.—Дѣтская смертность и соціальныя условія. Ц. 36 к.—Алкоголизмъ и рабочіе. Ц. 30 к.

Книгоизд. писателей въ Москвѣ. 1916.—Ив. Бунинъ. Господинъ изъ Санъ-Франциско. Произведенія 1915—1916 гг. Ц. 2 р. — А. Серафимовичъ. Клубокъ. Разсказы. Ц. 1 р. 60 к. — Его же. Воробьиная ночь. Разсказы. Ц. 65 к. — И. З. Сури-

ковъ. Избранныя стихотворенія. П. ред. И. А. Бѣлоусова. Ц. 75 к.

Изд. „Сѣверные дни“. М. 1917.— Иванъ Новиковъ. Между двухъ зорь. Романъ. Изд. 2-е. П. 2 р. 50 к. —Сѣверные дни. Сборникъ первый. Ц. 2 р.

Отчетъ Императорскаго историческаго музея имени императора Александра III въ Москвѣ за 1914 г.

Управленіе дѣлами особаго совѣщанія по продовольствію. Потребленіе сахара въ Россіи. П. 1916.—Матеріалы къ вопросу о государственномъ регулированіи хлѣбной торговли. П. 1916.

Влад. Розенбергъ. Крестьянскій вопросъ въ наши дни. М. 1917. Ц. 35 к.

Влад. Моровъ. На литературномъ пути. М. 1917. Ц. 40 к.

Изд-ство „Образованіе“. П. 1916.— Новыя идеи въ техникѣ. Сборникъ № 2. Ц. 1 р. — Новыя идеи въ математикѣ. Сборникъ первый. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

А. Мартыновъ. Международность на Западѣ и на Востокѣ. П. 1916. Ц. 55 к.

Ф. Ласковая. Муть. Разсказы. П. 1916. Ц. 1 р. 75 к.

П. Булгаковъ. Ка...ту. Разсказъ. П. 1916. Ц. 1 р.

Я. Я. Полферовъ. Продукты охотничьяго промысла и ихъ значеніе въ товарообмѣнѣ Россіи съ заграницей. П. 1916. Ц. 1 р.

Изд. М. И. Семеновъ. П. 1916.— Е. Нагродская. Сны. Ц. 2 р.— М. Кузминъ. Антрактъ въ оврагѣ. Собр. сочин. т. VIII. Ц. 2 р.—В. Майскій. Ллойдъ-Джорджъ. Ц. 50 к.— А. Эльснеръ-Коранскій. Бѣсъ ликующій. Ц. 2 р.

М. В. Новорусскій. Что дѣлать народному учителю. Руководство къ оборудованію своей школы. П. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

Обзоръ дѣятельности О-ва „Дѣтскій Городокъ Петроградской части“ 1910—1915 г. Составилъ Н. С. Нелюбовъ. П. 1916.

Министерство земледѣлія. Отдѣлъ сельской экономіи и сельскохозяйственной статистики. 1916 годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи. Выпускъ V. П. 1916.

Всероссійскій союзъ городовъ. Экономическій отдѣлъ. Твердыя цѣны на хлѣбъ. П. 1916. Ц. 50 к.

Кн-во „Жизнь и Знаніе“. П. 1916.— Ю. Каменевъ. Экономическая система имперіализма. Ц. 1 р.—Вл. Нелединскій. Томленіе духа. Вольные сонеты. Ц. 2 р. — Ал. Богдановъ. Подъ ласковымъ солнцемъ. Ц. 1 р. 50 к. — О. Рунова. Лунный свѣтъ. Ц. 2 р. — Альманахъ для юношества. Ц. 3 р.

Е. К. Кузьмичевъ. Изъ тьмы. Стихотворенія. Изд. 2-е. М. 1916. Ц. 2 р.

Иванъ Морозовъ. Красный звонъ. Стихи. М. 1916. Ц. 40 к.

М. И. Альтшуллеръ. Земство въ Сибири. Томскъ. 1916. Ц. 3 р.

А. Хирьяковъ. Десять лѣтъ трудовой группы. П. 1916. Ц. 15 к.

В. Ютановъ. Доходный домъ и др. разсказы. М. 1916. Ц. 2 р.

Библіографическій обзоръ популярной сельско-хозяйственной литературы. В. II. Изд. Вольнаго Эконом. О-ва. П. 1916. Ц. 80 к.

А. Ѳ. Фортунатовъ. По вопросамъ научной школы. М. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

Михайло Грушевский. Історія України — Руси. Томъ VIII, частина II, роки 1639—1648. Київ. 1916. Ц. 1 р. 75 к.

Изд. Т-ва „Міръ“. М. 1916. — Исторія Западной Литературы. (1800—1910). Подъ ред. проф. Ѳ. Д. Батюшкова. Кн 10.

Анна Валенбергъ. Пѣсня принцессы. П. 1917. Ц. 80 к.

Сара Конъ Брайэнтъ. Какъ и что разсказывать дѣтямъ. Перев. съ англ. В. I. П. 1916. Ц. за оба выпуска 2 р.

Ад. Ферверъ. Віогенетическій законъ и воспитаніе. Пер. съ франц. П. 1916. Ц. 45 к.

А. Краткій и I. Филиппи. Практическія замѣтки по начальному рисованію Пер. съ чешскаго. Изд. 2-е. П. 1917. Ц. 1 р. 20 к.

Дѣтскій театръ. № 6-й Э. Уайнінтсъ. Синяя борода. Ц. 1 р. 20 к. № 19. М. Х. Харькевичъ. Лѣсная Царевна въ 3-хъ д. Ц. 75 к.

Бертенсонъ Левъ. Физическіе поводы къ прекращенію брачнаго союза. П. 1917. 4 р.

Отчетъ конторы журнала.

Въ контору журнала „Русскія Записки" поступило: въ пользу русскихъ волонтеровъ во Франціи и ихъ семей: отъ служащихъ оцѣн.-статист. бюро Черниговской губ. земской управы — 26 р. 45 к.; отъ комитета служащихъ Ярославской земской управы—100 р.; отъ Ар. Шуцкаго съ сослуживцами—33 р. 25 к.; отъ в-ча А. П. Нелидова—5 р.

Итого . . . . . 189 р. 70 к.
А всего съ прежде поступившими . 16.426 р. 52 к.

На нужды учащейся молодежи Петроградскихъ высшихъ учебныхъ заведеній: отъ Тюменскаго Биржевого комитета—100 р.

Редакторъ В. Н. Цѣховская. Издатель Н. С. Русановъ.


МНѢНІЕ НАУКИ
О ГИЛЬЗАХЪ КАТЫКА.
Торговымъ Домомъ А. КАТЫКЪ и Кº представлены гильзы своей фабрики для испытанія, не содержитъ-ли бумага какихъ либо вредныхъ для здоровья веществъ. При химическомъ изслѣдованіи бумаги, а также продуктовъ горѣнія таковой, никакихъ вредныхъ для здоровья веществъ не обнаружено, причемъ установлено, что бумага состоитъ исключительно изъ растительной клѣтчатки.
Завѣдующій лабораторіей: инженеръ-химикъ А. ШТАНГЕ.
Химико-аналитическая и бактеріологическая лабораторія высочайше утвержденнаго Россійскаго Фармацевтическаго Общества. Москва 21 февраля 1907 г.
Требуйте ТОЛЬКО ГИЛЬЗЫ КАТЫКА.
Б.В.

Открыта подписка на 1917 годъ

(5-й годъ изданія)

на ежемѣсячный, литературный, научный и политическій журналъ

„СѢВЕРНЫЯ ЗАПИСКИ".

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ:

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.
Съ пересылкой	**10 р.**	**5 р.**	**2 р. 50 к.**
За-границу	**14 »**	**7 »**	

Журналъ имѣетъ слѣдующіе постоянные отдѣлы:

I. **Беллетристика** (Романы, повѣсти, разсказы). **Стихотворенія.**
II. **Вопросы философіи, религіи и культуры.**
III. **Литературная критика и исторія литературы.**
VI. **Искусство** (Театръ. Живопись. Музыка).
V. **Исторія. Мемуары.**
VI. **Политическіе, общественные и экономическіе вопросы.**
VII. **Иностранная жизнь** (корреспонденціи изъ Франціи, Англіи, Америки, Италіи Швеціи, Даніи).
VIII. **Естествознаніе, педагогика, народное образованіе.**
IX. **Къ психологіи переживаемаго времени** (Новыя идеологическія теченія въ воюющихъ и нейтральныхъ странахъ.—Матеріалы и критическія статьи).
X. **Библіографія.**

Въ журналѣ участвуютъ:

Н. Д. Авксентьевъ, М. Алдановъ, Анна Ахматова, Г. Адамовичъ, П. И. Бирюковъ, І. М. Бикерманъ, Н. Бромлей, Н. Брюллова-Шаскольская, Н. Быховскій, М. А. Брагинскій, Л. М. Брамсонъ, И. Брусиловскій, Ив. Бунинъ, Б. Веселовскій, В. В. Водовозовъ, Иванъ Вольный, Зин. Венгерова, Н. Венгровъ, М. Вишнякъ, Б. Вороновъ, А. Гвоздевъ, Я. Гевирцъ, А. Герцыкъ, С. І. Гессенъ, А. Г. Горнфельдъ, Н. Л. Геккеръ, Н. С. Гумилевъ, Н. К Губеръ, Любовь Гуревичъ, А. Я. Гуревичъ, Ю. Делевскій, чл. Гос. Думы В. И. Дзюбинскій, Сер. Есенинъ, О. Ефремовъ, В. М. Жирмунскій, Е. Замятинъ, Д. О. Заславскій, В. М. Зензиновъ, И. И. Игнатовичъ, Дм. Илимскій, В. Каратыгинъ, В. Корженцевъ (Нью-Іоркъ), А. А. Кипенъ, Н. Н. Киселевъ, Д. Копгенъ, членъ Гос. Думы А. Ѳ. Керенскій, Евг. Колосовъ, В. Кржевскій, М. Кузминъ, Григорій Ландау, проф. И. И. Лапшинъ, Андр. Левинсонъ, К. Липскеровъ, М. Лурье (Стокгольмъ), Ник. Машковцевъ, Н. А. Морозовъ, Ив. Новиковъ, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, Н. П. Огановскій, С. Я. Парнокъ, Н. Н. Пунинъ, Мих. Павловичъ (Парижъ), Андрей Полянинъ, А. Н. Римскій-Корсаковъ, А. М. Ремизовъ, Я. Л. Саккеръ, С. Н. Сергѣевъ-Ценскій, пр.-доц. А. А. Смирновъ, Е. Сталинскій, Ѳ. А. Степпунъ, проф. Е. В. Тарле, К. А. Треневъ, Я. Тугендхольдъ, Югурта, П. Юшкевичъ, Л. Б. Хавкина, Мар. Цвѣтаева, Мар. Шагинянъ, Ник. Шапиръ, Ив. Шмелевъ, Н. Ю. Шмидтъ, В. М. Энгельгардтъ, А. Чапыгинъ, Н. В. Чайковскій, С. И. Чацкина, В. Н. Черненковъ, Викторъ Черновъ, Энвесъ, А. Т. Ив. Шмелевъ, В. Яковенко и др.

Подписка принимается:

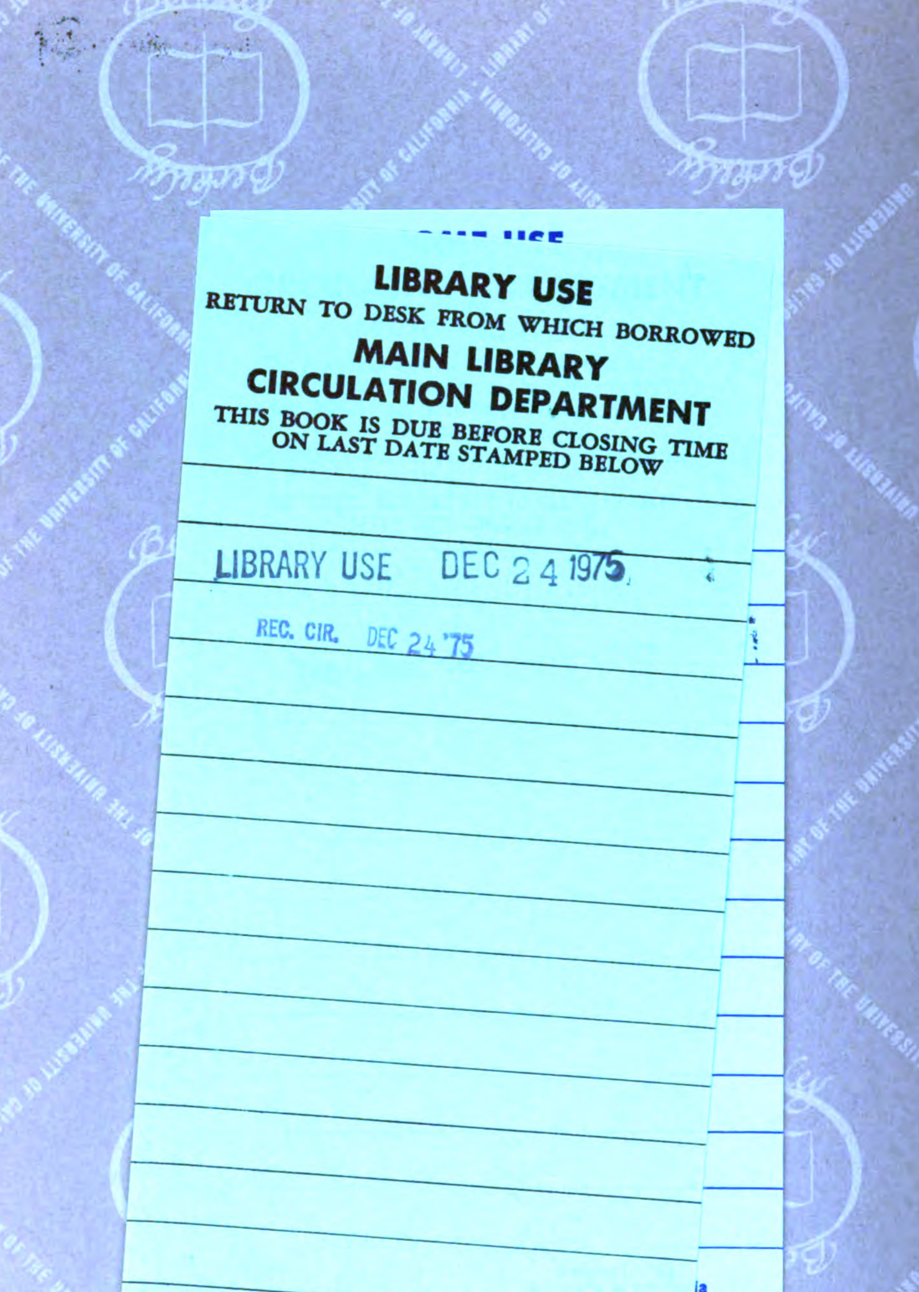
въ главн. конторѣ журнала **Петроградъ, Загородный пр., 21,** въ крупныхъ книжныхъ магазинахъ и **во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ.**

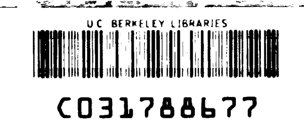
Отдѣленіе конторы журнала: „СѢВЕРНЫХЪ ЗАПИСОКЪ" въ Москвѣ: Книгоиздательство „ЗАДРУГА", М. Никитская, 29, кв. 6.

Книжные магазины за коммиссію удерживаютъ 5%.

Систематическій и именной указатель къ журналу „СѢВЕРНЫЯ ЗАПИСКИ" за 1913—1915 гг. высылается за 10-коп. марку.

Издательница С. И. Чацкина.




U C BERKELEY LIBRARIES
C031788677

